

ИВАН IV ГРОЗНЫЙ

Дмитрий
Володихин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

С именем первого русского царя Ивана Грозного связаны как величественные, так и мрачные страницы истории России. При нем Россия присоединила новые обширные владения, ввела книгопечатание, создала централизованную систему государственного управления. При нем же — прошла через несколько «волн» массовых казней, а крымский хан прорвался к Москве и сжег русскую столицу. О противоречивом образе Ивана Грозного и форме его правления много спорят до сих пор. Новая книга известного автора, доктора исторических наук, основана на обширном историко-архивном материале и нацелена на то, чтобы освободить восприятие этой масштабной личности от влияния различных мифов и домыслов.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Дмитрий Володихин](#)
 -
 -
 - [СИРОТСКИЙ ТЕАТР МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА](#)
 - [«ДЕЛО» СОЛОМОНИИ САБУРОВОЙ](#)
 - [РОЖДЕНИЕ НАСЛЕДНИКА](#)
 - [БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ](#)
 - [ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО](#)
 - [ВРЕМЯ ИЗБРАННОЙ РАДЫ](#)
 - [ЗАВОЕВАНИЕ КАЗАНИ](#)
 - [КРЫМСКАЯ УГРОЗА](#)
 - [БОЯРСКИЙ МЯТЕЖ](#)
 - [КНИГОПЕЧАТАНИЕ](#)
 - [ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА И ОПРИЧНИНА](#)

- [СЛОБОДСКОЙ ОРДЕН](#)
- [ОПРИЧНАЯ АРМИЯ](#)
- [БОРЬБА С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ](#)
- [ОТМЕНА ОПРИЧНИНЫ](#)
- [ОБОРОНА ПСКОВА](#)
- [ПРОНИКНОВЕНИЕ В СИБИРЬ](#)
- [«ДЕЛО» ЦАРЕВИЧА ИВАНА](#)
- [ПОКАЯНИЕ](#)
- [КОНЧИНА ГОСУДАРЯ](#)
- [РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ](#)
- [ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ:](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

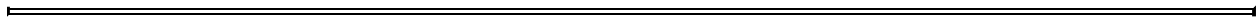

- [АКТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ](#)
- [СЕРИЯ](#)
- [ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)

- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1884

(1684)

Дмитрий Володихин

ИВАН IV ГРОЗНЫЙ

Царь-сирота

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Володихин Д. М., 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

Император Юстиниан II. Для моих подданных я — кровожадный зверь. Если же мне проявить к ним любовь и прощать, то завтра эта любовь обернется бедствием для них же самих. И они все равно будут платить налоги, но уже сарацинам или болгарам. Так что же... надо делать василевсу: править по законам Ветхого Завета и сохранить государство или жить по законам Христа и окончательно погубить государство на радость всем его врагам?..

Иоанн Дамаскин. Я верю, что стремиться приблизить этот мир к Евангельской правде — возможно и даже должно для правителя.

Император Юстиниан II. Как ты наивен, Иоанн. В своем стремлении управлять миром по Евангельским заповедям такой государь погубит не только себя, но и свою империю. Произойдут государственные перевороты, нестроения, междоусобные войны, нашествия иноплеменных. Потомки скажут: этот святоша спасал

свою душу, но был плохим правителем...

Иоанн Дамаскин. Пусть даже так... Но это будет всего лишь суд человеческий — несовершенный. Я думаю, что для христианина важнее всего суд Божий.

Прот. Николай Агафонов. Иоанн Дамаскин

СИРОТСКИЙ ТЕАТР МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Иван Грозный... Сколько эмоций вызывает имя первого русского царя у образованных людей России! Скоро минет четыре с половиной века с того дня, когда он лег во гроб. Между тем одно упоминание его вызывает настоящие бури в общественной мысли. Историки, журналисты, публицисты, блогеры вступают в яростные схватки, отстаивая свой взгляд на жизнь и деяния этого государя. Писатели, придерживаясь самых разных мнений о персоне Ивана IV, черпают из его биографии вдохновение для творчества.

Эпоха Ивана Грозного, кровавая, наполненная блеском лат и звоном оружия, звучащая криками из застенков, богатая строительством соборов и дальними походами — каким томительным призывом беспокоит она русское сердце!

И, наверное, нескоро наступит время, когда русское общество найдет в недрах своих благодатную почву для согласия по поводу того, что преобладает в эпоху грозненского правления: доброе начало или скверна. Может быть, спор на сей счет продлится до Страшного суда, а там уж сам Господь рассудит, кто прав.

Сам этот спор на первый взгляд кажется губительным, раскалывающим русский народ. Но есть в нем нечто животворное. Пока русский человек равнодушен к деяниям своих предков, пока высокая Истина тревожит его, пока вера в Бога и поиск верного нравственного отношения к собственному прошлому, настоящему и будущему важны для него, что ж, душа его открыта для спасения. Если охладает русское сердце, если высоты духа перестанут быть для него желанными, мы превратимся в «этническую глину».

Тогда лепи из нас кто хочет что угодно!

Поэтому, обсуждая величественные и страшные эпохи русской истории, не следует относиться к ним отстраненно, словно все это не имеет отношения к нам лично, к нашей жизни, к нашей вере, к нашему времени. Все прошедшее — здесь, рядом с нами, влияет на нас. Как бы ни хотелось увидеть прошлое с высоты птичьего полета, честнее все-таки пропускать его через свою личность, через свою душу. А значит, не позволять игривому интеллекту превращать нашу старину в балаган умственного и

нравственного ничтожества, в какую-то нелепую комедию положений. Нет. Пока боль и радость наших предков с нами, пока мы не вырвали из почвы своих корней, для нас верен единственный подход к истории: величественно любое историческое событие, когда-либо произошедшее в России, хотя бы потому, что оно произошло в России.

Так же и с Иваном Грозным. Любя его, ненавидя его, познавая его эпоху, размышляя над ней, учась у нее, надобно видеть в ней высокую трагедию, а не блошиный цирк.

Более пятидесяти лет во всех государственных документах России ставилось: «Великий государь Иван Васильевич». Позднее этого правителя станут именовать «Грозным».

Первые годы пребывания на русском престоле Иван Васильевич ничем не управлял, поскольку был еще младенцем. Весь ход державных дел направляли бояре и мать государя, Елена Глинская. Став отроком, а затем юношей, он понемногу превращался из безвластной фигуры на политическом небосклоне в истинного правителя. В борьбе с аристократией Иван Васильевич добивался полновластия. Повзрослев, государь сделался самодержцем в полной мере.

Несколько десятилетий в истории России отмечены его энергичной деятельностью — как ведущего дипломата, главного полководца и старшего судьи страны. Буквально на все — политику, экономику, культуру — лег отпечаток его личности. Всякая победа и всякое поражение так или иначе связаны с его именем.

Поэтому судьбу России середины — второй половины XVI века невозможно понять, не понимая характера ее государя, не расшифровав его слов и поступков. Первый русский царь и государство, отданное Богом ему под власть, соединены между собой тысячами нерасторжимых связей. Если увидеть мотивы, руководившие Иваном Грозным в его войнах и реформах, то и биография всей страны станет яснее.

А на дне личности грозного правителя лежит тяжкое сиротство. Оно не только было обстоятельством детских лет Ивана Васильевича. Оно влияло, прямо и косвенно, на многие решения взрослого человека, оно дотянулось холодными щупальцами из младенчества до возраста зрелости и заставило совершать поступки, гремевшие над Россией как набатный колокол.

Иван Васильевич не только рано остался без отца и не успел получить от него «державной науки». Скоро он потерял мать, оказался в окружении людей, видевших в нем чуть ли не бастарда, относившихся к нему как к пешке на доске большой политической игры. Он научился всюду видеть

измену и предательство, поскольку детство показало ему: в жизни сей нет ничего надежного; надежна разве что небесная твердь с пребывающим на ней Господом Богом.

Судьба взрослеющего государя более всего напоминает трагедию принца Гамлета, осиротевшего и в родном доме чувствующего гибельную угрозу своей жизни...

Что произошло бы в шекспировской Дании, когда б принц Гамлет избежал удара отравленною шпагой? О, конечно, он утолил бы жажду мщения. И все виновные в гибели его отца и прочих злодейских интригах подверглись бы пристойному наказанию. Так восторжествовала бы справедливость. Но дальше, дальше?

Историк с воображением, развитым более, чем трезвый ум и способность к анализу, — плохой историк. Не его дело фантазировать. Что проку вторгаться в реальность художественной литературы, ведь она — поле битвы филологов, писателей, критиков, но никак не историков.

И однако, вопрос о Гамлете не праздный и отнюдь не уводящий в сферу чистой фантазии.

Шекспир — кем бы он ни был — прежде всего дитя XVI века, европеец, возросший в культурном поле эпохи Возрождения, на почве титанических бурь Реформации. Его короли, принцы, герцоги, графы — такие же отпрыски XVI века, в какую бы хронологическую даль ни отправлял их драматург. А XVI век очень любил театр великих страстей. Разрешал и даже в какой-то степени провоцировал их проявления. Христианская же узда, еще не исчезнувшая окончательно, стягивала буйный нрав правителей, заставляя их играть перед подданными не столько истинные свои страсти, до половины освобожденные самим временем, сколько их облагороженные вариации.

Гамлет, узнав от призрака об убийстве отца, негодует, кипит, жаждет мести:

О рать небес! Земля! И что еще
Прибавить? Ад? — Тьфу, нет! — Стой, сердце, стой.
И не дряхлейте, мышцы, но меня
Несите твердо^[1]...

Допустим, все совершилось по воле Гамлета, но сам принц сохранил жизнь... Что ж, бедным датчанам достанется правитель нервный, фонтанирующий эмоциями, любящий театр и сам играющий позу. Артист

на троне. Месть не входит в число христианских добродетелей, напротив, это великий соблазн, губящий душу. С такой вот душой, ублаженной кровью, новый король Дании начнет рассуждать подданных и вершить дела большой политики, примется громогласно упражняться в искусстве риторики и во всяком действии много уделять внимания тому, как выглядит оно в глазах окружающих. Ну а если кому-то его игра не понравится... Скверно, скверно придется тем, до кого дотянется королевская длань!

Такая «благородная игра», своего рода «театр монархов», — любимое занятие европейских государей того времени. И Россия оказалась не чужда опыту западных соседей. У нас появился свой Гамлет на троне...

Первый русский царь был натурой нервной, артистической, крайне эмоциональной. Из числа будущих правителей России по образу действий Иван Грозный более всего напоминает Павла I. Он как будто полжизни провел на сцене и при всяком публичном выходе заботился о том, как будет выглядеть его игра. Играл громово и создал образ вочеловечившейся бури. Всякий человек, оказывавшийся поблизости, служил частью антуража, живой декорацией. Настоящая горячая кровь, пролитая в царствование Ивана Васильевича, и та, наверное, в глазах его выглядела киноварью, используемой при начертании летописных миниатюр. Блистательный артист, он время от времени забывал о целях игры и выше ставил произведенное на публику впечатление, нежели практический результат.

Для сироты, на протяжении многих лет вызывавшего весьма слабый интерес у окружающих — несмотря на державный статус! — главной стала задача: как добиться внимания, как заставить слушать себя, как добиться признания ценности своих идей и поступков, своей личности. А с этой точки зрения гораздо важнее то, «как посмотрят, что запомнят», важнее «признание», а вовсе не реальный эффект предпринятых действий. На первое место выходит «порядок игры», а не глубинные основы бытия.

И горе тому, кто нарушит этот порядок, утвердившийся в сознании государя...

Иван Васильевич — стратег, но стратег стихийный, иррациональный. Штурм! Натиск! Эмоция, поднятая на пьедестал государственной политики! Легкий переход от благочестивейшего образа мыслей к порочнейшему и обратно. Неистовое согрешение и неистовое сокрушение о грехах. Ранимость. Яростное неприятие всякого несогласия, всякой критики. Стремительные скачки от истерики к ощущению несокрушимой силы. Да и сама истерика, быть может, очень хорошо контролировалась с самого начала... Самолюбование. Осознание собственного ничтожества. Сомнения, колебания... взрыв! Быстрое, кипящее, звонкое сотворение

новых смыслов и прекрасных образов. Площадная брань. Тонкая интуиция, позволяющая моментально ухватить суть явления. Необузданное свирепство. Ураганная риторика — то изысканная, то безобразная.

Никаких компромиссов! Биться до конца, гнуть свою линию несмотря ни на что. Бешено ломать неприятеля, не сдерживая себя ни в чем... если он сам первым не переломит хребет. Но и тогда, уже не имея сил к сопротивлению, мечтать о реванше.

Ради чего?

Как видно, в очень большой степени — ради внимания. Зритель имеет право восторгаться или ужасаться, только на равнодушную рассеянность ему не дается права. Равнодушие, холодность, отстраненность — вот защита, которую сломать труднее всего и которую не станет ломать человек, сызмальства получивший достаточно тепла и внимания. Ведь это ему просто не нужно. А иззябшему сироте — в высшей степени необходимо.

И русское сознание на протяжении нескольких поколений тщится сгладить, адаптировать для себя этот неистовый артистический психотип царственного сироты. Слишком уж он экзотичен для русской жизни. Слишком разрушителен для древних основ ее, семейных, родовых, пропахших дымом родного очага. Артист, отвергающий всеобщую холодность к нему и сокрушающий декорации в порыве творческого экстаза...

«ДЕЛО» СОЛОМОНИИ САБУРОВОЙ

Будущий царь Иван Васильевич родился 25 августа 1530 года. Крестили его в Троице-Сергиевом монастыре.

К тому времени его отцу, великому князю Василию Ивановичу, было за пятьдесят, однако прежде Бог не наделял его наследниками.

Летопись показывает рождение Ивана Васильевича как событие мистического характера, сравнивая его с ветхозаветными историями: зачатием Исаака у Авраама и Сарры или же зачатием Пречистой у Иоакима и Анны. Бесплодие стало для Василия III мучением и чуть ли не позором. Никоновская летопись трогательно и торжественно рассказывает о снятии этого бремени: «Бе... ему^[2] все тщание везде к Богу молебная простирать, желаше бо попремногу от плода чрева его посадить на престоле своем в наследие роду своему, и тако потщася принудить непринудимое существо благодати Божия. Его же ради Господь не преслуша моления его и слезам его внят. Весть бо Богу содетель всяческих, яко сего ради многожеланным подвигом непрестанно разгорается сердце царево на молитву к Богу, да не погибнут без пастыря не только едины Русския страны, но и вси православнии; и сего ради милосердый Бог *разверзе союз неплодства его*^[3] и даровал ему родить наследника державе его...»^[4]

Ликование московского правителя после рождения первенца принесло и добрый плод русской культуре. Государь велел построить знаменитую церковь Вознесения в Коломенском (1532). Форма храма — каменный шатер, будто свеча, устремленная к небу, в благодарение Богу за милость Его.

Но дорогой ценой куплено было семейное счастье великого князя Василия III. Ему пришлось расторгнуть первый брак и жениться вновь. История с разводом отца будет на протяжении многих лет отбрасывать зловещую тень на правление сына. Мать Ивана Васильевича, юная княгиня Елена Глинская, получит злую славу у русской знати, и репутация ее скверно скажется на отношении служилой аристократии к Ивану Васильевичу.

Некрасивые обстоятельства связаны с расторжением первого брака Василия III. Его предыдущая супруга, Соломония Сабурова, не дала великому князю ребенка. Трудно судить, кто в этом виноват. После пострижения в монахини она, по слухам, будто бы родила (уже в монастыре!) сына Георгия, что больше похоже на басню.

Две эти истории — с самым знаменитым за всю русскую историю разводом и с появлением на свет божий фантомного великокняжеского наследника — требуют особого внимания.

Соломония Сабурова родилась в конце 80-х — начале 90-х годов XV века. Она происходила из древнего и богатого боярского рода, издавна служившего московским князьям. В 1506 году великий князь московский Василий III, избрав Соломонию из множества красавиц, сделал ее своей женой. Их брак продлился два десятилетия, и ничто не сообщает о ссорах между ними: по всей видимости, их супружеская жизнь устроилась счастливо. Соломония была благочестивой женщиной, и до наших дней сохранился вышитый ее руками покров на гробницу святого Сергия Радонежского.

Одно омрачало жизнь венценосной четы: у них не было детей. Супруги совершали богомольные поездки в монастыри, молились о чадородии, но их мечта все никак не исполнялась. Между тем бездетность великого князя угрожала стране большой смутой. Его братья, прежде всего князь Юрий Дмитровский, хищно посматривали на престол московский, в среде служилой знати были свои претенденты, в глазах которых Московский княжеский дом был не самым родовитым на Руси... За столетие до того споры о наследовании великокняжеского звания вызвали на землях Московского княжества войну, продлившуюся 25 лет! Русские рати несколько раз сходились в кровопролитных сражениях. Подверглись ослеплению великие князья Московского дома — Василий Косой и Василий Темный, а еще один князь, прямой потомок Дмитрия Донского Дмитрий Шемяка, по всей видимости, был отравлен. Теперь стране угрожала новая бойня. Судьба всего государства зависела от отношений между мужем и женой.

Существует две версии того, что происходило дальше. Одна из них основывается на свидетельствах немецкого дипломата барона Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Москве в 1526 году, а также на истории, рассказанной через много десятилетий князем Андреем Курбским, перебежавшим во время войны на сторону литовцев.

Что пишут они?

Вот история, рассказанная Герберштейном в его труде «Записки о московитских делах»:

«...рассерженный бесплодием супруги, он (Василий III. — Д. В.) в тот самый год, когда мы прибыли в Москву, т. е. в 1526-й, заточил ее в некий монастырь в Суздальском княжестве. В монастыре, несмотря на ее слезы и рыдания, митрополит сперва обрезае ей волосы, а затем подал монашеский

куколь, но она не только не дала возложить его на себя, а схватила его, бросила на землю и растоптала ногами. Возмущенный этим недостойным поступком, Иван Шигона, один из первых советников, не только выразил ей резкое порицание, но и ударил ее бичом, прибавив: «Неужели ты дерзаешь противиться воле государя? Неужели медлишь исполнить его веления?» Тогда Саломея (так Герберштейн называет Соломонию. — Д. В.) спросила его, по чьему распоряжению он бьет ее. Тот ответил: «По приказу государя». После этих слов она, упав духом, громко заявляет в присутствии всех, что надевает куколь против воли и по принуждению и призывает Бога в мстители столь великой обиды, причиняемой ей. Итак, Саломея была заточена в монастырь, а государь женился на Елене, дочери князя Василия Глинского Слепого, в то время уже покойного, — он был братом князя Михаила Глинского, который тогда содержался в плену. Вдруг возникает молва, что Саломея беременна и даже скоро разрешится. Этот слух подтверждали две почтенные женщины, супруги первостепенных советников, казнохранителя Георгия Малого и постельничего Якова Мазура, и уверяли, что они слышали из уст самой Саломеи признание в том, что она беременна и скоро разрешится. Услышав это, государь сильно разгневался и удалил от себя обеих женщин, а одну, супругу Георгия, велел даже подвергнуть бичеванию за то, что она своевременно не донесла ему об этом. Затем, желая узнать дело с достоверностью, он посылает в монастырь, где содержалась Саломея, советника Федора Рака и некоего секретаря Потата и поручает им тщательно расследовать правдивость этого слуха. Во время нашего тогдашнего пребывания в Московии некоторые утверждали нам за непреложную истину, что Саломея родила сына по имени Георгий, но никому не желала показать ребенка. Мало того, когда к ней присланы были некие лица для расследования истины, то она, говорят, отвечала им, что они недостойны того, чтобы глаза их видели ребенка, а когда он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери. Некоторые же упорно отрицали, будто она родила. Итак, молва гласит об этом происшествии двояко».

А вот свидетельство князя Курбского, взятое из его «Истории о великом князе Московском»:

«Прожив с первой своей женой Соломонией двадцать шесть лет, он постриг ее в монашество, хотя она не помышляла об этом и не хотела этого, и заточил ее в самый дальний монастырь, находящийся за двести с лишним миль от Москвы, в Каргопольской земле. Итак, он распорядился ребро свое, то есть Богом данную святую и невинную жену, заключить в темницу, крайне тесную и наполненную мраком. А сам женился на Елене, дочери

Глинского, хотя и препятствовали ему в этом беззаконии многие святые и добродетельные не только монахи, но и сенаторы его».

Эти два рассказа свидетельствуют о том, что Соломонию Сабурову заставили постричься в монахини, чему она всеми силами сопротивлялась. Вскоре после этого распространились слухи о том, что у нее там родился ребенок. В 1934 году реставратор А. Д. Варганов вскрыл в Суздале гробницу, которую приписывали «сыну» Соломонии Сабуровой, и, по его словам, обнаружил там детскую рубашечку. Находку Варганова многие истолковали как косвенное доказательство того, что какой-то ребенок все-таки был. Нашлись романтически настроенные любители отечественной истории, построившие на этой основе версию об «истинном» претенденте на русский престол, персоне, которой-де боялся сам Иван Грозный. Его связывали то с сыном боярским Тишенковым, перешедшим на сторону крымцев в 1571 году и способствовавшим разгрому русской армии, то с разбойничьим атаманом Кудеяром.

Но есть и иная версия, более правдоподобная. Соломония Сабурова видела несчастье мужа и знала об угрозе смуты, нависшей над Россией. Она сама великодушно предложила Василию III постричь ее в монахини, а потом найти вторую жену и родить наследника — ради мира на Руси. Ведь после кончины бездетного супруга, как уже говорилось, могла разразиться большая война претендентов на московский престол — братьев Василия III и других представителей рода Рюриковичей, не принадлежавших Московскому княжескому дому. Этого боялись всерьез. Для страны, с точки зрения общественного спокойствия, лучшим исходом был второй брак Василия III и рождение ребенка — бесспорного наследника престола. Русские летописи XVI столетия содержат информацию о духовном подвиге Соломонии Сабуровой, переступившей через свою гордость. Так, в Никоновской летописи говорится, что великая княгиня была пострижена в монахини «по совету ея», то есть по ее собственному желанию. Этот монументальный свод создавался под присмотром и с участием великого «книжника» митрополита Даниила; он сам был одним из главных действующих лиц в истории с разводом великого князя, и его точка зрения могла быть введена в летописный текст. Но в Воскресенской летописи, составленной, по разным данным, то ли в 1541 году, то ли в 1542–1544 годах, изложена та же версия: «В лето 7034, ноября, князь велики Василей Иванович постриже великую княгиню Соломонию *по совету ея* (курсив наш. — Д. В.), тягости ради и болезни и без-детства; а жил с нею 20 лет, и детей не было». Между тем к 1541 году митрополит Даниил был уже насильственно сведен с кафедры, и ничто не мешало правительственным

летописцам изменить трактовку событий 1525 года, если бы она была, по их мнению, неверна.

Текст Типографской (или, как ее в старину называли, «Синодальной») летописи начала 30-х годов XVI века^[5] рисует такую же картину: великая княгиня со слезами молит супруга о разводе; он отказывается: «Как могу брак разорить и вторым совокупитися?»; были отвергнуты и советы вельмож аналогичного содержания; тогда с увещеваниями обратился к Василию III сам митрополит Даниил, глава Русской церкви; он «...многа моли о сем государя и с всем священным саном, да повелит воли ея бытии. Царь же и государь всея Руси, видя непреклонну веру ея, и моления отца своего, Данила митрополита, не презре, повелел совершить желание ея».

Откуда тогда взялись сведения о насильственном пострижении и страшном заточении Соломонии Сабуровой?

Присмотримся к рассказчикам.

Назвать Сигизмунда Герберштейна злопыхателем великокняжеского рода и всей России было бы неправильно. Этот иноземец не был врагом нашей страны, а для его стиля характерно стремление к беспристрастности. Как минимум у Герберштейна не видно склонности бездумно рассыпать огульные обвинения. Но каковы источники информации, на которые он опирался?

Свидетелем пострижения Соломонии Сабуровой барон быть не мог. Сомнительно, чтобы по этому поводу был составлен какой-то документ, содержащий подробное описание происходившего, и уж совсем фантастичным надо назвать предположение, согласно которому подобная бумага могла попасть в руки иностранного дипломата. Сигизмунд Герберштейн полагался на молву, слухи — так, во всяком случае, сообщает читателям сам барон. Иными словами, он собирал столичные сплетни. Немецкий дипломат не знал русского, но навывчен был в одном из южнославянских языков, а потому мог находить собеседников в русской среде. Для сравнения можно представить себе современного российского дипломата, прибывшего в Сербию или, скажем, Словению, не имея представления о южнославянских языках и полагаясь на знание родственного им русского. Он подбирает слух о странной истории, произошедшей с женой политического лидера страны... насколько, разумеется, способен понимать сказанное. Сколько в этом слухе истины? А бог весть. Одни говорят так, другие эдак, словарного запаса для полного прояснения ситуации катастрофически не хватает... Отсюда и вопиющие несообразности в сообщении Герберштейна. Во-первых, летопись четко сообщает о том, что супругу великого князя постригли в Москве, в

девичьем Рождественском монастыре, а Герберштейн говорит о суздальских местах, куда на самом деле прибыла уже инокия. Во-вторых, пострижение производил, по словам барона, сам митрополит, а несомненно более осведомленный летописец сообщает, что это был «Никольский игумен Старого Давид»^[6]. В-третьих, зачем это великокняжескому фавориту Шигоне бич в храме? Кого он там собирался стегать? Монашек? Или на него снизошло предвидение, что великую княгиню придется бить, и он прихватил с собой удобный инструмент? Подробность эта более всего напоминает деталь из городского романа «о жестокой любви и страданиях». Наконец, даже имя супруги Василия III Герберштейн воспроизводит неверно. Очевидно, Соломонию называл Саломеей в разговоре с ним человек, пожелавший очернить ее: ведь аналогия с Саломеей — погубительницей Иоанна Предтечи, дочерью евангельской Иродиады, — должна была бросить тень на благочестие бедной женщины... Какова после всех этих замечаний цена рассказу Герберштейна? Та же, что и любой городской сплетне. «Говорят, что скоро все подорожает... А особенно поваренная соль!»

Нетрудно представить себе среду, в которой могли зародиться такого рода сказки.

Московская знать, настроенная на политические игры вокруг престола, который должен был опустеть после смерти бездетного Василия III, была разочарована его разводом и новым браком, а потому распустила слухи, порочащие великого князя и наделяющие его супругу очень странной ролью. Сплетни эти дошли до ушей Герберштейна.

Кто же известен в числе противников развода Василия III и его второго брака? Прежде всего, инок Вассиан Патрикеев, сам происходивший из знатнейшего аристократического рода, близкий семейству Сабуриных и настроенный неблагоприятно к суровому правителю Василию III. Преподобный Максим Грек, на которого вряд ли может падать подозрение в интриганских договоренностях с московской аристократией, но с Иваном Даниловичем Сабуриным доброе знакомство он водил. И... князь Семен Курбский, брат деда князя Андрея Курбского! Выходит, один из ярых противников второго брака Василия III, князь Семен Курбский сохранил эту нелепую историю в своей семье как старинное предание, которым потом воспользовался его отдаленный родич Андрей Курбский.

Насколько достоверным является свидетельство Курбского? В двух словах — совершенно недостоверным. В основе своей оно восходит к истории непосредственного участника событий 1525 года, заинтересованного в определенном толковании своей роли. Возможно,

Курбский опирался также и на историю Герберштейна, которую знал (в «Истории о великом князе Московском» есть ссылка на Герберштейна как раз в том месте, где тот расхваливает князя Семена Курбского). Князь-диссидент ненавидел Ивана IV — сына Василия III от второго брака, то есть и сам был, что называется, «заинтересованным лицом». Наконец, «История о великом князе Московском» появилась через много десятилетий после развода Василия III и, соответственно, изобилует ошибками. Не 26 лет длился брак великого князя и Соломонии Сабуровой, а двадцать, да и не в Каргополье отправили ее после пострижения, а в Суздаль. Об этом сообщает большинство летописей середины XVI столетия, в том числе независимая Вологодско-Пермская летопись: «В лето 7034... князь великий Василий Иванович велел постричь в черницы свою великую княгиню Соломаниду и послал в Суздаль... к Покрову Пречистые в девич монастырь». Наконец, мрачными красками обрисованная «темница» бывшей государыни — просто плод воображения Курбского. Реальность не такова: Василий III сохранил к бывшей супруге доброе отношение и даже в 1526 году пожаловал ее, уже ставшую монахиней Софией, селом Вышеславским Суздальского уезда, с условием передачи села после ее смерти игуменье и келарю обители; грамота получила подтверждение в 1534 году. Кроме того, еще в 1526 году Василий III пожаловал Покровскому монастырю село Павловское того же уезда на особых, льготных условиях. Сидела бы инокиня София в «тесном» заточении, так понадобился бы ей доход с богатого села? Вот уж вряд ли.

Любопытно, что так называемый Постниковский летописец середины XVI столетия тоже сообщает, что вскоре после пострижения Соломония Сабурова была отправлена «в Каргополье», и там было велено устроить ей в лесу келью, «отыня тыном» (высоким забором). «А была в Каргополе пять лет и оттоле переведена бысть в Девич монастырь в Суздаль к Покрову Пречистые». Многих смущает мнение известного историка М. Н. Тихомирова, согласно которому автором значительной части Постниковского летописца был крупный чиновник — великокняжеский дьяк Постник Губин, превосходно информированный о «дворцовых новостях». Однако Тихомиров приписывает дьяку отрывок лишь между 1533 и 1547 годами. Что же касается оригинальных известий за вторую половину 1520-х годов (в том числе и «каргопольского отрывка»), то источник их неизвестен и о степени достоверности его судить трудно. Сообщение о пяти годах ссылки в лесную чащобу, за «тын», явно неправдоподобно. В сентябре 1526-го и марте 1534 года инокиня София пребывала в Суздале: именно этими месяцами датируется жалованная

грамота на село Вышеславское и ее подтверждение. Следовательно, возможны три варианта.

Первый: преподобная София никогда не была в Каргополе, и сведения о ее сидении в лесу — выдумка.

Второй: ее отправили туда буквально на несколько месяцев в первой половине 1526 года, а потом доставили в Суздаль.

Третий и наиболее вероятный: все-таки правы другие летописцы, и преподобная София первоначально была направлена в Покровскую обитель. Но затем, в результате распространения слухов о том, что у монахини и бывшей жены великого князя родился ребенок, ее на некоторое время увезли в Каргопольский уезд. Была ли она там целых пять лет? Неизвестно. Однако между 1531 и 1534 годами преподобная София точно была возвращена в Суздаль, где в дальнейшем жила и закончила свои дни.

У второго брака Василия III в среде московской служилой аристократии имелись как противники, так и сторонники. Многих интересовало прежде всего сохранение покоя в стране. Перспектива нарушения устоявшегося порядка вызывала тревогу; к тому же не все были заинтересованы в поддержке политической «партии», связанной с кланом Сабуровых. Так, например, независимые псковские летописцы оставили противоречивые толкования этой истории. Один из них увидел во втором браке великого князя прелюбодеяние: «А все то за наше согрешение, яко же писал апостол: иже аще пустит жену свою, а оженится иною, прелюбы творит». Зато другой приводит мнение Боярской думы, настаивавшей на разводе и новом браке: «И начаша бояре говорить: князь де великий... неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда».

До какой степени развод Василия III и его второй брак соответствуют нормам канонического права XVI столетия — вопрос непростой. В начале XVII века в московской приказной среде, близкой к дипломатическому ведомству, возникла «Выпись» о втором браке Василия III — богословско-публицистический трактат. В нем дается оценка действиям великого князя, его приближенных и митрополита Даниила с точки зрения отдаленных потомков. В сущности, речь идет об осуждении второго брака Василия Ивановича как неканоничного и повлекшего за собой небесные кары для династии и всей страны.

Однако, по мнению крупнейшего знатока того периода А. А. Зимина, «...разбор реалий (сведений о событиях и лицах), имеющих в выписи, приводит к выводу, что в этом памятнике содержится причудливая смесь достоверных фактов и совершенно ошибочных данных, касающихся самого стержня повествования». В частности, по поводу второго брака там

сообщается об отрицательном мнении преподобного Максима Грека, инок Вассиана Патрикеева, некоего чернеца Селивана, Саввы «святогорца» и книжника Михаила Медоварцева. Зато поддержали второй брак сам митрополит, Коломенский епископ Вассиан Топорков и некоторые другие представители русского духовенства. Все это более или менее подтверждается другими источниками. Однако дальнейшее вызывает сомнения: «Выпись» сообщает о послании, отправленном четырем вселенским патриархам, с просьбой высказать мнение по этому вопросу. И они единодушно отрицают возможность развода и второго брака в подобных обстоятельствах, особенно же строг патриарх Иерусалимский Марк. Но никаких патриарших грамот, касающихся этой проблемы, не найдено. Неизвестно, существовали они на самом деле или же были плодом воображения поздних публицистов...

Все упреки в неканоничности действий Василия III, правильными они были или нет, адресовывались ему и только ему. За великой княгиней, как уже говорилось, никакой вины нет. Митрополит Даниил, бывший тогда главой Русской церкви, не увидел в истории добросердечной женщины и ее страдающего мужа ничего преступного. Он позволил развод и дал благословение на второй брак.

Но остается обвинение Соломонии Сабуровой в колдовстве. Действительно, до наших дней дошли документы времен Василия III (часть следственного дела «о неплодии великой княгини»), в том числе показания казначея Юрия Малого (Георгия Дмитриевича из рода греков Траханиотов) и брата Соломонии Ивана Юрьевича. Дело относится к ноябрю 1525 года. В свидетельских показаниях сообщается, что Соломония Сабурова прибегала к услугам ворожеи Стефаниды-рязанки. Та огорчила великую княгиню, сказав: «Детям не быть», — а потом «наговаривала воду», с помощью которой супруга Василия III могла, по ее словам, сохранить любовь мужа. Затем, по просьбе Соломонии Сабуровой, Иван Юрьевич, как он говорил, «допытался» иных ворожей. В частности, привел к себе на подворье некую безносую «черницу». Она «наговаривала» воду и пресный мед, «...да посылала к великой княгине... а велела ей тем тертись от того же, чтоб ее великий князь любил, да и детей для». Соломония, по словам брата, испытала эти средства, пыталась привлечь к себе любовь супруга и побороть бесчадие.

Весьма возможно, «наговоренные» составы от «ворожей» являлись обыкновенными ароматическими притираниями, своего рода «афродизиаками» того времени. Просто неюная женщина пыталась вернуть себе внимание мужа, призвав на помощь знахарок от парфюмерии. Так и

сейчас поступают многие дамы... А ее недоброжелатели надавили на свидетелей, чтобы придать делу угрожающе-колдовской характер.

Существует и другая версия, более серьезная — политическая.

Историки уже высказывали предположение, согласно которому какая-то группировка знати *инспирировала розыск, пытаясь таким образом приблизить решение Василия III о разводе и втором браке.*

Так, могущественные семейства московских великокняжеских бояр должны были всячески противиться приходу князя Юрия Дмитровского на престол, ибо он привел бы на их места в Думе, административном и военном аппарате России своих приближенных. К тому же Юрий подозревали — и, кажется, не без основания — в тайных сношениях со злейшим врагом Московского государства, татарами, чуть ли не с самим крымским ханом. Но в случае бездетности Василия III именно этот удельный правитель, скорее всего, занял бы великокняжеский престол. Для группировки противников Юрия Дмитровского второй брак и рождение прямого наследника были политически спасительными. Таким образом, великая княгиня попала в центр сложной политической игры...

Если бы обвинения в колдовстве сочли существенными, то Соломонии Сабуровой грозило бы страшное наказание. Уже при отце Василия III, Иване Великом, в Московском государстве жгли еретиков, а колдовство, как великий грех, заслуживало не менее суровой кары. Но никто Соломонию Сабурову не жег, не пытал, жизнь ее в монашестве получила богатое обеспечение. Следовательно, скорее всего, вина ее в колдовских действиях доказана не была. Или Василий III разобрался в сути интриги. Ведь тот же Иван Юрьевич Сабуров (рында и, возможно, кравчий в свите великого князя), которому вроде бы предстояло понести наказание как прямому пособнику в колдовских делах, остался жив. Более того, точно известно, что в 1543 году он получил ответственный воеводский пост. Да и весь род Сабуровых не пропал, хотя и «притих»: на службах государевых его не видно на протяжении нескольких лет. Но с течением времени положение изменяется. В 1528 году Андрей Васильевич Сабуров поставлен воеводой в Плёс, тремя годами позднее он уже упомянут в документах как воевода на Костроме и с боярским титулом, там же предводительствует отрядом дворян Сергей Дмитриевич Сабуров-Пешков, а в начале 1540-х Яков Иванович Сабуров (близкая родня Соломонии) воеводствует в Галиче.

Против версии, согласно которой Соломония Сабурова пыталась победить бесчадие с помощью колдовства, работает еще один аргумент. В 1525 году, то есть накануне расторжения брака, от имени великокняжеской четы в Троице — Сергиеву обитель был сделан драгоценный вклад —

шитый жемчугом воздух, на котором изображено видение преподобного Сергия Радонежского о Пречистой Богородице и апостолах. На нем вышита молитва о чадородии. По отзыву музейных сотрудников ризницы в Троице-Сергиевой лавре, где сейчас хранится этот предмет, традиции XVI века обязывали знатную женщину лично принять участие в вышивании такой вещи. Работа над нею могла длиться годами (известен факт вышивания подобного предмета в середине XVI века на протяжении трех лет). Следовательно, последние годы перед пострижением великая княгиня московская надеялась не на ведовство и волхование, а на помощь сил небесных. Упование ее было тщетно — не дал ей Бог детей, но поднял ее к высотам духовного подвига.

Можем ли мы сейчас твердо установить, прибегала великая княгиня к колдовским чарам или же на нее был возведен поклеп, в том числе и ближайшей родней? Нет. Остается ли шанс на то, что Стефанида-рязанка и прочие персонажи того же ряда посещали палаты великой княгини? Да, остается. Нельзя, к сожалению, полностью отвергнуть эти сведения, хотя они и сомнительны. Но даже если допустить, что женщина, впадшая в отчаяние, совершила этот грех, то ее долгая добродетельная жизнь в иночестве должна была смыть его, как смыло монашество прежнюю злобу и жестокость большого православного святого Никиты Переяславского.

Итак, Соломония Сабурова стала инокиней Софией. Она отправилась в суздальский Покровский монастырь. Василий III женился во второй раз, и через несколько лет у него родился сын Иван. Самопожертвование Соломонии Сабуровой не было напрасным.

А как же ребенок, якобы родившийся у инокини? Здесь хотелось бы добрым словом помянуть сотрудников Владимиро-Суздальского музея-заповедника. В январе 2007 года они предоставили автору этих строк два документа, проливающих свет на историю с мифическим Георгием, «сыном» Сабуровой.

Это, во-первых, акт о раскопках в суздальском Покровском монастыре 19–20 мая 1996 года — за четырьмя подписями, среди которых есть и подпись старшего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН С. А. Беляева. О гробнице, раскрытой А. Д. Варгановым, в акте говорится следующее: «Погребения на этом месте не могло быть по причине физического отсутствия места для него, ибо фундамент представляет единый монолит, сохранившийся в неповрежденном виде без каких-либо выемок в нем, а совершение захоронения между плитами пола и фундаментом невозможно, так как толщина этого слоя в самом его глубоком месте не превышает 0,3 м». Иначе говоря, раскопки 1996 года

поставили под сомнение сам факт того, что А. Д. Варганов действительно нашел в указанном им месте захоронение с рубашечкой. Ведь там вообще не могло быть гробницы — сплошной камень... А научного протокола вскрытия гробницы А. Д. Варгановым просто нет. Его не составили. Как нет ни фотографий, ни зарисовок. Что ж, провинциальная археология 1934 года далеко не всегда соблюдала простейшие правила научной работы...

Второй важный документ — официальное письмо директора музея-заповедника, заслуженного работника культуры Российской Федерации, кандидата исторических наук А. И. Аксеновой в суздальский Покровский монастырь от 11 декабря 2006 года. В нем, среди прочего, сказано: «Легенда, не подтвержденная документально, остается легендой. Прямых неопровержимых данных о существовании ребенка, приуроченности предметов погребения к имени Соломонии (Софии) нет». Сказано честно и точно.

История с «рубашечкой Георгия» и прежде выглядела странно: на экспертизу в ГИМ экспонат был отправлен только в 1944 году (через десять лет после раскопок Варганова!) и представлял собой клубок из металлических шнурков и тесемок, из которого «реконструировали» на современной материальной основе «рубашечку». Иначе говоря, вещь скорее сфабриковали, нежели восстановили. Из письма самого Варганова известно, что в ГИМе часть сотрудников первоначально склонялась датировать «рубашечку» XVII веком. Аргументы, приложенные к ее окончательной датировке, выглядят невнятно: специалист ГИМ Е. С. Видонова сравнила остатки «рубашечки» с тремя рубашками XVII века из фондов ГИМ и сделала вывод: «Более плотная шелковая тафта, нарядные и в то же время строгие серебряные украшения, тонкая и сложная техника шитья и другие признаки позволяют отнести рубашку к более раннему времени — к XVI в. и скорее к его первой половине». Вот так резюме! Не имея ни одной рубашки XVI столетия для сравнения, Е. С. Видонова сопоставляла предмет неизвестного времени с материалом XVII века и, повинувшись бог весть какой логике, утверждает: раз одеяние сделано наряднее, строже, тоньше и сложнее, значит, XVI век! А к XVII столетию, вероятно, люди разучились так шить и стали делать рубашки скромнее, грубее и проще...

Или, может быть, ком металлического шитья, попавший в ГИМ, относится к XVII или XVIII столетию? Сравнивая несколько разнородных вещей, столь определенные выводы делать просто легкомысленно.

К настоящему же времени вся история этой находки утратила научное основание.

Остается приложить к фактам здравый смысл. Крайне маловероятно рождение сына после двух десятилетий бесплодного брака. Еще менее вероятно сохранение в тайне самого факта рождения (и воспитания!) ребенка в женском монастыре. Невозможно мотивировать отказ Василия III от желанного наследника, ведь во втором браке сын у него родится лишь несколько лет спустя — в 1530 году! Исключительно трудно представить себе способ, с помощью которого инокиня скрыла мальчика от московской комиссии. Если бы версия Герберштейна о гордых словах Соломонии-Софии, брошенных главе следствия, была верна хоть на золотник, то Покровскую обитель и весь Суздаль, наверное, перерыли бы от подвалов до чердаков, а сама женщина закончила бы свои дни в месте куда менее приемлемом, чем богатый аристократический монастырь.

И уж совсем ничем не подкрепленные байки — связь между мифическим Георгием и атаманом Кудеяром. Эта версия пригодна только для «альтернативной истории».

Монахиня София скончалась в Покровском монастыре в 1542 году. Она оставила добрую память как человек глубокой веры. Известно, что княгиня-инокиня сама выкопала колодец для нужд обители. Монастырская традиция сообщает о многочисленных чудесах, совершавшихся у гроба Софии. Особое почитание ее началось еще в XVI столетии, а в середине XVII века состоялось ее прославление в лике святых. Со времен петровских преобразований и на протяжении синодального периода ее почитание оказалось под запретом. Но оно возобновилось в 90-х годах XX века.

Наконец, 27 марта 2007 года патриарх Алексей II повелел внести имя преподобной Софии Суздальской в месяцеслов Русской православной церкви. Таким образом, эта старинная святая обретала общерусское почитание.

РОЖДЕНИЕ НАСЛЕДНИКА

А сейчас имеет смысл, отрешившись от печальной судьбы Соломонии Сабуровой, вернуться к новому семейству Василия Ивановича.

Итак, в 1530 году у великого князя московского Василия III родился первенец, названный Иваном. В 1532 году появился на свет второй сын — Юрий, единокровный брат Ивана Васильевича. Он, очевидно, страдал каким-то наследственным заболеванием, поскольку летопись говорит о нем: «несмыслен и прост». Никакой роли в судьбе старшего брата и в делах правления он не сыграл.

Василий III ко времени рождения первенца был уже человеком немолодым. Он с необыкновенным вниманием заботился об отпрысках, но недолго пробыл с ними. После мучительной болезни великий князь скончался в декабре 1533 года. Тогда старшему сыну шел четвертый год.

Вряд ли память его сохранила сколько-нибудь обширные воспоминания о родителе. Да и научить его хотя бы азам державной науки великий князь Василий Иванович не мог. Выстраивая образ отца перед мысленным взором, мальчик, скорее всего, пользовался словами матери, ее родни, а позднее — повествованиями старых вельмож, служивших когда-то Василию III.

На смертном одре Василий III крестом благословил своего первенца Ивана на великое княжение. Этот крест, по словам летописи, имеет древнюю историю: им благословлял еще святой Петр-митрополит Ивана Калиту. Умирая, Василий Иванович призвал «бояре своя» оберегать русскую землю и веру «от бесерменства и от латынства и от своих сильных людей, от обид и от продаж, все заодин, сколько... Бог поможет», а также взял крестное целование со своего взрослого брата Юрия в том, что тот будет честно служить Елене Глинской и малолетнему Ивану, не пытаясь захватить власть. Впрочем, этот символический акт отнюдь не воспрепятствовал политической борьбе, развернувшейся после смерти Василия III...

Большинство историков придерживались и придерживаются концепции, согласно которой Василий III перед кончиной назначил «регентский» или «опекунский» совет из числа влиятельных людей, коим он мог доверять. Или как минимум из числа знатных вельмож, персон могущественных, от которых можно было ожидать хотя бы минимальной лояльности. Этот совет *теоретически* мог действовать чуть ли не как

особое учреждение, обладающее значительной властью. Но состав названного совета не определен, документов, составленных от его имени, науке неизвестно, а попытки реконструировать списки «опекунов» чаще всего выливаются в прикидывание: кто из государственных деятелей 1530-х годов, входивших в Боярскую думу, получил наибольшее влияние на дела? По всей видимости, значение имеет прежде всего то, какие силы правили страной, а не какие представители этих сил входят в реестр «опекунов». Само наличие «регентского» совета и четко очерченных властных полномочий «опекунов» до сих пор не может считаться доказанным^[7]. А вот состав Боярской думы и главнейшие назначения на воеводские посты в источниках отразились. И наиболее значимые на доске большой политики фигуры по ним видны. Для восстановления политической картины регентства Елены Глинской при государе-малыше это гораздо важнее, чем бессмысленное перетирание списков «опекунского» совета.

Военно-политическая элита России состояла в ту пору из нескольких групп аристократии. Самой старой и самой преданной российским государям была та из них, что «комплектовалась» из нетитулованной знати — боярских родов, служивших Москве на протяжении многих поколений. Таковы Захарьины, Сабуровы^[8], Морозовы, Плещеевы, Шереметевы, Челяднины и иные. Близко к ним стояло боярство из присоединенного к Москве Тверского княжества, например Бороздины и Карповы. Когда-то именно этот слой являлся самым многочисленным и самым влиятельным при дворе великих князей московских.

Однако чем дальше, тем больше старомосковских бояр теснили «княжата» — потомки великих и удельных князей, потерявших права на политическую власть в своих княжениях, но взамен получивших право занимать высокие и высшие посты на службе у московских монархов. Они уже преобладали в Боярской думе и на воеводских постах в армии. Среди них князья — Оболенские, Шуйские, Ростовские, Курбские, Голицыны, Мстиславские, Палецкие, Пронские, Звенигородские.

Так вот, при Елене Глинской наибольшим влиянием на дела располагали именно служилые «княжата», прежде всего род Оболенских (особенно И. Ф. Телепнев-Оболенский), а вместе с ним часть разветвленного рода Шуйских. Кое-что досталось ростовским князьям. Из старомосковских бояр более всего влияли надела Захарьины, М. В. Тучков-Морозов, семейство Челядних.

Мальчик Иван остался на попечении матери, великой княгини Елены

Глинской, окруженной представителями аристократических семейств, перечисленными выше.

Через пять лет после смерти отца маленький наследник престола потерял и мать. Краткое правление ее драматично, а уход из жизни оставляет впечатление темной загадки.

Елену Глинскую не лучшим образом приняли русские вельможи. Чужачка из русско-литовского рода, она пришла на место Соломонии Сабуровой, абсолютно «своей» в среде старомосковской служилой аристократии. Вторая жена получила большое влияние на великого князя, хотя с ее именем накрепко сплелись некрасивые обстоятельства разводного процесса.

После кончины супруга Елена Глинская, опираясь на группировку верной ей знати, правила твердой рукой. Рады ей были в Москве или не рады, она постаралась удержаться у власти и занималась повседневной работой правителя с большими амбициями.

При ней было построено несколько важных крепостей. Она также провела реформу денежного обращения. При Иване III и его сыне Василии III на Руси ходили серебряные монеты разной формы, веса, ценности. Даже денежный счет велся в двух принципиально разных системах: новгородской и московской. Отныне по всему Московскому государству вводилась монета одного веса и размера, с именем общего для всех государя. Великой княгине удавалось подвигнуть русских воевод на активные действия против вражеских сил в тяжелой Стародубской войне с Польско-Литовским государством. Высокородная знать, за редкими исключениями, шла воевать без охоты и не явила такой прыти на бранном поле, как при двух предыдущих государях. Боевые действия шли с переменным успехом. К сожалению, польско-литовским полевым соединениям удалось взять несколько русских городов — Радогощ, Гомель, Стародуб. По итогам войны Гомель пришлось отдать Литве.

Через много лет Иван Васильевич, взрослый уже человек, укорял служилую аристократию в давнем нерадении, отзвук которого остался у него в памяти с детских лет: «Они, как подобает изменникам, стали уступать нашему врагу, государю литовскому, наши вотчины, города Радогощ, Стародуб, Гомель, — так ли доброжелательствуют?»

Великая княгиня обезглавила оппозицию, способную низвергнуть ее с престола.

В начале ее регентства дядя Ивана Васильевича, удельный князь Юрий Иванович Дмитровский, повел странные переговоры с князем Андреем Михайловичем Шуйским. Оба они могли считаться претендентами на

престол, покуда прямой наследник великого князя оставался мал и не способен за себя постоять. Первый, хотелось бы напомнить, — брат Василия III, а второй — аристократ исключительной знатности.

По приказу Елены Глинской князя Юрия Дмитровского отправили в темницу, где он и умер через несколько лет «на чеши и в железах». Князя Андрея Шуйского арестовали, но он, хотя был, как показывает летопись, ведущей фигурой в большой политической интриге, отделался легко.

Другой брат покойного Василия III, удельный князь Андрей Иванович Старицкий, летом 1537 года попытался захватить Новгород и едва не вступил в прямое вооруженное столкновение с войсками Елены Глинской. Во главе правительственной армии встал князь Иван Федорович Телепнев-Оболенский. Мятеж был подавлен, некоторые крупные фигуры, принявшие сторону удельного князя, — казнены. Сам князь Андрей Иванович стал узником, а затем умер «в нуже и страдальческой смерти».

Некоторые другие аристократы подверглись опале, в том числе и дядя самой регентши — князь Михаил Глинский. Желание указывать родственнице, как ей себя вести на троне, столкнулось с ее державной волей.

Трудно определить, до какой степени братья Василия III *на самом деле* стремились занять престол и затевали мятежи. Их активность во многом явилась ответом на жесткие превентивные меры Елены Глинской и ее партии. Великая княгиня опасалась за судьбу малолетних сыновей, поэтому избрала курс радикального подавления всех политических противников, в том числе потенциальных. В этом смысле характер ее правления напоминает образ действий Екатерины Медичи. Великая княгиня, словно птица, пыталась защитить двоих сыновей крыльями и готова была биться за них с любым врагом насмерть. В конечном итоге Елена Глинская достигла своей цели. Но после всех принятых регентшей истребительных мер московская знать, и прежде не жаловавшая эту пришлую женщину, начала смотреть на нее с большим опасением.

Поэтому, даже если великая княгиня после кончины супруга вела чистую и праведную жизнь, за ней повсюду и во всем тянулся шлейф недоброжелательства. Надо полагать, это отношение хотя бы отчасти перенесено было и на ее старшего сына. Отсюда разговоры о «незаконнорожденном» наследнике престола. Называли даже «отца» — князя Овчину Телепнева-Оболенского.

В среде современных историков одно время были популярны подобного рода догадки. Или как минимум рассуждения о том, до какой степени детство и юность правителя оказались отравлены слухами,

сплетнями, шепотками за спиной и дерзкими смешками из-за дверей, связанными с одной опасной темой: «Да великого ли князя это сын?»

Так, например, знаток политической истории XVI столетия А. Л. Хорошкевич высказывала предположения, что русская знать и соседние государи намекали время от времени молодому правителю о сомнительности отцовства Василия III... Летопись и иные официальные документы (кроме тонких обмолвок в дипломатической переписке) не дают для подобных умозаключений особого повода. Но, во-первых, великий князь Василий Иванович зачал сыновей лишь во втором браке, да и то далеко не сразу, притом будучи, как уже говорилось, на шестом десятке. И, во-вторых, вскоре после его кончины возникли обстоятельства, заставляющие предполагать связь его вдовы Елены Глинской с тем самым боярином и воеводой Иваном Федоровичем Телепневым-Оболенским по прозвищу Овчина, о котором уже не раз говорилось выше.

В годы регентства Елены Глинской (1533–1538) князь И. Ф. Телепнев-Оболенский был могущественным человеком, крупным военачальником и приближенным великой княгини. Об этом свидетельствует императорский дипломат Сигизмунд Герберштейн. Он пишет: «...по смерти государя вдова его стала позорить царское ложе с неким боярином, по прозвищу Овчина, заключила в оковы братьев мужа, свирепо поступает с ними и вообще правит слишком жестоко». Далее Герберштейн добавляет: князь Михаил Львович Глинский, дядя Ивана Васильевича, крупный полководец и политический деятель, принялся увещевать великую княгиню, но был обвинен в измене, «ввергнут в темницу», где и умер «жалкой смертью». Вскоре после его гибели вдову Василия III, «по слухам», отравили, «...а обольститель ее Овчина был рассечен на куски^[9]. После гибели матери царство унаследовал старший сын ее Иван...». Свидетельство Герберштейна сумбурно и являет недостаточную информированность автора: в годы правления Глинской он не посещал Московское государство и вынужден был довольствоваться рассказами, доходившими издалека. Русский источник противоречит этой версии. В соответствии с известием Никоновской летописи князь И. Ф. Телепнев-Оболенский был уморен голодом и тяжелыми кандалами по желанию придворной партии Шуйских вопреки воле государя-мальчика. Но, так или иначе, князь погиб скверной смертью.

Сейчас трудно определить, до какой степени верны сплетни об «опозоренном ложе», но само их возникновение связано с мыслями, бродившими в русских головах, а не в германских. Русская служилая аристократия, хотелось бы повторить и подчеркнуть, без особой

лояльности относилась к Елене Глинской.

Чувствовал ли мальчик подобное к себе отношение? Очевидно — да. И, наверное, худо спрятанное презрение к наследнику и злая память о его матери подпитывали в ребенке трагический взгляд на мир, заставляли его вглядываться в лица приближенных с подозрением: не таишь ли ты, слуга неверный, пакости на уме? Как ты смотришь на меня? Смеешь ли оценивать меня?

Какой мальчик не почувствует горя и злости, улавливая отголоски подобных разговоров? Кому клевета на родителей не внушит ярости в отношении самих клеветников?

Разве не станет такой человек искать признания — не только полной законности его власти, но также силы и ума? С самого раннего детства ощущая порчу в отношениях с первейшими вельможами, элитой царства, даже в умудренной зрелости трудно найти источники для покоя и умиротворения.

Невозможно проверить, кто был настоящим отцом Ивана Васильевича, да и недостойное дело — разглядывать семейные тайны далекого прошлого через замочную скважину. В этой истории гораздо важнее другое. Ситуация 1530-х годов позволяла русской аристократии строить планы на повышение собственной роли в управлении государством или даже о смене правящей династии. После смерти двух братьев Василия III оставался еще один серьезный претендент на трон — князь Владимир Андреевич Старицкий, сын князя Андрея Ивановича. За его спиной стояла мать, княгиня Евфросинья — особа энергичная и к тому же имевшая причины ненавидеть малолетнего государя из-за смерти супруга и унижения всей семьи Старицких.

В 1538 году Елена Глинская скончалась в возрасте цветущей молодости при обстоятельствах, которые не позволяют исключить отравление. Ей было всего лишь около тридцати лет.

С этого момента главной силой на арене управления государством становятся могучие аристократические группировки. То борясь, то вступая в соглашения друг с другом, именно они вырабатывают генеральный политический курс. А малолетний наследник остается безвластной живой ширмой для их державствования.

Само существование Старицких являлось в ту пору угрозой для Ивана Васильевича: взрослый претендент на престол, притом кровь от крови Ивана III Великого, создателя России, прямой его наследник... это очень опасный конкурент.

Притом далеко не единственный.

Вглядываясь в лица русской знати, оказавшейся у подножия трона в детские годы Ивана Васильевича, следует помнить, из какой почвы вырос Московский дом Рюриковичей, потомков Даниила Московского и Ивана Калиты. Он был частью гораздо более широкой общности — громадного Владимиро-Суздальского княжеского дома Рюриковичей, уходящего корнями в начало XIII века, когда Северо-Восточной Русью правил великий князь Всеволод Большое Гнездо. Он оставил многочисленных потомков. И с течением времени потомство его потомков расплодилось до чрезвычайности, разбилось на ветви, рода, семейства, князей великих, удельных, служилых... Но всё это пестрое сообщество хранило память о предках, особенно о тех, кто высоко стоял на Руси за век, два или три до того, как господином их внуков или правнуков стал ребенок.

Если как следует покопаться в родовой памяти «княжат» середины XVI столетия, там найдется немало гремучих веществ.

Так, например, в памяти многолюдного «куста» князей ростовских сохранилось, думается, то обстоятельство, что еще при деде нынешнего правителя-ребенка их предки самовластно правили половиной Ростова с окрестностями. А прародитель Ростовского дома Рюриковичей, князь Константин Всеволодович, был *старшим* братом Ярослава Всеволодовича, прародителя князей московских, да и великий стол во Владимире он занял на несколько десятилетий раньше Ярослава.

А вот прародитель дома суздальско-нижегородских князей (Скопиных, Горбатовых, Шуйских, Борбашиных, Ногтевых), князь Андрей Ярославич, являлся всего лишь *младшим* братом Александра Невского, с сына и внуков которого началась московская династия. Казалось бы, о чем беспокоиться? Но Андрей оказался на владимирском великом княжении *прежде* Александра. Кроме того, князь Дмитрий Константинович из того же Суздальско-Нижегородского дома уже в XIV столетии надолго отбирал великокняжеский стол у Дмитрия Донского — по малолетству последнего.

Первый представитель московского княжеского рода взошел на владимирский великокняжеский престол лишь в 1317 или 1318 году. Это был Юрий Данилович, и продержался он недолго. Его *предшественником и преемником* на великом княжении Владимирском были князья тверского рода. А в XVI веке при дворе московских государей тверским великим князьям наследовали богатые и влиятельные князья Микулинские^[10].

Князья Голицыны, Куракины, Щенятевы по женской линии восходили к великому князю московскому Василию I. А князья Мстиславские так же, по женской линии, — к самому Ивану Великому, деду Ивана Грозного.

Князья Воротынские, Одоевские, некоторые ветви Ярославского дома

еще вчера являлись без малого суверенными государями в своих владениях, притом Воротынские были фантастически богаты.

Представитель любого из этих княжеских родов имел, в большей или меньшей степени, права на московский трон, если линия Московского дома Рюриковичей пресечется. Многие из них могли бы считаться очень серьезными претендентами даже при наличии князей Старицких...

Более того, позднее, в эпоху Смуты, князья Шуйские все-таки осуществят свое родовое право, один из них на четыре года займет российский трон, а прочие «княжата» (Голицыны и Мстиславские, например) пройдут по кривым политическим тропам буквально в шаге от престола.

Так во главе государства Российского оказался государь-ребенок, государь-сирота. У него остался единственный близкий человек — младший брат Юрий, совсем уж младенец, притом не вполне здоровый, возможно, слабоумный.

Иван Васильевич постоянно находился в опасности. Все его детство — полет над пропастью, который мог в любой момент окончиться гибелью. Мальчик Иван, сын Василия III, удержал престол и не погиб только потому, что Бог не дал всем названным высокородным господам составить альянс да сменить его на кого-то из своих.

Вокруг трона на протяжении многих лет шла кровавая грызня за власть. Придворные «партии» русской знати жестоко конкурировали друг с другом, пускались в интриги и заговоры, устраивали перевороты. Кровопролитие, предательство и обман совершались на глазах у мальчика, и он жадно впитывал этот жизненный опыт.

Иван Васильевич надолго остался без добрых наставников и усвоил худшие уроки того времени. Источники сообщают, что еще в детские годы государя жестокость стала отличительной чертой его характера. В 13 лет он впервые повелел казнить человека. Возможно, его подтолкнула отдать такой приказ группа вельмож, близких к трону. Однако, повзрослев, он не станет вычеркивать из государственной летописи сообщение об этой казни и не станет отрицать, что указание исходило именно от него. Значит, Иван Васильевич осознанно принял такое решение.

За государя земли Русской правили страной те самые придворные «партии», раз в несколько лет сменявшие друг друга у кормила власти. Хуже того, мальчик чувствовал, что к нему лично, формально — властителю державы, не проявляют должного почтения. В нем видели марионетку. Пока именем этой марионетки удобно было править

государством, Ивана Васильевича не пытались убить, не стремились сменить его на троне. Напротив, его берегли: тот, кто становился его попечителем, брал в свои руки всю власть над Россией. Но как с ним поступят в будущем, когда он начнет взрослеть и захочет править самостоятельно, не знал никто. Как можно было убедиться, других претендентов на престол хватало...

Поэтому с мальчиком обращались как с ценным имуществом — бережно, но без уважения, ласки и заботы. Чем взрослее он становился, тем меньше «ценности» в нем оставалось для вельможных группировок и тем больше набиралось неудобств.

Через много лет он ярко и горько опишет ощущения собственного детства: «Когда суждено было по Божьему предначертанию родительнице нашей, благочестивой... Елене, переселиться из земного царства в небесное, остались мыс... братом Юрием круглыми сиротами — никто нам не помогал; оставалась нам надежда только на милосердие Божие, и на милость пречистой Богородицы, и на всех святых молитвы и уповали лишь на благословение родителей наших. Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили! Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца, и воевод перебили! Дворы, и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери нашей перенесли в Большую казну, при этом неистово пиная ногами и тыча палками, а остальное разделили... Вот так князя Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на церковь руку подняли, свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единокровным братом моим... начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке,

опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет — ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить подобные бессчетные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалование, а взяли себе... а бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние... А о казне наших дядей что и говорить? Всю себе захватили... Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и чинили беспорядки, от всех брали безмерную мзду и в зависимости от нее поступали и говорили».

Выход Ивана Васильевича из-под стеснительной опеки высокородных аристократов происходил крайне медленно и трудно. Важно понимать: натерпевшись с детства безвластия и неуважения, государь российский ничего не забыл и обид не простил. В зрелости, когда все выбросят из памяти, как обращались с малышом 20, 30, 40 лет назад, он будет знать: вот рода, когда-то унижавшие его; вот семейства, которые когда-то берегли его... к своей выгоде.

Очень долго, *слишком* долго русский правитель жил как сирота, мало кого интересовавший и, ко всему, чувствовавший, до какой степени призрачна его безопасность. Если бы аристократические партии договорились между собой и решили, что мальчик больше не нужен, что можно управиться без него, что князь Старицкий или иной претендент будет удобнее для большинства «великих людей государства», тогда бы Ивану Васильевичу несдобровать. Жизнь его спасло бы разве только чудо Господне...

И в будущем никакая сила не заставит потускнеть в его сознании впечатления детства — столь яркие и столь трагические.

БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Огромная сила и власть русской знати в детские годы Ивана Васильевича — не случайность. Иначе и не могло произойти, поскольку от времен Ивана Великого так устроено было русское общество.

В ту пору главной опорой трона являлась многочисленная аристократия, богатая и влиятельная. Представители боярских и княжеских родов властвовали порой над городами и целыми областями. Десятки аристократов из рода Рюрика имели близкородственные связи с правящей Московской династией. Фактически на протяжении всей истории Московского государства монархи и служилая знать делили власть над страной. Нередко у аристократии власти оказывалось больше.

Это имело свои плюсы и минусы.

С одной стороны, Россия получила в лице боярско-княжеской знати первоклассный слой военачальников и администраторов. Служилые аристократы обладали колоссальным наследственным опытом властвования. Они являлись, кроме того, самой образованной частью старомосковского общества (после разве что духовенства). Наконец, они были в большинстве своем энергичными, отважными, выносливыми людьми.

С другой стороны, русская знать отличалась своеволием и властолюбием. Она считала себя коллективным хозяином страны, и московский государь выглядел в ее глазах всего лишь одним из «собственников», пусть и старшим. А значит, приписывала себе вечное право управлять державой и получать прибыль от управления. Чуть только государи московские давали слабину, служилая аристократия сейчас же устремлялась к рычагам власти. В подобных обстоятельствах самого правителя старались оттеснить от решения государственных дел: «Пусть побудет в стороне, сами справимся!»

При особе государя заседал аристократический совет — Боярская дума. Без нее в России XVI–XVII веков государственные дела не вершились. Постановление («приговор») Боярской думы имело силу закона. Туда входили лица, принадлежавшие к самым древним и влиятельным родам. Это были образованные люди с большим опытом управления страной и ведения победоносных войн. Пока они проявляли верность государям московским, их огромная сила, их управленческие способности направлялись на благое дело — оборону границ,

административную работу. Но когда на престол взошел монарх-ребенок, они принялись своевольничать.

На протяжении десятилетия московская служилая знать безраздельно контролировала рычаги высшей власти в Московском государстве. Результат нельзя назвать положительным: борьба за власть между аристократическими кланами Шуйских, Бельских и Глинских привела к политической нестабильности, кровопролитию, разворовыванию казны. Не чувствуя над собой тяжелой государевой руки, аристократы не лучшим образом противостояли внешнему врагу и усвоили крайне пренебрежительное отношение к Церкви.

Самой мощной из «партий» русской знати, принявших участие в большой игре у кормила власти, являлась группировка князей Шуйских. В союзе с родственниками, свойственниками и доброхотами Шуйские могли добиться многого. Природные Рюриковичи, при дворе они играли роль «принцев крови».

В конце 30-х — первой половине 40-х годов XVI столетия Шуйские делают несколько решительных шагов к верховной власти и на некоторое время завоевывают ее. Символом особого положения Шуйских стало принятие князем Василием Васильевичем Шуйским древнего, ставшего к середине XVI столетия архаичным титула наместника московского. Двух представителей рода Шуйских вскоре пожаловали боярским чином, и вместе с прежними боярами Шуйскими в Думе сидели уже четыре князя этой фамилии! Шуйских поддерживала мощная группировка московской знати и, возможно, Новгород. Долгое время не находилось силы, способной им противостоять.

Их сильнейшего противника князя Ивана Федоровича Бельского взяли под стражу, а свиту его разослали «по селом». Дьяка Федора Мишурина, возвысившегося еще при Василии III и державшегося партии великого князя-мальчика, обезглавили «без государского веления». Боярина Михаила Васильевича Тучкова выслали из Москвы «в село». А несколько месяцев спустя свели с кафедры митрополита Даниила.

Летопись, отражающая точку зрения Церкви, сообщает о событиях того времени следующее: «...и многу мятежу и нестроению в те времена быша в христианьской земле, грех ради наших, государю младу сушу, а бояре на мзду уклонишася без возбранения, и много кровопролития промеж собою воздвигоша, в неправду суд держаще, и вся не о Бозе строяще, Богу сия попущающе, а врагу действующе».

В 1542 году Шуйские свергли и митрополита Иоасафа, вступившегося за князя И. Ф. Бельского. Сам же Бельский отправился на Белоозеро «в

заточение», где его позднее убили, а виднейшие сторонники князя — в ссылку «по городом». Летопись добавляет: «И бысть мятеж велик в то время на Москве и государя в страховании учиниша». Более того, с князем Бельским расправились вопреки мнению малолетнего государя, который его «в приближении держал и в первосоветниках».

Покуда свершался переворот, малолетнего государя разбудили среди ночи и заставили «пети у крестов». Великий князь, несмотря на громкий титул, оказался бессилён как-либо помочь своему любимцу князю Бельскому... Он не являлся настоящим государем даже в собственной комнате!

Через много лет Иван Васильевич с яростью и печалью напишет: «Когда я стал подрастать, то не захотел быть под властью своих рабов и поэтому князя Ивана Васильевича Шуйского от себя отослал на службу, а при себе велел быть боярину своему князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав множество людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили, а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии». Правитель еще был мал. Вряд ли двенадцатилетний мальчик сам определял, кому быть при нем, а кому отправиться на службу в дальние города. Но, как видно, боярская партия Бельских менее утесняла его и, занимаясь государственными делами, чаще действовала с учетом его желаний. Свержение ее ничего доброго не сулило державному отроку.

Но самое страшное унижение ему пришлось испытать в сентябре 1543 года. Шуйские и их сторонники избили государева приближенного Федора Семеновича Воронцова за то, «...что его великий государь жалует и бережет». Это произошло во время заседания Боярской думы. На Ф. С. Воронцове разорвали одежду и собирались его убить. Иван IV едва упросил пожалеть фаворита. Однако уговорить Шуйских не отправлять Воронцова в дальнюю Кострому, а ограничиться ссылкой в близкую Коломну великому князю не удалось.

Для мальчика период длительностью приблизительно в шесть или семь лет стал самым черным, самым горьким во всей биографии. Между 1538-м и концом 1543 года юный государь был всего-навсего пешкой в большой игре между мощными кланами аристократов.

Любопытно, что итальянский архитектор Петр Фрязин в 1538 или 1539 году бежал за рубеж от «великого насилия» бояр, а бегство свое оправдывал состоянием страны, емко переданным в одной фразе: «мятеж и

безгосударство». Этим подтверждаются слова государя, а также свидетельства ряда других источников.

После приведенных выше строк одновременно и абсолютно верным, и невероятно лукавым выглядит замечание князя А. М. Курбского о воспитании великого князя и о его поведении в годы господства знати: «... юный, воспитанный без отца в скверных страстях и самоволии, крайне жестокий, напившийся уже всякой крови — не только животных, но и людей». А кто воспитывал его так? Кто по капризу избалованных властью «княжат» менял митрополитов на Московской кафедре, являя образец дикой непочтительности в отношении Церкви? Все та же служилая аристократия, страстно мечтавшая поменьше служить и побольше править. Иными словами, та аристократическая среда, откуда вышел и сам Андрей Курбский — плоть от плоти ее, голос ее, одушевленная правда ее.

Сначала мать, а потом «думные люди» понемногу приучали «государя» к участию в государственных делах: мальчик присутствовал на приемах иностранных дипломатов, участвовал в церковных торжествах и церемониях. Однако до середины 40-х годов XVI столетия он вряд ли что-то значил в делах правления. Правили то Елена Глинская, то Шуйские, то, недолгое время, Бельские с группой сторонников. Государю просто не хватало годочков для участия в серьезных играх державства.

И всего вероятнее, ему, как имеющему право повелевать, хотелось поскорее овладеть главной ролью в спектакле российской государственности.

Впервые он выходит на арену как фигура, способная отстаивать собственный интерес, в 1543 году: мальчик спас от смерти Федора Воронцова. Тогда дети выросли раньше, чем сейчас. А сиротство и обстановка нестабильности, борьбы между сторонниками разных «дворовых» группировок, вполне реальная возможность лишиться трона — все это очень способствовало быстрому возмужанию Ивана Васильевича. В конце 1543-го—1544 году он начинает переламывать ситуацию в свою пользу. Вряд ли одни только усилия венценосного подростка могли изменить позицию на шахматной доске большой политики. Была к этому и значительно более серьезная предпосылка: «Шуйское царство», то есть попытка монополизации власти одной аристократической партией, входило в противоречие с интересами других групп и семейств знати. Как ни парадоксально, сильный государь оказался не столь уж бесполезен для русской знати того времени: при ее многолюдстве и, может быть, даже избыточности великий князь исполнял роль арбитра в спорах и следил за тем, чтобы в разделе административного пирога участвовали все

значительные силы. К середине 1540-х годов правителя-юношу поддерживали новый митрополит Макарий, а также семейство Глинских, пусть и ослабленное прежними потерями. «Врагами его врагов» стали многочисленные аристократические кланы, противостоявшие Шуйским (Щенятевы, Хабаровы, Тучковы, Бельские, предположительно Морозовы и особенно Воронцовы), а также все те, кому Шуйские отрезали дорогу к власти. Эта совокупная сила начинает действовать, превратив малолетнего великого князя в свое знамя. Зимой 1543/44 года «партия государя» наносит ответный удар.

Вот что сообщает об этом летопись: «Тоя же зимы декабря в 29 день князь великий Иван Васильевич всеа Руси, не мога того терпеть, что бояре безчиние и самовольство чинят без великого князя веления своим советом единомысленных своих советников, многие убийства сотворили своим хотением и перед государем многая безчиния и государю безчестия учинили и многия неправды земле учинили в государеве младости, и великий государь велел поимати первосоветника их князя Андрея Шуйскаго и велел его предати псарем. И псари взяша и убили его, влекуще к тюрьмам противу ворот Ризположенеких в граде. А советников его розослал — князя Федора Шуйскаго, князя Юрия Темкина, Фому Головина и иных. И от тех мест начали бояре бояться от государя, страх иметь и послушание».

Сторонникам «Шуйского царства» давали понять: прежнее влияние им не возратить, а лучше бы вести себя поскромнее и потише. Так было совершено первое значительное политическое деяние Ивана IV. Сопровождалось оно действительно кровопролитием. И для партии Шуйских подобный разгром стал полной неожиданностью...

Но.

Допустим, государь-подросток впервые показал зубы, впервые пролил кровь, освободился от ненавистных врагов. Стал ли он после этого самовластным правителем? Ушел ли от преобладающего влияния служилой знати на дела высшей государственной важности? Да об этом и речи быть не может. Совершенная неопытность великого князя в дипломатии, военном деле и внутренней политике, его юношеский возраст, недостаток сил, которые могли бы оказать прямую поддержку, по-прежнему делали его полностью зависимым от действий служилой знати. Юного сироту не столь уж трудно обмануть. Много ли усилий потребуется опытному дворцовому интригану, чтобы найти способ, как манипулировать отроком к собственной пользе или же к пользе своей «партии»?

Свободнее, в лучшем случае, стал личный государев обиход, но это

никак не означает начала единовластного правления.

«Шуйское царство» кончилось, однако боярское правление продолжалось.

На протяжении примерно трех лет Иван Васильевич отстаивает свой новый статус от попыток принизить его, реставрировать наиболее неприятные для него моменты из времен «Шуйского царства». Так, например, в сентябре 1545 года Афанасию Бутурлину, представителю древнего московского боярского рода, отрезали язык «за его вину, за невежливые слова». А через месяц Иван IV возложил опалу на целую группу служилых аристократов. Впрочем, довольно быстро они получили прощение в результате «печалования» митрополита Макария.

Источники не позволяют судить, действительно ли все эти удары наносил юный правитель. Его именем для расправы над врагами с той же вероятностью могли воспользоваться аристократические группировки, потеснившие клан Шуйских. Чего было больше — молодого задора в борьбе монарха за право самому решать державные дела или же тонко рассчитанной интриги, смысл которой государь не обязательно понимал, а и понимая, не обязательно мог воспротивиться?

Нет четкого ответа на этот вопрос.

Характер Ивана Васильевича резко испортился. От тех лет сохранились известия о молодом незамысловатом хулиганстве великого князя, о его странных играх и жестоких забавах.

Он как будто превращается в ерша. «Вы вертели мною? Попробуйте-ка продолжить! Руки обдерете. Со мной уже не так удобно, как прежде».

В частности, псковская летопись, абсолютно независимый источник, сообщает о потравах и разоре, учиненном в псковских землях резвым молодым правителем и его товарищами. Видимо, во время одного из игрищ Иван Васильевич разъярился на свитского молодого человека, княжича Михаила Богдановича Трубецкого, и велел удавить его. По косвенным известиям можно строить догадки о том, что великий князь любил охоту, скоморохов, был охоч до женского пола. В источниках видны отголоски слухов, согласно которым Иван Васильевич, возможно, какое-то время склонялся к содомии. Однако невозможно ни вполне доказать, ни до конца опровергнуть это. Слухи, они и есть — слухи.

Молодой правитель отличался крайне эмоциональным и притом несдержанным характером. Видные представители духовенства обращались к нему с увещеваниями. К счастью, увеселения перемежались поездками по монастырским обителям, продолжавшимися неделями, а порой

и месяцами. Юное буйство соединялось с искренней крепкой верой.

Мудрое пастырство со стороны одного из крупных церковных деятелей в ту пору имело шансы не только сдерживать развитие скверных наклонностей, но и выковать чистый металл одухотворенной личности из артистической натуры — эмоционально неровной, подверженной сомнениям и колебаниям, воздушно-легкой. А впоследствии — направить неистовую энергию молодого государя к созидательной работе. По всей видимости, роль подобных пастырей сыграли митрополит Макарий и широко образованный священник Сильвестр, духовный писатель. С первым государь навсегда сохранил добрые отношения. Великий духовный наставник, Макарий повлиял на молодого правителя наилучшим образом: тот смягчился нравом. Второй пользовался своим влиянием слишком давяще, а то и небескорыстно. Священник Сильвестр долгое время имел огромное влияние на самого Ивана Васильевича да и на политику его правительства. Но в зрелых годах Иван Васильевич станет испытывать к Сильвестру отвращение.

Напряжение постепенно нарастало и закончилось жестоким кризисом.

В мае или июне 1546 года Иван Васильевич выходил с войсками под Коломну, видимо, по «крымским вестям». Боевых действий не случилось, и великий князь остался на некоторое время в тех местах для игр и развлечений. Отряд новгородских Пищальников^[11] попытался подать ему какое-то челобитье; не желая принимать его, Иван Васильевич попробовал было отослать отряд, но пищальники уперлись, не собираясь уходить. Между ними и дворянами великокняжеской свиты произошло настоящее сражение, с обеих сторон были убитые. Полагая, что за попыткой в неурочное время в неурочном месте подать челобитную кроется заговор, притом людей, стоящих намного выше простых ратников, государь поручил дьяку Василию Захарову-Гнильевскому розыск. Тот указал нескольких виновных. В истинности слов дьяка, судя по нескольким странным оговоркам в летописном тексте, Иван Васильевич впоследствии сомневался. Но тогда он велел (может быть, не вполне обоснованно) казнить Федора Семеновича Воронцова, ставшего влиятельным человеком при особе государя, его родича Василия Михайловича Воронцова, а также старого крамольника князя Ивана Ивановича Кубенского.

Источники не дают возможности определить, существовал ли на самом деле заговор. Однако расправа с несколькими видными представителями знати показала: конфликт на самой вершине власти грозит вновь обернуться открытым противостоянием. Как в недавние годы

«безгосударства»...

Ситуация с коллективным челобитьем в неурочное время повторилась до странности сходно в 1547 году, когда в роли жалобщиков выступили уже псковичи. Их Иван Васильевич разогнал со срамом и бесчестьем.

ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО

Источники того времени рисуют Ивана Васильевича молодым человеком, рано повзрослевшим и вымахавшим с коломенскую версту. Позднее, видимо, он несколько растолстеет. Более поздний источник сообщает о государе в зрелом возрасте следующее: «Царь Иван образом нелепым (не отличался красотой), очи имел серы, нос протягновенен и покляп (изогнут), возрастом (ростом) велик был, сухо тело имел, плечи высоки имел, грудь широкою, мышцы толсты». Что же касается внешнего благообразия, то оно, вероятно, было подпорчено дурной привычкой скоро и бурно впадать в ярость, каковую государь приобрел на закате жизни. Когда он был молод, его считали красивым.

Этому красивому юноше, повидавшему за неполные 17 лет много темного и страшного, Господь Бог подготовил два подарка столь важных, столь значительных, что в них молодой государь мог увидеть приглашение свыше: пора покинуть всю эту темень, пора начать новую жизнь!

В январе 1547 года российский монарх Иван Васильевич венчался на царство.

Московские государи с XIV века носили титул «великих князей московских». Однако в дипломатической переписке еще при Иване III начали применять титул «царь», приравнивая его к императорскому. Таким образом, во всей Европе, по мнению наших монархов, с ними мог равняться лишь германский император, да еще, может быть, турецкий султан, которому менее чести, поскольку он нехристианский правитель. Кроме того, царское звание ставило московских правителей на порядок выше любого знатного рода на Руси, включая многочисленных представителей различных ветвей Рюрикова дома.

Но одно дело — использовать столь высокий титул в дипломатическом этикете и совсем другое — официально принять его. Этот шаг стал серьезной политической реформой, важным поворотом в мировоззрении русского общества и сильным ходом в укреплении позиций лично Ивана IV.

«Книжные люди» того времени понимали: на их глазах происходит перенос византийского политического наследия на Русь. В Москве появляется новый «удерживающий», чье место на протяжении века, после падения Константинополя, пустовало. Политика соединялась с христианской мистикой, ибо «удерживающий» или «катехон» предотвращает окончательное падение мира в бездну, к полному

развращению и отходу от заповедей. Если нет его, значит, либо должен появиться новый, либо Страшный суд близится, а вместе с ним и конец старого мира.

Таким образом, на плечи семнадцатилетнего государя легло тяжкое бремя.

Когда-то, много поколений назад, существовали великие православные цари, защитники Церкви, повелители Империи. Об их деяниях написано в древних хрониках и русских летописях. Они стояли во главе государства, наследовавшего величественному Риму. В те золотые годы Империи, когда христианский идеал органично соединялся с текущей исторической реальностью, константинопольские правители не позволяли простой корысти взять верх над верой, высокой культурой, честью, долгом, интересами державы. Они поддерживали порядок больше тысячи лет, а потом сгнули, став жертвой агарян. Но Русь, благодаря заступничеству Пречистой Богородицы, устояла.

И, следовательно, есть куда перейти «царственности».

Истинный царь, по представлениям того времени, самодержавен, что значит: независим от внешних сил и полновластен в отношении подданных. Никакой закон не связывает его. Но смысл его трудов нерасторжимо связан с верой. По христианским понятиям, царь — ставленник Бога на земле, Божий служилец, персона, руководствующаяся правилами веры в каждодневной политической деятельности. Он ведет за собой народ по дорогам, которые указал Господь. Народ же обязан повиноваться ему. Но если царь нечестив, если он глубоко греховен, тем более если он отступничает, ни во что ставя правую веру, то он просто не нужен. Следует его поменять на другого, лишенного этих недостатков. Бог отходит от него, попуская несчастья, падающие и на правителя, и на его народ.

Таким образом, царь, который не служит Богу «по всякий день», — не царь вовсе.

Истинный царь «ходит вслед Господа Бога» (Цар. 12:14).

Авторитетнейший современный русский монархист Леонид Петрович Решетников выразил мысль об идеальной сути самодержавия с блеском: «Самодержавие часто представляют как некий восточный деспотизм, ничем не удерживаемый и никем не ограниченный. Однако на самом деле понятие «самодержец» несло в себе в первую очередь духовный, а не политический смысл. Самодержец имел самое тяжкое, самое жесткое ограничение своей власти — ограничение верой, ответственностью за народ — Божие достояние... Самодержавие означало полное

самоотречение во имя России, абсолютную личную ответственность за все, что в ней происходило, полную бескорыстность монаршего служения».

В Ветхом Завете сказано: Бог дал евреям царя, когда те отвергли самого Бога, не желая, чтобы Он царствовал над ними. Но царь поставлен все-таки по разрешению Божьему. Следовательно, власть его, даже самая обременительная, законна. И незаконной она становится только тогда, когда обращается против своего небесного источника. Первым царем над народом Израиля поставлен был Саул, сын Киса, из земли Вениаминовой, красивейший во всем народе и всех превосходивший ростом. По воле Божьей, он защитил народ от злых врагов — филистимлян. Но израильтяне бунтовали против царя своего. Да и сам царь оказался несовершенным орудием Божьей воли, поскольку далеко не всегда понимал, чего хочет от него Господь и как ему поступить правильно; случалось царю прямо идти против воли Бога. И был отвергнут Богом Саул, одержим злым духом, царское же достоинство отобрано у него. Он озлобился, превратился в ложного царя и, защищая власть, которая более не принадлежала ему, убивал священников, обращался к колдовству. В день решающей битвы с врагами евреев он пал вместе с тремя сыновьями, ибо Господь отвернулся от него. Его заменил «истинный царь» — Давид.

Жизнь первого царя евреев Саула в Московском царстве отлично знали по библейским текстам. И главный завет для первого русского царя на все его будущее правление состоял в том, чтобы слушать Бога и не становиться новым Саулом. Иван Васильевич в своих посланиях не раз ассоциировал себя с «истинным царем» Давидом — полной противоположностью Саулу.

Но выполнить этот завет получилось лишь отчасти.

За принятием царского титула видится и мудрость митрополита Макария, короновавшего молодого монарха, и, возможно, острый ум князей Глинских.

Церемония венчания прошла с большой пышностью в кремлевском Успенском соборе^[12]. Через несколько дней государь выехал на богомолье в Троице-Сергиев монастырь.

Царский статус Ивана IV европейские страны признали не сразу, процесс признания происходил в дипломатической борьбе. Чрезвычайно важным этапом стало подтверждение царского титула патриархом Константинопольским Иоасафом. Это случилось в 1561 году. Таким образом, первый по чести среди владык православного мира признал «переход царственности» от Второго Рима к Риму Третьему.

Тогда же, в 1547-м, Иван Васильевич женился на девушке Анастасии из могучего боярского рода Захарьиных-Юрьевых и был счастлив в браке с

нею. Царица Анастасия стала для него «лозой плодovитой», родив более детей, чем в дальнейшем все последующие супруги царя вместе взятые. Она отличалась богомольностью, с удовольствием вышивала собственными руками покровцы для церкви.

Иван Васильевич испытывал глубокое нежное чувство к своей жене. Обретя любимого человека, государь также нашел сильных союзников в лице богатой и влиятельной семьи, из которой она происходила. Впоследствии из этого же рода вырастет династия Романовых.

Нельзя сказать, чтобы свадьба и венчание на царство моментально исправили характер Ивана IV. Но способствовали этому.

Государь до тех пор был юношей у власти — без твердого определения, кто он есть по отношению к своей же аристократии, по каким образцам должна строиться его жизнь, что в ней будет играть роль непреложных законов, а чему уготована судьба маргиналий на полях биографии. Принятие царского титула и женитьба мощно встроили его в социальный механизм Русской цивилизации. Ивану Васильевичу фактически предложили настоящую полновесную роль на всю жизнь — роль главы собственной семьи, в перспективе же — светского главы всего православного мира. Последнее выводило Ивана Васильевича из статуса «старшего» в разветвленном роду Рюрика и ставило, как уже говорилось, недостижимо высоко в отношении всей русской знати.

Подобное возвышение налагает значительные ограничения на монарха — на его образ жизни и даже на образ мыслей. В течение нескольких лет молодой государь приносил Церкви покаяние за прежнее беспутство и «врастал» в свою великую роль.

В начале — середине 1550-х годов Иван Васильевич выглядел как человек, идеально этой роли соответствующий. Один итальянец оставил весьма привлекательный его портрет: «Князь и великий император по имени Иван Васильевич имеет от роду 27 лет, красив собою, очень умен и великодушен. За исключительные качества своей души, за любовь к своим подданным и великие дела, совершенные им со славою в короткое время, достоин он встать наряду со всеми другими государями нашего времени, если только не превосходит их... Император руководствуется своими несложными законами, по которым он с величайшей справедливостью царствует и управляет всем государством... Император запросто разговаривает и обращается со всеми; он обедает со всеми вельможами всенародно, но с истинным благородством: с царским величием он соединяет приветливость и человечность».

Укрепить в это роли заставил его страшный московский бунт 1547

года.

12, 20 и 21 апреля в Москве вспыхивали большие пожары. Последний из них приобрел катастрофический масштаб. Рвались пороховые погреба, пылали церкви, падали колокола, были объаты пламенем Пушечный двор, Гостиный двор, Соляной двор, Оружейная палата, Постельная палата, Казенный двор, царская конюшня и добрая половина города. Горело Замоскворечье и Заяузье. Митрополита Макария пришлось спасать от нестерпимого жара, выводя из Кремля через подземный «тайник». Из крепостного тайника его попытались спустить на веревках к Москве-реке. Но вожжи оборвались, и митрополит, ударившись оземь, чуть не отдал Богу душу.

В огне погибли 1700 москвичей...

Царь, к счастью, пребывал под городом, в селе Воробьево, и не пострадал. Это бедствие, не случавшееся в Москве ни разу на памяти современников, воспринято было как Божья кара за грехи и, в частности, «беззакония». Среди москвичей разразился жестокий мятеж. Этот бунт острием своим был направлен на группировку, поддерживавшую царя, в частности Глинских, которых *вовремя* пущенные слухи обвиняли в колдовстве и беззакониях. Возможно, партия Шуйских или иная группировка знати спровоцировала посадских людей на это страшное, бессмысленное, разрушительное выступление. Игры «великих людей царства» наложились на брожение низов, раздраженных нестроениями последних лет. Историк Сигурд Оттович Шмидт считает, что в тот момент «повсеместно выявлялось широкое недовольство политикой правительства» — в «публицистике» и в бунтах.

Летопись рассказывает о мятеже кратко, без особых цветов красноречия: «Черные люди града Москвы от великие скорби пожарные восколебашася, яко юроди, и пришедше в град и на площади убиша камением царева великого князя боярина князя Юрья Василиевича Глинскаго и детей боярских многих побиша, и живот князей розграби-ша, рекуще безумием своим, яко «вашим зажиганием дворы наши и животы погореша». Царь... повелел тех людей имати и казнити; они же мнози разбегошася по иным градом». Иван Васильевич пережил смертный ужас: к нему в Воробьево явилась бунтовская чернь и потребовала выдать «главную колдунью» княгиню Анну Глинскую и ее сына князя Михаила Васильевича Глинского, оставшегося главой рода. Недалеко было и до того, что руки мятежников потянутся к государеву горлу...

Впоследствии царь станет с ужасом вспоминать события 1547 года:

«...вниде страх в душу мою и трепет в кости моя, и смирился дух мой, и умилился, и познах свои согрешения». Иван Васильевич получил представление о том, как страшна может быть народная стихия, как дорого может обойтись любой повод для массового недовольства.

ВРЕМЯ ИЗБРАННОЙ РАДЫ

Страна в ту пору управлялась сложно и пестро. Каждая область имела собственные административные и правовые обычаи. «Церковная область», рассыпанная по всей державе, управлялась по особым законам и правилам. Служилая знать получала в «кормление» доходы от административной деятельности на местах, занимая должности по очереди, на сравнительно короткий срок. Чаще всего на год. Следовательно, эти доходы распределялись неравномерно — в зависимости от силы и слабости аристократических партий, способных продвинуть на кормление своих людей. А люди, получавшие должности как разновидность жалованья, отличались большими или меньшими способностями к работе, которую им вменялось в обязанности выполнять.

Центральное управление не успевало за все нарастающим валом задач, возникавших на колоссальной территории. Ведь за полстолетия — с 1470-х по 1520-е годы — территория страны увеличилась в несколько раз!

Административной структуре, правовой сфере и церковному устройству требовались реформы. В 1530-х — середине 1540-х годов преобразованиям уделялось мало внимания. Борьба за власть пожирала творческие силы политической элиты. В активе того периода — лишь денежная реформа Елены Глинской. Ко второй половине 1540-х проблем накопилось выше крыши.

После венчания государя наступает период, благоприятный для реформаторства.

У кормила власти стоят все те же аристократические кланы, но среди них нет первенствующей партии. Долгая боярская распря утомила и обескровила главных ее участников. И во второй половине 1540-х годов русская аристократия пришла к соглашению: несколько десятков могущественнейших родов России (примерно 50–80) мирно правят страной, договорившись между собой о более или менее равномерном распределении власти. Между их представителями делятся все ключевые посты Российской державы; места в Боярской думе, назначение в наместники, управляющие богатейшими городами, воеводские должности в полках и крепостях. Число «думных людей» возросло: «кресел» в правительстве должно хватать всем достойным того по праву рождения.

Государь уже не являлся мальчишкой, которым нетрудно помыкать, теперь он мог выполнять роль арбитра и влиять на политический курс в

желательном для себя направлении; однако совокупной силе аристократии Иван Васильевич мало что мог противопоставить. Сам он впоследствии напишет об аристократическом окружении тех времен (конец 1540-х — 1550-е годы) следующее: «...всю власть вершили по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало... Если мы предлагали даже что-либо хорошее, им это было неуютно, а их даже негодные... плохие и скверные советы считались хорошими». Впрочем, источники показывают, что влиять на дела в то время государь все-таки мог. Особенно — с середины 1550-х годов.

Формальное примирение между монархом и его недоброжелателями происходит в 1549 году: царь публично снимает с них вину за прежние злоупотребления, кается за собственную суровость.

Позднее он сам напишет об этом, обращаясь к одному из представителей горделивого слоя «княжат» — Андрею Курбскому: «Собрали мы всех архиепископов, епископов и весь священный собор русской митрополии и получили прощение на соборе том от нашего отца и богомольца митрополита всея Руси Макария за то, что мы в юности возлагали опалы на вас, бояр. Так же и вы, бояре наши, за все, в чем выступали против нас, получили тогда прощение. Вас же, бояр своих, и всех прочих людей своих мы в проступках пожаловали и впредь об этом не вспоминали, и так признали всех вас верными слугами»^[13].

На митрополичьей кафедре стоит человек государственного ума, великого милосердия и обширных знаний — святитель Макарий. Как видно, ему удавалось направлять неистовую энергию молодого царя в доброе русло и не давать ей выхлестываться бурно, разрушительно.

В ходе реформаторской деятельности образуется... нечто, впоследствии поименованное князем Андреем Михайловичем Курбским «Избранная рада». На протяжении многих лет историки спорят, чем она являлась — постоянно действующим административным органом, политическим клубом, Ближней думой, группой теснейших сотрудников царя? Не так давно вышла книжка историка А. И. Филюшкина, вообще отрицающего существование Избранной рады.

По всей видимости, Избранная рада была чем-то вроде политического кружка при Александре I в начальные годы его правления. С той лишь разницей, что деятельность ее оказалась намного результативнее. В ее состав, помимо самого государя, входили: окольничий Алексей Федорович Адашев, священник кремлевского Благовещенского собора Сильвестр, боярин князь Дмитрий Иванович Курлятев, возможно, митрополит Макарий. Что касается других политических деятелей того времени, то их

присутствие в составе кружка менее вероятно^[14]. Однако, поскольку ни в летописи, ни в каких-либо архивных комплексах работа Избранной рады не отражена, о ее функционировании и составе больше приходится гадать, нежели делать выводы на устойчивой информационной основе.

Особую роль сыграли две персоны, по всей видимости, представлявшие интересы крупных аристократических группировок, но не входившие в круг высокородной знати: священник Сильвестр и окольный Алексей Федорович Адашев. Первое время Иван Васильевич доверял обоим, охотно внимая их советам и даже в какой-то мере с почтением принимал разработанные ими политические решения^[15].

Независимый летописец сообщает о времени Сильвестра и Адашева: «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси послал в Царьгород гонца своево Костромитина Федора Адашева и сына его Алексея. И Федор у царя^[16] был, и царь его пожаловал великим жалованьем. И приехал [к] государю, и государь его пожаловал. А сын его Алексей разболелся и тамо остался у царя, а был 3 год. И приехал к великому князю, и князь великий его пожаловал и взял его к себе в приближение, и отца... пожаловал боярством, а его окольным. И много лет был в царьской милости и до опришнины... А житие его было: всегда пост и молитва безспрестани, по одной просвиры ел на день... А как он был во времена^[17], и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе. А кому откажет, тот вдругорядь не бей челом: а кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою, тот болыпи того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану. Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в ызбе у Благовещения...»

Вероятно, Избранная рада играла роль политического консультативного совета, а также «буфера» между государем, аристократическими партиями и Церковью. Здесь согласовывались позиции аристократических группировок по важнейшим вопросам внутренней политики и рождались окончательные формулировки административных решений. Но реальной властью наделена была все же не Избранная рада, а Боярская дума и государь.

Итак, государь и боярское правительство, используя в качестве инструмента Избранную раду, провели ряд серьезных реформ.

Реформаторы в первую очередь отменили кормления, и на их место пришел сбор «кормленного окупа», то есть денежных средств, которые потом распределялись казной между представителями военно-служилого

класса. На местах ограничена была власть наместников и волостелей — администраторов, присылаемых из Москвы; значительная часть их функций перешла к выборным должностным лицам: «излюбленным головам», «земским старостам» и «губным старостам». Они теперь занимались «оперативной работой», то есть следствием по воровским, разбойным делам и прочей уголовщине, а также урегулированием поземельных дел.

Все губные старосты, приступая к службе, давали клятву: «Целуем крест своему государю царю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его царице великой княгине Анастасье и детям и их землям на том: хотеть нам своему государю царю великому князю Ивану и его царице и великой княгине Анастасье и их детям и их землям добра во всем вправду безо всякие хитрости по сему крестному целованью, а лиха нам, своему государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его царице великой княгине Анастасье и их детям и их землям не хотеть, не думать, не делать некоторыми делами, некоторою хитростью».

Каждый губной староста клялся не брать взятки, и если нарушал клятву, то подлежал строгому наказанию. И тут уж он мог винить только самого себя. Ведь, поступая на должность, он торжественно обещал: «А посулов (обещаний) нам и поминков (подарков) от того ни у кого не брать... и розбойников и татей ведомых (известных воров) по посулам и по дружбе не отпускать...»

По указу государей московских время от времени созывались Земские соборы. Это происходило нерегулярно. Всякий раз в работе Земского собора участвовало совещание высшего русского духовенства — Освященный собор. Что же касается представителей от разных городов и областей, а также от сословий, то их собирали по мере надобности. Земский собор являлся совещательным органом, своего рода экспертным советом. Когда государь и Боярская дума не могли найти решение крупной общегосударственной проблемы, тогда и созывался Собор. Если решение было очевидным (например, необходимость продолжать войну), однако его осуществление грозило бунтом, тогда собирали тех, кого оно могло задеть, и задавали вопрос: согласны ли они поддержать такое решение, готовы ли, скажем, платить за продолжение боевых действий? В некоторых случаях государь, выслушав мнения собравшихся, мог поступить против воли Собора, и это никогда не вызывало восстаний.

Объединение Руси означало концентрацию политической власти в центре. Еще в середине XV столетия проблемы военного дела, сбора налогов, введения новых законов, наделения поместьями дворян, а также

многое другое решались в доброй дюжине русских столиц от Рязани до Пскова совершенно независимо от других городов и земель. Но в Московском государстве все перечисленные функции управления забрала себе одна-единственная столица. Следовательно, ей требовался обширный и разветвленный административный аппарат. В течение нескольких десятилетий он быстро рос, и к середине XVI столетия в его недрах сложилась стройная система центральных ведомств. Их тогда называли «избами» («Поместная изба», «Челобитенная изба», «Разбойная изба») или «приказами».

Работавшие в приказах чиновники именовались «приказными людьми». Высшая должность в приказном аппарате называлась «думный дьяк». Это был чиновник, имевший право участвовать в заседаниях Боярской думы на роли секретаря. Ниже него стояли дьяки и подьячие. В самых важных приказах выше дьяков ставились «судьи» — служилые аристократы, руководившие работой учреждения.

Приказы были разными по масштабу. Огромные приказы, например Посольский и Разрядный, ведали важнейшими отраслями государственного управления — дипломатией и распределением дворян на должности в армии и крепостях. У приказа поменьше была гораздо более узкая сфера деятельности. Так, Приказ книгопечатного дела ведал Московским печатным двором и книжной лавкой. А совсем уж маленький Записной приказ — составлением новой летописи^[18]. Помимо отраслевых существовали территориальные ведомства: Сибирский приказ, Приказ Казанского дворца, так называемые «четверти» или «чети».

Приказы заводили собственные профессиональные училища, готовившие молодую смену старым дьякам и подьячим.

Система приказного управления оказалась весьма гибкой.

Серьезные изменения произошли в армии.

В 1550-х годах появляется стрелецкое войско, абсолютно независимое от служилой аристократии и призванное в первую очередь охранять царскую особу. Некоторые историки считают, что при Иване IV число стрельцов не превышало десяти тысяч человек. Немногочисленность стрелецкого войска искупалась тем, что бойцов обучали «огненному бою», то есть обращению с огнестрельным оружием. По другим подсчетам, в царствование Ивана Васильевича стрелецкий корпус достиг численности 20–30 тысяч бойцов. Впоследствии стрелецкую пехоту стали широко использовать в дальних походах. Особенно важную роль стрельцы играли, когда требовалось дать какой-нибудь крепости сильный гарнизон: тут стрелецкий отряд оказывался незаменимым. Кроме того, стрельцов часто

использовали для штурма неприятельских городов. В богатое войнами правление Ивана Васильевича они зарекомендовали себя превосходно.

Многие иноземцы, побывавшие в России, писали, что государь постоянно нанимал на службу выходцев из Европы — в качестве солдат, артиллеристов, младших командиров, военных инженеров и инструкторов. Русские источники подтверждают участие целых отрядов иностранных наемников в боевых действиях. На западном фронте Иван Грозный постоянно использовал служилых татар. Все это были силы, которыми принципиально легче управлять, нежели дворянским ополчением.

Однако последнее было ядром вооруженных сил России, да и самой боеспособной их частью. Здесь тоже прошла реформа. Правительство Ивана IV установило строгий порядок соподчинения воевод, чтобы во время походов они не ссорились, выясняя, кто старше, у кого место (должность) «честью выше».

Специальным уложением о службе определялось следующее: служилые люди обязаны приходить на воинские смотры «конны, людны, оружны». Количество бойцов, которых они обязаны были выставять, рассчитывалось по строго установленным нормам в зависимости от размеров их земельных владений.

Предметом особых забот царя Ивана IV стала артиллерия. На пушки не жалели средств, пушкарей натаскивали, устраивая учебные стрельбы. Один английский дипломат оставил рассказ об искусных действиях русских артиллеристов, разбивавших во время подобных «учений» фигуры из льда и иные цели: «Его Царское Величество, обыкновенно, приказывает в декабре вывозить в поле за предместье всю артиллерию, которая находится в Москве; там ее устанавливают и направляют на два деревянных дома, набитых землей; против домов ставят 2 белых значка, у которых артиллерия стреляет; делается это, чтоб Царь мог видеть, на что способны его пушкари. У русских прекрасная артиллерия из бронзы всех родов: маленькие пушки, двойные, королевские, фальконеты, василиски и пр.; у них же есть шесть больших орудий, ядра которых до аршина высотой, так что, когда они летят, их легко различаешь; у них много мортир, из которых они стреляют греческим огнем».

Иван Семенович Пересветов, русский публицист конца 40-х годов XVI столетия и, по словам историка А. А. Зимина, «горячий защитник прав и прерогатив «воинников»-дворян», советует царю поставить на дворян и стрельцов как на ядро армии, а также, по возможности, возвышать наиболее мужественных из них до командных должностей. Государь пытается обеспечить поместьями «избранную тысячу» дворян, способных

стать основой для нового, легкоуправляемого войска^[19]. Ученые спорят о том, удалось ли решить эту задачу в полной мере, но, во всяком случае, хотя бы часть «тысячников» землю получила. В «избранной тысяче» уже виден прообраз опричнины: ведь и опричина начнется с назначения «... князей и дворян, и детей боярских дворовых и городовых, 1000 голов», то есть формирования нового командирского корпуса. Хорошо было бы заменить капризную и самолюбивую знать на небогатых дворян, кушающих из рук государя!^[20] Управляемость войсками, надо полагать, резко повысится...

Тогда же был введен новый, улучшенный свод законов — Судебник 1550 года. У его появления — длинная предыстория.

В конце XV столетия под властью Москвы пребывала половина русских земель. В разных областях действовали разные своды законов, судебные правила и обычаи. Привести их к полному единству в ближайшие годы и даже десятилетия не представлялось возможным. Однако столица, где сосредоточивалась высшая власть над всей страной, должна была высылать управителей-наместников в города, отправлять судебных чиновников, организовывать следствие и суд на местах. И, кроме того, заботиться о том, чтобы должностные лица, уехавшие в дальние края, обеспечивались там всем необходимым, но не смели брать лишнее. Так появился Судебник 1497 года — свод законов, изложенных в 68 статьях. Его ввел дед Ивана IV, великий князь Иван III Великий. Там совсем немного говорится о наказаниях, назначенных за определенные преступления. Ясно, что эти нормы давно установлены законами каждой земли, каждого города. Большинство статей Судебника посвящено процедуре судопроизводства. Решаются вопросы: кто имеет право присутствовать, какие пошлины взимаются в пользу великого князя, судей и судебных исполнителей, в чем состоит работа приставов и каково их вознаграждение, какие условия следует соблюдать, если тяжущиеся стороны решились на судебный поединок...

Этот свод законов больше всего напоминал современный уголовно-процессуальный кодекс.

Заодно Судебник Ивана III решал несколько иных важных вопросов: там, например, устанавливался единый для всей России календарный промежуток, когда крестьяне могли покинуть свой участок земли, — в Юрьев день (поздней осенью), а также по неделе до и после него. Уходя, они платили единый тариф — «пожилое».

В 1550 году появился новый Судебник. Он был намного обширнее предыдущего. Туда вошло множество новых правовых норм, а старые статьи расширились. В отношении крестьян Судебник 1550 года установил несколько большую сумму пожилого.

В ту пору русские люди часто выходили «на поле», чтобы сразиться друг с другом, отстаивая правоту своих судебных притязаний. Считалось, что сам Господь Бог наблюдает за поединком и подает помощь тому, кто прав. Однако такое состязание требовало своих правил и своего порядка. Все это в подробностях установлено на страницах Судебника.

Прежде всего Судебник объяснял, что все люди делятся на две категории: «бойцы» и «небойцы». К числу первых относились взрослые мужчины. К числу вторых — старики, дети, калеки, женщины. Кроме того, небойцами считались священники и монахи, коим церковные правила не позволяют проливать кровь и тем более убивать. Судебник говорил: «Биться на поле бойцу с бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не биться; но если все-таки захочет небоец с бойцом на поле сойтись, тогда ему это позволено». Русские правила судебного поединка разрешали выйти «на поле» женщине, ребенку и дряхлому старцу, если они достаточно храбры и хотят отстаивать свое дело сами.

На судебном поединке небоец мог выставить против бойца наемного воина. Но если перед ним стоял такой же небоец, как он сам, то права использовать наемника он лишался.

Строго карались взятки и «поноровка» — так называли ситуацию, когда судья помогал кому-то «по дружбе» или из-за родственных связей. В наши дни все это именуется тяжелым иностранным словом «коррупция». Три первые статьи Судебника посвящены борьбе с коррупцией и взяточничеством или, как тогда говорили, принятием «посулов».

Думается, стоит привести полный текст этих статей. Неизвестно, до какой степени введение этих норм изменило ситуацию, но, во всяком случае, видно, что правительство с этими пороками государственного строя боролось:

«1. Суд царя и великого князя судить бояром, и околничим, и дворецким, и казначеям, и дьякам. А судом не дружить и не мстить никому, и посула в суде не имать. Также и всякому судье посула в суде не имать.

2. А который боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудитца, а обвинит кого не по суду без хитрости^[21], или список подпишет и правую грамоту даст, а обыщется то вправду, и боярину, и окольничему, и дворецкому, и казначею, и дьяку в том пени нет; а исцам суд з головы, а взятое отдать назад.

3. А который боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возьмет и обвинит не по суду, а обыщетца то вправду, и на том боярине, или на дворецком, или на казначее, или на дьяке взяти исцев иск, а пошлины на царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правый десяток, и пожелезное взяти втрое^[22], а в пене^[23] — что государь укажет».

Но если на судью или на кого-то из высокопоставленных должностных лиц принимались клеветать, то клеветника ожидали самые неприятные последствия. Его должны были бить кнутом, а затем отправить в тюрьму. То же самое ждало человека, дерзнувшего дать в суде ложное свидетельство.

Одна из последних статей открывала путь для совершенствования этого свода законов. В ней говорилось: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершатся, и те дела в сем Судебнике приписывать». Отсюда видно: для введения новых законов нужна не только воля государя, но и «приговор» всех бояр, то есть единогласное решение всей Боярской думы. Эта норма очень сильно ограничивала власть царя Ивана Васильевича. Он оказался лишен возможности самостоятельно давать силу новым законам.

Однако всего через несколько лет Иван IV избавится от столь стеснительного запрета.

Впоследствии Судебник постоянно изменялся и дополнялся. В нем как в зеркале отражались все новые явления русской жизни. Если кто-то хочет увидеть, как устроено было русское общество того времени, то знакомство с маленьким Судебником даст ему больше, чем десяток учебников.

Что касается русского судопроизводства тех времен, то оно велось с хорошей скоростью и было избавлено от крючкотворства, избыточной сложности. И в этом видна заслуга Ивана IV. Английский моряк Ричард Ченслор, оказавшийся в России через несколько лет после того, как вошел в силу новый Судебник, сообщает: «В одном отношении русское судопроизводство достойно одобрения. У них нет специалистов-законников, которые бы вели дело в судах. Каждый сам ведет свое дело и свои жалобы и ответы подает в письменной форме, в противоположность английским порядкам. Жалоба подается в форме челобитной на имя великокняжеской милости, она подается в его собственные руки и содержит просьбу о правосудии, сообразно тому, как изложено в жалобе. Великий князь постановляет решения по всем вопросам права. Конечно, достойно похвалы, что такой государь берет на себя труд отправления правосудия. Несмотря на это, происходят удивительные злоупотребления и

великого князя много обманывают. Но если окажется, что должностные лица скрывают истину, то они получают заслуженное наказание».

Реформирование России, произведенное в середине XVI столетия, — поистине великая по объему работа, и ее выполнили в необычайно короткий срок. Всего-то за десятилетие! Ко второй половине 1550-х годов главное реформаторам удалось завершить. Государственный строй державы обрел черты устойчивости и здоровой унификации.

Можно сказать, при Иване III старая Русь очищалась в плавилином горне, вытекая оттуда чистым металлом России, а при Иване IV Россия отливалась в конкретные формы государственного бытия.

О 1550-х годах осталось много свидетельств иностранцев, побывавших тогда в России. О самом царе, о царском дворе, о Москве и всей России они писали немало хвалебного. Из их сочинений видно, что государство процветало.

Так, например, англичанин Энтони Дженкинсон писал: «25-го декабря, в день Рождества 1557 года, я был принят царем и поцеловал его руку. Он сидел на возвышении на красивом троне, имея на голове богато украшенную корону и золотой жезл в руке; он был одет в золотую одежду, украшенную драгоценными камнями. В расстоянии около 2 ярдов^[24] от него сидел его брат, а рядом с последним — мальчик лет 12, наследник казанского царя, покоренного русским царем... Далее вокруг царя сидели его вельможи, богато разодетые в золото и драгоценные каменья. Когда я поклонился царю, он собственными устами назвал меня по имени и пригласил к обеду.

После этого я возвратился на свое подворье до обеда, который происходил в 6 часов при свете свечей.

Царь обедал в большом, прекрасном зале, посреди которого была квадратная колонна, очень искусно сделанная; вокруг нее накрыто было много столов, а сам царь сидел на самом возвышенном месте палаты; за столом его сидели его брат, сын его дяди, митрополит, молодой казанский царь и несколько вельмож; все они сидели по одну сторону стола. Тут же были различные посланники и другие иностранцы, как христиане, так и язычники, одетые в самые разнообразные одежды; всего в этом зале обедало до 600 человек, не считая 2000 татар-воинов, которые только что явились с изъявлением покорности царю и назначены были служить ему в его войне с ливонцами, но татары обедали в других залах. Я сидел прямо против царя за маленьким столиком без других иностранцев по соседству. Будучи так посажен, я получил от царя из его собственных рук несколько

кубков с вином и несколько блюд с мясом, которые приносил мне какой-то князь. Вся посуда на моем столе была из золота и серебра; такая же посуда была и на других столах: кубки были из золота, украшенные камнями, ценою не менее 400 фунтов стерлингов каждый, не считая серебра, расставленного на столах. Тут же стоял поставец с весьма богатым и роскошным серебром, которое не употреблялось. Среди прочих была вещь из золота, длиною в 2 ярда с башнями и драконовыми головами на верху чеканной работы; тут же стояли золотые и серебряные бочонки с замками на втулках, очень искусно сделанные. Царя и весь зал обслуживали князья, а когда обед кончился, царь позвал меня по имени и соответственно дал мне кубок с вином, после чего я отправился домой.

Заметьте, что когда царь пьет, то все присутствующие встают, а он каждый раз, когда пьет или отведывает какого-нибудь блюда, крестится...

Москва — большой город: дома в нем большей частью деревянные, и лишь немногие выстроены из камня с железными окнами со ставнями. В Москве много прекрасных каменных церквей, но еще больше деревянных, отапливаемых зимою. Царь живет в прекрасном, большом, квадратной формы замке с высокими и толстыми кирпичными стенами, расположенном на холме в 2 мили окружностью и выходящем юго-западной стороной на реку. В стенах 16 ворот и столько же бастионов. Дворец отделен от остальной части замка длинной стеной, идущей с севера на юг по направлению к реке. В его дворце церкви, одни — каменные, другие — деревянные, с круглыми вышками (куполами?), красиво позолоченными. На церковных дверях и внутри церквей — позолоченные образа. Главные рынки, где торгуют всем, находятся внутри... стен Кремля и Китай-города, а для отдельных предметов есть особые рынки: для каждого ремесла отдельно. А зимой бывает большой торг за стенами замка на замерзшей реке: там продают хлеб, глиняные горшки, кадки, сани и т. п.

Страна полна болотистых мест, представляет собой равнину, изобилует лесами и реками, но родит также много хлеба. Здешний царь очень могуществен, ибо он сделал очень много завоеваний, как у ливонцев, поляков, литвы и шведов, так и у татар, и у язычников, называемых самоедами, и тем очень расширил свои владения. Свой народ он держит в крепком подчинении; все дела, как бы незначительны они ни были, восходят к нему. Законы жестоки для всех обидчиков. Митрополит в делах, касающихся религии, поступает по своему усмотрению; царь относится к нему с большим почтением. Русские следуют правилам и обрядам греческой Церкви. Они почитают много образов, написанных на досках, и особенно образ св. Николая.

Когда русский едет верхом в поход или в какое-нибудь путешествие, он надевает саблю турецкого образца и такой же лук со стрелами. В городе он не носит оружия, а только две или три пары ножей, с рукоятками из зубов рыбы, называемой моржом... Если русский имеет хоть какие-нибудь средства, он никогда не выходит из дому пешком, но зимой выезжает на саних, а летом верхом; в саних он сидит на ковре или на шкуре белого медведя. Сани везет богато убранная лошадь с множеством лисьих и волчьих хвостов вокруг шеи; ею правит мальчик, сидящий на лошади; слуги стоят на запятках».

Другой англичанин, Ричард Ченслор, также с удивлением говорит о богатстве царских пиров и пышности дворцового обихода, сочетавшихся с привычкой как самого царя, так и его вельмож в повседневном обиходе придерживаться умеренности, граничащей с бедностью. Во многом Ченслор и Дженкинсон пишут о России сходные вещи, и не верить им нет причин.

Итак, свидетельство Ченслора о торжественной трапезе молодого Ивана IV: «Стол был накрыт скатертью; на конце его сидел маршал^[25] с небольшим белым жезлом в руке; стол был уставлен золотой посудой; на другой стороне залы стоял поставец с посудой. Отсюда я прошел в обеденную палату, где сам великий князь сидел не в торжественном наряде, в серебряном одеянии с царской короной на голове. Он сидел на кресле, поставленном довольно высоко; около него не сидел никто; все сидели в некотором отдалении. Длинные столы были накрыты вокруг комнаты; все они были заполнены теми, кого великий князь пригласил к обеду; все были в белом. Все места, где стояли столы, были на две ступени выше, чем пол остальной части палаты. Посредине палаты стоял стол, или поставец для посуды: он был полон золотых кубков, среди которых стояли четыре чудесных жбана, или кружки (*crudences*), как их здесь называют. Я думаю, что они были высотой в добрые полтора ярда^[26]. У поставца стояли два дворянина с салфетками на плечах; каждый из них держал в руках золотую чашу, украшенную жемчугом и драгоценными камнями: это были личные чаши великого князя; когда у него являлось желание, он выпивал их одним духом. Что касается яств, подаваемых великому князю, то они подавались безо всякого порядка, но сервировка была очень богата: все подавалось на золоте не только ему самому, но и всем нам, и блюда были массивные; кубки также были золотые и очень массивные. Число обедавших в этот день было около 200, и всем подавали на золотой посуде. Прислуживавшие дворяне были все в золотых платьях и служили царю в шапках на голове.

Прежде чем были поданы яства, великий князь послал каждому большой ломоть хлеба, причем разносивший называл каждого, кому посылалось, громко по имени и говорил: «Иван Васильевич царь Русский и великий князь Московский жалует тебя хлебом». При этом все должны были вставать и стоять, пока произносились эти слова. После всех он дает хлеб маршалу; тот ест его перед его великокняжеской милостью, кланяется и уходит. Тогда вносят царское угощение из лебедей, нарезанных кусками; каждый лебедь — на отдельном блюде. Великий князь рассылает их так же, как хлеб, и подающий говорит те же слова, как и раньше. Как я уже сказал, кушанья подаются без определенного порядка, но блюдо за блюдом. Затем великий князь рассылает напитки с теми же словами, какие сказаны выше. Перед обедом великий князь переменил корону, а во время обеда менял короны еще два раза, так что в один день я видел три разные короны на его голове. Когда все кушанья были поданы, он своей рукой дал еду и напитки каждому из прислуживавших дворян. Его цель, как я слышал, состоит в том, чтоб каждый хорошо знал своих слуг. По окончании обеда он призывает своих дворян одного за другим, называя их по имени, так что удивительно слушать, как он может называть их, когда их у него так много. Итак, когда обед кончился, я отправился к себе; это было в час ночи».

Эта пышность — часть дворцового обычая: если слуги царя, включая знать, собираются вокруг особы государевой, или же если служильцам его двора предписано заняться неким торжественным, почетным действием, роскошь — норма. Тот же Ченслор замечает: «Когда русских посылают в далекие чужеземные страны или иностранцы приезжают к ним, то они выказывают большую пышность. В других случаях сам великий князь одевается очень посредственно, а когда он не разъезжает с одного места на другое, он одевается немного лучше обыкновенного. В то время, когда я был на Москве, великий князь отправил двух послов к королю Польскому по крайней мере при 500 всадниках; они были одеты и снаряжены с пышностью свыше всякой меры — не только на них самих, но и на их конях были бархат, золотая и серебряная парча, усыпанные жемчугом и притом не в малом числе. Что мне еще сказать? Я никогда не слышал и не видел столь пышно убранных людей. Но это не их повседневная одежда; как я уже сказал выше, когда у них нет повода одеваться роскошно, весь их обиход в лучшем случае посредственный».

Примерно тогда же один из приезжих итальянцев воздал хвалу молодому русскому дворянству: «Молодежь упражняется в разнообразных играх, весьма близких, однако, к военному искусству; они состязаются, например, в бегании взапуски, кулачном бою, верховой езде, стрельбе. В

каждой игре есть своя награда, и особенная честь оказывается тому, кто лучше всех владеет луком. Игра в карты, кости и т. п. здесь не в употреблении вследствие совершенного запрещения этого зла... Их лошади ниже среднего роста, сильны и быстроходны. На них обыкновенно сражаются копьем, железными палицами, луками и стрелами. Войска были раньше немногочисленны, воины носили оружие за спиной, а тело хорошо покрывали круглым или четырехугольным щитом, подобно туркам, а значит, и грекам. Их манера сражаться состояла в том, что они, подобно скифам, спасаясь, ранили неприятеля; они считали постыдным побеждать врага обманом, скрытой хитростью и из засады; сражались же храбро и как на поединке. Они выказывали известного рода великодушие и презирали ту храбрость, которая вытекала из каких-либо преимуществ, не признавая победу полной и настоящей, раз она одержана обманом и хитростью...»

После этого итальянский автор сказал несколько лестных слов и о самом государе: «В настоящее время император Иван Васильевич много читает из истории Римского и других государств, отчего он научился многому. Он также часто советуется с немецкими капитанами и польскими изгнанниками, и для собственной пользы взял себе за образец (великих) римлян, которые благодаря хитрости побеждали в битвах дикие и ужасные народы».

Иноземные купцы удивляются необыкновенной дешевизне на московских торгах. Хлеб и мясо всегда в изобилии. Срубить новый дом стоит очень мало. Огромная, сытая, хорошо вооруженная армия готова чрезвычайно быстро собраться в поход и ударить на врага. Среди соседей России не видно противника, который был бы способен сокрушить государство-исполина, богатое и мощное.

Из описаний иностранцев очень хорошо видно: Московское государство — процветающая держава. Иван IV, православный государь этой державы, находился в зените славы.

В середине XVI столетия русская цивилизация все еще пребывала на пике своего развития. Это видно не только по военным достижениям, бурной реформаторской деятельности, новым веяниям в искусстве, но и по преобразованиям Церкви. В то время ее главой был мудрый, благочестивый и «книжный» человек, митрополит Макарий, впоследствии причисленный к лику святых.

След, оставленный деятельностью святителя Макария на всем складе русской жизни середины XVI века, столь глубок, что время это с тем же основанием можно называть «эпохой митрополита Макария», с каким

именуют его «эпохой Ивана Грозного».

Святитель Макарий родился в 1481 или 1482 году. Постриг он принял в Пафнутиевом Боровском монастыре, отличавшемся большой строгостью иноческой жизни. Затем возвысился до положения архимандрита в Лужецкой обители под Можайском. Великому князю Василию III Макарий понравился своей ученостью, даром учительства и здравым умом. Поэтому государь выдвинул его в архиепископы Новгорода Великого — второе «почести» место в русской церковной иерархии того времени. Строптивым новгородцам Макарий также пришелся по душе. Пребывая на Новгородской кафедре, святитель Макарий ликвидировал монастыри, где жили одновременно мужчины и женщины. Во главе новых женских обителей он поставил игумений, а не игумнов, а священниками сделал в них белых попов, а не монашествующих. Активно боролся он с остатками язычества в тех местах Новгородской земли, где жили финно-угорские народы. При нем был отремонтирован и украшен собор Святой Софии — главный в городе.

В 1543 году Макария поставили митрополитом Московским. Он взошел на кафедру в трудное для Русской церкви время. Вот уже несколько лет служилая знать вертела как хотела митрополитами, а у малолетнего государя не было власти, чтобы воспрепятствовать этому. Но Макарий старается не участвовать в придворных интригах, лишь постепенно и осторожно поддерживая государя-юношу и собиравшихся вокруг него людей. Добрые советы митрополита способствовали постепенному возвышению Ивана IV над хаосом придворной борьбы.

Русская церковь также нуждалась в централизации, как и государство. Обычаи ее в разных областях России отличались друг от друга, не было даже единого пантеона святых. Некоторых из них почитали в одной земле, а по соседству совершенно не знали. Митрополит повелел собрать всю бытовавшую тогда духовную литературу и сведения о всех святых, почитаемых в Русской земле. Вычистил из полученной совокупности все то, что не соответствовало замыслу или считалось «отреченной» (нежелательной для чтения православными) литературой. Остальное Макарий разместил по месяцам и дням: жития святых и произведения канонизированных Церковью авторов. Всего получилось 12 колоссальных по размеру книг, которые именуются Макарьевские Минеи Четьи.

До митрополита Макария наша Церковь знала всего 22 русских святых. Его усилиями на соборах 1547 и 1549 годов было канонизировано еще семнадцать.

Внутренняя жизнь Церкви нуждалась в установлении общего порядка

вместо той пестроты, которая на практике установилась в разных концах Руси. В 1551 году прошел большой церковный собор, получивший наименование «Стоглавого», поскольку его постановления уместились в 100 глав^[27]. Эти главы построены в форме диалога: царь Иван IV вынес к Церкви щекотливые вопросы, требовавшие обсуждения и решения; собор, в свою очередь, отвечал по пунктам, кое в чем уступив, но выдержав позицию духовной самостоятельности. Помимо экономического (государство пыталось, но не сумело отнять большие монастырские вотчины) собор имел большое нравственное и политическое значение. На нем обличались пороки духовенства, а также склонность прихожан к ересям, астрологии, «мудрованию» в духе протестантизма, тогда очень влиятельного в Восточной Европе. Собор указал на необходимость «исправить» все это. Он определил компетенцию церковных судов. Показано было также, сколь далеко может простираться вмешательство воли государя в область церковных дел.

На многих государственных преобразованиях того времени лежит отсвет воли и мудрости святителя Макария. Пока он был жив, борьба монарха и служилой знати не принимала жесточайших форм, которые придут в российскую политику через год после его кончины. А отношения между государем и Церковью надолго приняли благодатный характер симфонии — соработничества.

ЗАВОЕВАНИЕ КАЗАНИ

При Иване IV к России были присоединены Казанское и Астраханское ханства.

Особенно серьезным успехом следует считать покорение Казани. Затяжные войны с нею велись со второй половины XV столетия^[28]. На протяжении многих поколений Московское государство и Казанское ханство сражались друг с другом, не щадя сил, не считая потерь. Они сцепились, будто два молодых хищника. Могучий лев, словно сошедший с изображений на стенах древних соборов Владимира, — это, конечно, Россия. Стремительный барс — это Казанское ханство. Их борьба могла закончиться только смертью одного из зверей. Лев истекал кровью от укусов барса. Десятки тысяч русских пленников томились в рабстве у казанцев. Им не было избавления, их выставляли как товар на работорговых рынках, их могли отпустить домой, только если родня сумеет чудом собрать и переправить огромный выкуп. Губительные набеги татарской конницы разоряли города, уничтожали села, опустошали восток державы. Там приходилось постоянно держать большие войска. Нескончаемая вооруженная борьба изматывала Московское государство, наносила урон казне, не позволяла нормально развиваться русскому обществу.

Но когда лев собирался «в силе тяжкой», один удар его мощной лапы стоил десятка укусов барса. И барс утихал на время, чтобы потом опять возобновить набеги, опять начать смертельную борьбу.

Молодой государь российский знал, что обязан покорить Казань. Долг христианского правителя призывал его вытащить эту занозу из тела России. Поэтому молодой Иван IV проявил необыкновенное упорство в борьбе с Казанским ханством.

В середине 40-х годов XVI века произошло очередное обострение отношений с Казанью, вылившееся в трудную затяжную войну. Первые походы на Казань, по всей видимости, не отличались особым размахом. Иван Васильевич в них, по малолетству, не участвовал.

В 1547 году, всего через несколько месяцев после того, как Иван Васильевич венчался на царство и женился, он, юный государь, начал подготовку к большому походу на Казань, в котором должен был сам принять участие.

Первое время его преследовали неудачи. Казалось, ханство устоит под

ударами русских.

Масштабное зимнее 1547/48 года наступление сорвалось как будто из-за ранней оттепели и таяния льда на реках. Или же из-за того, что воинство со своим государем во главе пало духом от тягот дальнего похода? Замерзшие реки в ту пору использовались как наилучшие дороги для наступающих войск, а исчезновение таких дорог ставило русскую армию в трудное положение. Иван Васильевич оставил войска и вернулся в Нижний Новгород, нимало не понюхав пороху.

Через два года он все-таки дошел до Казани, но так и не приступил к штурму. Простояв под городом недолгое время, царь вновь отступил по той же самой причине — из-за оттепели и дождей. Таким образом, для него это были «мирные» походы.

В 1552 году на Казань опять отправились объединенные силы Московского государства, во главе которых вновь должен был встать сам государь.

Тогда он был совершенно взрослым по понятиям того времени человеком — ему уже исполнилось 22 года. Дворяне («служилые люди по отечеству») в ту пору начинали служить с пятнадцати лет, и это считалось вполне нормальным, в порядке вещей. В соответствии с обычаями XVI столетия и сам монарх в подобном возрасте не считался слишком юным, чтобы возглавлять воинство. Как уже говорилось, Иван Васильевич успел к 1552 году дважды побывать во главе московских войск, хотя и не вступил ни разу в сражение с неприятелем.

И здесь стоит сделать отступление от рассказа о ходе боевых действий, чтобы задаться вопросом: до какой степени победы и поражения русского войска в тех кампаниях, в которых его возглавлял молодой (но уже совершеннолетний) Иван IV, зависели от его личного полководческого таланта, воли, отваги? Относительно походов 1547/48, 1549/50 годов и «Казанского взятия» 1552 года подобная зависимость должна быть поставлена под сомнение. Реальными командующими были «большие воеводы», то есть та же служилая аристократия.

Источники показывают необычную роль Ивана Васильевича. С одной стороны, он — глава православного воинства, идущего на битву с врагами Креста, фигура первостепенно важная для успеха всего дела. Можно сказать, носитель хоругви. С другой стороны, время от времени русский царь должен был чувствовать себя... чуть ли не заложником у собственных полководцев. Во всяком случае, его положение не раз за этот поход становилось стеснительным.

Из переписки Ивана IV с князем Андреем Курбским известны странные подробности казанского похода. Иван Васильевич не ладил с воеводами, возможно, он даже опасался плена. Позднее, через много лет, царь напишет Курбскому: «Когда мы Божьей волей с крестоносной хоругвью всего православного воинства ради защиты православных христиан двинулись на безбожный народ казанский, и по неизреченному Божьему милосердию одержали победу над этим безбожным народом, и со всем войском невредимые возвращались обратно, что могу сказать о добре, сделанном нам людьми, которых ты называешь мучениками? А вот что: как пленника, посадив на судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и неверную землю! Если бы рука всевышнего не защитила меня, смиренного, наверняка бы я жизни лишился. Вот каково доброжелательство к нам тех людей, о которых ты говоришь, и так они душой за нас жертвуют — хотят выдать нас иноплеменникам!»

Трудно сказать, насколько эти заявления соответствует истине. Однако царские укоризны наводят на мысли иного рода: в армии во время большого похода государь не являлся полновластным хозяином и распорядителем. Отчасти это могло происходить от незначительности его опыта в ведении боевых действий, отчасти же — по причине мощного влияния аристократических кланов, истинных хозяев войска.

В походе на Казань 1552 года (да в предыдущих двух с участием монарха) воеводы, очевидно, могли обойтись без молодого царя, не сведущего в тактике крупных соединений. Эта военная операция натолкнулась на упорное сопротивление неприятеля, а движение по вражеской территории происходило в условиях нехватки пищи и воды. Вероятно, фигура государя потребовалась для воодушевления войск. Вряд ли стоит всерьез воспринимать фразу Ивана IV «...хотят выдать нас иноплеменникам!» — но участие его в походе было, объективно говоря, мерой необязательной и рискованной.

Андрей Курбский в «Истории о великом князе Московском», сочинении в целом крайне недружелюбном в отношении Ивана Васильевича, отмечает личную храбрость и энтузиазм государя: «...сам царь исполнился усердием, сам и по собственному разумению начал вооружаться против врага и собирать многочисленные храбрые войска. Он уже не хотел наслаждаться покоем, жить, затворясь в прекрасных хоромах, как в обыкновении у теперешних царей на западе (прожигать целые ночи, сидя за картами и другими бесовскими измышлениями), но сам поднимался не раз, не щадя своего здоровья, на враждебного и злейшего своего противника — казанского царя». Далее Курбский как будто пишет о полной

самостоятельности Ивана Васильевича: «он велел...», «он отправил...». Однако важнейшие решения принимались государем только по совету «со всеми сенаторами и стратегами». И особенно характерный эпизод произошел в день решающего штурма Казани. Московские войска уже проникли в город, но в уличных боях под напором его защитников некоторые отряды обратились в бегство; государь, по словам Курбского, утратил твердость духа. Видя беглецов, он «не только лицом изменился, но и сердце у него сокрушилось при мысли, что все войско христианское басурманы изгнали уже из города. Мудрые и опытные его сенаторы, видя это, *распорядились* воздвигнуть большую христианскую хоругвь у городских ворот, называемых Царскими, *и самого царя, взяв за узду коня его, — волей или неволей — у хоругви поставили:* были ведь между теми сенаторами кое-какие мужи в возрасте наших отцов (по всей вероятности, имеются в виду «дворовые воеводы»^[29] князь Владимир Иванович Воротынский и боярин Иван Васильевич Шереметев-Большой. — Д. В.), состарившиеся в добрых делах и в военных предприятиях. И тотчас приказали они примерно половине большого царского полка... сойти с коней, то же приказали они не только детям своим и родственникам, но и самих их половина, сойдя с коней, устремилась в город на помощь усталым... воинам» (курсив наш. — Д. В.).

Вскоре после взятия Казани у царя произошел острый конфликт с воеводами. В частности, его спешное возвращение в Москву противоречило мнению высшего военного командования. Но тут Иван Васильевич настоял на своем. В конце концов, было бы очень странно, останься правитель огромной державы на месяцы и даже годы в отдалении от собственной столицы...

Там бы, разумеется, начался новый акт «боярского правления».

А теперь вернемся на пыльные дороги лета 1552 года, к царской армии, идущей на Казань «в силе тяжкой», под стягами с Пречистой Богородицей и архангелом Михаилом.

Сконцентрированные для решающего удара вооруженные силы Московского государства двигались к Казани через Коломну, Муром, Свияжск.

Но по дороге им пришлось завернуть в Тулу, чтобы отразить фланговый удар крымцев. Это был наглядный урок, насколько опасен союз Крымского ханства с кем-либо из серьезных противников Москвы. В будущем Ивану Васильевичу предстояло на протяжении многих лет распутывать кровавые узлы «крымской угрозы».

После того как царское воинство покинуло области коренной Руси, наступление продолжилось в тяжелейших условиях. Среди лета, в иссушающий зной, царские полки совершили длинный переход по степи, между редкими дубравами. Добыть здесь пищу для громадной силы, двигавшейся на восток, можно было лишь за очень большую цену. Местный народ — черемисы^[30] — неохотно продавали хлеб и скот. Однажды Иван Васильевич услышал от одного из молодых воевод: «Простой черемисский хлеб кажется мне слаще дорогих калачей!» Полки голодали. Полки теряли множество бойцов больными и отставшими из-за усталости. И для всего войска, и для Ивана Васильевича лично это было серьезное испытание. Люди менее твердые могли отступить и в не столь трудных условиях. Однако полки понемногу продвигались вперед, а государь шел с ними к сердцу неприятельских земель.

Неудача предыдущего похода заставила Ивана IV построить на подступах к Казани опорный пункт Свияжск. Стратегические решения, как уже говорилось выше, принимались государем «по совету» с аристократической верхушкой. Так и решение о постройке Свияжской крепости, а вместе с тем выбор места для нее производились по совету с бывшим казанским царем Шигалеем, «воеводами», «казанскими князьями», «и с бояры, и со князьями», по благословению митрополита Макария.

Крепость стала русским форпостом в сердце владений Казанского ханства. Всего за месяц ее построили при впадении реки Свияги в Волгу из деревянных деталей, заранее заготовленных на Руси, доставленных водным путем и спешно собранных в единую конструкцию на месте. Затем, ценой тяжелых усилий, ее отстояли от неприятеля. И Свияжск превратился в козырь, который Казани было нечем бить.

Этот город сыграл ключевую роль в новой кампании.

Его существование сильно облегчило жизнь наступающим русским войскам и, быть может, просто спасло их в условиях засушливого лета 1552 года. Когда усталая, изголодавшаяся армия достигла Свияжска, там ее встретили хлебом-солью. Устроили торжество, большой пир, звонили в колокола. Иван Васильевич с радостью вошел в город. Ему было за что хвалить себя: он распорядился заранее доставить туда по Волге припасы и пригласить купцов. День — и войско забыло обо всех печалях!

Отдохнув, полки добрались до Казани. Татары портили перед ним мосты и гати. Переход длительностью в один день удалось завершить лишь за трое суток. Но всё это были уже совсем незначительные трудности — по сравнению с прежними тяготами. Последний отрезок маршрута от

коренной Руси к Казани преодолевали уже не уставшие и поникшие бойцы, а воинство, вновь полное энергии и отваги.

Завидев издаലെка минареты казанских мечетей, высокие башни крепости, гладь озера Кабан, царь мог с удовлетворением сказать себе: «На этот раз дошли в полной силе».

В детские годы государь не знал военного дела и не имел ни малейшего представления о тяготах большой войны. Кто бы его научил? Отец слишком рано ушел из жизни, чтобы стать сыну наставником в тонком искусстве ведения войн. Но став юношей, Иван Васильевич захотел попробовать, что это такое. В конце концов, такова его державная работа: сражаться за православную страну с басурманами. До совершеннолетия его стремление вяло сдерживалось окружающими. Впоследствии царь бросается в военную стихию и... с маху сталкивается с трудными обстоятельствами Казанской войны.

Служилая аристократия не препятствует ему: присутствие государя в действующей армии может воодушевить воинов, а в случае его гибели есть достойный наследник престола в лице князя Владимира Андреевича Старицкого...

Невероятно сложная, рискованная, кровавая война с Казанским ханством не могла воодушевить юного государя. Видимо, он то исполнялся боевого пыла, то падал духом. Свидетельством тому служит скорое возвращение из неоконченного похода 1548 года, но в то же время и упорство, с которым Иван IV выходил с полками на Казань. В конечном итоге всё, что требовалось от православного монарха, было им совершено.

Отношения между Иваном Васильевичем и его воеводами, как можно было убедиться, — далеко не безоблачные. Вероятно, не столько руководит он, сколько руководят им. Это порождает конфликтные ситуации. Царь, в памяти которого оставались свежи воспоминания сиротского детства, вновь оказывается в ситуации, когда не он контролирует происходящее, а, скорее, собственные воеводы контролируют его действия. Должно быть, время от времени он испытывал настороженность, чуть ли не страх в отношении военачальников-аристократов.

Однако в целом результат положительный: колеблющейся воли молодого государя и понимания его воевод, что *дело делать надо*, оказывается достаточно для триумфального «Казанского взятия».

В двадцатых числах августа 1552 года русские полки плотно обложили Казань со всех сторон. Дворянская конница и стрелецкая пехота поставили шатры, заняли дозорами все дороги, ведущие из города. Позднее подошел обоз. Позже всех подтянулась к стенам города тяжелая осадная артиллерия.

Ее доставили по Волге на больших судах. В ту пору Московское царство обладало первоклассной артиллерией, притом пушкари, как уже говорилось, проходили суровое обучение. На учениях они стреляли зимой, в лютый мороз, по многу часов.

Русские войска, преодолевшие пустынную, голодную местность, готовы были драться насмерть. Численностью они намного превосходили защитников города. По свидетельству очевидца^[31], под Казань пришло около 90 тысяч русской конницы и пехоты. Конница по численному составу во много раз превосходила пехоту. Она состояла из дворянского ополчения, дворянских боевых холопов и казаков. Вообще главной силой русской армии XVI века являлась именно конница. Конные дворяне вооружались щитами, саблями, луками, копьями, боевыми топорами, сулицами (дротиками). Те, кто побогаче, носили кольчуги. Те, кто победнее, облачались в «тегиляи» — стеганные «доспехи» из плотного материала. По отзывам иноземцев, русская конница того времени обладала феноменальной выносливостью и могла вести бой в тяжелейших условиях. Русскую пехоту составляли стрельцы. Их главным оружием являлась тяжелая «пищаль». Кроме того, стрельцов вооружали «бердышами» — боевыми топорами на длинной рукояти, приспособленными для нанесения как рубящих, так и колющих ударов.

Казанцы были полны отчаянной решимостью обороняться: 30 тысяч бойцов, собранных для защиты города, мощные укрепления. Казанский хан оставил сильную рать за пределами города для нападений на русские позиции. Вместе с собой казанцы заперли в городе иностранных купцов, не оставив им иной возможности выжить, только как вместе с ними защищать крепостные стены. Особую надежду татары возлагали на турок и армян: те слыли превосходными артиллеристами. Некоторых татары приковали к орудиям железными цепями.

Хозяева города знали: когда царские ратники начнут освобождать многочисленных, страшно изможденных русских рабов, пощады их господам не будет.

Царь выехал на холм в версте от стен города и велел развернуть боевые знамена. Затем он принялся объезжать Казань по кругу. По традиции его сопровождали воеводы, дьяки, почетная охрана. Войска видели: государь изучает местность, готовит удар. Однако Иван Васильевич больше слушал разговоры старших воевод. Они по опыту знали, где лучше поставить пушки, а откуда повести ратников на штурм. Молодой царь учился: когда-нибудь и ему придется самостоятельно продумывать план битвы или осады. А пока следует смотреть и слушать, как это делают люди,

поседевшие в сражениях и походах.

Казанский кремль являлся «крепким орешком». В ханские времена высокие стены его были сложены из мощных дубовых бревен. Они покоились на высокой земляной насыпи. Между двумя рядами бревен татарские строители насыпали камни и песок, придав укреплениям дополнительную мощь. Их окружал глубокий ров. На стенах и башнях стояли пушки. Казанские татары давно знали «огненный бой» и управлялись с артиллерийскими орудиями не хуже русских. Современный Казанский кремль с каменными стенами — детище русских зодчих. От древней ханской крепости ничего не осталось.

Русские ратники поставили вокруг города 150 больших и средних орудий. Пушкари били из них постоянно. Грохот пушек слышался днем и ночью. Скоро артиллерия татар был подавлена, и только лучшие стрелки казанские все еще посылали в сторону царского войска свинец из пищалей.

По ночам Ивана Васильевича, спавшего в походном шатре, будили звуки жестокой сечи: казанцы во время вылазок пытались захватить или испортить московские пушки. Он велел войскам отсыпаться днем, но гром канонады не давал им делать это.

Каждый день царь объезжал свои полки, советуясь с воеводами, укрепляя воинов словом и одаривая их.

Однажды ранним утром воеводы вывели царя из шатра и показали большое исламское знамя, раскачивающееся над крепостной стеной. Ему объяснили: так казанский хан Едигер призывает своих слуг ударить из лесов и болот в спину царским воинам. Иван Васильевич приказал немедленно поднимать войско. Ударили большие воинские барабаны, запели трубы. Сквозь эти звуки издали донеслись гиканье и посвист черемисской конницы, союзной татарам. Черемисы нападали снова и снова, беспокоили тылы русского воинства, наносили урон, норовили захватить пушки.

Иван Васильевич созвал большой воинский совет. Воеводы один за другим подтвердили то, что он и сам уже понял: нельзя сражаться на два фронта одновременно. Люди измотаны, все время пребывают в ожидании нового нападения. Старшие воеводы посоветовали разделить армию: половину направить бить черемисов, в то время как вторая будет охранять орудия и стан. Царь, поразмыслив, согласился. Князя Горбатый-Шуйский и Микулинский повели стрельцов и дворян на черемису.

Несколько дней спустя мобильные силы русских вернулись с победой. Часть их осталась лежать в лесных дебрях или погибла при штурме хорошо укрепленных городков неприятеля. Зато уцелевшие пришли с богатой

добычей и множеством пленников. Татарам уже не от кого было ждать помощи, но они не сдавались. В русском стане эту отвагу принимали с досадой, но и с уважением.

Казанцы за каждым воротами, за каждой брешью, пробитой ядрами русских пушек, устроили земляные насыпи и вели ответный огонь. В случае приступа многие царские ратники погибли бы, не успев добежать до стен. Слишком дорого обойдется освобождение соотечественников из рабства...

Тогда Иван Васильевич принял первое в своей жизни самостоятельное воинское решение. Он призвал «розмыслов», а заодно с ними ученого русского дьяка Ивана Выродкова, большого знатока фортификационных дел. «Розмыслами» называли в ту пору иностранных специалистов инженерного профиля, нанятых на русскую службу. В Москве традиционно предпочитали нанимать искусных немцев и итальянцев. Один из иноземцев, посетивших тогда Россию, со знанием дела писал: «Император обладает теперь многочисленной артиллерией на итальянский образец, которая ежедневно пополняется немецкими служащими, выписанными сюда на жалование. Она в достаточном количестве снабжена бомбардирами, превосходно устроена, обучена и постоянно упражняется, получая известные награды и отличия...»

Собравшись у царя в шатре, Выродков и розмыслы сказали: город взять можно, вот только подойти к делу надо иначе. Одного обстрела стен из орудий для победы недостаточно. Пушки должны бить по казанцам... сверху. А порох должен работать не только в пушечных стволах. Найдется для него и другое применение.

На следующий день русские бойцы в отдалении от казанских стен, вне досягаемости вражеского огня принялись строить большие башни из бревен, а потом ставить на них пушки. На самую большую, тринадцатиметровую, установили десять крупных орудий.

26 августа 1552 года к воротам Казани — Царевым, Тюменским, Арским и Салтыковым — начали подкатывать осадные башни-туры. Перед турами шли служилые казаки, боевые холопы, а также стрельцы, постоянно бившие по татарам из пищалей. За громоздкими деревянными башнями двинулись хорошо вооруженные дворяне под командой воеводы Михаила Ивановича Воротынского. Сзади Воротынского поддерживали пальбой из осадных орудий. Но неприятель вел ответный огонь.

Сам Воротынский забрался на верхнюю боевую площадку башни и смотрел за действиями стрелков. Те беспощадно обрушивали свинцовый дождь на вражеские головы. Воротынский видел: огромные боевые башни

стали неожиданностью для татар. Осажденные гибли во множестве. Слабые духом разбежались. На месте оставались одни смельчаки.

Казанцы устроили вылазку, бросившись на казаков и стрельцов. Воевода спустился вниз, призвал к себе сотников и велел им подтягивать людей для большого боя. Те подвели к башне отряды хорошо вооруженных дворян. Татар отбили, но они упорно атаковали вновь и вновь. Разразилась долгая кровавая битва. Зашло солнце, но сеча продолжалась даже под покровом ночи. Лишь к утру казанцы обессилели и прекратили вылазки. Трое их знаменитых вождей погибли в сражении, а с русской стороны пал воинский голова Шушерин.

«И была сеча велика и преужасна, от пушечного бою и от пищального грому, и от воплей с обеих сторон, и от трескотни оружия, не стало слышно команд. Стоял как бы гром великий с молниями от множества пушечного огня и пищального стреляния и дымного курения. Бог помог православным, одолели они безбожных...» — сообщает летописец.

4 сентября был достигнут еще один тактический успех. Русским удалось взорвать подземный ход, по которому осажденные ходили к реке за водой. Проход завалило, а от взрыва осела, а кое-где и рухнула городская стена.

Бомбардировка из орудий и пищалей, установленных на башнях, наносила казанцам страшный урон — укрепления были практически разрушены. Но татары продолжали сопротивление. Они рыли новые норы и лазы, выскакивали оттуда по ночам и атаковали русские позиции или неожиданно открывали огонь из тайных ям... Осажденные настроились драться до конца.

Тем временем Воротынский понемногу продвигал туры все ближе и ближе к стенам, пока не оказался прямо перед крепостным рвом.

Татары с бешенством атаковали раз за разом, но терпели неудачу. Лишь однажды, в обеденное время, когда многие русские ушли с переднего края, чтобы поесть в более спокойных местах, целой тучей казанцы выскочили из секретных нор и обратили в бегство тех, кто оставался на страже тур.

Настал критический момент. Если противник спалит осадные укрепления, то всему огромному труду и прежним успехам — конец. Русские воеводы возглавили контратаку дворян, личным примером воодушевляя бойцов. Бой был страшный. На месте легли многие воины с обеих сторон.

Князь Воротынский получил множество ударов, но их в основном выдержал прочный доспех. Тело воеводы покрылось синяками и

ссадинами. Но всерьез дотянулись до него только один раз: Воротынский получил легкое ранение в лицо. Сражавшемуся рядом воеводе Петру Морозову лицо обезобразили страшным ударом. С этой тяжелой раной он едва встал на ноги... Князю Юрию Кашину нанесли рану в грудь. Воевод казанцы старались выбить в первую очередь: глядя на них, билось и все войско, а их смерть или ранение ослабляли боевой дух.

Отряду Воротынского оставалось лишь стоять насмерть. Отбить татар ему не хватало сил. Отойти он не мог: ратников перебили бы сразу, ударив в спину. Но если упереться, если драться до смерти, не отступая ни шага, может, до него успеет добраться подмога...

Воротынский со своими ратниками выстоял. Из расположения государева полка на подмогу пришел со свежими силами воевода Алексей Басманов-Плещеев. Тогда казанцев загнали в норы. Осадные укрепления Воротынский с Басмановым счастливо отбили. По всей линии русских позиций враг, обессилив, откатился назад.

Бомбардировка Казани с близкого расстояния продолжалась.

Иван IV с нетерпением ждал новых дел от наемных итальянских розмыслов. Они обещали царю, что покажут, как может работать порох в умелых руках.

Несколько дней они вели минные галереи, подкапываясь под стены Казани. Царь спускался в мрачные подземелья и видел: люди трудились в полной тишине, чтобы, не дай бог, казанцы не обнаружили подкопа.

В этот драматический момент в русском стане нашелся предатель — калужский дворянин из царского полка Юрий Булгаков. Царь не раз наказывал его за непомерную жестокость и склонность к разбоям. Желание отомстить толкнуло дворянина на измену.

В письме Булгаков сообщил казанскому хану о подкопах и заранее присягнул на верность. Казанцы искали русские подкопы, однако найти их, к счастью православного воинства, так и не успели.

30 сентября Казань вздрогнула как от землетрясения. Рванули русские мины, заложенные в разных местах. На головы защитников крепости обрушился дождь из бревен. В крепостной стене образовался огромный пролом. Русская пехота устремила на приступ.

Иван Васильевич видел, что казанцы ошеломлены взрывами, пали Арские ворота, захвачена была часть стены и башня. Дальнейшие боевые действия стрельцов скрыл от его взора пороховой дым. Князь Воротынский вместе со своими бойцами, преодолев сопротивление татар, оказался уже на стенах города. В бою наступила пауза. Татары опасались идти в контратаку. Русские утомились и не могли продолжить наступление.

Михаил Иванович отправил к царю гонца с требованием большого общего приступа... но его не последовало.

Воротынский сидел с бойцами на казанской стене в течение двух дней. Помощь не шла. Михаил Иванович, не смыкая глаз, ждал ответного удара татар, видел, что они заново возводят оборонительные сооружения, и недоумевал: почему нет штурма? Почему армия бездействует?

Русское командование не решилось ворваться в город на плечах отступающего противника. Мало того, и те отряды, которые увлеклись преследованием врага, были по царскому приказу отозваны. Историки выдвинули несколько версий, объясняющих это странное промедление. Возможно, воеводы опасались ловушки для авангарда штурмовых частей в условиях беспорядочного уличного боя. А возможно, первый успех явился неожиданностью, и осторожные московские полководцы просто оказались не готовы его развивать.

К защитникам Казани отправилось посольство с предложением мирной сдачи. Решение татар не оставляло надежд на бескровный исход дела. «Пусть Русь стоит на стенах и в башне! Мы поставим иную стену. Или погибнем все, или отсидимся!» — ответили казанцы.

Русская армия готовилась к решающей битве основательно.

Царь объехал полки и обратился к воинам с ободряющей речью: «Братья мои и господа, князья и воеводы, и все большие и малые русские чада, теперь пришло нам доброе время одержать победу над противниками нашими за непокорство их, за сильную их злобу и неправду. Поспешите же, устремитесь на них за свои обиды — мне на славу, себе же на великую похвалу. Собрав все свои силы, послужите Богу и нам, и пострадайте за церкви Божии и за все православие наше, и явите мужество свое, чтобы оставить по себе память потомкам нашим. Те, кто будет убит теперь казанцами, примут на небесах венцы вместе с мучениками от Христа, Бога нашего. Живые же, сохраненные Богом и не убитые погаными, здесь от меня получают и почести, и дары, и похвалу великую».

Воины исповедовались и причащались. Царь провел ночь в беседах с духовным отцом протопопом Андреем^[32]. Тем временем городские рвы заполнялись вязанками хвороста, пушкари мешали восстановительной работе казанцев, сокрушая остатки стен.

Иван Васильевич ночью молился в одиночестве. А потом велел отслужить литургию.

От позиций князя Воротынского итальянцы вели новый подкоп под наспех сооруженные укрепления казанцев. Михаил Иванович приказал закатить туда 48 бочек с порохом. Второй подкоп вели к Ногайским

воротам.

Когда царское моление на литургии подходило к концу, в предрассветный час два ужасающей силы взрыва подняли на воздух укрепления казанцев. Дьякон читал в это время Евангелие, произнося последние слова: «И будет одно стадо и один пастырь».

Заиграли военные трубы. Русский стан ожил, громадные массы людей задвигались, строясь в боевые порядки. И полки пошли на штурм. Справа и слева от царя колыхалось море войска. Впереди зияли громадные бреши, через которые вливалась в город Казань царская пехота.

Даже когда царские полки ворвались в город, сражение продолжалось с переменным успехом. Радость победы омрачалась тягой к грабежу и мародерству, охватившей штурмовые отряды. Немногие продолжали честно биться, прочие же бросили своих товарищей и занялись поисками ценной добычи. Как тогда говорили о подобных мерзавцах, «пали на соковища»...

Казанцы вскоре опомнились, и сражение закипело с новой силой. Особенно тяжелый бой шел у Муралиевых ворот. Там русскую атаку возглавляли два искусных военачальника — братья Микулинские. Один из них, Дмитрий, был убит пушечным выстрелом. Другой, Семен, ранее бравший черемисские городки, получил множество ран, но выжил. Русская лава постепенно заполняла город. Ей повсеместно пытались преградить дорогу. Страшный копейный бой перегородил улицы от стены до стены. В этой давке даже мертвецы, нанизанные на копья, продолжали стоять. Никто не хотел уступать ни шагу. Оставляя улицы, казанцы запирались в домах и бились с теми, кто пытался туда проникнуть.

Увидев упорство татар, трусы и мародеры оставили храбрых бойцов на произвол судьбы и обратились в бегство. Толпы негодяев, выбегая из города, в ужасе орали: «Секут! Секут!» Царь, глядя на бегство своих ратников, заколебался. Не сгинет ли армия в боях за каждый переулок, за каждый дом? Не уготовил ли ему этот день поражение вместо победы, срам вместо славы? Да и удастся ли выжить в обстановке всеобщего бегства?

Именно тогда воеводы подвели его на коне к стенам города. Именно тогда русский царь рисковал жизнью, воодушевляя своим видом оробевшее войско. И кое-кто из беглецов, увидев своего государя, укрепился сердцем и вернулся к битве.

Наконец русские воеводы в Казани получили из государева полка значительное подкрепление. Его прибытие решило исход схватки.

Но еще пылал очаг сопротивления у ханского дворца и мечети Кул-Шариф. Здесь храбрейшие из татар дали последний бой. Разразилась злая

сеча. Наконец, сюда подоспел Воротынский со своими отрядами. Помолившись Богу о помощи, он напал на казанцев. Перед ним стояли бойцы в дорогих доспехах — князья, мурзы, сильнейшие богатыри, слуги казанского хана. Рубка здесь была особенно страшной и упорной. Кровь текла, как вода после дождя.

Автор воинской повести «Казанская история» так рассказывает о гибели последних защитников города: «Безжалостно настигали русские воины казанцев своими мечами и рассекали их секирами, и копьями и сулицами протыкали их насквозь, и нещадно резали их, словно свиней... И вбежали казанцы... на царский двор и в царские палаты и бились с русскими камнями и дубинками, и обшивочными досками, шатаясь, словно в темноте, сами себя убивая и не давая живыми схватить себя. И вскоре побеждены были казанцы — словно трава посечены».

Сдался хан Едигер, правитель Казани. Небольшая группа воинов попыталась пробиться из города, но была отброшена ударами с флангов — лишь немногие смельчаки сумели ускользнуть.

Казанская пахота закончилась, последняя борозда была завершена...

К Ивану Васильевичу от князя Воротынского прибыл гонец с сообщением: дело сделано, город пал.

И только тогда Иван IV во главе победоносных полков, под православными хоругвями торжественно въехал в поверженную Казань. Его ожидало ужасающее зрелище. Горы трупов лежали повсюду. Тела русских ратников мешались с телами казанских бойцов.

Государь велел подсчитать потери обеих сторон. Рязанский воевода Назар Глебов объехал город и доложил: «Побито более ста девяноста тысяч казанцев, детей и взрослых, старых и молодых, мужчин и женщин, и все это — не считая пленных, тех же число еще больше». Царь же покачал головою и сказал: «Воистину эти люди, дерзкие и неразумные, стойкими были и мужественными и умерли свободными, не покорившись моей воле».

Эта цифра — 190 тысяч — кочует из книги в книгу, однако специалисты сомневаются в ее достоверности, считая сильно завышенной. Русских же воинов, убитых казанцами во время всех приступов и в стычках во время вылазок, насчитали 15 тысяч 355 человек.

Не напрасно пролилось столько крови в борьбе за Казань. В самом городе и его окрестностях было освобождено великое множество русских пленников, страдавших в рабстве. России больше не угрожали набеги с востока. Страшная опасность навсегда исчезла, уступив место блистательной перспективе: за владениями казанских ханов открывался

простор, который привел русских землепроходцев на Урал и в Сибирь. А сама Казань за полстолетия превратилась в одну из евразийских столиц православия. Здесь появились монастыри, во множестве выросли храмы, работала типография — одна из первых в России! Началась долгая эпоха, когда русские и татары учились мирно сосуществовать на одной земле.

Иван Васильевич прошел тяжелое испытание и узнал вкус победы. Казанские походы надолго закалили волю царя. Кроме того, Иван IV обрел тот бесценный опыт, которого ему так не хватало. В ходе последнего противоборства с казанцами он получил представление о самых разных типах боевых операций. Государь ничего не забыл из казанских уроков, полученных дорогой ценой. Более поздние военные кампании проходили в совершенно иных условиях, там царь явно не был лишь номинальным предводителем войска. Воеводы подчинялись ему в полной мере, и у него хватало возможностей применить полученный опыт на деле.

В Казани остался большой русский гарнизон. Война длилась еще треть века, то обостряясь, то затухая. Московским воеводам пришлось неоднократно подавлять восстания местного населения. По-настоящему огонь мятежа будет погашен здесь лишь в середине 1580-х годах, при царе Федоре Ивановиче. Но со взятием Казани все бунты, какие здесь еще произойдут на протяжении десятилетий, русское воинство уже обрекло на поражение.

Не надеясь на одну вооруженную силу, московское правительство прибегло к испытанному средству. Русские принялись усердно строить крепости, ставить туда гарнизоны, сооружать храмы, учреждать монастыри, выводить на новую землю собственное население. Крепости разрастались в городки, городки — в города, а те становились мощной опорой Московского государства на территории завоеванной страны. Только таким способом удалось утвердить здесь власть российских государей.

В 1555 году родилась православная Казанская архиепископия. Казанская земля превратилась в духовную пашню, которую отныне православные миссионеры должны были распахать и засеять словом Христовой веры. Здесь каждому священнику следовало прилагать все силы для обращения покоренного населения в христианство. Но любой решительный шаг мог завершиться смертью, пожаром, гибелью близких... да чем угодно. Миссионеру тех лет требовались недюжинная твердость, редкая отвага и беззаветное упование на Бога. Он не мог позволить себе уныние. Выжить в столь суровых условиях и выполнять свой долг как надо мог лишь тот, кого ни одно несчастье не лишило бы веры и надежды.

Православный священник в Казани времен Ивана Грозного — человек, живущий в условиях постоянной тревоги, но все же делающий свое дело.

Вскоре после взятия Казани небольшие отряды стрельцов и казаков относительно мирно захватили Астрахань. Необыкновенная удача позволила московским военачальникам без больших потерь занять богатейший город. К 1556 году вся громадная Астраханская область оказалась в полном подчинении Ивана IV.

В результате Россия получила безраздельный контроль над великой торговой артерией — Волгой. Вся река, от истоков до устья, охранялась царскими крепостями с храбрыми воеводами во главе. Никакой враг не мог отныне мешать волжской торговле. Лишь разбойник иной раз тревожил купеческий караван буйным кличем своим да окровавленной саблей. Но русское правительство постепенно искореняло разбойную вольницу. До любой ненасытной глотки в конце концов добиралась железная рука Москвы...

После всех этих завоеваний в середине 1550-х годов наступило время необыкновенного могущества России и ее государя.

КРЫМСКАЯ УГРОЗА

Самым опасным противником России на внешнеполитической арене было Крымское ханство. Громадное государство, состоявшее, помимо самого Крымского полуострова, также из Северной Таврии, Северного Приазовья и части северокавказских земель, управлялось династией Гиреев^[33] — чингизидов, претендовавших на старшинство во всем сообществе государств — «осколков Золотой Орды».

Крымский хан имел возможность чрезвычайно быстро собирать и выводить в поле боеспособную армию из нескольких десятков тысяч превосходных кавалеристов, с детства наученных владеть оружием и легко управляться с конем. Крымская знать была заинтересована в агрессивной политике: угрожая набегами, ханы с приближенными получали «поминки» — дорогостоящие подарки от соседей. А устраивая набеги, они угоняли многотысячный «полон» для продажи на невольничьих рынках.

Эти рынки — место для русской истории памятное и страшное. Через крымскую работорговлю с XV по XVIII век прошли миллионы русских православных людей, которых захватили на окраинах Великого княжества Литовского, Польского королевства, Московского государства, казачьей гетманщины. В жерло работорговли огромными массами уходили взрослые мужчины и женщины, становясь «живой слоновой костью», чтобы где-нибудь в Северной Африке или Южной Франции оборотистый предприниматель мог указать особой строкой «ассортимента»: «миленькая славя-ночка, работающая и покорная», «крупный славянин с хорошими зубами и толстыми мышцами, умелый ремесленник».

Защита России от нашествий крымского хана сделалась жизненно важной задачей для московского правительства. Строительство оборонительных линий (засечных черт), создание на юге страны мощных крепостей, а главное, постоянное присутствие на лесостепном юге мобильных «корпусов», готовых драться хоть через час после того, как пришло известие о подходе неприятеля, — всё это дорого стоило, но спасало Россию от губительных бедствий.

Еще в начале XVI столетия ничего подобного не существовало. При Иване III Крымское ханство являлось союзником Московского государства и оказало неоценимые военно-политические услуги в борьбе Москвы с Великим княжеством Литовским. Хан Менгли-Гирей в отличие от государей Большой орды и Казанского ханства состоял в дружественных

отношениях с Россией. А Большая орда после Великого стояния на Угре (1480) ослабела и была далеко не столь опасна, как раньше. Поэтому никакой обороны на юге страны налаживать не требовалось.

Но при Василии III ситуация изменилась коренным образом. Отношения с Крымом испортились, Менгли-Гирей стал союзником Сигизмунда I, который вел с Московским государством многолетнюю изнурительную войну. На протяжении первых нескольких лет после смерти Ивана III небольшие отряды татар появлялись на окраинах Московского государства, но столкновения с ними имели незначительный масштаб: производилась своего рода «разведка боем». Впервые Россия почувствовала серьезную военную опасность со стороны Крымского ханства весной 1512 года: южнорусские земли подверглись массированному нападению крымских «царевичей». Именно с этого момента начинает складываться оборонительная система на Оке.

С 1510-х годов русские полки начинают регулярно занимать позиции «по берегу», то есть по течению Оки. Главными опорными пунктами русской тактической обороны стали «города-штабы»: Калуга, Кашира, Коломна, Серпухов, Тула, а также в какой-то степени Зарайск, с 1550-х годов — Дедилов.

Малые набеги крымских татар быстро стали обыденностью. Раз в несколько лет происходил значительный набег крымцев на южные земли Московского государства или, как называли подобного рода акции в летописях и разрядных книгах, «царев приход», «царевичев большой приход», «приход в силе тяжкой». Подобные набеги при Василии III случались в 1512, 1514, 1515, 1517, 1521, 1527, 1531, 1532 и 1533 годах. Уже в 1520-х годах общая схема Окской обороны «по берегу», родившаяся совсем недавно, закрепляется на долгие десятилетия.

К середине XVI века система обороны Московского государства от Крымского ханства на Оке работала как часы. Как правило, пять полков весной выдвигались на Окский рубеж, а снимались с него осенью. Расстояние между фланговыми полками могло составлять 200 километров и более. Вперед выдвигались «сторожи» — дозорные отряды. В тех случаях, когда намечался прорыв обороны крупными силами крымских татар, один из полков принимал удар на себя, а остальные спешили к нему на помощь. Подобного рода тактика диктовалась манерой действий самих крымцев: они имели возможность широкого выбора точки или точек нападения, притом направление прорыва могло быть изменено в любой момент — скорость и маневренность крымской конницы давала такую возможность ее командирам. Отсюда — крайняя рискованность всей

русской оборонительной конструкции для полка, который принимал удар татар первым: он полностью зависел от расторопности боевых товарищей из остальных полков, и любое их промедление грозило ему гибелью.

Рельефно показывает достоинства и недостатки московской оборонительной тактики отражение крымцев на Оке в 1541 году. При Иване IV большой «царев приход» 1541 года был первым в череде масштабных нашествий. К тому времени окская система обороны уже устоялась, но отражать крымцев приходилось в обстановке политической розни.

На Москве в ту пору было смутно. Великая княгиня Елена ушла из жизни еще в 1538 году. Сам Иван Васильевич был одиннадцатилетним ребенком. У подножия трона, занятого мальчиком Иваном, хотелось бы напомнить, утвердилось боярское правление. Придворные партии вырывали друг у друга кормило власти. Между 1538 и 1541 годами господствующее влияние получила аристократическая партия Шуйских, а весной 1541 года, незадолго до набега крымцев, преобладание перешло к партии Бельских. Соперничество группировок знати за влияние на дела большой политики и возможность контролировать ключевые назначения скверно сказывалось на обороноспособности государства.

В 1541 году русская оборонительная армия вышла на Окский рубеж в традиционном составе: пять полков. Об угрозе вторжения знали заранее. В Москву «прибежали... ис Крыма два полоняника», сообщившие, что крымский хан знает о стратегических трудностях обороны на южных границах России: часть государева двора и дети боярские семнадцать служилых городов воевали в тот момент на казанском направлении, невозможно было спешно перебросить их на Оку. Из Москвы в Путивль, к тамошнему наместнику Ф. Плещееву-Очину, был отправлен приказ осуществить разведку. Разведчики обнаружили в степи «сакмы великие»^[34]. Станичник Алексей Кутуков принес в Москву «с поля» новое известие: он обнаружил врага «на сей стороне Дона на Сновах». 21 июля воевода князь Семен Микулинский, будущий герой Казани, доложил из Зарайска: известия подтвердились, большое вражеское войско идет к Оке. Бывшие крымские «полоняники» и русские станицы в степи передавали весьма тревожные сведения: крымский хан шел со своими людьми, «царевичем» Имином (Эмином), при поддержке ногайцев, турецкого отряда^[35], с мощной артиллерией и наемными стрелками из пищалей. Всего — более 100 тысяч бойцов. Счет вражеских сил производился в ту пору путем внешнего наблюдения и «по сак-ме» — конским следам,

широкую полосу коих оставляла движущаяся армия. Разумеется, подсчеты эти нельзя считать в полной мере достоверными. Цифры, весьма вероятно, сильно преувеличены. Однако ясно было, что крымцы шли «в силе тяжкой». Это, а также присутствие в армии вторжения самого крымского хана Сахиб-Гирея с сыном, да еще в сопровождении известного русского изменника — князя Семена Федоровича Бельского — наводило московское правительство при малолетнем Иване IV на печальные мысли. Очевидно, замышлялось большое нашествие, вроде новой Батыевой рати, похода Едигея 1408 года или же великого вторжения крымцев 1521 года.

Полученные сведения вызвали перегруппировку оборонительных сил. Армию, сконцентрировавшуюся во Владимире для действий на Казанском направлении, всё же не тронули, но стали к ней стягивать отряды из отдаленных районов. На будущее она могла стать резервом для обороны Москвы, если на Оке Сахиб-Гирея остановить не удастся^[36]. Значительный отряд под началом князя Ю. М. Булгакова был выдвинут в качестве заслона к Пахре. С ним отправился «царевич Шигалей» со служилыми татарами Городецкими. Но основные силы во главе с князем Дмитрием Федоровичем Бельским^[37] встали под Коломной.

Начало оборонительной операции было положено 28 июля. Передовой отряд крымцев ударил на городок Осётр близ Зарайска^[38]. Тамошний воевода Назар Глебов неожиданно напал на татар с частью гарнизона и вооруженными горожанами, когда враг входил в городские посады. Потеряв девятых бойцов пленными, крымский авангард откатился.

Татар допросили. Полученные сведения полетели в Москву.

В результате отряд князя Булгакова, стоявший в готовности на Пахре, был немедленно переброшен «на берег», чтобы пополнить армию князя Бельского. Там его включили в Большой полк. На место сил Булгакова из Москвы выдвинулась часть государева двора во главе с князем В. М. Щенятевым и конюшим И. И. Челядниным.

Что показывает начальная фаза подготовки к отражению крымцев? Во-первых, Москва научилась чрезвычайно быстро мобилизовывать значительные силы. Во-вторых, гарантией от неожиданного нашествия служила глубинная разведка «станицами», работавшая в степи на значительном расстоянии от Окского рубежа. В-третьих, пока крымцы не открывали направления атаки, обороной всего Русского юга руководила Москва; лишь после выхода вражеской конницы на Оку в определенном месте тактическая необходимость быстро принимать решения делала 1-го воеводу Большого полка в армии, стоящей «на берегу», центральной

фигурой военного командования.

В столице по-настоящему тревожились за южный рубеж. Где появятся основные силы хана? Предугадать невозможно. Приходилось расставить не столь уж большие (с учетом отсутствия армии, стоящей во Владимире) силы на огромном расстоянии друг от друга. Русские полки и отдельные самостоятельные отряды оказались «размазаны» на колоссальном пространстве. От устья Угры до Серпухова по дороге — более 100 километров. От Серпухова до Коломны — около 120 километров. Таким образом, по самым скромным подсчетам, одна армия князя Д. Ф. Бельского прикрывала фронт протяженностью более 220 километров! Притом правофланговый полк ее мог стоять и намного западнее устья Угры, а левофланговый — восточнее Коломны. Выходит, протяженность оборонительного рубежа, если считать его по дорогам, могла достигать и значительно больших величин.

На всякий случай готовились к осаде и в самой столице. Бояре думали даже вывезти государя-мальчика из города — по опыту Едигеева нашествия 1408 года, когда Василий I выехал из города и не сидел в осаде. Но митрополит Иоасаф отсоветовал. Да и сам державный отрок Иван Васильевич предпочел остаться в городе, а не бежать из него.

Москва во главе с освященным собором и самим митрополитом молилась у своих святынь об «избавлении от нахождения иноплеменников». А ратные люди расставляли орудия по стенам, ставили по улицам надолбы, расписывали караульные команды.

30 июля Сахиб-Гирей вышел со всей ордой к Оке напротив Ростиславля^[39] и расположил ставку на холме. Русские полки самым скорым ходом двинулись к Ростиславлю, намереваясь защищать от татар переправы. Гарнизоны близких крепостей снимались для содействия основным силам. Пошел на неприятеля и князь С. И. Микулинский с маленьким зарайским отрядом, поскольку находился ближе других к месту возможного прорыва.

Ядро боевых сил князя Д. Ф. Бельского (Большой полк) не успевало занять окские переправы, к которым вышел Сахиб-Гирей. От Коломны до них — километров тридцать, если не больше. Но более слабый Передовой полк князя Пронского — успевал, поскольку, очевидно, занимал позицию неподалеку от Ростиславля.

И значит, ему оставалось намертво вцепиться в переправы, отбивая татар, пока не подойдет подкрепление. Полковой воевода знал, во что ему станет сражение с превосходящим по численности противником: если

князь Д. Ф. Бельский с Большим полком задержится, то вся рать князя Пронского ляжет на переправе.

Перед всей вражеской громадой оказался один полк, не имевший шансов победить. Люди, вставшие заслоном на пути крымцев, готовились к смерти. Незадолго до этого страшного стояния на Оке в армию пришла грамота, составленная от имени юного государя. Ее доставил дьяк И. Ф. Курицын. В грамоте обещалось «великое жалование» тем, кто защитит державу от чужой орды, а также семьям погибших; воевод просили крепко стоять за христианство, не имея между собой розни. Когда содержание грамоты стало известно не только военачальникам, но и всей армии, полки ответили: «Мы готовы, мы вооружились, хотим с татарами смертную чашу пить».

Теперь настал черед выполнять сказанное.

Татары на лошадях, плотах и прочих средствах устремились к русскому берегу. Русские воеводы приказали отбивать их стрелами. По Оке поплыли мертвые тела.

Вторая попытка штурма сопровождалась пищальным огнем: наемники по приказу хана попытались свинцовым градом сбить полк с занимаемых позиций. Турецкие пушкари встали к орудиям, и в русских воинов полетели ядра. Крымцы вновь полезли в воду. Полк стоял как мог. Дворяне один за другим падали с лошадей, и без того малые силы полка таяли.

Наконец многострадальный передовой полк дрогнул. Русские конники стали понемногу отходить от берега, освобождая место татарам. И быть бы прорыву через Оку, но тут на выручку подоспел зарайский отряд Микулинского. Крымцы опять несли тяжелые потери, опять против них стояли свежие войска. Перестрелка возобновилась.

Первый, самый страшный натиск вражеской армии удалось сдержать. Понемногу начали прибывать части Большого полка, явился вместе с главными силами и русский главнокомандующий, князь Дмитрий Бельский. Успели к месту прорыва полки Правой илевой руки. Не успел большой отряд князя Одоевского, шедший с Угры, из-под Калуги. Не ясно, добрался ли прежде окончания военных действий Сторожевой полк: формулировки летописей разноречивы, что заставляет подозревать опоздание. Но русских сил под командованием тех воевод, кто все-таки успел к месту битвы, хватило для отражения.

Легкие отряды из состава подошедших русских полков вышли к самому берегу. Доплывших до берега татар секли топорами и саблями. Со стороны русских полков открыла огонь легкая артиллерия, «разбившая» несколько турецких пушек. Московские ратники издевательски «просили

берега» у татар, то есть требовали у крымцев освободить место на их берегу для битвы.

В ночь на 31 июля прибыл «большой наряд» — тяжелая московская артиллерия. Князь Д. Ф. Бельский приказал ставить ее по берегу Оки и готовить для утреннего боя. Увидев большие пушки, поставленные перед строем московских полков, Сахиб-Гирей принял решение отступить. Утром 31 июля хан «побеже».

Поражение крымцев стало очевидным.

Они бежали на юг той же дорогой, какой пришли, «с великим срамом... — по словам летописца, — ...бросив пушки и пищали, и телеги, и всякую рухлядь воинскую». Впрочем, другая летопись ограничивает русские трофеи лишь «телегами с запасом». Видимо, какая-то незначительная часть артиллерийского парка, испорченная 30 июля успешным огнем московских пушкарей, была действительно брошена крымцами, но явно не всё: оставшиеся орудия хан еще использует в этой кампании.

Немногие крымцы беспечно остались, мечтая заняться грабежом ближних волостей. На них обрушился князь Микулинский, уничтожая последние татарские отряды у Оки.

Самым неугомонным оказался «царевич» Имин. Он «отворотил» от войск отца, ринувшись на «Одоевские места». Но тут его встретил местный воевода князь Владимир Иванович Воротынский. Его контрудар опрокинул татар, а полсотни самых медлительных крымцев отправились пленниками в Москву.

От них стало известно, что Сахиб-Гирей все еще не смирился с поражением. Хуже воинской неудачи его жег позор: собрать великую армию и ничего не совершить с нею! Это роняло авторитет хана в самом Крыму. Да и высокий сюзерен — Турция — перестанет относиться к нему как к серьезной силе, если сейчас он отступит без всякого успеха. Татарская знать, видя в бесславном отступлении оскорбление и своей чести, напомнила хану о Тамерлане: Железный Хромец ходил на Русь с огромным войском, но ограничился тем, что спалил и разграбил маленький город Елец. Так не взять ли на щит какой-нибудь русский городок, покрыв большой неуспех малой победой? «Пусть не говорят, что хан приходил на Русь, но не учинил ей ничего», — кратко передает летописец содержание их речей. Выбрали Пронск, расположенный неподалеку.

Крымцы обложили Пронск, открыли по нему огонь из оставшихся пушек, пошли на штурм. Но маленький гарнизон во главе с Василием Жулебиным из боярского рода, исстари служившего московским князьям,

встретил их ответной пальбой. Запершись в крепостице, горожане не утрастились татар, приняв решение стоять насмерть. Крымские мурзы, видя большую убыль в боях, начали было переговоры с Жулебиным, обещая милостивое отношение, если воевода добровольно сдаст Пронск. Тот ответил: «Божьим попусценем город ставится, а без Божией воли кто может его взять? Хан же пускай помедлит под стенами еще немного: как раз идут по его следам государевы воеводы».

Сахиб-Гирей приказал готовиться к новому приступу. Жулебин в ответ вызвал всех, кто мог носить оружие, на стены. С мужьями пришли и жены. У невысоких башен складывали заостренные колья, которыми собирались сбивать татар с лестниц, груды тяжелого камня, ставили котлы с кипятком. Тайком в Пронск пробрались семеро бойцов из отряда князя Микулинского. Они подали весть о скором подходе большой московской рати. Осажденные радовались доброй вестии, ждали скорого избавления. Один из горожан попал тогда в плен к татарам. От них хан узнал о приближении русского войска. Не столь уж многое грозило крымцам: Микулинский располагал легким отрядом, прочие же воеводы не решились преследовать Сахиб-Гирея. Русские военачальники опасались покидать Окский оборонительный рубеж: не попробует ли противник под видом отступления перейти реку в другом месте? Но, убоявшись новой неудачи, враг опять отступил, спалив осадные сооружения и уничтожив собственные пушки. Быстро переправившись за Дон, крымцы бежали не останавливаясь.

Столица, да и вся Русь праздновали большую победу. Воевод, побывавших в деле, от имени государя-отрока щедро одаривали шубами, драгоценными кубками.

Стояние на Оке близ Ростиславля и последующие боевые действия 1541 года показывают, что за четверть века борьбы с Крымским ханством Московское государство создало мобильную военную машину, эффективно обеспечивающую защиту южных рубежей. Войска оборонительной армии действуют слаженно, быстро маневрируют, умело используют полевую артиллерию для укрепления Окского рубежа. Однако при всем том угроза прорыва татар в коренные земли Руси остается, и в Москве к ней относятся со всей серьезностью.

В 1552 году крымцы едва не сорвали наступление русской армии на Казань.

А после взятия Казани бывший «юрт Казанский» стал предметом многолетних жестоких раздоров с Крымом. Хан упорно требовал отдать Казань ему, Иван IV столь же упорно отстаивал новое приобретение

России.

В 1555 году против подступающих крымцев отправилась небольшая русская армия под командованием Ивана Васильевича Шереметева-Большого. Поход его закончился героически и... страшно. Армия Шереметева столкнулась у села Судбищи с превосходящими силами крымцев, выдержала отчаянную рубку, на начальном этапе даже потеснила врага, однако была разбита после того, как сам Шереметев получил тяжелое ранение. Отступавшие русские части могли превратиться в легкую добычу хана. Наступил критический момент: царским полкам грозило уничтожение.

От гибели их спас энергичный воевода Передового полка Алексей Данилович Басманов-Плещеев. Вместе со своим помощником Степаном Сидоровым он собрал разрозненные толпы русских и приказал создать из полковых обозных телег укрепленную позицию. Хан обрушился на отряд Басманова всеми силами — тщетно! Бросил против него команду Пищальников — никакого продвижения! Велел открыть по кошевым возам артиллерийский огонь, однако и тут не преуспел. Воевода с бойцами «отсиделись», положив на месте множество атакующих. Степан Сидоров получил в том бою смертельную рану, от которой потом скончался. Однако боевое ядро армии все-таки уцелело и дождалось отступления крымцев, так и не сумевших взять обозную «крепость».

Царь вышел с войсками к Туле — на выручку полкам Шереметева. Ивана Васильевича отговаривали от столь опасного шага, но он решил возглавить армию.

Измотанное вражеское войско побоялось вступить в бой с основными силами русских. В свою очередь, полки под водительством государя не стали преследовать отступающего неприятеля. Таким образом, Иван IV показал подданным: у него хватает мужества и воли выйти против самого опасного врага, «за державу» он «стоятелен»... Вместе с тем всерьез рисковать удачным исходом противостояния царь не стал, отказавшись от преследования.

Это может показаться признаком нерешительности. Но на самом деле Иван Васильевич принял взвешенное решение. Оторвавшись от коренных земель Руси, полевое соединение могло наткнуться на свежие отряды крымцев и подвергнуться уничтожению. Разгром московского войска в южных степях означал бы одно: столица осталась без защиты и без монарха. Как при Батые.

Ничего подобного не произошло, крымцам не удалось глубоко вклиниться в коренные земли Руси, не удалось пробиться к Москве. Их

остановили, пусть и дорогой ценой.

Но на этом их набеги не прекратились. Татар ждали каждый год с готовностью драться не на жизнь, а на смерть.

БОЯРСКИЙ МЯТЕЖ

В марте 1553 года царь слег с тяжелой болезнью, от которой не чаял оправиться.

Некоторые историки считают, что Ивана Васильевича пытались отравить. Он повзрослел, приобрел волю к власти, уже не давал себя контролировать во всём и везде. Так не пора ли его «убрать с доски», могли подумать властолюбивые аристократы, еще несколько лет назад располагавшие всей полнотой власти...

Впрочем, это только догадки.

Царь почувствовал приближение смерти. Он пишет завещание и велит привести к присяге своему сыну Дмитрию Ивановичу бояр, а также своего ближайшего родственника — князя Владимира Андреевича Старицкого^[40]. Последний мог в создавшейся ситуации стать претендентом на престол. А значит, опасным конкурентом царевичу.

Сын государя еще младенец, править он не способен.

Могла повториться ситуация, какая была в детские годы самого Ивана Васильевича: опять безвластие государя-сироты, опять распри вельмож, опять интриги, опять кровь, опять интересы государства в забвении.

Большинство бояр не изъявили воли к сопротивлению. Некоторые из осторожности сказались хворыми. Но Старицкие не торопились повиноваться. Видимо, слишком велик был соблазн унаследовать престол от Ивана IV, оттеснив ребенка. Некоторые вельможи (князь Д. Ф. Палецкий, князь Д. И. Курлятев, казначей Н. А. Фуников-Карцов) начали со Старицкими переговоры. В ходе этих переговоров явственно прозвучало предположение, что новым государем будет не малолетний Дмитрий Иванович, а вполне взрослый Владимир Андреевич.

Удельный князь, то ли по странному совпадению, то ли из желания подбодрить служильцев своего малого двора перед серьезным кризисом, может быть, перед большой кровью, как раз в этот момент начал раздавать им денежное «жалование»...

Заподозрив злой умысел, бояре и вельможи, остававшиеся верными хворому царю, «начаша... беречися и князя Володимера Ондреевича ко государю часто не почали пушати».

Сильвестр также пытался помочь Старицким. Он обратился к боярам, затворившим перед Владимиром Андреевичем двери царских покоев, с укоризнами: «Из-за чего не пускаете? Родной человек к государю

доброхотнее вас, бояр!» Но те отвечали: «На чем дали присягу Ивану Васильевичу и сыну его князю Дмитрию, то и делаем!»

Князь И. М. Шуйский, а также Ф. Г. Адашев затеяли настоящий скандал. Летопись повествует: «И был мятеж велик и шум, и речи многия в всех боярех, а не хотят пеленочнику служить». Не кого-то, а царского сына издевательски называли «пеленочником»...

Сторонники и противники принятия присяги «бранились жестоко». Оказалось, что противников принесения присяги мальчику не столь уж мало. Кажется, неповиновение начало разрастаться как снежный ком.

Сам царь с ложа болезни принялся воодушевлять верных ему людей. Оробевшим Захарьиным-Юрьевым, прямой родне царевича Дмитрия, он бросил: «А вы... чего испугались? Али чаете, бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете! И вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание бояром не отдали!» От прочих, сомневающихся или уже склонившихся к неповиновению, Иван Васильевич требовал: «Я вас привожу к [крестному] целованию и велю вам служить сыну своему Дмитрию! А если вы сыну моему креста не целуете, значит, иной у вас государь! Вы свои души забыли!»

Кое-кто из колеблющихся «поустрашился». Они пришли давать крестоцеловальную присягу. Но оставались еще те, кто не торопился изъявлять покорность. Многие не желали подчинения Захарьиным, которые остались бы после смерти Ивана IV на регентстве до совершеннолетия Дмитрия Ивановича. По государеву двору летали потаенные шепотки, на стены дворца тенями ложились кривые разговоры. Время от времени вспыхивала брань между верными царю боярами и теми, кто готов был поискать «инога государя».

Князя Владимира Андреевича пришлось принуждать к целованию креста, угрожая применением силы. Летопись говорит прямо: «Целовал крест поневоле». Так что если бы Иван IV тогда скончался, неизвестно, был бы Старицкий верен своей клятве. А его мать еще долго противилась тому, чтобы скрепить «целовальную грамоту» княжеской печатью дома Старицких. Жестоко обругав тех, кто принес бумагу, она все же смирилась и печать приложила. Была бы та печать надежной преградой для амбиций княгини и ее сына, уйди Иван Васильевич на суд небесный? Есть все основания в том усомниться.

В конце концов государь выздоровел и вопрос о присяге на верность маленькому Дмитрию потерял смысл.

Однако «боярский мятеж» показал Ивану Васильевичу в очередной раз, сколь зыбко его положение и сколь мало у него возможностей в случае

скорой кончины обеспечить достойную судьбу своей семье. От него отошли доверенные люди, знать вновь начала прикидывать, как бы переделить власть в отсутствие сильного монарха. Та же Избранная рада не проявила особенной лояльности, скорее напротив. И, видимо, царь не очень понимал, как ему дальше строить отношения с аристократическими «столпами державы», с Боярской думой...

Казалось бы, мощная партия сторонников царя позволяла ему питать добрую надежду на будущее. Но, как знать, не была ли верность этих людей знаком тонкого расчета? Ведь у Старицких были свои приоритеты, и не всем при их владычестве достался бы чаемый кус... С ними явились бы в Москву бояре малого, удельного двора, и столичным вельможам пришлось бы потесниться в Боярской думе, поделиться с пришельцами ключевыми постами в системе управления. Со взрослым правителем трудно тягаться. А вот попечение о благе очередного царя-мальчика давало богатые возможности. Так что и с этой стороны Иван Васильевич не видел искренней любви и заботы к его семейству^[41].

Темный призрак сиротства вновь подступил к молодому царю. От призрака веяло прежним, хорошо знакомым холодом. Вот только оно приняло новый облик: сиротство детское обернулось сиротством монаршим. У сироты нет родителей, у государя нет друзей. Правитель одинок, даже если любящая семья рядом с ним, более того — семья представляет собой одно большое уязвимое место.

Как видно, именно после выздоровления государь принялся размышлять: а не пора ли ему отобрать у собственной знати всю полноту власти? Не пора ли сделаться полным, ничем не ограниченным самодержцем? Может быть, не сразу, не за год и не за два, не подвергая себя опасностям открытой бескомпромиссной борьбы с могущественными «княжатами», но постепенно, шаг за шагом, двигаться к поставленной цели.

А значит, понемногу приводить к высоким назначениям верных людей. Тех, на кого можно положиться в критической ситуации. Тех, кто не предаст.

Черное видение измены отныне постоянно являлось государю русскому. Иван IV пребывал в уверенности, что предать его могут в любой момент. Сегодня вельможа улыбается ему и отдает глубокий поклон, а завтра бросит отраву в кубок или перебежит к соседнему правителю...

С тех пор Иван Васильевич жил с опасением.

КНИГОПЕЧАТАНИЕ

Именно при царе Иване IV в Московском государстве появились собственные печатные книги.

Это произошло скорее всего в середине 1550-х годов. Где находилась та древнейшая типография и кто был ее организатором, неизвестно. Одни ученые считают, что в Москве, другие — что в Казани. Ведь в первую очередь потоки печатных книг направлялись в области, где христианство стояло некрепко, например туда, где население крестилось совсем недавно. Прежде всего — в Казанскую землю, недавно присоединенную к России и нуждавшуюся в орошении христианской культурой.

Некоторые книги, изданные древнейшей типографией, дошли до наших дней. Но выходных данных у них нет.

Известен лишь один из сотрудников той печатни — Маруша Нефедьев, «мастер печатных книг», по некоторым гипотезам, возглавлявший все дело книгопечатания на начальном этапе. Предположительно, одним из граверов (резчиков) в штате нефедьевской типографии стал некий новгородский житель Васюк Никифоров.

Видимо, на том начальном, «анонимном» этапе русского книгопечатания итальянские мастера играли роль наставников при русских умельцах, осваивавших азы типографского дела. Во всяком случае, терминология печатного производства оказалась заимствована Москвою из итальянского языка, как и само его название — штаньба, то есть *stampa*.

Ничего удивительного тут нет: итальянцев с разного рода инженерно-техническими знаниями московские государи охотно привечали, хорошо им платили и не торопились отпускать домой. Итальянцы, они же фряги, вписали не одну страницу в историю русской архитектуры, да и в других областях оказались превосходными учителями. Вот и раннее книгопечатание России оказалось обязано им «наукой».

В 1563 году первопечатник Иван Федоров, бывший дьякон кремлевской церкви Николы Гостунского, возглавил типографию, созданную по инициативе государя Ивана IV и митрополита Макария. Она-то и стала предтечей знаменитого Московского печатного двора.

Иван Васильевич, имея столь «книжных» наставников, как Сильвестр и митрополит Макарий, вышел на поприще царской деятельности хорошо образованным человеком. Он отлично знал и часто цитировал Священное Писание, жития, труды Отцов Церкви, исторические сочинения.

Знатоки средневековой русской литературы отдадут дань уважения писательским талантам государя: он отличался ярким дарованием.

Всякий, кто дал себе труд прочитать сочинения первого русского царя, видел и понимал, сколь необычен, сколь насыщен художественной образностью писательский стиль царя Ивана. На многих он производит зачаровывающее воздействие. Крылатые слова и целые фразы из жгучих, яростных посланий Ивана Грозного до сих пор тревожат умы русских людей.

Берясь за перо, государь московский легко переходил от высокого стиля, от рассуждений на богословские темы, от восхождения к древним деяниям святых и царей к обыденности, к столкновениям текущего дня, к бытовым обидам и даже к площадной брани. Всё это органично уживается друг с другом в его посланиях. То монарх-писатель обращается в философа, то юродствует, то жалит едкой насмешкой, то облекается в одежды смирения, то вдруг переходит к громовой проповеди. Всё написанное первым русским царем насыщено эмоциями до отказа. В его текстах клокочет гнев, исходит обжигающим холодом презрение, полыхает жгучая ирония. Иван Васильевич не знает никаких границ, для него чуждо стремление «выдержать» стиль, композицию и жанр ровно, однотонно, с холодным умом. Повсюду и везде в его сочинениях сохраняется неизменным лишь один элемент: твердая уверенность в державном праве повелевать. В этом пункте он как писатель и публицист (если к XVI столетию вообще применимо это позднее словечко) являл совершенную бескомпромиссность. Общая манера государева письма — афористическая и в какой-то степени импрессионистская. Сила отдельного выражения, впечатления, яркой зарисовки абсолютно преобладает над логикой всего произведения. Сам текст обычно представляет собой подобие театральной постановки, в которой предусмотрено место для импровизации.

Так, послание в Кирилло-Белозерский монастырь (1573) Иван Васильевич начинает в жанре челобитья, примешивая сюда покаянные мольбы: «Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному!.., подобает вам, нашим государям, нас, заблудившихся во тьме гордости и находящихся в смертной обители обманчивого тщеславия, чревоугодия и невоздержания, просвещать. А я, пес смердящий, кого могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, воровстве и ненависти, во всяком злодействе... Ради Бога, святые и преблаженные отцы, не принуждайте меня, грешного и скверного, плакаться вам о своих грехах среди лютых треволнений этого обманчивого и преходящего мира». Чуть погодя царь

принимается жестоко бичевать братию за отступления от устава и послабления в иноческой жизни, предоставленные монахам из числа бывших аристократов: «...бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы: выходит, что не они у вас постриглись, а вы у них постриглись, не вы им учителя и законодатели, а они вам учителя и законодатели!» Далее следуют уже крепкая брань и угрозы, даже намеки на измену. Деятелей, вызвавших особый гнев, царь честит званиями «бесова сына», «дурака и упыря», «злобесного пса». А заканчивает мило и благостно: «Да пребудут с вами и с нами милость Бога мира и Богородицы, и молитвы чудотворца Кирилла. Аминь. А мы вам, мои господа и отцы, челом бьем до земли».

Писательское наследие Ивана Васильевича весьма обширно и, будучи изданным отдельно, составляет увесистый том.

Нетрудно догадаться, что царь-писатель, высоко ценивший книжное слово, очень хорошо понял все выгоды, какие могла получить Россия, заводя собственное типографское дело. Прежде всего, это был чрезвычайно важный шаг в духовном просвещении.

Сам Иван Федоров сообщает в послесловии к одной из своих книг: «По воле [Бога] Отца, с помощью [Бога] Сына и свершением [Бога] Святого духа, повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением преосвященного Макария, митрополита всея Руси, типография эта создана в царствующем граде Москве в лето 7071 [1563], в тридцатое лето его царствования».

Идея завести типографию принадлежала царю. По словам Ивана Федорова, «многие церкви воздвигались в царствующем граде Москве и по окрестным местам и по всем городам царства его, особенно же в новокрещеном месте, в городе Казани... И все эти святые храмы благоверный царь украшал чтимыми иконами и святыми книгами, и сосудами и ризами и прочими церковными вещами... Поэтому благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич... повелел покупать святые книги на торгу и полагать их во святых церквах... Но из них мало оказалось годных, остальные же все искажены несведущими и неразумными переписчиками, а иные оттого, что пишущие оставляли их без исправления. И это стало известно царю, и он начал размышлять, как бы издать печатные книги, как у греков, и в Венеции, и в Италии, и у прочих народов, чтобы впредь святые книги излагались правильно».

В 1564 году Федоров выпустил первую российскую печатную книгу, имевшую точное указание места и времени издания, — «Апостол». В нее вошла часть Нового Завета.

Церковь и государство поддерживали книгопечатание всеми силами,

морально и материально. Митрополиты московские отправляли на Печатный двор лучших книжников, образованнейших людей, поскольку видели в печатной книге средство просвещения. А на духовное просвещение смотрели как на лучшее орудие борьбы с ересями. С точки зрения Церкви, ересь рождается из ложного мудрования, из заблуждения, основанного либо на гордыне, либо на неполном знании. А как можно уничтожить неполное знание? Только дать всю его полноту. Для этого весьма полезна выверенная печатная книга, полностью избавленная на пространстве всего тиража от разночтений и тем более от разноречий, возникавших из-за невнимательности или же амбициозности книжных переписчиков.

Вскоре после выпуска «Апостола» Иван Федоров переселился на территорию Белой Руси (тогда она принадлежала Великому княжеству Литовскому) и там продолжил работу. Это произошло около 1566 года.

В связи с переездом Ивана Федорова часто пишут: бежал от произвола церковников, от мракобесия, от варварского политического режима! На самом деле Иван Федоров никуда не убегал. По всей вероятности, его вместе с главным помощником Петром Мстиславцем отправили на Западную Русь с важной государственной миссией. В них видели людей, которые способны помочь тамошнему православию, ведущему тяжелую борьбу на два фронта — с агрессивным католическим духовенством и радикальными группами протестантов. Они должны были печатать православные книги, поддерживать Церковь в ее изматывающем противостоянии.

Московские первопечатники вывезли целый обоз тяжелого оборудования, которое использовали на новом месте. Так что не стоит представлять себе маршрут Ивана Федорова через литовский рубеж как детективное действо: первопечатник от погони уходит плавнями, несется огородами, а лихие стрельцы с пищалью лупят по нему злым свинцом, но догнать не могут... И не надо представлять себе его судьбу так, как это сделали советские кинематографисты: печально ушел нищим, с тощим мешком за плечами. Иван Федоров и его товарищ ехали среди бела дня, их провожали государевы дьяки и дворяне, их благословляло церковное священноначалие: «Трудное дело на вас возложено. Бог вам в помощь!» Быть может, прощался с ними и сам царь Иван Васильевич.

Существует гипотеза (не вполне доказанная), согласно которой Иван Федоров получил образование в Краковском университете, а значит, культура западнорусского (белорусского) православия была ему знакома. Его коллега по деятельности на Московском печатном дворе Петр

Тимофеев носил прозвище Мстиславец. Скорее всего, он происходил из белорусского города Мстиславля; он просто возвращался на родину.

Московские первопечатники начали работу в Заблудове у литовско-русского православного магната Г. А. Ходкевича и там выпустили «Учительное Евангелие». Позднее пути первопечатников разошлись, они основали несколько новых типографий: Виленскую, Львовскую, Острожскую. На землях Великого княжества Литовского два этих мастера выпустили множество новых книг, и, по мнению знатоков истории печати, повсюду их работа отличалась выдающимся качеством, высоким уровнем художественного оформления. Особенно важным деянием Ивана Федорова стало издание первой полной славянской Библии (Острожская Библия 1580 года).

Типографское дело с отъездом Федорова из России в стране отнюдь не пресеклось. Во второй половине 1570-х годов большая печатня работала в Александровской слободе. Ее основал не кто иной, как царь Иван Васильевич. В предисловии к Псалтыри, напечатанной в 1577 году, говорится прямо: «Благодатию и щедротами человеколюбивого Бога Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, и повелением благочестивого и Богом венчанного... великой Россия государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца... составилось... печатных книг дело».

Позднее книгопечатание на несколько лет все же прервалось, но его восстановил уже сын Ивана Васильевича, царь Федор Иванович в конце 1580-х. Очень непохожий на отца, он, как видно, все же унаследовал от родителя бережное и заинтересованное отношение к премудрости книжной.

Церковь, однажды приобретя этот могучий инструмент просвещения и воспитания, вовсе не собиралась от него отказываться. Да и как иначе? На протяжении века от времен Василия III до начала русской Смуты в митрополитах у нас по преимуществу были «книжники» — люди, умудренные «виноградом словесным». Они же сами первыми ставили масштабные просветительские задачи, они же создали богатейшую историческую, нравственную, богословскую литературу. А Иван IV и его отпрыск готовы были поддерживать это начинание Церкви всеми возможными средствами.

Книгопечатание — это драгоценный подарок России от Русской церкви и русской монархии.

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА И ОПРИЧНИНА

Во время «боярского мятежа» 1553 года «порядок спектакля», уже сложившийся в сознании Ивана Васильевича, вдруг оказался под угрозой. Роли, принятые его участниками, нарушились по смысловому наполнению, отошли от идеала. И государь вспомнил свой детский и юношеский опыт: он ведь, занимаясь детскими играми, видел, кто чего стоит из служилых аристократов, кто о чем мечтает, кто ищет урвать своего и на каком основании! Потом, казалось бы, утихла стихия аристократических интриг. Царь покаялся и простил участникам смутной поры их прегрешения, они и сами проявили склонность ко всеобщему примирению. Настала вроде бы пора идеального христианского царствия... Ан нет, всё ложь, всё фальшь, и все отошли от положенного!

Отношения государя Ивана Васильевича с верхушкой военно-служилого класса *никогда* на протяжении всего периода его правления не были идиллическими. Конец 1540-х и 1550-е — время неустойчивого, но плодотворного для всей страны компромисса. Аристократы кое-чем поступились в пользу царя и кое в чем договорились между собой. Политические и материальные приоритеты у старомосковской знати за все это время ничуть не изменились, память разнузданных лет «Шуйского царства» была свежа и грозила рецидивом — при первом же удобном случае. Государь научился сдерживать свой крайне эмоциональный, своевольный и бурный характер, возжелал потрудиться на благо державы, однако тепла в его общении со знатью увидеть невозможно...

Видимо, в ту пору очень большую роль играл авторитет Церкви. Именно он был скрепляющим материалом для всей этой конструкции, пребывавшей в динамическом равновесии. За многими реформами — прямо или косвенно — видится подвижническая фигура митрополита Макария. Вероятно, его пастырское рвение сдерживало страсти и направляло хаотические выплески молодой нации в сторону правильного общественного строительства.

Однако с 1553 года в сердце царя глубоко пустил корни гнев. А вместе с ним и тревога. Но пуще всего прочего — горькое недоумение: «Если я, первенствующий, верно исполнял свою роль, почему же остальные посмели отойти от своих ролей?!»

Вскоре после событий, связанных с болезнью Ивана Васильевича, государь отправляется в длительную поездку по иноческим обителям. Там

он получал разного рода советы от церковных деятелей, обладавших незаурядным духовным авторитетом. Среди них — преподобный Максим Грек (Михаил Триволис) и видный иосифлянин Вассиан Топорков, лишившийся архиерейской кафедры в годы «Шуйского царства». Князь А. М. Курбский впоследствии прокомментировал эту встречу бранными словами, назвав Вассиана Топоркова «сыном дьявола» и обвинив его в дурных советах, поданных царю. С точки зрения беглого князя, именно они разрушили взаимопонимание Ивана Васильевича и Избранной рады. Конечно, Курбский и не мог иначе отнестись к рекомендациям, поданным государю *в духе укрепления его, монаршей, власти*. За счет кого ее можно укрепить? Только за счет той же служилой аристократии, сдерживавшей стремление царя самостоятельно вершить важнейшие дела правления. Влияние на Ивана Васильевича церковных деятелей из стана иосифлян-«стяжателей» (хотя бы того же Вассиана Топоркова), неуязвимо чувствовавших себя рядом с боярской вольницей, весьма вероятно. В те годы их поддержка могла воодушевлять царя.

Но стоит ли переоценивать чужое влияние? Сам Иван Васильевич проявлял отчетливое желание оттеснить «княжат» от аппарата управления государством. Вассиан Топорков или кто-то другой мог вовремя озвучить государю те идеи, к которым он и сам уже пришел в глубине души. Но избирал образ действий в конечном итоге не Вассиан Топорков или иной авторитетный церковный деятель, а царь.

На протяжении второй половины 40-х — середины 50-х годов XVI века наша аристократия сделала немало полезного для страны. Низкий ей поклон за это. Но и возжелала увековечить правящее свое положение на веки вечные, а этого уже не требовалось никому, кроме нее самой. Рано или поздно подобное положение дел должно было привести к очередному острому конфликту с государем.

Так и вышло — когда стали обсуждаться перспективы активной внешней политики. Иван Васильевич вошел в противоречие с прежними ближайшими советниками. Несколькими годами позднее он в самых резких словах описал позицию бывших доверенных персон, ставших политическими противниками: «Когда... началась война с германцами... поп Сильвестр с вами, своими советчиками, жестоко нас за нее порицал». Раз за разом Иван Васильевич поминает «супротивословия» Сильвестра и Алексея Адашева «о германских городах... еже бы не ходить бранию»^[42]. Скорее всего, лидеры Избранной рады не имели ничего против нажима на ливонские карликовые государства в режиме малого, ограниченного конфликта и, по возможности, подчинения какой-то их части России.

Однако широкомасштабные боевые действия явно не входили в их планы. Государь настоял на своем. Какие рычаги он при этом использовал, не вполне понятно. Возможно, создал партию своих сторонников из числа иных аристократов (одобрявших курс экспансии на западном направлении). Во второй половине 50-х годов XVI столетия, в связи с подготовкой и началом Ливонской войны, царь выходит из-под контроля аристократического правительства, преодолевает авторитет Избранной рады и начинает проводить достаточно самостоятельный курс. Несколько лет спустя, в первой половине 1560-х, прежние лидеры Избранной рады оказываются в опале и сходят с арены большой политики^[43]. Следует повторить и подчеркнуть: видимо, этому способствовало различие во взглядах на внешнюю политику. Желание Ивана IV всерьез и надолго ввязаться в борьбу за раздел немецких владений в Ливонии не встретило одобрения у столпов Избранной рады. Сильвестр был удален от двора, Адашева арестовали, он скончался, пребывая под стражей.

Воля царя, прежде стесненная, теперь освобождается от ограничений и стремится к самовластию. Только самовластие давало ему возможность укрепить в стране истинный порядок, то и дело нарушаемый знатью.

Но именно тогда происходит несколько событий, пошатнувших Русский дом, до тех пор стоявший крепко по воле Божьей и стараниями святителя Макария. Во-первых, умирает первая жена Ивана IV Анастасия Захарьина-Юрьева (1560), притом в гибели ее Иван Васильевич винит бывших лидеров Избранной рады^[44]. На ее место рядом с царем быстро приходит Мария Темрюковна Черкасская, кавказская княжна, для которой собственно русский политический узор был делом не особенно интересным. Уходит к Господу и сам митрополит Макарий (1563).

Жесткость царя и непокорство знати усиливаются, взаимно питая друг друга. Более некому сдерживать эту вражду.

Итак, в конце 1550-х решалось, какое направление военных усилий должно стать основным: Ливония или Крым. Царь должен был сделать стратегический выбор.

Иван IV предпочел сделать Ливонию главной целью приложения военных усилий. Большой частью Прибалтики владел тогда Ливонский орден немецкого рыцарства, прочее же было разделено между несколькими незначительными государственными образованиями. Историки, стоящие на позициях западничества, нередко упрекали царя в «исторической ошибке»: не стоило воевать с Европой, надо было дружить с ней, а нажать следовало

на Крым, тем более что страна остро нуждалась в решении этой проблемы. В подтексте читается: ах, почему мы так варварски набросились на европейцев! они обиделись... Последней в этом духе писала А. Л. Хорошкевич, сетуя, что не суждено было Ивану Грозному «вывести Российское царство на путь интеграции в Европу Нового времени». Исследовательница не задумывается над вопросом: а нужна ли была нам в XVI веке интеграция в Европу? Да и в какую Европу? Ни о какой единой Европе для XVI столетия и речи быть не может. А интегрироваться в Ливонский орден было бы... немного странно.

Решение Ивана Васильевича о начале военных действий в Ливонии имело под собой серьезные основания. Это не каприз деспота, а продуманная, логически объяснимая стратегия.

Во-первых, Ливония, истерзанная междоусобиями, управляемая несколькими слабыми правительствами, была несравненно менее опасным противником, нежели агрессивный, вооруженный до зубов Крым. Вся мощь Российской империи XVIII века, пребывавшей на пике могущества, едва-едва обеспечила покорение Крыма. Два века ранее Россия подобным ресурсом не обладала. Напротив, первые же боевые операции в Ливонии наглядно показали низкую боеспособность тамошних немцев.

Во-вторых, балтийские государства немцев располагали значительным фондом издавна обрабатываемых земель, притом земель *с крестьянами*. Ни Казань, ни Крым ничего подобного предложить не могли: там устойчивых очагов землепашества не имелось. Между тем небогатые и воинственные «служилые люди по отечеству» давно испытывали недостаток доброй поместной земли. К середине XVI столетия русские дворяне были измучены «земельным голодом». Реальные «дачи» заметно уступали положенным им земельным «окладам». В коренной России катастрофически не хватало пахотных земель с крестьянами, которые государь мог бы пожаловать служилым как поместья. «Городовые» и «выборные» дети боярские составляли основу вооруженных сил, самую надежную опору трона. Ведение войны в их интересах соответствует интересам самого государя. Есть документальные свидетельства того, что русские дворяне впоследствии получали поместья в завоеванных землях на территории Ливонии. Грамот по русскому землевладению в завоеванной части Прибалтики известно довольно много. Итак, Ливония с ее богатыми угодьями давала возможность решить проблему «земельного голода». Такова основная причина упорной борьбы России за Ливонию, которую начнет Иван Грозный.

Была и третья причина. Орденские власти проводили враждебную к

России политику: старались не допустить в Москву искусных инженеров и ремесленников, не пропускали стратегически важные товары из Западной Европы, арестовывали товары русских купцов. Захват крупных морских портов Ливонии открыл бы перед Россией торговые ворота, доселе наглухо запертые.

Наконец, в-четвертых, на территории Ливонии и Речи Посполитой кипела борьба католиков с протестантами, причем среди протестантов попадались, помимо умеренных лютеран, гораздо более радикальные кальвинисты и антитринитарии самого отчаянного пошиба. Русские еретики (например, Феодосий Косой) бежали не в Крым, а на запад... Волны Реформации, подкатывающие к самым стенам России — страны-крепости, — тревожили правительство и Церковь. Позиции православия западнее «литовского рубежа» подверглись мощному прессингу. В ближайшем будущем «конфессиональный натиск» мог стать серьезной опасностью и для самого Русского царства.

В конце 1557 года в Москву явилось посольство из Ливонии. Немцы задолжали России Юрьевскую дань, которую должны были платить за обладание приграничными землями.

Переговоры напоминали аукцион. Обе стороны жестоко торговались: ливонцы хотели уменьшить размер дани, а русские увеличить. Торги затянулись.

В конце концов русские дипломаты, раздосадованные спорами, прямо спросили: «Государева рать готова вступить в вашу землю. А потому сознайтесь, дабы не пролилась невинная христианская кровь: с вами деньги или нет?»

Денег не оказалось.

Послам велели отправляться домой. Перед отъездом их пригласили на царский обед и посадили перед пустыми блюдами. Оскорбленные и униженные послы молчали. Русский царь недобро усмехался...

В старину Ливонский орден представлял собой большую силу. Его вторжения доставили Руси немало горя. Еще в начале XVI века война России и конфедерации ливонских земель^[45] вылилась в тяжелейшее вооруженное противостояние без явной победы одной из сторон. Но к середине столетия русские земли окончательно объединились, а Орден ослабел. В 1556 году по его землям прокатилась междоусобная война.

Соседи видели в Ливонском ордене «больного человека» Северной Европы. Его владения все равно придется когда-нибудь разделить. Уже начали переговоры об этом Пруссия и Речь Посполитая. Но кто начнет

дележ? Тот, кто первым вступит в борьбу за «ливонское наследство», имеет все шансы на большое приращение земель.

При таких условиях ливонцам следовало вести крайне осторожную политику. Тогда, может быть, их независимость продолжилась бы на какое-то время. Однако они заупрямились по второстепенному вопросу о дани, крайне незначительной, по их же собственным оценкам. Более того, Ливония, опасаясь войск польского короля, заключила с ним военный союз, направленный против России. Антироссийская договоренность в рамках Позвольского мира между Ливонским орденом и Речью Посполитой осенью 1557 года была зафиксирована отдельным соглашением. А это уже прямое враждебное действие в отношении московского государя...

Знал ли Иван IV о «секретном протоколе» Позвольского мира? Трудно сказать. Для нападения на Ливонию и без того хватало и причин, и поводов.

Жителям тихих прибалтийских городков, видимо, казалось, что громадный русский медведь спокойно спит в своей необъятной берлоге и никогда не пробудится. Они утратили силу, но ничем не желали поступиться, хотя московские дипломаты вели с ними переговоры очень долго и с необыкновенным терпением. Скорее всего, ливонцы просто не представляли, какая бездна несчастий обрушится на них в ближайшем будущем из-за собственной гордости...

Наконец «русский медведь» пробудился и встал во весь рост.

Зимой 1558 года войска государя Ивана Васильевича вступили на вражескую территорию. Первое время царь не участвовал в военных действиях, оставляя дело наступления воеводам.

Да и походы носили характер «разведки боем»: какой у неприятеля ресурс для сопротивления? Попробуем малыми силами...

Но даже малые силы не встретили сколько-нибудь значительного противодействия. Оборона беспечных ливонцев очень быстро затрещала по всем швам.

На первом этапе военных действий русские войска заняли Юрьев-Ливонский^[46], Нарву, Феллин, Тарваст и множество других городов и крепостей.

Первым пал Юрьев. Горожане не проявили воли к защите, а орденское начальство прямо отказало им в помощи. Прежде чем открыть ворота, юрьевские жители выговорили себе необыкновенно мягкие, чуть ли не выгодные условия сдачи, словно заключали мирный договор. По словам современного историка А. И. Филюшкина, на начальном этапе войны русские не только бюргерам Юрьева, но и жителям иных городов

предлагали на редкость милостивые условия подчинения: «Русские в Ливонии предоставляли горожанам весьма широкие prerogatives и абсолютно не вмешивались в их жизненный уклад. Ливонские города получали свободу вероисповедания, сохраняли... самоуправление и местный суд, нисколько не страдала их торгово-ремесленная система».

Особенно ценным приобретением стала Нарва, богатый город-порт. Она стояла на границе, проходившей между ливонскими и русскими владениями. Напротив Нарвы, через реку Нарову, возвышалась мощная каменная твердыня России — Ивангород. Русский гарнизон располагал сильной артиллерией. Не следовало напрасно злить его. Но ливонцы повели себя с небывалой дерзостью. Они очень давно не воевали с Московским государством, поэтому плохо представляли себе, насколько опасным противником оно стало в последние десятилетия, насколько возросла его сила. Они всё ещё задирались.

Иначе не назовешь, например, бомбардировки Ивангорода, которые устраивали немецкие пушкарники нарвского гарнизона. В марте 1558 года ивангородские воеводы сообщили в Москву об этих обстрелах. Отвечать без государева указа не смели: в Ивангороде было известно, что боевые действия перемежаются переговорами, боялись нарушить перемирие и повредить русской дипломатии огнем русской артиллерии. Между тем немцы не постеснялись осыпать ядрами русскую крепость даже на Страстной неделе, даже в день Воскресения Христова!

Иван IV отдал приказ: «Стрелять из всех орудий!» Он то прекрасно знал, какой ответ могут дать ивангородские пушкарники...

И русские пушки извергли огонь.

Неделя пальбы по Нарве нанесла городу такой ущерб, что тамошние жители, по словам летописи, «били челом воеводам, чтобы им государь милость показал... и взял в свое имя» — то есть сделал их город частью своих владений. Желая прекращения губительной канонады, нарвские жители даже отдали нескольких «лучших людей» в заложники — на время переговоров. В мае 1558 года эти переговоры закончились большой удачей для России: город переходил под власть московского государя, выйдя из состава орденских земель.

Но всё то время, пока шло обсуждение, пока скрипели перья писцов Посольского приказа, *русские пушки молчали*. Как следует отдохнув, нарвские жители усомнились в прежнем своем решении. Стоит ли становиться частью России? Может, у страха глаза велики? Они запросили помощь у орденского магистра Фюрстенберга и других немецких властителей.

Как видно, в Москве предчувствовали подобный поворот. Загодя в Ивангород был отправлен отряд — на тот случай, если придется подкреплять силу дипломатических документов силой оружия. Отряд возглавил тот самый Алексей Данилович Басманов-Плещеев, уже не раз отличившийся на бранном поле. Полководец располагал незначительными для большого дела силами: он получил всего лишь около 1500 бойцов. Из Гдова к нему под начало прибыл еще отряд Михаила Афанасьевича Бутурлина, но, по всей видимости, совсем незначительный. Между тем за Наровой стоял богатый, многолюдный, отлично укрепленный город.

По обычаям того времени, для осады такого города снаряжали большую армию, десятки тысяч бойцов. Так и будет, когда русские войска отправятся брать Феллин, Полоцк, Венден... Басманов же получил под команду «ограниченный контингент», который предназначался, скорее всего, для новых «акций устрашения». Алексей Данилович мог с такими силами переправиться через реку, разорить область вокруг Нарвы и показать, таким образом, решимость Москвы довести дело до конца.

Вряд ли кто в здравом уме и твердой памяти мог всерьез обдумывать осаду Нарвы и тем более ее штурм столь малым числом ратников. И все же Алексей Данилович добился неожиданного, почти фантастического успеха.

События развивались стремительно.

Басманов, как и предполагалось, устраивал против Нарвы «диверсии». Он перебросил за город, на Колыванскую (Таллинскую) дорогу, группу «сторожей» — разведчиков. Те столкнулись со значительными группами вооруженных людей, двигавшихся с пушками к Нарве.

На выручку «сторожам» Басманов отправил стрельцов — их в отряде боярина было всего около пятисот. Ниже города по течению Наровы русские воинские люди начали переправляться на свою сторону. Немцы обнаружили переправу и обрушились на стрельцов превосходящими силами. Но те так встретили немецкое ополчение, что «боевой выход» нарвских жителей обернулся для них полным разгромом: многие легли на поле боя, а 33 человека попали к стрельцам в плен. Как сообщает летопись, «языки» поведали Басманову: «Нарвские жители царю... изменили». Глава Ордена Фюрстенберг прислал Нарве подмогу: тысячу конников, 700 пехотинцев и пушки. Таким образом, если «языки» не врали, Басманову противостояло большее число бойцов, чем он сам имел под командой.

11 мая 1558 года в Нарве вспыхнул пожар, быстро распространявшийся по городу. Басманов направил из Ивангорода представителей, напомнивших нарвским жителям об их долге сдать город русским властям — на чем «целовали крест» их доверенные лица. Те,

разумеется, отказались. Но появление русских послов имело, как видно, иной смысл, помимо продолжения переговоров. Они исполнили разведывательную службу. Убедившись в том, что дела немцев плохи, Басманов решил нанести стремительный удар. Боярин, используя замешательство неприятеля, лодками и плотами переправил отряд на вражеский берег, а потом захватил город в коротком решительном штурме.

Летопись сообщает: «И воеводы к городу приступали со всеми людьми. В Русские ворота велели приступать головам стрелецким Тимофею да Андрею со стрельцами, а в Колыванские ворота — Иван Андреевич Бутурлин, да с ним головы с детьми боярскими (конницей). И немцы бились с ними жестоко. И головы стрелецкие ворота у них те взяли и на горку взошли, и в те ворота вошли... А в Колыванские ворота Иван Бутурлин вошел. И немцев перебили многих». Позднее сдался мощный нарвский замок. В нем русское войско добыло богатые трофеи: 230 пушек, ружья, ценное имущество. Таким образом, Басманову удалось, командуя меньшими силами и атакуя сильные укрепления, принудить врага к сдаче. Поистине блистательная победа!

А для Ордена это была ошеломительная потеря...

За несколько лет вооруженного противостояния армия Ордена перестала существовать, а его магистр Фюрстенберг оказался в русском плену.

Но в войну вмешались европейские государства, пожелавшие своей доли «ливонского наследства».

В 1560–1561 годах в Дании, Швеции и Речи Посполитой одновременно решили, что отдавать всю Ливонию Московскому государству — слишком убыточно. Датчане и шведы укрепились на сравнительно небольших участках ливонской территории, а новый орденский магистр Готгард Кетлер обратился за помощью к королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду Августу. В ноябре 1561 года в Вильно они заключили договор. Согласно его условиям Ливонский орден прекращал свое существование, а все его земли переходили во владение Польши и Литвы. Этот пункт договора привел Прибалтику к двум десятилетиям войн и бедствий, поскольку на тот момент орденские земли состояли из двух частей: те, что уже были завоеваны Московским государством, и те, где московских войск еще не было.

Иван IV был уверен, что справится и с новым противником. Он располагал многочисленной, высококачественной армией, состоящей из

бойцов, привычных к любым тяготам и лишениям. Царь имел под рукой мощные военные ресурсы.

Англичанин Ричард Ченслор, незадолго до Ливонской войны побывавший в России, свидетельствует о русском войске с восхищением: «Я сообщу кое-что о... свойствах и могуществе русских в военных делах. Этот князь — повелитель и царь над многими странами, и его могущество изумительно велико. Он в состоянии выставить в поле 200 или 300 тысяч человек, и если он идет сам походом, то оставляет на всех границах своего государства немалое число воинов. На границах Лифляндии он оставляет 400 тысяч, на границе Литвы — 60 тысяч, а против ногайских татар также 60 тысяч, что даже удивительно слышать. Однако он никогда не берет на войну ни крестьян, ни купцов. Все его воины — конные. Пехотинцев он не употребляет, кроме тех, которые служат в артиллерии, и рабочих^[47]; число их составляет 30 тысяч. Всадники — все стрелки из лука, и луки их подобны турецким; и, как и турки, они ездят на коротких стременах. Снаряжение их состоит из металлической кольчуги и шлема на голове. У некоторых кольчуги покрыты бархатом или золотой парчой; они стремятся иметь роскошную одежду на войне, особенно знать и дворяне. Я слышал, что убранство их стоит очень дорого; я отчасти имел случай сам в этом убедиться, иначе трудно было бы поверить. Сам великий князь снаряжается свыше всякой меры богато; его шатер покрыт золотой или серебряной парчой и так украшен камнями, что удивительно смотреть. Я видел шатры королевского величества Англии и французского короля, которые великолепны, но все же не так, как шатер московского великого князя».

Эта пышность — часть дворцового обычая: если слуги царя, включая знать, собираются вокруг особы государевой, или же если служильцам его двора предписано заняться неким торжественным, почетным действием, роскошь — норма.

Тот же Ченслор замечает: «А когда русских посылают в далекие чужеземные страны или иностранцы приезжают к нам, то они выказывают большую пышность. В других случаях сам великий князь одевается очень посредственно, а когда он не разъезжает с одного места на другое, он одевается немного лучше обыкновенного. В то время, когда я был на Москве, великий князь отправил двух послов к королю польскому по крайней мере при пятистах всадниках; они были одеты и снаряжены с пышностью свыше всякой меры — не только на них самих, но и на их конях были бархат, золотая и серебряная парча, усыпанные жемчугом и притом не в малом числе. Что мне еще сказать? Я никогда не слыхал и не видел столь пышно убранных людей... Теперь — о их ведении войны; на

поле битвы они действуют без всякого строя. Они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражений своим врагам, но действуют только украдкой. Но я думаю, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более, чем на ярд^[48]. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Наибольшая их защита от непогоды — это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин отгребает его, разводит огонь и ложится около него. Так поступают большинство воинов великого князя, за исключением дворян, имеющих особенные собственные запасы. Однако такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Его конь ест зеленые ветки и т. п., стоит в открытом холодном поле без крова и все-таки работает и служит ему хорошо. Я спрашиваю вас, много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц. Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми и животными. Что бы могло выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн. Если бы в землях русского государя нашлись люди, которые растолковали бы ему то, что сказано выше, я убежден, что двум самым лучшим и могущественным христианским государям было бы не под силу бороться с ним, принимая во внимание степень его власти, выносливость его народа, скромный образ жизни как людей, так и коней и малые расходы, которые причиняют ему войны, ибо он не платит жалованья никому, кроме иностранцев. Последние имеют ежегодное жалованье, но небольшое. Подданные великого князя служат каждый на свой собственный счет; только своим стрельцам он дает некоторое жалованье на порох и снаряды. Кроме них никто во всей стране не получает ни одного пенни жалованья. Однако если человек имеет большие заслуги, то великий князь дает ему ферму или участок земли; за что получивший обязан быть готовым к походу с таким количеством людей, какое назначает князь; он же должен соображать в своем уме, что может дать этот участок, и соответственно этому он обязан поставлять, что положено, когда во владениях великого князя ведутся войны. В этой стране нет ни одного земельного собственника, который не был бы обязан, если великий князь потребует, поставить солдата и работника со всем

необходимым.

Если бы русские знали свою силу, никто бы не мог соперничать с ними, а их соседи не имели бы покоя от них».

Московское государство никогда не располагало полевой армией в 200 тысяч и тем более в 400 тысяч бойцов — англичанину заморочили голову специально приставленные люди. Но 20, 30, 50, а то и более тысяч человек оно могло, в случае надобности, отправить в поход, что для XVI столетия было весьма солидным числом. Поэтому западные соседи России столкнулись с грозной силой.

Открытое противостояние с литовскими силами принесло русским воеводам частные успехи под Перновом и Тарвастом. Но в 1562 году российские полки вышли из Великих Лук в рейд и, противодействуя литовскому набегу у Невеля, были жестоко отбиты неприятелем. Возглавлял тогда царское войско не кто иной, как сам князь А. М. Курбский, получивший от литовцев рану и лишившийся, вследствие неудачи наступательной операции, царского благоволения. Больше под командование Курбского самостоятельных полевых соединений не отдавали. Несколько месяцев спустя, во время большого похода русской армии, о котором речь пойдет ниже, его поставили на незначительную должность второго воеводы в маленьком Сторожевом полку.

Похоже, царь испытал некоторое разочарование в способностях этого военачальника. Невель — тактическая неудача, положение дел на литовско-русском фронте он кардинально не изменил. Но запомнился. Особенно неприятным для царя стал факт одоления русской армии значительно меньшим по численности отрядом литовцев^[49]. Не столь уж значительный боевой эпизод^[50] закончился для Российской державы оскорбительно и оттого сделался памятным.

Иван IV принимает решение нанести сокрушительный удар объединенными силами Московского государства. Эта военная операция оказалась самой крупной и самой удачной в карьере полководца Ивана Грозного.

Во время зимнего похода 1562/63 года Иван Васильевич является уже полновластным командующим. Удачи и просчеты, таким образом, следует относить к его способностям и его воле. «Коллективный разум» бояр и воевод, сопровождавших его, как и при взятии Казани, тут уже ни при чем.

Основной удар пришелся на Полоцк. Русскую армию, отправившуюся под стены города, готовили с необыкновенным размахом. Во главе ее встал сам Иван Васильевич.

Далеко не случайно Полоцк был избран главной целью для нанесения решающего удара. Этот город занимал особое положение и в русской истории, и в большой политике.

Еще в XIII столетии Полоцк был центром самостоятельного княжества. Полоцкий «стол» считался завидным: местному князю подчинялись богатый торговый центр и обширные земли. Город украшали древние православные святыни: собор Святой Софии и Спасский храм с кельей святой Евфросинии Полоцкой. Княжество успешно противостояло немецкому натиску.

Однако в XIV веке Полоцкая земля постепенно оказалась под властью литовских князей. В итоге она стала частью Великого княжества Литовского. Само Великое княжество Литовское долгое время имело рыхлую политическую структуру, являясь в большей степени «семейным владением» князей Гедиминовичей, нежели государством с единым управлением и единым законом. Поэтому Полоцк, издревле имевший богатые вечевые традиции, очень долго сохранял права и привилегии почти независимой территории. Источники говорят о «Полоцкой Венеции» или «свободности». Во второй половине XIV столетия там долгое время правил выдающийся политический деятель того времени князь Андрей Ольгердович, именовавший себя «королем полоцким».

С течением времени великие князья литовские повели наступление на такие вот полунезависимые территории в составе Великого княжества Литовского. Их права постепенно урезались. Но на этом пути литовские монархи встретили справедливое сопротивление своих подданных. Время от времени страна погружалась в пучину внутренних войн и великих смут.

Так, в 1430-х годах Полоцк на несколько лет сделался столицей необычного государственного образования, возникшего в пламени гражданской войны — Великого княжества Русского. Конфликт, вызвавший гражданскую войну, окрасился в религиозные цвета и сопровождался жесточайшей борьбой традиционного для этих земель православия с наступающим католицизмом. Потерпев поражение, Полоцк утратил какую бы то ни было автономию. По-лотчина превратилась в провинцию Великого княжества Литовского, мало отличавшуюся своим политическим статусом от остальных русских земель в его составе. Полоцк никогда более не имел ни собственного князя, ни наместника княжеского происхождения. Свобода полочан во внешних сношениях ограничивалась и впоследствии все более сокращалась.

С начала XVI века город попадает в полосу московско-литовского порубежья, обе стороны ведут за него ожесточенную вооруженную борьбу.

Славный, богатый, многолюдный Полоцк стоял на ключевой позиции шахматной доски большой политики. Русские воеводы не раз пытались отбить его, но не достигали успеха.

Для России значимость богатейшего торгово-ремесленного центра, древней столицы огромного княжения в середине XVI столетия увеличилась еще и по другой причине. На просторах громадного Польско-Литовского государства вспыхнула сильнейшая рознь по вопросам веры.

Западный сосед России, никогда не отличавшийся политическим и культурным единством, превратился в настоящий «салат из конфессий»: здесь чересполосно жило, то договариваясь друг с другом о мире, то начиная новые споры, множество вероисповеданий — римско-католическое, православное, протестантское, григорианское, иудаизм, ислам и даже язычество — причем каждое из них разделялось на течения, секты, порождало ереси. Католическому духовенству удалось выпросить у короля привилегии, разрешавшие карать еретиков смертью, но это нововведение продержалось недолго. На сеймах шла жестокая прерка о предметах церковной юрисдикции. Шляхта не желала говорить ни о каком отпоре неприятелю, прежде чем у духовенства не будет отобрано право суда над нею по делам о *odszczepienstw*'е (расколе веры). Папы Пий IV и Григорий XIII активно вмешивались в польский религиозно-политический конфликт, отправив к королевскому двору опытного дипломата Коммендони. Тем не менее в середине XVI века реформационные движения получили в Польше широкое распространение и отсюда стремительно шагнули на литовские и белорусские земли. Протестантизм разного толка имел тогда в Великом княжестве Литовском сильного покровителя в лице королевича Сигизмунда Августа, ставшего впоследствии королем.

Царь Иван Васильевич и митрополит Макарий не без основания тревожились за судьбу православия в западнорусских землях и были недовольны приближением протестантского влияния к самым границам страны. В 1560-х годах на восточнославянских землях реформационное движение достигает значительного размаха. В самом Полоцке в конце 1550-х — начале 1560-х годов возник кальвинистский сбор (община). И в том же Полоцке подвизался один из главнейших русских еретиков-феодосиан, покинувших московские пределы, — монах Фома. Он женился на еврейке и стал проповедником кальвинистского сбора.

Полоцкий поход был официально мотивирован желанием Ивана IV наказать Сигизмунда Августа «за многие неправды и неисправления». Но была официально названа и другая причина: великий государь собирался

на войну, «горя сердцем» о «святых иконах и о святых храмах священных, иже безбожная Литва поклонение святых икон отвергше, святые иконы пощепали и многая ругания святым иконам учинили, и церкви разорили и пожгли, и крестьянскую веру и закон оставыше и поправше, и Люторство восприаша».

Русский историк Георгий Петрович Федотов замечательно точно подметил: «Царь любил облекать свои политические акты — например, взятие Полоцка — в форму священной войны против врагов веры и церкви, во имя торжества православия». В преддверии похода народу и армии было объявлено о чудесном видении брату царя, князю Юрию Васильевичу, и митрополиту Макарию о неизбежном падении Полоцка. 30 ноября 1562 года, в день выхода войск из Москвы, Иван IV совершил торжественный молебен; по его просьбе митрополит Макарий и архиепископ Ростовский Никандр провели крестный ход с чудотворной Донской иконой Богородицы, в котором приняли участие сам царь, его брат «и все воинство». В поход Иван IV взял чудотворные образы Донской и Колонской Богородицы, а также святыню номер один всей Западной Руси — драгоценный крест, вклад святой Евфросинии Полоцкой в Спасский монастырь^[51], оказавшийся в казне великих князей московских. Уже по прибытии под стены города войско было ознакомлено с посланием архиепископа Новгородского Пимена, ободряющим и призывающим крепко стоять против «безбожный Литвы и прескверных лютор».

Итак, Полоцк являлся желанным плодом для московского «садовника», вышедшего осенней порой в сад, чтобы собрать урожай.

Полоцк, по отзывам иностранных источников, в то время славился своими укреплениями, деревянными, но мощными, и представлял собою крепкий орешек для осаждающих. В городе было около шести тысяч бойцов гарнизона и местных служилых людей (в том числе около полутора тысяч поляков, настроенных драться до последней крайности), а также мощный артиллерийский арсенал. Гарнизон желал сопротивляться всерьез.

Но военная машина России обеспечила значительное превосходство в силах, особенно в артиллерии. Известно, что «наряд» (артиллерийский парк) грозненской армии был огромен. По современной реконструкции, в него входили четыре гигантские осадные пушки (ядра весом от 160 до 320 килограммов), 36 «верховых» и «огненных» орудий, три крупнокалиберные пищали, а также 100–110 орудий меньшего калибра. При «наряде» находилось около полутора тысяч дворян и тысяча казаков, возможно, к его обслуживанию были привлечены английские, немецкие, итальянские инженеры и артиллеристы. В распоряжении историков нет сведений о

более масштабной артоподдержке какой-либо иной наступательной операции вооруженных сил России в XVI столетии. Численно боевое ядро русской армии составляло 50–60 тысяч конницы и пехоты. Кроме того, полки сопровождала огромная «посошная рать» — толпы слабо вооруженных или же совсем безоружных людей, на которых ложилась обязанность вести инженерные и транспортные работы.

В январе 1563 года войско московского государя прибыло к Полоцку и взяло его в тесную осаду.

Царь исполнился энтузиазма. Перед ним стояла крупная военно-политическая проблема. Решить ее — вот дело чести для великого правителя!

Ради этого Иван Васильевич был готов проявлять мужество и даже рисковать жизнью. Так, в день, когда русская армия подошла к Полоцку и начала устраиваться на позициях, именно государев полк прикрывал развертывание прочих войск. За два часа до наступления темноты царь посетил Борисоглебский монастырь, почти полностью сожженный осажденными — видимо, те спалили иноческие кельи, не желая давать русскому воинству удобную позицию близ стен города. Из деревянных строений осталась лишь «братская пекольня». Иван IV, изъявляя почтение к местной святыне, помолился в соборной Борисоглебской церкви, а затем поел в «пекольне». Гарнизон, видя скопление осаждающих, принялся обстреливать обитель из пушек. На переправе через Двину погиб русский дворянин, пораженный вражеским ядром. Летопись повествует: «Многие... пушечные ядра летаху на монастырь. И в сени перед пекольнею, меж дворян государьских, паде ядро. И через царев... полк многие ядра падоша, яко дождь». Но Иван Васильевич не уходил сам и не сдвигал своего полка. Он стремился показать ратникам с воеводами и храбрость свою, и уверенность в конечном успехе дела, сколь бы трудным ни казалось оно вначале.

В Полоцке скопилась громадная масса людей разного звания и достатка. И государь делает неожиданный ход: он отправляет к командиру польско-литовского гарнизона Довойне посланца с грамотами, в которых обращается с предложением сдаться не к одному только воеводе, который, собственно, лишь и мог это сделать, а еще и к православному епископу Арсению Шишке, и к местной шляхте, и к полякам, обещая их «пожаловать на всей воле их, какова жалованья похотят». По всей видимости, царь рассчитывал посеять сомнения среди защитников города. Предполагалось, что в городе имеются его доброжелатели. Довойна показал твердость и свирепый нрав, казнив царского посланца.

Армия Ивана Грозного строила осадные башни из дерева и мешков с землей, устанавливала орудия, выдвигала стрелецкие дозоры на передний край. Государь не торопился: он располагал подавляющим преимуществом в силах и не желал срыва из-за какой-нибудь мелкой досадной промашки.

Первое серьезное столкновение произошло лишь 5 февраля. Не были поставлены еще все укрепления, но стрельцы под командой головы Ивана Голохвастова подожгли «башню над Двиною» и кинулись на приступ. Им удалось занять башню и войти «в острог», то есть внутрь городских укреплений. Однако недолго они там пробыли: то ли командование отозвало их, считая, что не всё готово для решающего штурма, то ли гарнизон нажал изо всех сил и вытеснил их за пределы городских стен.

Наконец заговорила русская артиллерия. Это еще не были самые мощные пушки, они задержались на пути к городу. Но даже огонь «середних» и «легких» орудий вызвал у защитников города желание завязать переговоры. Среди полочан действительно имелись сторонники Ивана IV, они желали мирной сдачи города, но их мнение пока еще не возобладало. Описывая переговоры, летопись сообщает: «Люди многие, а мыслями своими шатаются: иные бить челом хотят, а иные не хотят».

Пока между переговорщиками велись споры, московское командование подвело осадные башни и часть пушек под самые стены Полоцка. К тому времени, когда переговоры сорвались, осаждающие достигли позиционного преимущества.

Наконец под городом заговорили тяжелые осадные пушки, доставленные из Москвы 7 февраля. Они быстро сокрушили стены крепости. Их страшные удары наполняли осажденных отчаянием и лишали решимости драться. Даже в русском лагере действие собственных орудий вызывало опасливое изумление. Залпы осадных пушек заставляли дрожать землю... Один немец из Полоцка, очевидец осады, через 12 лет рассказывал императорскому послу в Москве Х. Кобенцелю, что город был взят в три дня «при таком пушечном громе, что, казалось, небо и вся земля обрушились на него».

Русские стрельцы ворвались в полоцкий посад. Здесь произошел короткий, но жестокий бой. Бойцы Довойны запалили огромный полоцкий посад и попытались загнать всех горожан в цитадель, однако те, кажется, вовсе туда не стремились. Ведь цитадель города — замок на высоком холме над реками Полота и Западная Двина — больше не выглядела надежной защитой. Под напором царских воинов ратники осажденных отступили, не выполнив своей задачи.

Из пылающего Полоцка вышло множество горожан и крестьян,

которые прежде искали спасения в стенах города. В один только царский полк вышло 11 тысяч 160 мужчин и женщин. Среди них оказалось немало врагов литовской власти. Выйдя из города, они показали русскому командованию большие запасы продовольствия, спрятанные в «лесных ямах».

11 февраля осадные башни и пушки были придвинуты ближе к укреплениям замка. На протяжении нескольких дней орудия сутками били без перерыва. Замковые ворота оказались безнадежно разрушены. Более того: ядра, пробив одну замковую стену, еще и ударяли в противоположную. Защитники терпели жестокий урон. Воины полоцкого гарнизона укрывались в погребах и ямах от губительной канонады. Они уже не вели ответного огня и тем более не устраивали вылазок.

Русскими артиллеристами использовались огненные ядра и, возможно, зажигательные смеси. В результате на территории замка вспыхнул пожар, запылало несколько десятков домов. Гарнизон вынужден был одновременно оборонять стены и тушить огонь. В ночь на 15 февраля усилиями московских пушкарей и стрельцов, посланных к стенам, укрепления были также подожжены. К тому времени ядрами было разбито 20 процентов замковой стены.

В ночной темноте московские полки начали подготовку к штурму, который должен был стать для Полоцка последним. Сам Иван Васильевич принялся надевать «полный доспех» и оружие.

15 февраля за час до рассвета из города вышел епископ Арсений Шишка «со кресты и с собором», было сдано городское знамя, а воевода полоцкий Довойна запросил начать переговоры о сдаче. Иван IV потребовал прибытия в свой стан самого Довойны, и тому пришлось согласиться.

Полоцк сдался 15 февраля 1563 года. Эта победа наполнила Ивана IV сознанием собственного триумфа. Государь сам контролировал всю операцию. Армия под его командованием потеряла всего 86 человек, принудив к капитуляции гарнизон из нескольких тысяч ратников.

Полоцк — величайшая победа Ивана Грозного на поле брани. Царю было чем гордиться: на его милость сдался богатый многолюдный город, центр древнего княжения, к тому же хорошо укрепленный и в первые дни осады даже не помышлявший о сдаче.

В городе русские полки взяли богатую добычу. Он на 16 лет стал частью Московского государства. Иван IV добавил к своему титулу слова «великий князь полоцкий». Государь оставил там значительный русский гарнизон во главе с воеводами-ветеранами — князьями П. И. Шуйским, П.

С. Серебряным и В. С. Серебряным, повелев возвести новые, более мощные укрепления. Полоцкая шляхта, а потом и мещане отправились под охраной в Москву. Впоследствии часть полоцких шляхтичей обменяли на русских пленников, другую же часть отдали за выкуп — обычная для войн того времени практика. После сдачи Полоцка, очевидно в ходе разграбления его войсками победителя, пострадало католическое духовенство. Были также казнены несколько представителей иудейской общины, отказавшихся креститься.

Иван Васильевич отправил было служилых татар в направлении Вильно — развивать успех «Полоцкого взятия», однако боевые действия вскоре прекратились: литовцы запросили перемирия и получили его. Для Великого княжества Литовского падение Полоцка было как гром с ясного неба.

Взятие Полоцка Иваном IV стало одним из самых значительных событий Ливонской войны, никакое иное столкновение в тяжком четвертьвековом противоборстве не вызвало столь сильный международный резонанс. Из Вильно, Праги, Нюрнберга, Любека, Аугсбурга и других городов Германии разлетались пропагандистские листовки, неся грозные вести. В Империи с вниманием и тревогой следили за успехами Ивана IV на западных рубежах Московского государства. Противники влияния Москвы в этом регионе сравнивали в своих изданиях царя с «бичом Божьим» и пугали читателей легендой о серебряном гробе, якобы заранее заготовленном Иваном IV для польского короля. Напротив, сторонники добрых отношений с Москвой убеждали войти в союз с могучим государем, который сумел привести под Полоцк огромное войско. Датский король Фредерик II официально поздравил Ивана IV со взятием Полоцка^[52].

Поляк Лукаш Гурницкий с досадой рассказывает об этом поражении его соотечественников: «Полоцк попал в руки Московита глупо, главным образом причиной этого был разлад между воеводой и ротмистрами. Неразумие состояло вот в чем: когда воевода полоцкий Довойна взял перемирие с Московитом, он не выговорил себе условия, чтобы люди московские стояли на своем месте и не двигались шанцами ближе к замку. Они же, как скоро перемирие было объявлено, придвинулись к самому замку, а когда время перемирия вышло, зажгли замок. Наши и тушили, и оборонялись, пока могли, и, в конце концов, не имея возможности погасить огонь, вышли из замка ко князю. Воевода с женой был заключен в темницу, взят в плен Глебович, взят в плен епископ и вся литва от простых людей и до знатных. Польских же ротмистров... облачив в дорогие одеяния,

отпустили. Королевство было очень встревожено мощью и успехом Московита».

В правящей среде Польско-Литовского государства о «Полоцком взятии» отзывались так и этак, называли разные причины падения города, искали виновных... Но всё это не должно скрывать общей огромной досады от громкого поражения и большой тревоги за судьбу всей войны. С начала XVI века русские воеводы, как уже говорилось, не раз пробовали Полоцк на зуб. Но город стоял непоколебимо. Всякое серьезное намерение принудить его к покорности вооруженной силой разбивалось о прочность стен и силу гарнизона. Несокрушимость Полоцка, наверное, казалась чем-то вечным, само собой разумеющимся. Во всяком случае, в Вильно... Сдача города означала военно-политическую катастрофу. Последний раз нечто подобное произошло в 1514 году, когда Смоленск открыл ворота ратникам Василия III. До того — в 1500-м, когда гетман Острожский был разбит наголову и попал в плен, а целая гроздь городов, расположенных на восточных рубежах Великого княжества Литовского, оказалась под контролем войск Ивана III. С тех пор минуло полстолетия. В Литве никто и подумать не мог, что гибельные поражения такого масштаба когда-нибудь повторятся.

До «Полоцкого взятия» Ливонская война могла представляться элите Польско-Литовского государства чем-то не столь уж рискованным: в конце концов, речь шла о территориальных приобретениях, а с «московитом», если не удастся его разгромить, можно будет как-нибудь договориться о «разделе ливонского наследства». И вдруг — столь мощный удар по собственной территории! Смириться с потерей города было просто невозможно, следовало вернуть его любой ценой. Война разом превратилась в долгое, тяжелое, крайне дорогостоящее дело с неясным исходом. Всякая почва для мирных переговоров с Москвой исчезла: Полоцк — камень преткновения для дипломатов, предмет для борьбы не на жизнь, а на смерть. Москва и не собиралась отдавать столь ценное приобретение!

Можно с большой долей уверенности полагать, что взятие Полоцка имело очень большой психологический смысл лично для Ивана Васильевича. Вероятно, по Полоцкой эпопее проходит важный рубеж в развитии его личности. Царь получил ясное подтверждение и собственным талантам правителя, и благоволению со стороны Господа Бога. Теперь он мог со спокойной совестью сказать себе: «Пусть там, у стен Казани, я не мог ничего предпринять без совета с боярами и воеводами. Пусть слава «Казанского взятия» разделена между мною и ними. Здесь и сейчас я вижу:

при необходимости я смогу обойтись и без них. Сам. Не хуже деда и отца. Посмотрим теперь, кто для кого незаменим!»

В сущности, 15 февраля 1563 года — день, навсегда избавивший Ивана Васильевича от разрушительного сомнения, рожденного сиротской долей. Его никто не учил водить армии. И, видимо, из него никто, за исключением митрополита Макария, не пытался сделать истинного государя, научить монаршему ремеслу. Правитель колоссальной державы в собственных глазах должен был выглядеть недоучкой. Не говоря уже о том, что в глазах окружающих он мог читать сомнения по поводу того, чей он, собственно, отпрыск. Значит, не только недоучка, но и едва ли не самозванец... Хуже предков? И вот ответ, полученный на вопрос, который Иван Васильевич задавал себе, наверное, сотни раз: нет, не хуже! Способен вершить великие державные дела — значит, не хуже.

Более того, полоцкий поход сыграл роль «кузницы кадров» для последующих лет царствования Ивана Васильевича. Многих участвовавших в борьбе за Полоцк служильцев с военным дарованием, с организационным талантом или же со способностями по части дипломатии государь впоследствии возвысил, сделал своими доверенными людьми. При этом Иван IV запомнил главным образом не слишком знатных фигурантов «Полоцкого взятия» — аристократов «второго сорта» или же дворян, которые по положению в местнической иерархии стояли совсем не близко к аристократическому слою. Трудно сказать, всегда ли причиной тому были действительно выдающиеся качества этих персон. Быть может, эйфория, наступившая после победы, навсегда связала в сознании правителя запомнившихся ему людей с чем-то возвышенным, славным, и впоследствии монарх испытывал подсознательное доверие к личностям, подсвеченным приятными воспоминаниями о знаменательном торжестве. А возможно, уже тогда, в 1563-м, царь задумывался о новой «команде», о круге лиц, стоящих вне знатнейших княжеских родов, не вызывающих сомнений в смысле лояльности и блистающих служебными способностями.

Как знать, не вырисовывались ли в уме Ивана Васильевича, хотя бы в самых общих чертах, главные принципы опричной кадровой политики, осуществленной несколькими годами позднее?

Во всяком случае, несколько ярких государственных деятелей, судьба которых в будущем окажется связанной с опричниной, вышли из полоцкого похода подобно тому, как цвет русской литературы вышел из гоголевской «Шинели».

Именно там, на глазах у царя, впервые проявил себя как «жесткий

переговорщик» Михаил Андреевич Безнин. Ему суждено будет стать видным военачальником и дипломатом. Венцом его карьеры станет чин думного дворянина. Там же, под Полоцком, служил есаулом и дозорщиком его близкий родич Роман Васильевич Алферьев, будущий царский печатник [53] и один из ведущих дипломатов России.

Именно там князь Дмитрий Иванович Хворостинин, военная звезда России XVI столетия, впервые прославил себя, выиграв бой с поляками за полоцкий посад. Впоследствии он выйдет победителем из многих больших сражений. Его ожидал чин окольного при Иване IV и боярский чин в царствование Федора Ивановича.

Именно там первый раз показал свой организационный талант будущий «завхоз опричнины» и большой фаворит Ивана Грозного, князь Афанасий Иванович Вяземский. Он происходил из размножившегося и захудавшего рода, который в 60-х годах XVI века пребывал на грани утраты княжеского титула. Коренные вотчины этого семейства в городах Вязьма и Хлепень были потеряны еще в 90-х годах XV столетия. Во время полоцкого похода Афанасий Иванович стоял во главе царского обоза и выполнял трудную задачу руководства огромным «кошем» в условиях «заторов» и «мотчания» при движении колоссальной армии. Как видно, еще тогда Иван IV приметил энергичного администратора.

Наконец, именно там, в числе есаулов, охранял Ивана Грозного князь Федор Михайлович Трубецкой, который станет одним из самых востребованных полководцев России последней трети XVI века. Он намного знатнее всех прочих «выдвиженцев» полоцкого похода. Но род его, восходящий к литовскому князю Гедимину, в середине столетия оказался оттеснен от первых мест у подножия трона. Так не попался ли Федор Михайлович вовремя на глаза государю, возвысившему затем самого князя, а вместе с ним и весь род Трубецких?

Все это государственные и военные деятели, своими трудами добавившие России славы. Живая бочка меда... к которой придется добавить и ложку дегтя: в «Полоцком взятии» участвовал дворянин Григорий Ловчиков, прославившийся отнюдь не как полководец или дипломат. Судьба привела его в число виднейших опричных карателей.

Итак, 1563 год ознаменовался одним из величайших успехов русского оружия за все столетие. Иван Васильевич мог чувствовать себя счастливым. А положение России на фронтах Ливонской войны и в международной политике выглядело устойчивым.

Историк Роберт Юрьевич Виппер в восхищении пишет: «В механизме военной монархии все колеса, рычаги и приводы действовали точно и

отчетливо, оправдывали намерения организаторов...»

Высокое цветение страны продолжается.

Казалось бы, ничто не предвещало неудач. Но уже надвигался грозный 1564 год, многое переменявший в судьбе Московского царства. Держава как будто низверглась с вершин славы в пропасть горечи.

Страна начала понемногу уставать от войны. Ее ресурсы вовсе не беспредельны.

Русский корпус, двинувшийся в пределы Литовской Руси, был разбит на реке Уле (январь 1564 года). Разгром вышел ужасный, потери оказались велики, множество воинов попали в плен. Командующий соединением высокородный князь Петр Иванович Шуйский погиб. Легли в землю князя Семен Дмитриевич и Федор Дмитриевич Палецкие, а также представители иных знатных родов^[54]. Воевод Захария Ивановича Очина-Плещеева и князя Ивана Петровича Ох-лябинина, а также множество дворян литовцы пленили. По официальным русским данным, одними только убитыми, пленными и без вести пропавшими детьми боярскими русская армия потеряла 150 человек. Неофициальный Пискаревский летописец содержит сведения о семистах погибших дворянах. О потерях среди стрельцов, боевых холопов, казаков русские источники не сообщают, очевидно, они в несколько раз больше. Иностранные источники приводят иные цифры: от 8 —10 до 20 тысяч, что, в свою очередь, похоже на весьма значительное преувеличение. Истина где-то посередине.

И, что важнее, наступательная инициатива оказалась надолго отнята у русской стороны. Армия Шуйского сама по себе была невелика: всего три полка, в то время как наиболее значительные военные предприятия совершались полевыми соединениями в пять — семь полков. Однако она выполняла задачи, составлявшие часть гораздо более значительной наступательной операции. После поражения Шуйского операция в целом оказалась сорванной. Конечно, разгром одного полевого тактического соединения еще не означает поражения в войне. Боевые действия продолжились, обе стороны в том же 1564 году обменялись еще несколькими ударами. Но русское командование на протяжении нескольких лет не отваживалось провести новое масштабное наступление от Полоцка вглубь литовских земель. Самым значительным «реваншем» за поражение на Уле стал захват невеликой крепости Озерище, который, правда, был предварен еще одним поражением в полевой стычке.

Вина за поражение на Уле возлагалась на командование армии, то есть прежде всего на князя П. И. Шуйского: его люди шли «оплошася, не

бережно», не следя за тем, чтобы сохранялось единство полков, «доспехи и всякий служебный наряд везли в санях». Нападение литовцев застало их врасплох, воеводы даже не успели выстроить полки и «возложить на себя доспехи».

В конце сентября — начале октября 1564 года крымский хан вторгся на Русскую землю. На главной позиции у реки Вожи татар отбили. Тогда Девлет-Гирей повернул свои силы для обходного маневра. Прорыв татар по направлению к Рязани застал государевых «больших воевод» врасплох. Там значительных сил «в сборе» не было, и выставить перед ханом «живой барьер» из полков Москва не успевала. Рязанская земля подверглась тяжелому разорению.

Летопись содержит краткий, но выразительный рассказ о событиях осени 1564-го: «В то же время на Рязани были во государском жалованье в поместье боярин Алексей Данилович Басманов Плещеев да сын его Феодор, и слыша многие крымские люди приход на Рязанскую украину, они же со своими людьми да с тутошними не со многими людьми... крымских людей побили и языки поймали не дошед города. Те языки сказали, что пришел царь Девлет-Кирей, а с ним дети его калга Магмет-Кирей царевич да Алды-Гирей со своими крымскими людьми: то первая весть про царя, безвестно убо бяше пришел. Тех же языков прислал Алексей Данилович Басманов да сын его Феодор ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю, а сам Алексей и сын его Феодор сели в городе на Рязани со владыкою Филофеем и ту сущих во граде людей обнадежили, не сушу бо тогда служилым людям никому, кроме городских людей ту живущих и селян, которые успели во град прибежати... У града же тогда крепости нужные... едва поделаша и града покрепиша и бои по стенам изставиша и из града выезжая с татарами бишася, из града стрельбою по царевым полком из наряду стреляти. Татары же ночным временем с приметам и с огнем многожды приходяху и хотяху взятии град. Божиим же заступлением и Пречистые Богородицы и великих чудотворцов русских молением граду ничто успеха и от града отступиша в своя страны».

Другая летопись сообщает, что после отступления основных сил Девлет-Гирей вернулся отряд ширинского князя Мама в четыре тысячи бойцов. Однако Мама разбили, взяли в плен, а отряд его уничтожили, взяв 500 пленников. Это была общая победа боярина Басманова и князя Федора Татеева — воеводы города Михайлова. За рязанскую службу Иван IV награждал А. Д. Басманова-Плещеева и его сына золотыми монетами. Посланный с наградным золотом князь Петр Хворостинин также обязан

был зачитать победителям похвальную речь монарха. Боярин Басманов остановил крымцев на пути прорыва в центральные области России, да еще и в тот момент, когда русская армия не была готова к отпору с этой стороны.

Этот эпизод выглядел бы красиво и служил бы к славе Московского царства, если бы татар остановила стена русских полков, если бы им не позволили грабить и опустошать Рязанщину, жечь деревни, угонять пленников. Но вышло иначе: у победы над крымцами — ощутимый привкус случайности. Девлет-Гирею удалось глубоко вклиниться в территорию Московского царства. Летописец горько восклицает о вражеском нашествии: «И многие волости и села повоевали меж Пронска и Рязани по реку по Вожу, а за город [Рязань] до Оки реки до села до Кузминского». К тому же если стены рязанской твердыни устояли, то посадки ее подверглись грабежам и сожжению.

Следовательно, защита границ, налаженная как многослойная система, начала давать сбои. По большому счету даже отбитый прорыв татар в рязанские места показал ненадежность, слабость обороны с юга.

Весной 1564 года на оборону Русского юга от вторжений со стороны степи было направлено пятиполковое воинство во главе с князем Петром Ивановичем Микулинским. Позднее его сменили новыми пятью полками во главе с боярином князем В. М. Глинским; во главе всех полков стояли высокородные «княжата». Не ожидая столь позднего набега крымцев, ранней осенью Иван Васильевич распустил по домам усталую армию, которая простояла на основном рубеже обороны несколько месяцев. Может быть, сами военачальники слишком рьяно настаивали на том, что их людям нужен отдых... Остались только «легкие воеводы с малыми людьми по украинным городам». Именно поэтому крымский хан сумел глубоко вклиниться в рязанские земли. На Рязанском направлении, в междуречье Дона и Цны, главными оборонительными узлами являлись Пронск, Михайлов и Рязск. Воеводами там сидели три князя, соответственно Василий Юрьевич Голицын, Федор Иванович Татев и Иван Федорович Горчаков. Но активно проявил себя в борьбе с неприятелем только один, а именно Татев.

Как видно, отступление от Рязани еще не означало полного и бесповоротного отступления Девлет-Гирея из окраин России. В середине октября против татар из Москвы был направлен Государев двор. Это сравнительно небольшое войско занялось разгромом ханских «загонов», задержавшихся на Руси. Лишь увидев перед собой действительную силу, Девлет-Гирей отдал приказ возвращаться, оставив на произвол судьбы

несколько малых отрядов, занятых грабежами.

Любопытная деталь: полковыми воеводами в полевом соединении, отправленном для борьбы с крымцами из Москвы, стояли четыре выходца из старомосковской нетитулованной знати (И. П. Федоров-Челяднин, И. П. Яковлев, А. А. Бутурлин, В. В. Морозов) и только один князь, да и то из второстепенных — И. М. Хворостинин^[55]. Не значит ли это опять же, что царь уже задумывается об опричнине, уже рассчитывает, кого взять туда на роль доверенных людей, и мысленно уже отстраняет от себя знатнейших княжат, заменяя их представителями иных социальных групп?

На фоне большой войны, превратившей рубежи государства во фронты, нарастала застарелая внутренняя проблема.

Аристократия почувствовала, что царь забирает все больше и больше власти, лишая ее прежнего положения. И родовитая знать начала перебегать на сторону врага.

Так, еще в 1554 году целая группа знатнейших Рюриковичей из Ростовского княжеского дома попыталась перейти литовский рубеж и принять службу у короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа.

Приблизительно года через два ушел в Литву В. С. Заболоцкий, выходец из древнего старомосковского боярского рода, происходящего от смоленских князей.

В 1562-м попытку побега в Литву предпринял один из «столпов царства» — князь И. Д. Бельский с целой группой сторонников.

Тогда же в «великих изменных делах» был обвинен участник Избранной рады, по всей видимости, сторонник Адашева и Сильвестра, князь Дмитрий Иванович Курлятев. Собирался ли он уходить в Литву или же имелась в виду другая разновидность измены, неясно. Однако этого вельможу, крупного политика и полководца, насильно постригли в монахи, отстранив от всех дел.

Во время полоцкого похода в неприятельский стан переметнулся окольный Богдан Никитич Хлызнев-Колычѳ, еще один аристократ, да еще и с думным чином! У литовцев его щедро наградили.

А в апреле 1564-го на сторону Литвы перебежал один из видных московских воевод, родовитый Рюрикович князь Андрей Михайлович Курбский. Его измена получила широкий резонанс. Весьма редко в стане противника оказывался столь высокопоставленный полководец. Несколько месяцев спустя князь явится в составе большого литовского войска отбивать Полоцк. После победы литовцев на Уле возвращение Полоцка

могло показаться решенным делом... Напрасно. Литовцам не удалось захватить город, и они отошли без всякого успеха. Но в их стан перебежал еще один служилый человек русского царя — новоторжский сын боярский Непейцын.

Ничего удивительного: вслед за «великими людьми» из русской знати в Литву устремлялись не столь заметные служилыцы — представители «аристократии второго сорта» (Вельяминовы, Нащокины, Кутузовы), а также московское и провинциальное дворянство. На данном уровне «переходы» исчисляются десятками.

Однако для царя один-единственный акт предательства со стороны могущественного, богатого и хорошо осведомленного в военно-политических делах аристократа имел более важное значение, нежели «перелет» десятка-другого мелких мошек.

Измена Андрея Михайловича Курбского имела самые оскорбительные последствия не только для Московского царства в целом, но и для Ивана Васильевича лично.

Прославился князь Курбский не столько военными достижениями и не столько даже предательством, сколько литературным творчеством. Будучи уже в Литве, он написал несколько посланий Ивану IV, а также значительное историческое произведение — «Историю о великом князе московском». Все они содержали язвительный вызов царю.

В посланиях князь Курбский оправдывал свое бегство и укорял Ивана IV в суровом отношении к знати — лучшим помощникам государя, живой опоре его трона, как полагал Андрей Михайлович.

Царь отвечал ему, с гневом обрушиваясь и на самого изменника, и на весь строй жизни русской знати, слишком своевольной и всеми силами избегающей честной службы.

Впрочем, историки видели в переписке князя Курбского и Ивана Грозного помимо буквального смысла еще и философский: Россия наполнилась блестящими себялюбцами, вроде князя Андрея; им представлялось, что не служба их Богу и государю, а одни только их личности должны иметь высокую цену; смута — вот к чему приводили их усилия; в ответ на их деяния в Русской земле явился бич Божий — кровавый и немилосердный монарх Иван Грозный. Смуты он допустил немного, но «кровопускание», им произведенное, чрезвычайно ослабило страну.

В знаменитой переписке содержатся свидетельства глубокой несправедливости и эгоизма обеих сторон. Единство, возвысившее страну при Иване III, Василии III и начале царствования Ивана IV, уходило в

прошлое. Теперь его нелегко будет вернуть. Словно само время переломилось, и движение Русской цивилизации выше и выше достигло пика; теперь началось движение по нисходящей...

Обе стороны щедры в переписке на злобные и несправедливые обвинения. До сих пор государи московские и их служилая аристократия действовали в нерасторжимом единстве. Ведь не кто иной, как русская знать была главной военно-административной силой России, именно из этого слоя рекрутировались почти все ведущие полководцы, судьи, управленцы; и не кто иной, как государи московские вели знать от успеха к успеху. Но Курбский в своих посланиях показывает худшие, наименее полезные для страны качества аристократии, а государь Иван IV, желая выступить как мудрый самодержец, демонстрирует черты нервного деспота.

Так, например, Курбский писал государю: «Зачем, царь, сильных во Израиле (то есть знатных людей) истребил, и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах Божьих пролил, и кровью мученическою обагрил церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, оболгав православных в изменах и чародействе и в ином непотребстве и с усердием тщась свет во тьму обратить и сладкое назвать горьким, а горькое сладким? В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя заступники христианские? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, у которых прежде в рабстве были предки наши? Не отданы ли тебе Богом крепчайшие крепости немецкие благодаря мудрости их? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас со всеми близкими нашими? Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не предстоит тебе предстать пред неподкупным судьей и надеждой христианской, богоначальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не минует гордых притеснителей и взыщет за все и мельчайшие прегрешения их, как вещают божественные слова? Это он, Христос мой, восседающий на престоле херувимском одесную величайшего из высших, — судия между тобой и мной».

Царь, отвечая Курбскому, формулировал основы своего мировидения, говорил о роли и о долге православного монарха по отношению к Богу и к подданным. И если бы в посланиях монарха содержалась только философия царского служения, они вызывали бы восхищение отточенностью мысли.

Суть предназначения царя, высший долг его Иван IV видит в служении Иисусу Христу под непобедимой хоругвью веры. По его словам, «Богом нашим Иисусом Христом дана была едиnorodного слова Божия победоносная и вовеки непобедимая хоругвь — крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям и хранителям православия. И после того как исполнилась повсюду воля Провидения и божественные слуги слова Божьего, словно орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия достигла и Российского царства. Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по Божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и великого князя Владимира Мономаха, удостоившегося высокой чести от греков, и от храброго великого государя Александра Невского, одержавшего великую победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Дмитрия, одержавшего за Доном победу над безбожными агарянами, вплоть до отомстителя за неправды — деда нашего, великого князя Ивана, и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего великого государя Василия, и до нас пребывает, смиренных скипетродержателей Российского царства».

Царь православный, как пишет Иван IV, должен быть самодержавен. Курбский же отстаивает право высоких советников отводить правителя от ошибок, оказывать на него влияние и, в определенной мере, делить с ним власть^[56]. Стремление Ивана Васильевича ко всей полноте царской власти у князя-перебежчика ассоциируется с проказой совести и неразумием.

Иван IV отвечает Курбскому не то чтобы с удивлением, нет, напротив, как будто продолжая давний, застарелый спор: «Разве это и есть «совесть прокаженная» — держать свое царство в своих руках, а своим рабам не давать господствовать? Это ли «против разума» — не хотеть быть под властью своих рабов? И это ли «православие пресвет-лое» — быть под властью и в повиновении у рабов?» Царь восклицает: «Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!»

Для него самодержавие — не новация, а восстановление старинного порядка, поддерживавшегося как минимум при отце и деде, а прежде того — константинопольскими императорами и царями древнего Израиля^[57].

Кроме того, по мысли Ивана IV, самодержавие как факт, то есть само по себе, не означает сурового или просто жестокого правления. Монарх, имея полновластие над подданными, не исключая любезных сердцу А. М.

Курбского «сильных во Израиле», использует силу, применяясь к конкретной ситуации. По словам Ивана Васильевича, апеллирующего к апостольскому слову, «всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими; добрым же — милосердие и кротость, злым же — жестокость и муки, если же нет этого, то он не царь. Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных».

Измену государю Иван Васильевич приравнял к измене Богу (а значит, к тяжелейшему греху отступничества), поскольку власть государева — от Бога. Вот его собственные слова: «Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою едиnorodную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть напоследок все равно похитит тебя; зачем ради тела душой пожертвовал, если устранился смерти, поверив лживым словам своих бесами наученных друзей и советчиков? И повсюду, как бесы во всем мире, так и изволившие стать вашими друзьями и слугами, отрекшись от нас, нарушив крестное целование, подражая бесам, раскинули против нас различные сети и, по обычаю бесов, всячески следят за нами, за каждым словом и шагом, принимая нас за бесплотных, и посему возводят на нас многочисленные поклепы и оскорбления, приносят их к вам и позорят нас на весь мир. Вы же за эти злодеяния раздаете им многие награды нашей же землей и казной, заблуждаясь, считаете их слугами, и, наполнившись этих бесовских слухов, вы, словно смертоносная ехидна, разъярившись на меня и душу свою погубив, поднялись на церковное разорение. Не полагай, что это справедливо — разъярившись на человека, выступить против Бога; одно дело — человек, даже в царскую порфиру облеченный, а другое дело — Бог. Или мнишь, окаянный, что убережешься? Нет уж! Если тебе придется вместе с ними воевать, тогда придется тебе и церкви разорять, и иконы попираť, и христиан убивать; если где и руками не дерзнешь, то там много зла принесешь и смертоносным ядом своего умысла. Представь же себе, как во время военного нашествия конские копыта попирают и давят нежные тела младенцев! Когда же зима наступает, еще больше жестокостей совершается. И разве твой злобесный собачий умысел изменить не похож на злое неистовство Ирода, явившегося убийцей младенцев? Это ли считаешь благочестием — совершать такие злодеяния? Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на человека разъярившись, против Бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом!»

Здесь и во множестве других мест государь скатывается со спора на простое злословие. А скатившись, нимало не сдерживает ярости.

Поистине спорщики соревнуются в низости характера, показывая, у кого градус ненависти выше!

Иван Васильевич именует Курбского собакой. Советы князя называет «смердящими хуже кала». Царь пишет беглому вельможе: «Писание твое принято и прочитано внимательно. А так как змеиный яд таишь ты под языком своим, то хотя письмо твое по хитрости твоей наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни».

Ничуть не добрее сам князь. И сдержанности в его писаниях ни на гран не больше, чем у царя. Андрей Михайлович пытается выдержать высокий стиль, показать манеры просвещенного человека: «Не подобает мужам благородным браниться, как простолюдинам, а тем более стыдно нам, христианам, извергать из уст грубые и гневные слова». А потом все равно срывается на ругань: «Широковещательное и многошумное послание твое получил, и понял, и уразумел, что оно от неукротимого гнева с ядовитыми словами изрыгнуто, таковое бы не только царю, столь великому и во вселенной прославленному, но и простому бедному воину не подобало, а особенно потому, что из многих священных книг нахватаю, как видно со многой яростью и злобой, не строчками и не стихами, как это в обычае у людей искусных и ученых, когда случается им кому-либо писать, в кратких словах излагая важные мысли, а сверх меры многословно и пустозвонно, целыми книгами, паремиями, целыми посланиями! Тут же и о постелях, и о шубейках, и иное многое — поистине, словно неистовых баб рассказы».

После кончины митрополита Макария в декабре 1563 года у царя Ивана не оказалось советника и духовного попечителя, исполненного христианской добродетели. Страшное давление обстоятельств, чувство угрозы, исходящей от собственной аристократии, открытая измена большого вельможи Курбского вызвали у Ивана Васильевича необычное и роковое решение.

Со времен казанских походов Иван IV пребывал в состоянии вынужденного компромисса со служилой аристократией, поставлявшей основные кадры командного состава и значительную часть войск. Несколько десятков человек являлись ядром начальствующего состава русской армии с середины 40-х по середину 60-х годов XVI столетия. Заменить их было нечем, поскольку иного общественного слоя, равного служилой аристократии по организационному и тактическому опыту,

просто не существовало. Обойтись без служилой знати царь никак не мог. Аристократические семейства, в свою очередь, не симпатизируя растущему самовластию царя, отнюдь не планировали изменить государственный строй России. Таким образом, как было показано, обе стороны поддерживали «худой мир». Он продержался до тех пор, пока не перестал удовлетворять и царя, и княжат. Аристократическая верхушка, не вынося давления центральной власти, принялась, как можно убедиться, «перетекать» в стан противника; но это полбеда: аристократия русская вообще нередко бегала от монаршей суровости за литовский рубеж. Хуже другое. Аристократия перестала быть надежным орудием для решения военных задач. Невель, Ула и разор рязанских земель (остановленный, следует напомнить, не «княжатами»-воеводами, а выходцами из нетитулованной знати, особенно Плещеевыми-Басмановыми) показали: высшее командование не справляется со своими обязанностями, оно не эффективно. Следовательно, для продолжения войны требуются большие перемены.

Трудно отделаться от впечатления, что именно военные неудачи, особенно после успеха, достигнутого русскими полками под командой самого царя, привели Ивана Васильевича к мысли о введении опричнины. Значит, опричина должна была принести значительные изменения в систему управления государством, и особенно в русскую армию. Так и случилось.

Иван IV, нервная артистическая натура, решил разрубить Гордиев узел отношений со знатью, поскольку развязать его не получалось. Для этого ему потребовалось сначала вырвать себя и свою семью из аристократического окружения — хотя бы и невиданным, экстравагантным способом. Поэтому государь предпринял отчаянный радикальный шаг, какого до сих пор не совершали московские правители.

В декабре 1564 года Иван Васильевич покинул Москву и отправился на богомолье. Но на этот раз поведение государя со свитой слабо напоминало обычные царские выезды в монашеские обители.

Еще в столице царь прилюдно сложил с себя монаршее облачение, венец и посох. Он сообщил, что уверен в ненависти духовных и светских вельмож к своей семье, а также в их желании «передать русское государство чужеземному господству»; поэтому он расстается с положением правителя. После этого Иван Васильевич долго ходил по храмам и монастырям, а затем стал основательно собираться в дорогу. Царский поезд нагружен был казной, драгоценностями, множеством икон и

иных святынь^[58]. Расставаясь с высшим духовенством и «думными» людьми, государь благословил их всех.

Митрополит Афанасий, церковные иерархи и Боярская дума пребывали в «недоумении»: зачем царь собрался с великой казнью, куда и зачем едет?

Вместе с Иваном Васильевичем уезжали его вторая жена, Мария Темрюковна Черкасская, а также два сына — царевичи Иван и Федор. Избранные самим царем приказные, дворяне, а также представители старомосковских боярских родов в полном боевом снаряжении и с заводными конями сопровождали его. В их числе: Алексей Данилович Плещеев-Басманов, Михаил Львович Салтыков^[59], Иван Яковлевич Чеботов, князь Афанасий Иванович Вяземский. Некоторых, в том числе Салтыкова и Чеботова, государь отправил назад, видимо, не вполне уверенный в их преданности. С ними он отправил письмо митрополиту Афанасию с владыками, а также боярам, воеводам, дьякам и прочим служильцам, в котором сообщал, что «передает... свое царство, но может прийти время, когда он снова потребует и возьмет его».

Путь царя был долг и сложен. Отметив Николу зимнего в Коломенском, правитель задержался там из-за «непогодия и беспуты», но оставаться надолго не собирался. Как только реки облеклись ледяным одеянием, Иван Васильевич вышел в поход через село Тайнинское к Троице, и память Петра-митрополита государь праздновал в обители преподобного Сергия 21 декабря.

До сих пор все шло как великолепная театральная постановка. По всей видимости, Иван Васильевич ожидал быстрой реакции публики, то есть митрополита и «думных» людей. Играл он уверенно, с воодушевлением, но его не остановили ни в Москве, ни по дороге к Троице. Ему требовалось навязать верхам общества жесткие условия грядущей реформы, но, вероятно, государь не предполагал, что игра затянется, и собирался решить поставленные задачи «малой кровью».

А митрополит с «чинами» между тем не торопились звать царя назад. Должно быть, у них появились свои планы.

Тогда государь, покинув Троицу, добирается до Александровской слободы^[60] и там затевает новый спектакль. В первых числах января 1565 года он отправляет с Константином Дмитриевичем Поливановым новое письмо в Москву. Царское послание полно гневных обвинений: старый Государев двор занимался казнокрадством и разворовыванием земельных владений, главную же свою работу — военную службу — перестал

должным образом исполнять. «Бояре и воеводы... от службы учили удалятися и за православных крестиян кровопролитие против безсермен и против латын и немец стояти не похотели». А когда государь изъявил желание «понаказати» виновных, «архиепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложася з бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людьми, почали по них... царю и великому князю покрывати». Не видя выхода из этой ситуации, правитель «оставил свое государство и поехал... вселитися, иде же его, государя, Бог наставит».

Коротко говоря, Иван Васильевич ясно выразил свою претензию ко всей громаде русской военно-политической элиты, а вместе с ней и церковному начальству: он отказывается от власти, поскольку честно биться на поле брани никто не желает, среди знати полно изменников и казнокрадов, а ему, монарху, церковные иерархи не дают их казнить, «сложася» с ними и «покрывая» их.

Столичный посад («гости», «купцы» и «всё православное крестиянство града Москвы») получил от государя письмо совершенно иного содержания. На посадских людей, говорилось там, «гневу... и опалы некоторые нет». Это была откровенная угроза Церкви и служилой аристократии направить против них ярость посада, повторив ужасы памятного мятежа 1547 года. Видимо, угроза оказалась действенной. Московский посад проявил активность — «бита челом» митрополиту о возвращении Ивана Васильевича на царство. Москвичи заволновались, ситуация могла привести к массовому выступлению. Их челобитье наполнено нотами гнева. Они требуют от главы Церкви и освященного собора^[61] идти к государю с нижайшей просьбою, «чтобы он над ними милость показал, государства не оставлял и их на расхищение волкам не давал, наипаче же от рук сильных избавлял, а хто будет [из] государевых лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят».

Очевидно, опасность большого восстания сделалась серьезной: громадный столичный посад стоял за власть одного сильного государя, ожидая для себя большего разора, насилия и несправедливости от правления сотни маленьких «сильных во Израиле». Стоит заметить, что москвичи обратились со своим челобитьем только к духовным властям, а не к Боярской думе и не к чинам Государева двора. Уже сам факт этот говорил красноречивее любых политических заявлений: «Вы для нас без царя — не власть!»

Знать, а с ней и весь Государев двор решились встать на путь примирения, что означало — подчинения. Они обратились к митрополиту Афанасию с молением начать переговоры, показать царю готовность к

уступкам.

Летопись сообщает: митрополита упрасивали, чтобы он «умолил» Ивана Васильевича «гнев отвратить», «опалу отдать», дабы царь «государства своего не оставлял» и правил бы державой «якоже годно ему государю; а хто будет государские лиходеи, которые изменные дела делали, и тех ведает Бог, да он, государь; и в животе, и в казни^[62] — его государская воля».

Ответное послание царю от митрополита и Боярской думы стало изъявлением покорности: «С опечаленным сердцем и великой неохотой слышат они от их великого и достойного всякой похвалы господина, что на них пала его царская немилость и особенно, что он оставляет свое царство и их несчастных и безутешных, бедных овец без пастыря, окруженных множеством волков — врагов. И они молят и просят его, может быть, он придумает что-нибудь другое. Случалось прежде, что государство было покорено врагом, и несчастный случай оставлял это государство без государя, но чтобы могущественный государь безо всякой необходимости оставил бы верных своих людей и могущественное княжество, — об этом не только никто не слыхал, но и не читал. Если он действительно знает, что есть изменники, пусть объявит их, назовет их имена; и они должны быть готовы отвечать за свою вину; ибо он, государь, имеет право и силу строжайше наказывать и казнить. И если великий князь охотно согласится с этим, они были бы счастливы передать себя в его полное распоряжение»^[63].

В итоге из Москвы в Александровскую слободу поехала огромная «делегация», состоящая из архиереев, «думных» людей, дворян и приказных. В ее составе были посланцы митрополита Афанасия, а также виднейшие аристократы князя Иван Дмитриевич Бельский и Иван Федорович Мстиславский. Митрополит Афанасий сохранил лицо, не пожелав лично участвовать в этом странном представлении.

После долгих уговоров и «молений... со слезами о всем народе крестьянском» делегация добилась от государя обещания вернуться на царство. Но при этом Иван Васильевич выторговал себе право разбираться с государственными делами «как ему государю годно», невозбранно казнить изменников, возлагать на них опалы и конфисковывать их имущество. Иными словами, он добился того, чего и желал: получил карт-бланш на любые действия от Церкви, до сих пор отмаливавшей тех, кто должен был подвергнуться казням; ему достался также карт-бланш от служилой аристократии, до сих пор сохранявшей значительную

независимость по отношению к государевой воле.

Весь этот политический театр одного актера того стоил!

Итак, введение опричнины датируется январем 1565 года.

До наших дней не дошло самого указа о введении опричнины. Однако летопись приводит подробный пересказ его содержания. Для верного понимания того, что именно и с какими целями вводилось по воле государя Ивана Васильевича, следует прежде всего ознакомиться с этим текстом.

«Челобитье... государь царь и великий князь архиепископов и епископов принял на том, что ему своих изменников, которые измены ему государю делали и в чем ему государю были непослушны, на тех опалы свои класти, а иных казнити и животы их и статки имати^[64]; а учинити ему на своем государстве себе опришнину, а двор ему себе и на весь свой обиход учинити особой, а бояр и окольничих и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских, и стольников, и стряпчих, и жильцов учинити себе особно... да и стрельцов приговорил учинити себе особно. А на свой обиход повелел государь царь и великий князь, да и на детей своих, царевичев Иванов и царевичев Федоров обиход, города и волости: город Можаяск, город Вязьму, город Козелеск, город Перемышль два жеребья, город Белев, город Лихвин обе половины, город Ярославец и с Суходровью, город Медынь и с Товарковою, город Суздаль и с Шуею, город Галич со всеми пригородки с Чюхломою и с Унжею, и с Коряковым, и з Белогородьем, город Вологду, город Юрьевец Поводьской, Балахну и с Узолою, Старую Русу, город Вышегород на Поротве, город Устюг со всеми волостями, город Двину, Каргополе, Вагу... А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян, и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов, и поместья им подавал в тех городах... которые города поймал в опришнину. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опришнину повеле учинити себе особно. На двор же свой и своей царице великой княгине двор повеле место чистити, где были хоромы царицы и великой княгини, позади Рожества Пречистые и Лазаря Святаго, и погребы и ледники и поварни все и по Курятные ворота; также и княже Володимерова двора Ондреевича место принял и митрополича места. Повеле же и на посаде улицы взяти в опришнину от Москвы реки: Чертольскую улицу и з Семчинским сельцом и до всполия, да Арбацкую улицу по обе стороны и с Сивцевым Врагом и до Дорогомиловского всполия, да до Никицкой улицы половину улицы, от города едучи левою

стороною и до всполия, опричь Новинского монастыря и Савинского монастыря слобод и опричь Дорогомиловские слободы, и до Нового Девича монастыря и Алексеевского монастыря слободы... И которые улицы и слободы поймал государь в опришнину, и в тех улицах велел быти бояром и дворяном и всяким приказным людям, которых государь поймал в опришнину. А которым в опришнине быти не велел, и тех ис всех улиц велел перевести в ыные улицы на посад. Государство же свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские, приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитриевичу Белскому, князю Ивану Федоровичу Мстисловскому и всем бояром; а конюшому и дворетцкому и казначеем и дьяком и всем приказным людей велел быти по своим приказом и управу чинити по старине, а о больших делех приходити к бояром. А ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь приговор яз боя-ры, тем делом управу велит чинити. За подъем же свои приговорил царь и великий князь взяти из Земского приказа сто тысяч рублей; а которые бояры и воеводы и приказные люди дошли за государьские великие измены до смертныя казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя».

Прежде всего: о казнях изменников тут сказано совсем немного. Ни о каких массовых репрессиях речь не идет. Да, царь получает полную волю в определении того, кто должен пойти на плаху, кто изменник, и даже Церковь теряет возможность «печалования». Но этим правом на протяжении первых лет опричнины монарх пользуется нечасто. Нет никаких «волн казней». Даже после учреждения опричнины, когда, казалось бы, для Ивана IV наступило удобное время, чтобы расправиться с политическими противниками, он отправляет на смерть лишь пятерых аристократов: князя А. Б. Горбатого с сыном его Петром, окольного П. П. Головина, князя И. И. Сухого-Кашина, князя Д. А. Шевырева. Многие лишились вотчин, отправились в ссылку, некоторых насильно постригли в монахи. Но все эти действия, даже взятые в совокупности, еще никак не свидетельствуют о том, что опричнине изначально планировалось придать характер «машины репрессий», карательного аппарата.

Что приобретает царь помимо полной свободы казнить всех, кого сочтет изменниками, не обращая внимания на «печалование» Церкви об осужденных?

Прежде всего, он отделяет то, что подчиняется непосредственно ему — во всём и без какого бы то ни было исключения, — от того, что подчиняется «Московскому государству» во главе с думными боярами,

которые обязаны по важнейшим вопросам советоваться с государем, но в прочих случаях «ведают и делают» земские дела.

Фактически в составе России появляется государев удел, царский домен, полностью выведенный из-под контроля высших родов служилой знати. Прежде всего, из-под контроля «княжат». На территории этого удела царь перестает опираться на высшую аристократию, которая прежде, по необходимости, присутствовала везде и во всём. Монарх получает, таким образом, самостоятельный военно-политический ресурс, коим может управлять прямо, без посредников.

Здесь у него образуется собственная служилая корпорация, которую царь наберет сам, с помощью немногих доверенных лиц, никак не принимая в расчет интересы «княжат». Здесь у него составитя собственная Дума, чья компетенция распространится на земли удела, а с годами расширится и захватит львиную долю важнейших «земских», то есть общегосударственных дел. Здесь у него появится собственная армия; основой вооруженных сил опричнины станет новый «офицерский корпус» из тысячи человек, также отобранных без учета интересов высшей аристократии. Здесь у него сконцентрируются запасы, предназначенные для расхода на опричных служилых людей. И всё это станет управляться из особой резиденции («двора») вне Кремля.

В дополнение к прочему Иван Васильевич берет из общегосударственной казны «на подъем» колоссальную сумму — 100 тысяч рублей. По ценам середины XVI века большой каменный храм строился на тысячу рублей...

Стоит подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: до 1567 года в опричной армии и в опричных органах управления не появится ни единого представителя знатнейших родов «княжат». Да и между 1567 и 1570 годами они там присутствовали как исключение, редкие одиночки.

Титулованная знать была представлена в опричнине с первых месяцев ее существования, но лишь второстепенными и третьестепенными семействами.

Высокородным «княжатам» на верхи опричнины путь заказан. В опричную Думу и в воеводский корпус опричных вооруженных сил рекрутировались представители старинных московских боярских родов, небольшое количество худородных выдвигенцев и несколько семейств из среды второстепенной титулованной знати.

На этом стоит остановиться подробнее. Опричнина не являлась чистой «новиной», абсолютно оторванной от жизни русского общества. В ней, в этой «царской революции», многие социальные слои видели для себя

выгоду, а потому оказали ей активную поддержку.

Прежде всего, речь идет о московских родах нетитулованной знати, то есть о той части боярства, которая оказалась в значительной степени оттеснена от высших постов в армии и Боярской думе «княжатами». Так, в числе главных советчиков Ивана IV при учреждении опричнины оказались Алексей Данилович Басманов-Плещеев и Василий Михайлович Захарьин-Юрьев. Оба представляли названный слой, притом Басманов-Плещеев, будучи блистательным полководцем, никак не мог получить в армии командование самостоятельным соединением, играя в результате роль «вечного второго»; а у Захарьина-Юрьева еще дед оказался жестоко обижен, столкнувшись с тем, что его, недавно взявшего Дорогобуж, поставили в действующей армии на второстепенную должность, отдав предпочтение «княжатам».

В опричную Боярскую думу, а также в круг опричных воевод вошли представители древних боярских родов Плещеевых, Колычёвых-Умных, Захарьиных, Бутурлиных, Пушкиных, Чеботовых, Борисовых-Бороздиных. Иными словами, московская нетитулованная знать полагала (и не без основания), что с помощью опричнины сможет вернуть себе утраченные ранее позиции.

В опричину — главным образом на роль ведущих воевод — с охотой пришли второстепенные «княжата», которым прежде путь наверх закрывал мощный слой самого родовитого и могущественного «княжья». Таковы, например, князья Телятевские, Хворостинины (эти и в думу опричную вошли), Охлябинины, Сицкие, Гвоздевы-Приимковы и, разумеется, влиятельнейшие в опричнине Вяземские. Их интересовала карьера, прежде всего военная, и с помощью опричнины они действительно поднялись намного выше, чем могли рассчитывать без нее.

Наконец, в эпоху опричнины царь допустил на воеводские посты и в Боярскую думу верхи дворянства. Иными словами, людей, которые никак не могли тягаться со знатью, а потому вне опричнины не имели ни малейшего шанса прорваться к вершинам власти. Вот их круг: Грязные-Ильины, Малюта Скуратов-Бельский с родней, Константин Поливанов, Михаил Безнин, Роман Алферьев, Игнатий Блудов и другие. Опричина подняла их высоко. Однако при всем том никто из «худородных» никогда не командовал самостоятельным полевым соединением, не получал боярского или же окольного чина. Все они в лучшем случае — воеводы отдельных полков и думные дворяне. Некоторые (как тот же Малюта) в основном исполняли роль карателей. Иные (как, например, Безнин) выполняли ответственные поручения царя на военной стезе, в

дипломатической работе или как администраторы. Их не столь уж много, этих неродовитых «выдвиженцев» Ивана IV, но и не ничтожно мало. Все они — до единого! — имели основания по гроб жизни испытывать большую благодарность Ивану Васильевичу и его детищу, опричнине.

Можно сделать вывод: как минимум первые годы существования опричнина пользовалась поддержкой нескольких общественных групп. Из них рекрутировались опричные управленцы и военачальники.

Подобная социальная основа сохранялась у образованного в 1565 году учреждения весьма долго: от основания опричнины до первых месяцев 1570 года. Впоследствии этот порядок был разрушен. О причинах его падения речь пойдет ниже. Но до того — целых пять лет! — опричнина в принципе обходилась без княжат «первого ранга».

И если взглянуть на опричнину как на проект масштабной военно-политической реформы, то *сначала* он выглядел разумной системой мер, в основу которой положена логика политической борьбы. Вот только претворение опричного проекта в жизнь вызвало мощнейший кризис. Перед лицом его все проблемы 1564 года кажутся сущей мелочью.

Важно не только *что* делает высшая власть, но и *как* она это делает.

Историк В. О. Ключевский дал исключительно точную формулировку психологических причин, подвигнувших царя на введение опричнины: «... потеря нравственного равновесия у нервного человека». Да, это, скорее всего, верно. Но «потере равновесия» предшествовал длительный период напряжения. Сброс напряжения мог произойти и не столь радикальным способом. Однако в 1564 году царь почувствовал себя подобно актеру в ситуации, когда сцена не задалась, остальные играют из рук вон, постановка в шаге от провала... Нервный срыв суммировал гнев, страх, а также неприятное ощущение, что вся «труппа» выступает непутём и это грозит самыми неприятными последствиями.

В политическом смысле Ключевский определял опричнину как «убежище», где «царь хотел укрыться от своего крамольного боярства». Но это не совсем так.

«Напуганный отъездом Курбского и протестом, который тот подал от имени всех своих собратий, — пишет знаменитый историк Сергей Михайлович Соловьев, — Иоанн заподозрил всех бояр своих и схватился за средство, которое освобождало его от них. Положить на них... опалу без улики, без обвинения, заточить, сослать всех, лишить должностей, санов, лишить голоса в Думе и на их место набрать людей новых, незначительных, молодых... — это было невозможно... Если нельзя было

прогнать от себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство — самому уйти от него; Иоанн так и сделал».

Но и это слишком просто. Смысл опричнины — иной. Он прочитывается в официальных документах того времени.

Государев удел, особая армия, особая администрация и получили название опричнины. В нее вошли северные черниговские, тверские и ростово-суздальские земли. Они отличались плодородием, издревле осваивались, были густо заселены и представляли собой золотой фонд русской пашни. Кроме того, перечисленные области расположены относительно недалеко от главных опричных резиденций Ивана Васильевича — Александровской слободы и Московского замка^[65]. А значит, у командования появлялась возможность быстро собирать опричную армию в кулак.

Итак, царь забрал себе под полное самодержавное правление часть России, завел себе там новый аппарат управления, а главное, новую армию. Она, по мысли государя, должна была стать безотказным инструментом военных побед, полностью и без всяких ограничений подчиненным его воле.

Резюмируя, автор этих строк видит в опричнине *военно-административную реформу, притом реформу необходимую, верную в идее, но непродуманную и в итоге неудавшуюся*. Она была вызвана общей сложностью военного управления в Московском государстве и, в частности, «спазмом» неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для того, чтобы упростить систему управления (в первую очередь управления вооруженными силами России), сделать его полностью и безоговорочно подконтрольным государю, а также обеспечить успешное продолжение войны. В частности, важной целью было создание крепкого «офицерского корпуса», независимого от самовластной и амбициозной верхушки «княжат». Борьба с «изменами», как иллюзорными, так и реальными, была изначально второстепенным ее направлением. Царь обретает полностью подконтрольную и в материальном смысле превосходно обеспеченную воинскую силу. Он может использовать ее для перелома в военных действиях на литовско-ливонском фронте (приоритетная задача), а может просто защититься ею от «внутреннего врага» (если понадобится). Отменили же опричнину, поскольку боеспособность вооруженных сил России она не повысила, как задумывалось, а, напротив, понизила и привела к катастрофическим последствиям, в частности, сожжению Москвы в 1571 году.

Был ли иной путь, более плодотворный и менее болезненный? Думается, да. Вернее всего, правы те, кто указывает на медленное, реформистское изменение социально-политической структуры как на оптимальную модель развития Московского царства в середине XVI столетия.

В Москве для царя и его гвардии была отделена треть города. Скоро там появился огромный Опричный замок. Он стоял напротив Кремля, там, где соединяются улицы Воздвиженка и Моховая.

Все пространство, отданное под постройку опричной резиденции в Москве, окружили высокой стеной с тремя воротами. На сажень стена состояла из тесаного камня и еще на две сажени — из кирпича. Рядом с дворцом располагались казармы опричной стражи. Видимо, общая численность московского опричного отряда, охранявшего царя, составляла 500 человек. Северные ворота играли роль «парадных». Они были окованы железными полосами и покрыты оловом. Сторожил их засов, закрепленный на двух мощных бревнах, глубоко врытых в землю. Украшением ворот служили два «резных разрисованных льва» (вместо глаз у них были вставлены зеркала), а также черный деревянный двуглавый орел с распростертыми крыльями. На шпилях трех главных палат также красовались орлы, повернутые к земщине. Опричный дворец был надолго обеспечен всем необходимым, значительную часть его территории занимали хозяйственные постройки: поварни, погреба, хлебни и мыльни. «Над погребами, — как свидетельствует современник, — были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы...» Поскольку строительство производилось на сыром месте, двор пришлось засыпать песком «на локоть в вышину». Даже церковь поставили на сваях. Главная палата стояла напротив восточных ворот, в нее можно было войти по двум лестницам (крылечкам). Перед лестницами высился помост, «подобный четырехугольному столу; на него всходил великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоились крыша и стропила. Столбы и свод украшены были резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и до стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла на восток перед двором, вне ограды...».

Опричный дворец Ивана Грозного в Москве — пространство, где «театр» опричнины концентрируется. Позднее то же самое будет в Александровской слободе, новой опричной резиденции царя. Обе

резиденции, как московская, так и слободская, содержали в себе мощный заряд явного, *подчеркнутого* противопоставления всей остальной земле, земщине. На «пяточках» огороженной территории сосредоточивалась «правда», «правильность», «прямота» — как мыслил их Иван Васильевич, и отсюда «прямота» должна была расходиться по всей России, выжигая измену и «кривизну». Немцы-опричники Иоганн Таубе и Элерт Крузе, впоследствии ставшие изменниками, сообщают: «Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны. Опричники должны были носить грубые и бедные верхние одежды из овчины наподобие монашеских. Зато под ними скрывалось одеяние из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху...»

Но помимо всего сказанного оба дворца представляют собой пространства абсолютной безопасности как для самого государя, так и для его семьи.

Сирота не нашел друзей и родных людей в детстве. Затем ему достались хорошие наставники и любимая жена, но через несколько лет он лишился и наставников, и жены. Что осталось? Дети, еще маленькие мальчики, да новая жена, бог весть до какой степени сумевшая заменить «лозу плодовитую» — царицу Анастасию. И державный сирота помимо царской роли принимает на себя еще одну, чрезвычайно сложную: он становится хозяином и повелителем в политическом «театре», а заодно сам же выводит себя на сцену в главной роли, как режиссер выводит лучшего артиста; вот только артистическая игра Ивана Васильевича напоминает злое юродство; юрод, по дару Божьему, носитель правды, но, глядя на истинных юродов, многие соблазняются юродством выдуманым и жестоким; тогда рождается юродский театр, где истина бывает восстановлена далеко не всегда, да вообще не столь уж часто, зато самообольщение ложного юрода больно бьет по тем, кого он хочет любой ценой «исправить».

Глубинное, безнадежное сиротство породило этот самый театр, черный театр опричнины, где правил царь-юрод с блистательным умом, обширной ученостью и холодным сердцем. Его слишком мало питали любовью. Его слишком часто питали страхом. И вот он создал опричнину: инструмент защиты и достижения военно-политических замыслов, имеющий форму юродского театра.

Московский Опричный дворец погиб в 1571 году, когда крымский хан

Девлет-Гирей спалил Москву^[66]. Но помимо него в разное время строились иные царские резиденции: в Старице, Вологде, Новгороде. На территории Александровской слободы Опричный дворец стали строить, по всей видимости, одновременно или вскоре после московского. Туда Иван Васильевич переехал из Москвы не ранее второй половины 1568 года и не позднее марта 1569 года. В Московском дворце Иван IV провел относительно немного времени. Зато Александровская слобода, а позднее Старица на долгие годы становились настоящими «дублерами» русской столицы. Часть сооружений опричной поры сохранилась там до наших дней.

Если нарисовать карту опричного «удела», то прежде всего придется полностью заштриховать почти все северные области страны. Затем окажется заштрихованной вся северная часть старинного Владимиро-Суздальского княжества, каким оно было в XIII столетии. Если все остальное представить себе в виде мишени, а Москву поместить в «яблочке», то набор опричных владений будет напоминать след от выстрела крупной дробью в самый центр мишени.

С северными землями все более или менее понятно. Естественно стремление Ивана Васильевича пользоваться доходами от таможенных пошлин, промыслов, а также контролировать важный торговый маршрут из Европы в Россию вокруг Скандинавского и Кольского полуострова — он был в середине 50-х годов XVI столетия открыт для европейского мореплавания. Север был для опричнины неисчерпаемой денежной бочкой.

Другое дело — центр, те самые черниговские, козельские, тверские и ростово-суздальские земли, которые выше были названы «золотым фондом русской пашни». Обладание ими позволяло решить иную, не менее важную задачу: дать опричному воинству богатые поместья, то есть подобающее материальное обеспечение.

Опричина явно не была нацелена на создание «дружины» царских «телохранителей». Для решения этих задач вполне хватало нескольких сотен бойцов, охранявших царскую семью в Опричном дворце. Не будь опричнины, с подобными задачами справилась бы тысяча стрельцов с незначительным количеством дворян на офицерских должностях. На худой конец, такого рода гвардией могла бы стать команда иностранных наемников. При дворах европейских монархов нередко караул несла стража, набранная из иностранцев, например шотландцев и швейцарцев. По крайней мере, в последние годы жизни Иван IV сделал то же самое: в его распоряжении был отряд из 1200 иностранных солдат (в том числе тех

же шотландцев) с Джимми Лингетом во главе. Упоминаются служилые «немцы» и в русских разрядах 1570-х годов.

Для одной только охраны царя опричнина — избыточна.

Таким образом, цели опричнины были явно шире, чем сбережение царя от заговоров и покушений. Прежде всего, речь шла о создании особой армии — наилучшим образом укомплектованной, вооруженной, легко управляемой, с командными кадрами, всецело преданными царю. Помимо богатых земель и новых возможностей для карьеры опричники получили обширные судебные привилегии. Один немец-опричник сохранил знаменитую фразу Ивана IV, отправленную в органы судопроизводства: «Судите праведно, наши виноваты не были бы!» По сравнению с земскими опричники имели огромное преимущество во всякого рода расследованиях и тяжбах.

Итак, в 1565-м — начале 1566 года царь мог торжествовать победу. Он получил под свой контроль мощный военно-политический ресурс, абсолютно не зависимый от княжат. Монарх обеспечил этот ресурс материально и дал ему юридическую неприкосновенность. Он вырастил небольшую армию, которую в перспективе планировалось увеличить. В 1565 году опричнина могла выставить в поле лишь два небольших отряда. В 1567–1568 годах опричный полевой корпус состоял уже из трех полков. А весной — летом 1569 года он вырос до пяти полков.

Но опричная реформа имела оборотную сторону. Землю невозможно «нарезать» или, как говаривали в старину, «поверстать» просто так. Центр Московского государства был давно заселен, все пахотные земли — поделены. Обеспечение же столь значительного количества служилых людей требовало масштабных перемен в землевладении. Приходилось отбирать земельные наделы у прежних владельцев, чтобы отдать их опричникам. Именно это и происходило в массовом порядке: вотчины и поместья стремительно меняли хозяев. Сгоняли с вотчин и поместий как аристократов, служивших по княжеским спискам и связанных издревле с Владимиро-Суздальской землей, так и малозаметных служилых, далеко не дотягивавших до аристократического уровня. Тех, кто лишался имений, отправляли жить в Казанскую землю, не дав адекватного возмещения; кроме того, русские крестьяне только начали осваивать пространство «Казанского юрта», рабочих рук элементарно не хватало, и это сказывалось на положении бывших богатых или хотя бы зажиточных землевладельцев самым разорительным образом. Недавно завоеванная Казанская земля еще пылала бунтами; откуда же там было сыскать пахотную силу для той скудной земли, которой наделили ссыльных? Даже получив новые

имения, они не имели возможности воспользоваться доходами с них. Казанских ссыльных довольно быстро вернули на территорию коренных русских уездов. Государь все-таки нуждался в их военно-административных услугах и не собирался сводить под корень старинные роды. Впоследствии некоторые из них при жизни Ивана Васильевича получили назад свои владения или обрели новые взамен прежних. Но на первое время прежних землевладельцев «убрали» с тех мест, где должны были устроиться опричники, чтобы старые владельцы не мешали обустройству новых помещиков, чтобы, не дай бог, не делали попыток оказать сопротивление.

Так тысячи и тысячи дворян в 1565 году отправились в дальние края, от греха подальше, — не только охранять казанскую окраину от восстаний, но и просто «пересидеть» то время, когда новые владельцы их старых имений как следует усядутся на местах. Уже в 1566 году большинство вернулись обратно в центр. В безрадостном, надо полагать, настроении...

Земельная политика опричнины разорила многих служилых людей, сделала их бедняками, оторвала от родовых корней, связанных с вотчинами, и забросила на край земли. По сравнению с прошлым житьем они воспринимали новое как сущее бедствие. А судебные привилегии опричников выглядели как попрание справедливости. Эти два инструмента опричной реформы задели интересы очень многих. Недовольство нескольких десятков знатных и богатых семейств опасно. Но недовольство тысяч служилых людей опаснее во сто крат! Ведь каждый из них — профессиональный воин. Каждый вооружен. Многие способны вывести в поле «боевых холопов». Это — сила. И не дай бог всерьез задеть ее.

Вскоре после введения опричнины в дворянской среде началось злое брожение. Опричнину не любили. В опричниках видели источник опасности и платили им ненавистью. Росла всеобщая вражда. Страна стояла на пороге заговора и переворота.

Как уже говорилось, при начале опричнины Иван IV выговорил себе у Церкви и Боярской думы право, ни с кем не согласуя, «на изменников, которые измены ему государю делали и в чем-то ему, государю, были непослушны, опалы свои класть, а иных казнить и забирать их имущество». Однако первое время казней было немного. Иван Васильевич приказал казнить нескольких видных аристократов, которых считал своими врагами, предателями. После этого царская кара очень долго не обрушивалась ни на чьи головы.

Начало опричнины вышло относительно мирным. И целых три года не

лилось большой крови.

Лишь с конца 1567 года в рамках опричнины начинается долгий и страшный государственный террор. В ту пору за день могли публично казнить до ста человек, а то и больше.

Изначально опричина задумывалась как реформа, а не как пыточный застенок. Почему же она переродилась? По каким причинам все-таки начались массовые казни?

Видимо, террор стал инструментом борьбы с недовольством опричными порядками, постепенно усиливавшимся в русском социуме.

Летом 1566 года государь Иван Васильевич созвал Земский собор, решавший судьбу Ливонской войны. Царь желал продолжить ее и довести до победного конца. Война длилась уже много лет, стоила дорого и в финансовом, и в человеческом смысле, высшей служилой аристократии она не давала никаких выгод, одно лишь беспокойство. Но дворянство рассчитывало получить поместья на богатых, хорошо освоенных землях Прибалтики, да и государь ждал приращения новых территорий. В сущности, несмотря на поражение 1564 года, враг не сумел добиться решающего перевеса. Полоцк, Нарва, Юрьев-Ливонский, многие другие города и крепости оставались под контролем русских войск. Дальнейшая борьба могла обернуться как угодно.

Собор пошел навстречу воле государевой: война продолжится!

Вот только триумфальный ход собора омрачили два неудобных обстоятельства. Во-первых, отсутствовал митрополит Афанасий, который оставил кафедру, сославшись на немощь. Пустующее митрополичье место немо свидетельствовало: нет мира между царем и Церковью. Во-вторых, при завершении собора три сотни дворян приступили к монарху с просьбой отменить опричину. Их коллективная челобитная гласила: «Не достоин сему быти».

Царь пришел в ярость, велел схватить зачинщиков и казнить их. Голов лишились трое лидеров антиопричной оппозиции: князь В. Ф. Рыбин-Пронский, И. М. Карамышев и К. С. Бундов. Возможно, вместе с ними предали смерти и других «активистов» из числа челобитчиков, но тут свидетельства источников менее надежны. Неоспорима казнь всего лишь нескольких лидеров оппозиции. Кое-кто из ближайших сторонников казненной троицы отведal палок, остальных держали под замком несколько дней, а потом отпустили.

Возможно, последствия для них были бы гораздо более тяжкими, но от горших бед челобитчиков спасло появление в Москве митрополичьего преемника. Им стал Филипп, игумен Соловецкой обители. Считанные

недели отделяют его восхождение на митрополичью степень от выступления противников опричнины на соборе.

Филипп прошел долгую монашескую школу в краях суровых и скудных всем, кроме, разве только, иноческого благочестия. Он никогда не жаловал опричнину и при восшествии на митрополичью кафедру резко высказался против нее. Игумен соловецкий потребовал, «чтоб царь и великий князь отставил опришнину. А не отставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитех быти невозможно. А хоши его и поставят в митрополиты, и ему за тем митрополю оставите; и соединил бы воедино, как пре-же того было».

Царь гневался, но вынужден был пойти на уступки. Филипп, став митрополитом, обещал не заниматься опричными делами и монаршим домашним обиходом. Взамен он получил от государя обещание «советовать... как прежние митрополиты советовали».

Иначе говоря, глава Русской церкви опять мог входить к монарху с «печалованием» об опальных, с советом простить их и помиловать. И на первый раз, думается, он посоветовал отнестись к челобитчикам с мягкостью. Кое-кто из них все-таки лишился жизни. Остальные же, всего вероятнее, обязаны ее сохранением отважному митрополиту.

Очевидно, меры, предпринятые государем в области земельной политики, военного дела, а также казни 1565–1566 годов, хотя и немногочисленные, но крепко насторожившие весь военно-служилый класс, вызвали как минимум глухое недовольство. Позднее современник и очевидец главных событий грозненской эпохи напишет: «...всю державу своея, яко секирою, напылы некако разсече. Сим смяте люди вся...» Выступление на Земском соборе 1566 года было чем-то вроде верхушки айсберга: громада недовольства скрывалась под темной водой.

Осенью 1567 года большая русская армия сконцентрировалась, чтобы окончательно разгромить польско-литовские силы на Ливонском театре военных действий. Возглавил ее сам государь Иван Васильевич. Цвет опричнины участвовал в кампании наряду с полками земцев. Войска собрались в районе Ршанского яма и должны были повести наступление на Ригу.

Государь исполнился добрых надежд. Ему казалось, надо полагать, что в великой войне осталось сделать последнее усилие. Что благое предприятие, связанное с усмирением еретиков и присоединением новых земель к православному царству, вот-вот принесет плоды. Но там, где он ждал от опричнины твердости и силы, получил шатание и разброд.

В среде служилой знати возобновились разговоры о возможности «сменить» монарха, благо князь Владимир Андреевич Старицкий, потомок старинных московских государей по прямой линии, жив и здоров. Иностранные источники сообщают о том, что русская знать заключила соглашение (*contract*) с поляками против своего государя. Трудно судить, сложился ли на самом деле аристократический заговор. Однако дипломатические документы того времени донесли до наших дней сведения, позволяющие утвердительно говорить о каких-то переговорах с неприятелем. Поляки предлагали князьям И. Д. Бельскому, И. Ф. Мстиславскому, М. И. Воротынскому и боярину И. П. Федорову перейти на их сторону, причем в некоторых случаях речь шла об отторжении русских земель и о совместных боевых действиях. Что это было? Масштабный военно-политический проект? Или характерная для того времени игра с фальшивыми письмами? Поляки поставили на беспроигрышный вариант: либо удастся «подставить» лучших воевод Ивана IV (а все четверо по странному «совпадению» имели талант тактического или организационного характера), либо кто-то из них (хотя бы один!) согласится с предложенными условиями и сыграет роль суперагента в стане московского государя.

Царь, в распоряжение которого эти послания попали, игру противника раскусил. От имени адресатов он отправляет ответные письма, осыпая врага колкими насмешками. Для Ивана Грозного совокупность «кусательных» посланий в адрес неприятеля составляет прежде всего выигрышную «сцену»: монолог центрального персонажа о гнусности злодеев, ему противостоящих...

Но все ли польские письма перехвачены? Все ли русские адресаты возжелали проявить лояльность к своему государю? Ведь отношения между ним и служилой аристократией оставляли желать лучшего! Несколько княжеских и боярских родов «обязаны» были Ивану Васильевичу казнью своих представителей (Шуйские, Пронские, Горенские, Кубенские, Трубецкие, Кашины, Воронцовы...). Дай те же четыре военачальника, которым враг направил послания, — не возникло ли у них желания, явно «сдав» переписку, в тайне подготовить переворот? Осенью 1567 года польско-литовская армия во главе с королем сосредоточилась в Южной Белоруссии для нанесения контрудара по наступающим русским полкам, но бездействовала. Откуда у поляков появились сведения о готовящемся наступлении в Ливонию? Не было ли у них надежды использовать замешательство в царском лагере, возникшее в результате чаемого переворота, и разбить русскую ударную группировку?

Или отбить Подоцк, где как раз сидел старшим воеводой Иван Петрович Федоров?

Князь Владимир Андреевич предоставил царю список из тридцати знатных людей, склонявшихся к заговору, и, возможно, другие бумаги, способные скомпрометировать их как изменников. Это произошло непосредственно во время военного похода осенью 1567 года.

В середине ноября царь отменяет поход и распускает армию. Он знает о сосредоточении вражеских войск намного южнее — при желании поляки могли устремиться в тыл воинству Ивана IV и даже отрезать его от Москвы. Он видит перед собой список людей если и не вступивших в заговор, то находящихся на полпути к этому. Он извещен о выжидательной тактике противника, так и не предпринявшего никаких наступательных действий. А отменив поход, он узнает, что армия Сигизмунда II Августа тоже отступает. Это подтверждает худшие опасения государя: поляки отказались от военного столкновения, как только выгодная ситуация «рассосалась». Поведение поляков ясно показало: некое лицо или лица в среде военного руководства дали им повод для подобного рода действий и снабдили сведениями о планах русского командования. Заговор это был или просто среди вельмож появился один-единственный иуда, сказать невозможно.

Но только никто никогда *не собирал армий ради бездействия...*

В результате разразилась настоящая буря. Расследование заговора поставило в центр его одного из крупнейших землевладельцев того времени, видного политического деятеля, боярина Ивана Петровича Фёдорова. Его разорили, продержали в опале много месяцев, а потом пригласили к Ивану IV. По велению государя боярин облачился в царские одежды и сел в тронное кресло. Иван Васильевич, глумясь, встал перед ним на колени и спросил, доволен ли он, заняв государево место, получив все, о чем мечтал. А затем воскликнул: «Наслаждайся владычеством, которого жаждал!» Иван IV собственноручно зарезал боярина, а тело его велел протащить с позором по Москве и бросить в навозную яму.

Был ли Иван Петрович Фёдоров изменником? Царь имел основания не доверять ему, однако до наших дней не дошло свидетельств, неопровержимо доказывающих вину воеводы. Нельзя дать ни твердый отрицательный, ни твердый положительный ответ относительно его истинных намерений.

Царь, еще недавно чувствовавший себя на пороге величайшей победы, пребывавший в покое относительно верности своих подданных, вдруг увидел: нет ничего твердого под ногами! Земля опять колеблется! Ему

самому и его семье грозят неведомые опасности. Иван Васильевич подвержен был скорым перепадам чувств. Он сам признавался в том, что несколько раз испытывал сильнейший страх за свою жизнь: например, во время московского бунта 1547 года или, скажем, пять лет спустя под Казанью. Иной раз он проявлял и недюжинную храбрость, бывал под неприятельским обстрелом, совершал походы вглубь вражеской территории... Но всякий раз его поведение оказывалось результатом эмоций — взрывных, мощных, плохо сдерживаемых. Что могло случиться на исходе 1567-го? Очередной эмоциональный взрыв, достаточно сильный, чтобы до основания потрясти душу государя и помрачить ее, вызвал наплыв страстей. Неотвязный страх вызвал не менее ужасный гнев. А гнев явился причиной неистовой жестокости.

«Дело Фёдорова» имело страшные последствия. Кровавый вихрь закружился над Россией и не стихал в течение нескольких месяцев. Жизни человеческие переламывались словно спелые колосья под ударом косы. Доселе опричнина цвела, теперь вызрел плод; по вкусу его узнавалось многое.

Сам царь со свитой и отдельные команды опричников разъезжали по многочисленным владениям Ивана Петровича едва ли не год и всюду устраивали казни, пожары, разорение. Погибли сотни людей, виновных лишь в том, что они состояли на службе у Фёдорова. Только по документированным данным, число жертв составило примерно 400 человек. В связи с «делом Фёдорова» в Москве и «по городом» опричники уничтожили немало высокородных аристократов, в том числе опытного воеводу князя Федора Ивановича Троекурова и боярина князя Андрея Ивановича Катырёва-Ростовского, нескольких представителей боярского рода Шеиных, Колычёвых и Лыковых. Пострадала верхушка приказного аппарата земщины: полетели головы дьяков и казначеев... Тогда же погиб выдающийся военный инженер Иван Григорьевич Выродков.

Репрессии, которыми завершилось расследование «дела Фёдорова», превратили опричнину в аппарат грандиозной террористической деятельности.

«Дел», подобных фёдоровскому, известно несколько. В 1569 году подвергся аресту и был отравлен князь Владимир Андреевич Старицкий. Слишком уж часто недовольные связывали перспективу смены государя с его именем... Вместе с ним погибли от яда его жена и дочь. Умертвили также слуг князя.

Историки не находят убедительных свидетельств существования

реального заговора Старицких. Однако сам Иван IV проявлял в посланиях к Курбскому полную уверенность в его наличии. Царь гневно вопрошал Курбского: «А зачем вы захотели князя Владимира посадить на престол, а меня с детьми погубить? Разве я похитил престол или захватил его через войну и кровопролитие? По Божьему изволению с рождения был я предназначен к царству: и уже не вспомню, как меня отец благословил на государство; на царском престоле и вырос. А князю Владимиру с какой стати следовало быть государем? Он сын четвертого удельного князя. Какие у него достоинства, какие наследственные права быть государем, кроме вашей измены и его глупости?»

В другом месте Иван Васильевич проявляет еще более категоричности, придавая действиям знати, которая, как он полагает, двигала к царскому престолу князя Старицкого, масштаб темных ветхозаветных деяний. По его словам, «так же как однажды в Израиле заговорщики, изменнически и тайно сговорившись с Авимелехом, сыном Гедеона от любовницы, то есть от наложницы, перебили в один день семьдесят сыновей Гедеона, родившихся от его законных жен, и посадили на престол Авимелеха, вы, по собачьему своему изменническому обыкновению, хотели истребить законных царей, достойных царства, и посадить на престол хоть и не сына наложницы, но дальнего царского родственника».

Была ли расправа со Старицкими результатом мнительности Ивана Васильевича и темной работы наушников или же все-таки часть знати оказалась втянутой в неподдельную интригу, направленную к восшествию на престол удельного князя, определить невозможно.

В том же 1569 году действительный изменник Тимофей Тетерин, связанный с главным врагом и публицистическим оппонентом Ивана IV князем А. М. Курбским, помог литовцам взять Изборск. Крепость быстро отбили, однако на гарнизонных приказных людей пало подозрение в измене. В результате их обезглавили.

При любых обстоятельствах размах казней превзошел все мыслимые границы государственной карательной практики. Убийства аристократов сопровождалось ликвидацией их родни и слуг, издевательствами над женщинами, грабежом, ничем не оправданным насилием, злоупотреблениями опричников-администраторов, несправедливым судом. Христианские заповеди были забыты, милосердие пало, низменные страсти руководили государственными людьми в их деятельности.

Святитель Филипп, глава Русской церкви, видя такое кровопролитие, возвысил голос против опричнины.

Житие митрополита Филиппа рассказывает о том, как он пытался уговорить царя отказаться от опричнины: «...нача молити, дабы государь престал от такого неугодного начинания Богу и всему православному христианству. И воспомяну ему Евангельское слово: «Атце царство на ся разделится — запустеет». И ина многа глагола со многими слезами...» Не добившись своего, митрополит позднее обличил воинство опричников публично: «Мы убо, царю, приносим жертву Господеви чисту и бескровну в мирское спасение, а за олтарем неповинно кровь лиется христианская и напрасно умирают!» Он прилюдно отказал царю в благословении, призывая Ивана Васильевича прежде простить «согрешающих» ему.

Открытое антиопричное выступление святителя Филиппа относится к периоду, когда массовый террор уже был инициирован «расследованием» по «делу» И. П. Фёдорова. Митрополита возмущало, помимо всего прочего, одеяние опричников: «черные ризы», высокие «халдейские» шлыки на головах, «тафии»^[67], не снятые во время крестного хода. Его замечания на сей счет вызывали царский гнев.

Царь настоял на свершении суда над митрополитом. Суд производился со значительными нарушениями церковных традиций, канонов и доброй нравственности. Особая «следственная комиссия» работала на Соловках, где Филипп до восшествия на митрополичью кафедру был игуменом; следователи всеми доступными способами — то посулами, то открытым насилием — добывали показания против него. В результате доказательная база обвинения, выдвинутого против митрополита, оказалась основанной на клевете и лжесвидетельствах... Филиппа тем не менее осудили.

Архиерейские одежды были насильно сорваны с него прямо в храме, во время богослужения, и заменены на рваную рясу. Над владыкой открыто глумились. Оказавшись под арестом, Филипп содержался в тяжелых условиях, его сознательно унижали. Некоторые мужественные иерархи противились суду, а когда, под давлением Ивана Васильевича, бывшего митрополита все-таки признали виновным в «порочной жизни», царю не позволили сжечь его. Смертную казнь пришлось заменить ссылкой в тверской Отроч монастырь. Это произошло в ноябре 1568 года.

А в декабре 1569 года инока Филиппа умертвил там опричник Малюта Скуратов. Неизвестно, получил ли он на то особый царский приказ или же совершил акт самовольной расправы. В любом случае он не понес никакого наказания. Более того, в скором времени Малюта удостоился высокого поста «дворового воеводы».

В следующем году по царскому приказу лишились жизни святой Корнилий, архимандрит Псково-Печерский, Митрофан, архимандрит

Печерского Вознесенского монастыря в Нижнем Новгороде, а также Исаак Сумин, архимандрит Солотчинского монастыря на Рязанщине. Они упомянуты в официальных синодиках опальных. Синодики содержат также немало имен «старцев», «иноков», архиерейских приближенных и служилых людей. Некоторые лица духовного звания, вплоть до архиереев, умученные по велению царя, не вошли в синодики, но их гибель подтверждается иными источниками.

Духовный подвиг святого Филиппа показал, что в Церкви того времени были люди, способные пойти на страдание ради веры и любви к Христу.

В течение нескольких месяцев готовился грандиозный карательный поход, целью которого было очистить от «измены» колоссальную область, лежащую к северу — северо-западу от Москвы. Реализация царского замысла оставила России самую глубокую рану из всех, нанесенных опричниной. «Северная экспедиция» стала апогеем террора и породила у западных соседей патологическую боязнь «Московита», ярко отразившуюся в брошюрах и «летучих листках» того времени.

В промежутке от декабря 1569-го до марта 1570 года опричная армия совершила экспедицию по «петле» от Москвы через Клин, Торжок, Тверь, Новгород Великий и Псков — к Старице. Всюду опричные отряды сеяли разорение и убийства. Города подверглись страшному грабежу. Бесстыдного разграбления не избежали и храмы. Государь велел забрать даже колокола по церквям и монастырям. Пленников, размещенных в населенных пунктах по ходу опричной экспедиции — литовцев, полочан и татар, — истребляли. В Новгороде Великом государь остановился надолго, занявшись расправой над богатым посадским населением и распустив команды опричников по новгородским землям. В Москву отправились длинные обозы с нагراбленным имуществом...

Русские летописи и рассказы иностранцев полны кровавых картин новгородского разгрома. Особенно богата ими так называемая Новгородская третья летопись: «Пойде с великою яростию и злобою в Великий Новгород государь царь и великий князь Иоанн Васильевич, всея России самодержец, и пришед, стаха на Городище, за два поприща от Великого Новагорода; и владыку Пимена сведе к Москве, а бояр многих погубил и всяких людей различными муками, многие тысячи погубил. А игумена Антониева монастыря Геласия убил, и многих иных игуменов и иноческого чина многими муками замучил. И колокол у святой Софии благовестник большой снял... в нем же 500 пудов весом, и к Москве свеze в

Слободу Александрову, и йнамнога различного узорочья в церквах Божиих взял, и иконы чудотворные и драгие сосуды священные свезе к Москве».

Новгородское летописание «дарит» некоторые подробности «различных мук», коим оказались подвергнуты горожане. Вот характерные места из летописного текста: забрав казны архиепископа Новгородского Пимена и разграбив городские храмы, включая монастырские, «сам... государь с царевичем [Иваном] поезде на Городище, и приехав, повелел приводить... владычных бояр и иных многих служилых людей, и жен их и детей. И повелел их пред собою... люто и безчеловечно различными муками мучать. И по многих неисповедимых горьких муках повелел государь тела их некоею составною мукою огненною поджигать. И своим детям боярским повелел тех мученых людей за руки и за ноги различно тонкими ужищи привязывать по человеку к саням конским^[68] и быстро влещи за санями на великий Волховский мост и... метать в реку Волхов. А жен их и детей, мужеский пол и женский, младенцы с сущими млекопитаемыми... повелел государь привозить на Волховский мост и возводить на высоту... И вязаху за руки и за ноги... назад, а младенцев к матерям вязаху, и с великой высоты повелел государь метать их в реку Волхов. А иные дети боярские и воинские люди... в малых судах ездяху по Волхову со оружием и с рогатинами, и с копьями, и с топорами, и с баграми, — и кто всплывет наверх воды, и они прихватывая баграми, людей копьями и рогатинами прободающе и топорами секуще, во глубину без милости погружаху...».

Летописец относится к царю как к живому орудию гнева Божия. Наравне с «гладом, мором» или, скажем, «нахождением иноплеменников». Поэтому самые страшные сцены новгородского разгрома на страницах летописи получают истинно христианское, смиренное заключение: «И таково горе и мука бысть от неукротимой ярости царицы, паче же от Божия гнева, грех ради наших...» Но речь идет не об измене — а именно ее Иван Васильевич инкриминировал новгородцам, — нет, летописец уверен, что его город оболгали перед царем злые «наушники». Речь идет о грехах, совершаемых по всякий день всяким христианином, ибо безгрешных христиан нет...

Масштабы псковского разорения не столь велики. По сообщениям ряда источников, как иностранных, так и русских, царя напугали укоризны местного юродивого Николы или Микулы; устрешенный монарх пощадил город.

В связи с новгородским «изменным делом» казнили также крупного военного администратора боярина Василия Дмитриевича Данилова и

несколько человек из его окружения.

Количество жертв «северного похода» исчисляется тысячами. Повествовательные источники сообщают о десятках тысяч, но строго документированные потери составляют около 2500–3000 человек. Все, что было сверх этого, — а сомнений в том, что погибло больше людей, не испытывает никто из историков, — величина гадательная. Но даже 2500 для одного Новгорода — страшная цифра! Если бы всех жителей города построили в одну шеренгу перед стенами и зарубили каждого десятого, результат оказался бы именно таким. Царь подверг город децимации, подобно тому, как в языческом Риме наказывали бежавший с поля боя легион.

Причина нанесения удара именно по Новгороду вызвала у исследователей дискуссию. Еще менее понятны резоны, заставившие Ивана Васильевича придать разгрому северных областей столь чудовищные формы.

По мнению автора этих строк, причина лежит на поверхности. Русский народ того времени, молодой, полный энергии, отличался от будущих поколений, живших в XIX и XX веках. Он был прежде всего намногo «моложе» в цивилизационном отношении. И, следовательно, для русских того времени являлось естественным сопротивляться притеснению; в первую очередь это относилось к любому нарушению церковных устоев и любой репрессии против добродетельного архиерея. Печальная судьба митрополита Филиппа — уже достаточное основание для бунташных настроений. Омерзительное отношение опричников к храмам и их безнравственное поведение могли подтолкнуть к бунтовским настроениям и даже к откровенному вооруженному мятежу.

Некоторые свидетельства источников позволяют предположить, что активное вооруженное сопротивление опричному войску оказывалось. В частности, немец-опричник Генрих Штаден пишет: «[Фёдоров] был вызван на Москву; [здесь] в Москве он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу [Фёдорову]. Села вместе с церквями и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями — были спалены. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур... Великое горе сотворили они по всей земле! *И многие из них были тайно убиты*» (курсив наш. — Д. В.). Историк В. И. Корецкий полагал, что летом 1568 года произошло выступление московского посада, напугавшее Ивана Васильевича. Позднее, во время царского похода в северные земли, в

частности против Новгорода и Пскова, бои с опричными отрядами, по свидетельству того же Штадена, явно имели место. Пискаревский летописец сообщает: «И бысть *ненависть на царя от всех людей*» (курсив наш. — Д. В.).

Страна отстаивала себя, она не желала молча сносить унижения. Новгородчина, весьма вероятно, могла стать очагом наиболее активного сопротивления. Царь нанес удар, стремясь подавить любые искры смуты, которую пришлось облечь понятным и привычным именем «измена».

Если проанализировать маршрут «северного похода», то станет видно, что опричная армия прошла добрую половину земской территории. Видимо, Иван Васильевич задался целью не только подавить волнения, но и провести масштабную акцию устрашения.

Тот же Генрих Штаден оставил воспоминания о годах, проведенных им в Московском государстве. Из этих воспоминаний известно, сколько жестокости увидела древняя Новгородчина во время карательного похода опричников. И как сопротивлялась она.

Штаден, обычный наемник без чести и совести, нимало не стесняясь, передает историю своих бесчинств с гордостью и самолюбованием. Вот яркий отрывок из его повествования. По нему можно увидеть, какая трагедия развернулась на севере России: «Когда великий князь [Иван IV] со своими опричными грабил свою собственную землю, города и деревни, душил и побивал насмерть всех пленных и врагов — вот как это происходило. Было приставлено множество возчиков с лошадьми и санями — свозить в один монастырь, расположенный за городом, все добро, все сундуки и лари из Великого Новгорода. Здесь все сваливалось в кучу и охранялось, чтоб никто ничего не мог унести. Все это должно было быть разделено по справедливости, но этого не было. И когда я это увидел, я решил больше за великим князем не ездить...

Тут начал я брать к себе всякого рода слуг, особенно же тех, которые были наги и босы; одел их. Им это пришлось по вкусу. А дальше я начал свои собственные походы и повел людей назад внутрь страны по другой дороге. За это мои люди оставались верны мне. Всякий раз, когда они забирали кого-нибудь в полон, то расспрашивали чество, где — по монастырям, церквам или подворьям — можно было бы забрать денег и добра, и особенно добрых коней. Если же взятый в плен не хотел добром отвечать, то они пытали его, пока он не признавался. Так добывали они мне деньги и добро.

Как-то однажды мы подошли в одном месте к церкви. Люди мои устремились внутрь и начали грабить, забирали иконы и тому подобные

глупости. А было это неподалеку от двора одного из земских князей, и земских собралось там около 300 человек вооруженных. Эти триста человек гнались за [какими-то] шестью всадниками. В то время только я один был в седле и, не зная [еще] — были ли те шесть человек земские или опричные, стал скликать моих людей из церкви к лошадям. Но тут выяснилось подлинное положение дела: *те шестеро были опричники, которых гнали земские*. Они просили меня о помощи, и я пустился на земских. Когда те увидели, что из церкви двинулось так много народа, они повернули обратно ко двору. Одного из них я тотчас уложил одним выстрелом наповал; [потом] прорвался чрез их толпу и проскочил в ворота. Из окон женской половины на нас посыпались камни. Кликнув с собой моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке. Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей. Когда я поспешил опять во двор, те шестеро опричников упали мне в ноги и воскликнули: «Мы благодарим тебя, господин (Herr). Ты только что избавил нас от смерти. Мы скажем об этом нашему господину, и пусть он донесет великому князю, как рыцарски (ritterlich) держался ты против земских...».

Видно, что для опричных отрядов не существовало святости храмов. Не только дворянство и простой люд, но и Церковь жестоко пострадала от них в ту пору.

Летом 1570 года страшный удар был нанесен по высшему слою приказных людей. Казни проходили публично, в Москве на Поганой луже, и сопровождалась пытками. В них участвовал сам царь, собственноручно пытая и убивая. Именно тогда ушел из жизни известнейший российский дипломат того времени — дьяк Иван Михайлович Висковатый. Он пытался отговорить Ивана Васильевича от продолжения террора, озвучив простой, но верный аргумент: кто же останется у царя для ведения войны и для дел правления?

Известно, что после окончания большого северного опричного похода старые вожди опричнины — князь Афанасий Вяземский и Алексей Басманов-Плещеев также оказались в числе обвиняемых. Их объявили первыми пособниками Пимена, владыки Новгородского; Басманова в 1570 году казнили вместе с родственниками. Вяземский предупреждал Пимена о готовящейся карательной акции. Видимо, и Басманов так или иначе противился кровавому походу. Возможно, и он пытался сообщить

новгородцам о том, какая беда ждет их в ближайшем времени. А может быть, просто попробовал отговорить царя от столь страшного плана.

Кровь, смерти, пытки, застенки — внешняя история опричнины. А была еще и внутренняя. Главным вопросом ее было: кого и на какие должности государь передвинет после того, как старые его соратники «не оправдали доверия»? Так или иначе, в их число входили серьезные командные кадры, опытные управленцы... Те же боярские роды — неотъемлемая часть старомосковской элиты — казались несокрушимой «старой гвардией» опричнины. Но именно они после казней первой половины — середины 1570 года утратили свое влияние. Государь вынудил их потесниться. Если взглянуть на опричнину очами царя в 1570 году, откроется картина, вызывающая острое разочарование. Казни не дают уверенности в отсутствии новых изменников. Дела на фронте не радуют: планы победоносной кампании против литовцев ушли в прошлое, твердо стоят крупные города Северной Прибалтики, и даже крепости помельче готовы сопротивляться русскому продвижению на запад. В такой ситуации самые верные, самые надежные, казалось бы, люди, заласканные царской рукой в предыдущие годы, неожиданно оказываются «пособниками врагов»! Вряд ли в монаршую голову пришла мысль, что мера его «исправительной» жестокости давным-давно вышла за рамки здравого смысла и нравственного чувства. Надо полагать, Иван IV испытал потрясение. Люди-столпы на глазах утратили надежность. Их место в опричном аппарате должны были занять новые фигуры...

Между тем в сочувствии «столпов опричнины» к новгородцам, обреченным на «кровавую купель», видна человечность. Старинное боярство московское да и второстепенные «княжата» вошли в опричнину, чтобы возвыситься; готовы были платить за то высокую цену; но массовая карательная акция показалась им, как видно, ценой уж слишком высокой. Они являлись частью русской элиты, которая в ту пору была плоть от плоти народной. Ну и пожалели своих, русских, православных, уж больно много крови прольется... Страшно!

Происходит настоящий служебный переворот. Старинные боярские семейства уступают в опричнине позиции, и позиции эти занимают... «княжата»! Их доселе не пускали в состав «черного воинства». Да они, надо полагать, и не рвались туда. Но вот из социальной среды, ранее исключенной из опричных кадровых ресурсов, начинают обильно рекрутироваться воеводы и администраторы. Старый порядок рухнул в несколько месяцев. Осенью 1570 года его уже не существовало. «Княжата» во множестве приходят на высокие посты в опричной армии, получают

чины в опричной Думе.

«Большой террор» продлился около четырех лет. Но шрам от этого времени остался на теле Русской цивилизации на века.

После гибели Москвы в пожаре 1571 года^[69] массовый террор сошел на нет. Царь не стал милостивее, он лишь начал считать потери. Очередной «эксперимент» наподобие новгородского грозил оставить его без населения, способного нести тягло и содержать царский двор. Аргумент Висковатого встал в полный рост...

Чем стал «большой террор» для страны? Временем, когда упала ценность человеческой жизни и население получило действенную прививку от уважения к законам. В самом деле: к чему оставаться нравственным человеком, когда кругом грабеж, насилие и убийства, а во главе всей вакханалии — сам государь? К чему «играть по правилам» и соблюдать установления судебныхников, если самая суровая кара может ни за что ни про что обрушиться на случайного человека, а злодей восторжествует в суде? Исследователи русского права утверждают: авторитет суда пал тогда очень низко.

На примере новгородского летописания видно: действия царя воспринимались как мор, засуха или наводнение — «казни» Господни за грехи. К тому времени многие перестали видеть в монархе человека; в нем видели *живое орудие* мистической силы, которому Бог попустил совершение подобных действий.

Ученый дьяк, в отрочестве повидавший картины «опричного театра», оставил рассуждение о царской затее, наполненное печалью и горечью: «От замысла, [исполненного] чрезмерной ярости на своих рабов, он (царь Иван IV. — Д. В.) сделался таким, что возненавидел все города земли своей и в гневе своем разделил единый народ на две половины, сделав как бы двоеверным, — одних приближая, а других отстраняя, оттолкнув их как чужих... всю землю своей державы он, как топором, рассек на две половины... А многих вельмож своего царства, расположенных к нему, перебил, а других изгнал от себя в страны иной веры и вместо них возлюбил приезжающих к нему из окрестных стран, осыпав их большими милостями; некоторых из них посвятил и в свои тайные мысли; другие полюбились ему знанием врачебного искусства и тем, что ложно обещали принести ему здоровье, используя свои знания, — а они, говоря правду, принесли душе его вред, а телу большее нездоровье, а вместе с этим внушили ему и ненависть к своим людям. Вот чему мы много удивимся: и людям со средним умом можно бы понять, что не следует вовеки доверять

своим врагам, — а он, настолько мудрый, был побежден не чем иным, как только слабостью своей совести, так что своею волею вложил свою голову в уста аспиды. Всем противным ему врагам, пришедшим из [других] стран, невозможно было бы и многими силами одолеть его, если бы он сам не отдал себя в их руки. Увы! Все его тайны были в руках варваров, и что они хотели, то с ним и творили; о большем не говорю — он сам себе был изменником. Этим он произвел в своей земле великий раскол, так что все в своих мыслях недоумевали о происходящем; думаю, что он и Бога самого Премилостивого ярость против себя разжег этим разделением... Как волков от овец, отделил он любезных ему от ненавидимых им, дав избранным воинам [опричникам] подобные тьме знаки: всех их он от головы до ног облек в черное одеяние и повелел каждому иметь у себя таких же, как и одежды, коней; всех своих воинов он во всем уподобил бесподобным слугам. Куда они посылались с поручением произвести казнь, там они по виду казались темной ночью и неудержимо быстро носились, свирепствуя: одни не смели не исполнить воли повелителя, а другие работали своей охотой по своей жестокости, суетно обогащаясь, — одним видом они больше, чем страхом смерти, пугали людей».

Чем были годы массовых репрессий для самого царя? Видимо, апогеем его «актерства» в худшем значении этого слова. Он с упоением играл роль сурового, но справедливого правителя, осененного юродской, а значит, Божьей мудростью. Роль, им же самим придуманную. В обстоятельствах 60—70-х годов XVI столетия Россия очень нуждалась в расчетливом дельце на троне, человеке прагматичном до мозга костей и притом искренне и глубоко верующем. Стране требовалось выбраться из трудной ситуации, которую создавала война на несколько фронтов одновременно. А Церковь очень нуждалась в поддержке государя, поскольку должна была заняться христианизацией обширных пространств, замиренных не до конца. Что вместо этого получили Россия и Церковь от Ивана Васильевича? Трагифарс необдуманного реформаторства и кровавую кашу массовых репрессий.

Главный защитник православия принимается сдирать колокола со звонниц. Главный защитник страны грабит собственные города...

Что он сам, лично, получает от этого? Богатства, то есть дополнение к казне? Избавление от врагов очевидных и неявных? Ощущение восстановленной справедливости? Хорошо управляемую воинскую силу?

Может быть. Всего понемногу...

Но прежде всего то, чего был лишен с восьмилетнего возраста: чувство защищенности и всей полноты внимания со стороны окружающих.

Сирота выстроил вокруг себя причудливое здание. В стенах его сироту берегли пуще глаза, в стенах его сироту слушали с неослабным напряжением сил. Из стен его голос сироты звучал на всю Европу, и его слушали, слышали! Даже если внимание, направленное к сироте, дышало злобой, досадой, болью, всё равно лучше так, чем никакого внимания.

Сколько копий сломано за 200 лет, со времен Николая Михайловича Карамзина, в спорах об опричнине и «грозе» царя Ивана Васильевича! И чем дальше, тем больше утверждается в российской публицистике, а за ней, к сожалению, и в академической науке скверная тенденция: выстраивать факты русской истории XVI столетия исходя из политических пристрастий людей Нового времени. Грубо говоря, само существование «большого террора» Ивана Грозного, истоки его и смысл трактуются с точки зрения устоявшихся стереотипов. Носитель подобного стереотипа чаще всего не пытается вникнуть в источники, самостоятельно проанализировать события, он просто приводит пример: вот, дескать, как ужасно (или как прекрасно), что Иван IV выкосил цвет (очистил страну от) лучших людей нации, гуманистов и демократов (подлых изменников, предателей и вероотступников). Такой способ мышления говорит об одном: человек намертво приковал себя к мировоззренческой баррикаде и уже не мыслит себя вне баррикадной борьбы. Да — нет, черное — белое, друзья — враги: никаких полутонов, никакой глубины, никакой сложности! Порой создается впечатление, что истина не нужна ни одной из борющихся сторон.

Но стоит всё же разобраться с этой болезненной и страшной темой, стоит докопаться до того, происходили ли при Иване IV массовые репрессии или нет. А если происходили, то насколько они оправданны и почему их сочли приемлемым способом решать политические проблемы. Особенно важно последнее: отчего этот инструмент мог оказаться востребованным в практике государственного строительства?

Прежде всего, ответ на первый вопрос, к сожалению, — положительный. Да, масштабный правительственный террор при Иване IV был, и пик его приходится на годы опричнины. Казнили и до того, и после, но столь значительной вспышки казней на всем пространстве длительного правления Ивана Васильевича не отыскать.

Чаще всего, говоря об этой череде казней, приводят данные иностранных источников: посланий и записок немцев Таубе и Крузе, Шлихтинга, Штадена, Гваньини, Стрыйковского, Одерборна и так далее. Источники эти очень отличаются друг от друга и по уровню достоверности,

и по уровню информационной ценности. Те же Таубе и Крузе неоднократно были пойманы на лжи и просто слабой информированности, это источник до крайности ненадежный. А вот редкий мерзавец, насильник, грабитель и выдающийся корыстолюбец Генрих Штаден довольно точен в своем изложении. Стыда не имея, он со всей откровенностью повествует о своих и чужих мерзостях.

Нельзя огульно объявить: все иностранцы врут о России! Иностранцы XVI века отзываются о нашей стране и нашем народе очень по-разному. Англичанин Ричард Ченслор, например, говорит о Московском государстве немало лестных слов, а те же поляки, главный наш враг среди европейских народов, порою сквозь зубы цедят: крепко дрался москвит... Да и среди немцев есть авторы, писавшие непредвзято.

Но, допустим, если бы сведения современного историка о массовых репрессиях грозненского времени извлекались исключительно из высказываний иностранцев, он мог бы усомниться: отчего же русские источники молчат?

А русские документы отнюдь не молчат.

Во-первых, в начале 1580-х появились обширные синодики, рассылавшиеся в монастыри для поминовения тех, кто подвергся казни или просто бессудной расправе по воле государя^[70]. Именно они составляют наиболее серьезную документальную основу, по которой можно судить о размахе государственного террора. Они не полны, и по другим источникам — летописным, документальным, иным — исследователи нередко обнаруживали погибших, чьи имена не зафиксированы в синодиках. И тут нет никакого умысла к «фальсификации»: кого-то туда не внесли, поскольку его гибель не была следствием царского приказа, а кого-то позабыли за давностью лет — от казни до составления синодика могло пройти более полутора десятилетий, где тут упомянуть каждого! Многие документы, связанные с карательной деятельностью, могли быть просто утеряны или пострадать от большого московского пожара 1571 года.

Во-вторых, большое количество жертв подтверждается и летописными памятниками: Пискаревским летописцем, некоторыми новгородскими и псковскими летописями. Официальная царская летопись никаких сведений не сообщает, поскольку она обрывается на 1567 годе. За предыдущий период она не скрывает казней, но их относительно немного, и от эпических масштабов более позднего террора они бесконечно далеки.

Массовый террор начался зимой 1567/68 года, не ранее. В синодиках собраны сведения о 369 жертвах террора за его начальный период — с зимних месяцев по лето 1568 года.

Иностранные источники эти данные подтверждают. «Послание» И. Таубе и Э. Крузе, записки А. Шлихтинга и Г. Штадена текстуально не зависят друг от друга, но одни и те же факты повторяются в них, полностью соответствуя сведениям русских источников. Поэтому нет никаких оснований отрицать массовые опричные репрессии 1568 года.

Позднее репрессии шли «волнами», у них было несколько пиков. Один из них приходится на зиму 1569/70 года, когда опричный корпус участвовал в карательном походе на Северную Русь. Другой — на лето 1570 года, когда проводились многочисленные публичные казни в Москве.

Нет резона давать подробные цитаты из источников по поводу каждой «волны» казней: все эти источники давно опубликованы и хорошо известны. Пожалуй, стоит лишь продемонстрировать, сколь велики совпадения в памятниках разного происхождения, то есть текстуально не зависящих друг от друга.

Вот скудные строки Пискаревского летописца: «Положил царь и великий князь опалу на многих людей и повеле их казнити розными казнями на Поганой луже. Поставиша стол, а на нем всякое оружие: топоры и сабли, и копия, ножи да котел на огне. А сам царь выехал, вооружася в доспехе и в шоломе и с копием, и повеле казнити дияка Ивана Висковатого по суставам резати, а Никиту Фуникова, дияка же, варом обварити; а иных многих розными муками казниша. И всех 120 человек убиша грех ради наших». Иностранные источники указывают разное количество казненных 25 июля 1570 года: от 109 до 130 человек. Синодик опальных, по разным подсчетам, свидетельствует о казни 125–130 человек.

Различие, как можно увидеть, невелико. Следовательно, факты, скорее всего, изложены точно: более ста человек были истреблены за один день и при большом стечении народа.

Москвичи не видели такого никогда, от основания города. Бывало, прилюдно казнили одного или нескольких человек. Порой, к изумлению горожан, лишалась головы весьма знатная персона. Например, при Дмитрии Донском казнили Ивана Вельяминова из рода московских тысяцких. Во времена Василия Темного несколько дворян-заговорщиков поплатились жизнями за преступные намерения. Иван Великий повелел спалить немногих еретиков. Но за все 400 лет своего существования великий город не удостаивался столь страшной резни, какая случилась летом 1570-го!

Синодики дают документированный минимум жертв государственных репрессий грозненской эпохи. Если присоединить к их данным достоверные сведения из других источников, *итоговое количество*

получится примерно четыре — пять тысяч жертв.

Реальное же количество тех, кто пострадал от грозненских казней, больше. Но насколько больше — на 500 человек или на пять тысяч, определить невозможно. А потому нет никакого смысла строить фантастические гипотезы: все равно нет способа доказать их.

Теперь стоит задуматься, сколь велико названное число — четыре-пять тысяч строго документированных жертв — для средневековой России. Мало это или много?

Если применять мерки XXI века, то количество жертв грозненских репрессий впечатлить не может — после якобинского террора, после колониальных войн, после геноцида армян, после гражданских войн в России и Испании, после зверств британцев в Ирландии, после двух мировых войн, после концлагерей, после Хиросимы, после бомбардировок Сербии... Куда там русскому XVI веку! Массовые казни грозненского времени — детская забава по сравнению с «человечным» XX столетием.

Но в эпоху Святой Руси к казням относились иначе.

Последние несколько столетий — время повсеместного развращения человеческой натуры. Время, когда всё более гнусная подлость оказывается разрешенной. Как минимум не осуждаемой. Скверна разных сортов, позволительная для современного государства и даже порой выдаваемая им за доблесть, была делом немыслимым для эпохи, погруженной в христианство.

В интеллигентской среде вот уже третий век циркулируют мифы о «извечном» деспотизме русского государственного строя и о его же «извечной» свирепости. Несколько поколений русских людей с удивительной неразборчивостью приняли их на веру.

Между тем никакой «вечной», «постоянной», «изначально присущей» склонности к террору в русской политической культуре не существовало.

Конечно же, совершались казни по политическим мотивам. Конечно же, случалось так, что в распоряжении палача оказывались сразу несколько человек. Такое происходило и в XV веке, и в начале XVI. У нас (по древней византийской традиции) ослепляли политических противников, держали их в заточении, терзали тяжкими кандалами, отправляли на плаху... Например, осенью 1537 года регентша Елена Глинская повесила три десятка новгородцев — за открытое участие в мятеже князя Андрея Старицкого.

Всё это так. Политическая борьба на Руси отнюдь не принимала благодетельных розовых оттенков.

Но.

Если спускаться от времен Ивана Грозного век за веком в колодезь времен, то чем дальше, тем яснее становится: Русь на протяжении нескольких веков *не знала массовых репрессий*. Нельзя сказать, что они находились на периферии политической культуры. Нет, неверно. Массовые репрессии пребывали за ее пределами. Они просто не допускались.

Никакая «азиатчина», «татарщина» и тому подобное не принесли на русские земли пристрастия к такого рода действиям. Русь знала Орду с середины XIII века. Но свирепости у Орды не научилась. На войне, в бою, в запале, в только что взятом городе, когда ратники еще разгорячены недавнею сечей, — случалось разное. Крови хватало. А вот по суду или даже в результате бессудной расправы, связанной с каким-нибудь «внутренним делом»... нет. Никаких признаков масштабного государственного террора.

Вот удивительный для наших современников и приятный для национального самосознания факт: террор был глубоко чужд русскому обществу и во времена Батыевы, и при святом Сергии Радонежском, и на заре существования единого Московского государства. Иван Великий и Василий III мысли не допускали, что позволительно решать политические проблемы подобным образом.

Можно твердо назвать дату, когда массовые репрессии вошли в политический быт России. Это первая половина 1568 года. И ввел их не кто иной, как государь Иван Васильевич.

Его современники, его подданные были смертно изумлены невиданным доселе зрелищем: слуги монаршие убивают несколько сотен виноватых и безвинных людей, в том числе детей и женщин! Несколько сотен. На тысячи счет пойдет зимой 1569/70 года. А пока — сотни. Но и это выглядело как нечто невероятное, непредставимое. Царь устроил настоящую революцию в русской политике, повелев уничтожать людей в таких количествах...

Для XVI века не четыре тысячи, и даже не 400, а всего лишь 100 жертв репрессий и то было бы — *слишком много*. Далеко за рамками общественной нормы.

Но почему на Русь пришло такое «новшество»?

Неужели государь Иван Грозный боролся с такими заговорами и решал такие проблемы, перед которыми изощренный ум его деда Ивана Великого спасовал бы? А ведь тому приходилось создавать Россию из крошева удельных владений, преодолевая враждебность воинственных соседей и нелады в собственном семействе! Но дед обходился без массовых казней и завещал преемникам колоссальное процветающее государство. А у внука

почему-то не получилось. Даже если допустить, что все заговоры, коих коснулось каленое железо террора при Иване IV, действительно существовали, даже если убедить себя в более значительном их объеме, нежели во времена его великого деда, все равно останутся вопросы. Например, такой: заговорщической деятельностью могли заниматься высокородная аристократия, дворянство... может быть, богатое купечество. Но казнили-то еще и священников, монахов, крестьян в далеких северных деревнях, женщин, детей — эти-то и слыхом не слыхивали о господских пакостных затеях, если таковые существовали! Так зачем их убили?

Может быть, всему виной какое-то душевное расстройство государя? Нашлось немало желающих, не видя «пациента», сквозь мглу веков прозревать высокоученым оком его умственные хвори. Одни ученые, например П. И. Ковалевский, ставили первому русскому царю психиатрические диагнозы, другие — например С. Ф. Платонов, едко проходились по поводу их беспочвенности. Вряд ли, вряд ли безумец мог водить армии, вести дипломатические переговоры, создавать литературные сочинения и каяться в грехах... Нет, не видно сумасшествия в государе Иване Васильевиче.

Дело в другом. Он нарушил прежнюю общественную норму и воздвиг новую, доселе небывалую на Руси.

Словно кто-то или что-то дало ему разрешение: раньше было нельзя, а теперь — можно! Словно не он первый обретал роль державного старшины в палаческом цехе...

Но если не он — кто же еще? Кто мог подать такой пример? В династии московских Даниловичей-Калитичей — никто. Ни один московский правитель до Ивана Грозного на подобное не решался.

Однако... пример мог возникнуть не из прошлого, а из настоящего.

Поневоле возникает почва для вопроса: а не стало ли это государево нововведение результатом западноевропейского «импорта»? Политическая культура Западной Европы XVI столетия отличалась гораздо большей жестокостью, нежели русская. Масштабное пролитие крови стало для европейцев приемлемым из-за грандиозных столкновений на религиозной почве.

Эрозия христианских ценностей, нравственное падение папства, бешеный напор гуситов, а потом и Реформация, начавшая свой разбег с Германии, резко снизили ценность человеческой жизни. Самые кровавые, самые безжалостные войны Европа вела сама с собой, внутри собственного цивилизационного организма, на почве шириющегося религиозного раскола. Как только пошатнулась добрая громада христианства, доселе оберегавшая

европейский социум от падения в новое варварство, сейчас же кровь полилась широким потоком.

Торквемада появился на политических подмостках Европы задолго до Ивана Грозного. Аутодафе, начавшиеся в 1481 году, всего за несколько месяцев перевели сотни людей из земного бытия в загробное. В специальной литературе чаще всего фигурирует «стартовая» цифра в 298 казненных. Вполне сравнимо с 369 казненными в первые месяцы массовых репрессий при Иване IV. Вот только случилось все это почти на столетие раньше, чем в России.

За десятилетие до опричнины королева Мария Тюдор принялась массами жечь протестантов на землях «просвещенной» Англии. Историки чаще всего пишут приблизительно о трехстах уморенных «за веру» в ее правление. Впрочем, подсчеты расходятся. Как на грех, именно в середине 1550-х между Московским государством и королевством Английским были установлены дипломатические отношения. Экспедиция Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслора добралась до русских берегов. Торговая компания англичан быстро утвердилась в нашей столице. Москва с интересом знакомилась со свежим политическим опытом недавно обретенных союзников...

Кровопролитные войны между католиками и гугенотами во Франции начались *до того*, как у нас появилась опричнина. Боевые действия шли на протяжении многих лет и сопровождались характерными инцидентами, например знаменитым побоищем в Васси. Весной 1562 года герцог Франсуа Гиз, ревностный католик, подверг безжалостной резне протестантскую общину.

Расправы шведского короля Эрика XIV над собственными подданными, особенно же аристократией, относятся к 1560-м годам, то есть они по времени фактически параллельны опричнине... но все же производились *чуть раньше* того самого грозненского «срыва» 1568 года. Впрочем, и у Эрика имелись чудесные «учителя»: в 1520 году датчане устроили в Стокгольме «кровавую баню», публично перебив сотню шведских дворян.

Вооруженные бесчинства нидерландских иконоборцев относятся к 1566 году. Накануне, так сказать... Ответные зверства герцога Альбы в тех же Нидерландах начались во второй половине 1567 года. Впритык! За годы карательной деятельности Альбы в Нидерландах список его жертв далеко превысил число казненных, известное по грозненским синодикам.

Хотелось бы подчеркнуть: ни о Варфоломеевской ночи, разом многократно превысившей количество жертв грозненского террора, ни о

«мишелядах» — массовом убиении католиков «бедными овечками» гугенотами за три года до Варфоломеевской ночи — здесь не говорится. И то и другое произошло *после того*, как в Московском государстве начались массовые репрессии. Но как много иных примеров большой крови, пролитой в Европе до опричнины! И далеко не все они приводятся, список выглядел бы слишком громоздко. Варфоломеевская ночь не понадобилась России в качестве дурного примера. Другого просвещенного душегубства хватило с избытком.

О, у государя Ивана Васильевича были отличные «наставники». Российская дипломатия, связывавшая царский престол со множеством престолов европейских, приносила Ивану IV ценные сведения о тамошних политических «новинках».

Похоже, Западная Европа вознамерилась преподнести Европе Восточной урок: убивайте! Убивайте больше! Защищайте так, чтобы никогда и ничто не зашевелилось на этом месте! Не стесняйтесь количеством жертв! Забудьте о заповеди «Не убий!». Преодолейте ее в себе! Бог потом разберется, были среди пострадавших невинные или нет.

У нас, в России, этот урок оказался, по всей видимости, воспринят как руководство к действию. Русская политическая культура оказалась инфицированной. Вирус массовых казней вошел в нее, жил и действовал в ней с разной интенсивностью до совсем недавнего времени. Если Московское государство с легкой руки первого русского царя действительно заимствовало практику массовых политических репрессий у Европы, то это был опыт, требовавшийся Русской цивилизации меньше всего.

СЛОБОДСКОЙ ОРДЕН

К годам опричнины относятся известия о странном мистическом ордене, основанном царем из опричной «гвардии».

Иван IV образовал из опричного ополчения нечто вроде религиозного братства. В него вошли около пятисот человек, по словам немцев-опричников Таубе и Крузе, впоследствии изменивших Ивану IV, «молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней».

Опричное братство оценивали очень по-разному. То видели в нем самую благородную форму служения царю, то подражание католическому духовно-рыцарскому ордену^[71], то какую-то дикую насмешку над православным монашеством. До сих пор на сей счет идут споры. Важно понимать: об этом странном учреждении рассказывает одно-единственное письмо XVI века, составленное двумя предателями. Что правда в их свидетельстве, а что ложь, разобраться чрезвычайно трудно, порой и просто невозможно. К сожалению, ничего лучшего в распоряжении историка нет.

Время от времени Таубе и Крузе ловили на откровенном вранье, поэтому вполне доверять их словам нельзя. Но и сбрасывать их со счетов тоже нет причины.

Сделав необходимые оговорки, остается воспроизвести описание Слободского «братства» из послания Таубе и Крузе: «Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний. Из последующего видно, каковы были причины и основание этого братства. Прежде всего монастырь или место, где это братство было основано, был ни в каком ином месте, как в Александровской слободе, где большая часть опричников, за исключением тех, которые были посланцами или несли судейскую службу в Москве, имели свое местопребывание. Сам он (Иван IV. — Д. В.) был игуменом, князь Афанасий Вяземский — келарем, Малюта Скуратов — пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он сам вместе со своими сыновьями и пономарем. Рано утром... должны были все братья быть в церкви; все не явившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, все равно, высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к 8 дням епитимьи. В этом собрании поет он сам со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда

пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят. Каждый брат должен приносить кружки, сосуды и блюда к столу, и каждому подается еда и питье, очень дорогое и состоящее из вина и меда, и что не может съесть и выпить, он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим, и, как большей частью случалось, это приносилось домой. Когда трапеза закончена, идет сам игумен ко столу. После того как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенки, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытаться или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость. И есть свидетельство, что никогда не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях и пытках до восьми часов. И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую, или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву... После этого идет он ко сну в спальню, где находятся три приставленных к нему слепых старика; как только он ложится в постель, они начинают рассказывать ему старинные истории, сказки и фантазии, одну за другой. Такие речи, согласно его природе или постоянному упражнению, вызывают его ко сну, длящемуся не позже, чем до 12 часов ночи. Затем появляется он тотчас же в колокольне и в церкви со всеми своими братьями, где остается до трех часов, и так поступает он ежедневно по будням и праздникам. Что касается до светских дел, смертоубийств и прочих тиранств и вообще всего его управления, то отдает он приказания в церкви. Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями. Все, что приходило ему в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви; и те, кого он приказывает казнить, должны прибыть как можно скорее, и он дает письменное приказание, в котором указывается, каким образом они должны быть растерзаны и казнены; этому приказанию никто не противится, но все, наоборот, считают за счастье милость, святое и благое дело выполнить его... Все братья и он прежде всего должны носить длинные черные монашеские посохи с острыми наконечниками... а также длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть...»

Так много написано об этом сообществе! Одни историки ужасались, взирая на него, другие восхищались: вот, мол, лучшее средство от измен! Для кого-то оно выглядит зловеще, для кого-то — прекрасно, а для кого

даже романтически.

А правда-то проста и некрасива: непонятно, где тут выдумка, а где правда. Два немца, сбежавших с русской службы, сперва сами участвовали в опричных делах, а потом живописуют их ужасы. И чувствуется, что они, создавая свое описание Ордена в Александровской слободе, то и дело прищипоривали фантазию.

Самое важное, что надо знать о Слободском ордене, — он существовал совсем недолго. Царствование Ивана Грозного занимает 37 лет. Опричнина — всего лишь семь лет. Она представляет собой эпизод в истории жизни и судьбы Ивана Васильевича, пусть яркий, трагический эпизод. А существование Слободского ордена — эпизод в эпизоде.

Вся история странного Слободского братства, скорее всего, насчитывает несколько месяцев, а то и недель. Ведь Иван Васильевич провел значительную часть того периода в разъездах: бывал подолгу в Москве, ездил по вотчинам И. П. Фёдорова, занимаясь их разгромом, несколько месяцев провел в походе на Новгород и другие северные области, принимал опричный военный смотр в Старице, выезжал на юг «по крымским вестям». Что же остается? Твердо можно говорить о нескольких месяцах в середине 1569 года (до Новгородского похода), а также промежутке от марта — апреля 1570-го до середины мая 1571 года. По всей видимости, именно тогда, между 1569 и 1571 годами и существовал Слободской орден. Самое большее, полтора года, но более вероятно, как уже говорилось, — всего лишь несколько месяцев.

Не столь уж много.

Видимо, для царя Ивана Васильевича «орденская» затея не являлась чем-то насущно важным. Она стала очередной «театральной постановкой», чуть ли не игрушкой, и скоро сделалась ненужной под давлением обстоятельств настоящей большой политики.

ОПРИЧНАЯ АРМИЯ

Был ли «большой террор» оправдан какими-либо успехами государства? Ясно, что опричная реформа стоила стране чрезвычайно дорого. Гораздо сложнее вопрос: достигла ли она своих целей в той сфере, которая ее породила, — военной? Выполнила ли новая, опричная армия свою главную задачу — переломить ход Ливонской войны?

Нет, ничего подобного.

Стоит со вниманием присмотреться к причинам неудачи опричного «проекта» в этой ключевой сфере.

Что принесла опричина русской армии? Прежде всего, произошел «перебор» основного состава высших воевод.

Показательна расстановка на воеводские должности в действующей полевой армии опричников. Хотелось бы напомнить, как беглый князь Андрей Михайлович Курбский в послании Ивану Васильевичу вопрошал: «Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах Божьих пролил... Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, а у них же прежде в рабстве были предки наши? Не отданы ли тебе Богом крепости немецкие благодаря мудрости их? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас и со всеми близкими нашими?» В третьем послании та же тема выражена предельно ясно и концентрированно: «Лютость твоей власти погубила... многих воевод и полководцев, благородных и знатных, и прославленных делами и мудростью, с молодых ногтей искушенных в военном деле и в руководстве войсками, и всем ведомых мужей — все, что есть лучшее и надежнее в битвах для победы над врагами, — ты предал различным казням и целыми семьями погубил без суда и без повода... И, погрязнув в подобных злодеяниях и кровопролитии, посылаешь на чужие стены и под стены чужих крепостей великую армию христианскую без опытных и всем ведомых полководцев, не имеющую к тому же мудрого и храброго предводителя или гетмана великого, что бывает для войска особенно губительно и мору подобно, то есть, короче говоря, — без людей идешь, с овцами и с зайцами, не имеющими доброго пастыря и страшющимися даже гонимого ветром листика, как и в прежнем послании я писал тебе о каликах твоих, которых ты бесстыдно пытаешься превратить в воеводишек взамен тех храбрых и достойных мужей, которые истреблены и

изгнаны тобою». Таким образом, опальный князь обвиняет царя в том, что тот, истребив командирский корпус, фактически лишил армию лучших воевод.

Между тем сам Иван Грозный более оптимистично смотрел на эту проблему.

Полемизируя с Курбским, писавшим об истреблении «сильных во Израиле», он демонстрирует уверенность и в своей правоте, и в работоспособном состоянии командирского корпуса: «...Сильных во Израиле мы не убивали, и не знаю я, кто это сильнейший во Израиле, потому что Русская земля держится Божьим милосердием, и милостью пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и благословением наших родителей, и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, а тем более не ипатами и стратигами. Не предавали мы своих воевод различным смертям, а с Божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников. А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить».

И в годы опричнины, и после ее отмены московская армия регулярно совершала крупные операции — главным образом наступательные — на западе и северо-западе, а также оборонительные на юге. Всякий раз с началом новой операции требовалось поставить с десятков и более того воевод в полки. Их, разумеется, назначали: имена этих людей дошли до нас в официальных документах — «разрядах». И если анализировать их социальный состав, то выяснится, что в подавляющем большинстве случаев это были... все те же служилые аристократы (но не «княжата»). Провинциальных дворян в командирский корпус добавилось совсем немного. Дворян московских — тоже не столь уж большое количество. Художественная литература многим привила неадекватное восприятие военной стороны опричнины: царь будто бы дал возможность представителям низшей ступени в иерархии военно-служилого класса проявить себя на воеводских должностях. Энергичные дворяне будто бы заменили в полках «ленивых богатын», жирных бояр! Да ничего подобного. Правда состоит в том, что русское армейское командование в опричные и постопричные годы стало всего лишь... *несколько менее аристократичным* — за счет включения в него нескольких родов второстепенной знати и нескольких дворянских. Опричное войско представляло собой ударные отряды из поместной конницы, одновременно служившей для охраны государевой особы и для участия в обычных боевых действиях. Нет ни малейших сведений, что на уровне тактики, вооружения, походного снаряжения опричная армия сколько-нибудь отличалась от земской.

Но она *управлялась по-другому*, и в этом все дело.

Русская военная система, унаследованная государем Иваном IV от своего отца, Василия III, и деда, Ивана III, имела исключительно сложное устройство. Высшие воеводские посты могли занимать лишь знатнейшие люди, и государь был очень ограничен в выборе этих людей. Фактически он не имел власти самостоятельно определить кадры «генералитета». Только когда прежний, аристократический, «генералитет» проявил явную слабость на театре военных действий, царь наконец начинает свой «исторический эксперимент»: вырывает из страны и военно-служилого сословия фрагмент, чтобы в рамках этого фрагмента создать более простую, более управляемую и в конечном итоге более эффективную систему. Набирает для нее людей, не имеющих столь высокого социального статуса, как величайшие семейства «княжат», а значит, по идее, в большей степени зависимых от престола. Наделяет себя неограниченной властью над этим войском, а само войско — неограниченной властью над страной.

Система действительно оказалась намного проще предыдущей, сохраненной в земщине. Да и более управляемой, хотя и не настолько, насколько рассчитывал Иван IV. Но только — вот беда! — эффективность ее оказалась невелика. За опричными боевыми формированиями числится только одна самостоятельная, вне взаимодействия с земскими войсками, победа над неприятелем: в 1570 году великий полководец князь Д. И. Хворостинин разгромил крымцев под Зарайском. Добавить нечего.

Опричное войско годилось для охранных целей и было незаменимым инструментом репрессий. Но в войнах с Крымом, Швецией и Речью Посполитой оно оказалось слабым подспорьем.

Государь искал способ добиться решающей победы в Ливонии. Опричной армии дали командный состав, всецело пользовавшийся доверием Ивана Васильевича. Надо полагать, царь уверен был в способности опричной военной машины обеспечить стратегический перелом. Западный театр военных действий интересовал монарха в первую очередь. Иван IV направлял туда новые и новые силы, даже если приходилось ставить в рискованное положение степной юг. В результате Ливония сыграла роль колоссальной топки, куда русских воинских людей подбрасывали большой лопатой, будто уголек. И этот уголек исправно горел. Казалось, наверное, — людской ресурс неисчерпаем. В итоге он под занавес великой войны выгорит. Возмещать потери станет некем.

Зря 1570-х — время в военном отношении еще относительно благополучное, но к концу этого десятилетия боевой потенциал русской армии истощится.

Летом 1570 года русское войско, усиленное отрядами ливонского короля Магнуса^[72], союзника Ивана IV, осадило Таллин (Ревель). В распоряжении воевод были отличная артиллерия и крупные полки. Однако и город оказывал упорное сопротивление. Через два месяца после начала осады из России подошло подкрепление — опричный корпус. Его присутствие в осаждающей армии дало эффект, прямо противоположный ожидавшемуся. В хронике таллинского пастора Бальтазара Рюссова, в частности, сообщается: «Этот отряд гораздо ужаснее и сильнее свирепствовал, чем предыдущие, убивая, грабя и сжигая. Они бесчеловечно умертвили много дворян и простого народу». В итоге решимость защитников города лишь возросла, а мирные переговоры с ними потеряли всякий смысл. Проведя всю зиму под стенами неприступной крепости, русские полки в марте 1571 года вынуждены были отступить.

Воеводы, виновные в срыве Ревельской операции, под арестом отправились в Москву.

Тогда же немец-опричник Таубе пытается поднять мятеж в Юрьеве-Ливонском.

Итак, опричнина, любимое детище царя, оказывается бессильной и небоеспособной на полях сражений в Ливонии. *Столько расходов, столько крови, столько социального напряжения, а система, созданная в результате всех этих усилий, в решающий час не сработала.*

Проводя аналогии с современностью, Ивана IV можно сравнить с учредителем большой компании, в которой директорат прибрал к рукам слишком много власти и стал почти неподконтрольным. Прибыли резко упали. Учредитель набирает новую команду — молодых, энергичных, подающих надежды людей. Заменяет ею часть команды старой. Увольняет, кого можно уволить. Сажает в тюрьму тех, кто, по его мнению, активно сопротивляется и нарывается на особый урок. Меняет уставные документы. Всё отлично? Всё подконтрольно? Всё заработало? Хм, почему-то прибыль не растет... О! Зато как подскочили расходы! Похоже, затея не принесла успеха...

В этот момент на Ивана Васильевича обрушивается новое разочарование — тяжелее прежнего.

БОРЬБА С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ ПОБЕДА ПРИ МОЛОДЯХ

Присоединение Казани и Астрахани к России сделало Крымское ханство ее непримиримым противником. На южных рубежах России постоянно ведутся войны. Московским воеводам удавалось время от времени добиться серьезных успехов в борьбе с крымцами. В 1555 году после долгого и тяжелого сражения при Судбищах крымцы не решились идти против основных сил русских и отступили. Позднее уже русские военачальники добирались до самого Крыма. Во второй половине 1550-х сильные удары крымцам нанесли: сначала литовско-русский магнат князь Дмитрий Вишневецкий, а затем царский воевода Даниил Адашев, родной брат Алексея Адашева.

Однако сил для покорения южных степных районов и тем более Крымского ханства явно не хватало.

С конца 50-х годов XVI века, после переноса основных военных усилий в Ливонию, южным рубежам стали уделять меньше внимания. Затормозилось строительство новых городов и оборонительных линий. Дипломатическими средствами добиться мира на юге России также не удавалось.

В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей явился на южные «украины» Московского государства с большим войском и полный решимости разорить страну. Между тем Москва равноценных сил выставить в поле не могла: значительная часть русских войск занята была в Ливонии, да и поредели полки Ивана IV после многолетней войны на два фронта. К тому же Московское государство оказалось ослаблено: страну терзало моровое поветрие, два года засухи привели к массовому голоду. Людей, которых можно поставить в строй, катастрофически не хватало...

Более того, действия наличных сил трудно было координировать: командование-то делилось на опричное и земское. Общего командования не существовало.

С русской стороны к татарам перебегают дети боярские, напуганные размахом опричных репрессий. И один из перебежчиков показывает крымцам дорогу в обход оборонительных позиций русской армии. Другой сообщает, сколь малы силы, противостоящие хану. «На Москве и во всех городах, — говорит он хану, — по два года была меженина^[73] великая и

мор великий, и межениною и мором воинские люди и чернь вымерли, а иных многих людей государь казнил в своей опале, а государь де живет в Слободе, а воинские люди в немцах. А против де тебя в собрание людей нет».

Девлет-Гирей переходит под Кромами реку вброд, обходит правый фланг русской армии и, сбивая малые заслоны, стремительно движется к Москве. Опричным отрядам не удастся затормозить его наступление. К сожалению, правы оказались перебежчики: растянуть оборонительный щит для прикрытия флангов не удастся, поскольку растягивать попросту нечего: резервы отсутствуют.

В ту несчастную весну все идет неудачно, все не работает, все происходит не по плану. Иван Васильевич испытывает настоящее потрясение. В 1552 году под Казанью он боялся по милости собственных воевод попасть к неприятелю в руки. Теперь старые его страхи оживают и материализуются. Неожиданно для Ивана IV татары оказываются в непосредственной близости от его ставки. Никто не привел государю «языка». Никто не позаботился о ведении сторожевой службы. Прежде всего, допустили странное легкомыслие командиры Передового и Сторожевого полков, на которые возлагались обязанности авангардных частей армии. Опричные воеводы проходят мимо царя с полками в растерянности, не зная, что предпринять. Иван IV опасается, как бы кто-нибудь не взял его коня под уздцы и не привел его вместе с всадником к Девлет-Гирею. Отступление кажется государю наименьшей из бед. Так и раньше поступали многие князья Московского дома, застигнутые татарским набегом врасплох.

Царь с частью опричного корпуса отступает к Москве, оттуда к Александровской слободе, а из слободы — в Ростов.

В отсутствие опричной армии земские воеводы попытались организовать оборону столицы. Им удалось собрать полки под Москвой незадолго до подхода Девлет-Гирея. Во главе земской рати стояли опытные и храбрые военачальники: князь Иван Дмитриевич Бельский (старший из воевод), князь Иван Федорович Мстиславский и князь Михаил Иванович Воротынский. Остатками опричного корпуса под Москвой руководил князь Василий Иванович Темкин-Ростовский. Казалось, положение города небезнадежно. Бельский контратаковал и добился успеха. К сожалению, во время атаки на татарское войско главнокомандующий получил ранение. Он был отвезен на свой двор. Его отсутствие лишило обороняющихся должной дисциплины.

Не умея взять город, Девлет-Гирей велел запалить его. Он намеревался

разграбить все, что не смогут защитить русские воеводы, занятые тушением пожара. Татары подожгли сначала царскую летнюю резиденцию в Коломенском, а на следующий день — московские посады.

Москва имела слабое место, которое невозможно было скрыть как от татар, так и от европейцев. Англичанин Ричард Ченслор сообщает: «Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с предместьями. Но она построена очень грубо и стоит безо всякого порядка. Все дома деревянные, что очень опасно в пожарном отношении. Есть в Москве прекрасный замок, высокие стены которого выстроены из кирпича... Впрочем, я не знаю этого точно, так как ни один иностранец не допускается к их осмотру. По одну сторону замка проходит ров; по другую — река, называемая Москвой, текущая в Татарию и в море, называемое Каспийским. С северной стороны расположен нижний город; он также окружен кирпичными стенами и таким образом примыкает к стенам замка».

Что видно из этого описания? В Москве почти нет каменных строений. Кремль да Китай-город (Ченслор именует первый из них «замком», а второй — «нижним городом»), да некоторые храмы выстроены из камня. Всё прочее — из бревен, что, как заметил англичанин, «очень опасно в пожарном отношении».

Итак, Москва времен Ивана Грозного — островки камня в океане дерева...

Пожар обернулся огненной бурей, настоящим бедствием. Результат превзошел все ожидания хана. Огонь стремительно и неотвратно убивал город. Земские ратники оставались в Москве. Не покидая позиций, они сражались с крымцами посреди пылающих улиц. Тогда погибли боярин Михаил Иванович Вороной-Волынский и раненый князь Бельский со множеством русских воинов. Девлет-Гирей так и не смог занять город. Ужаснувшись зрелищем разбушевавшейся стихии, понесся значительные потери, татары отошли прочь, прихватив с собой трофеи и полон. К тому времени в русской столице армии уже не существовало — лишь несколько сотен чудом уцелевших детей боярских...

Небольшой полк Воротынского стоял на отшибе и уцелел. Князь преследовал крымцев, однако по малолюдству своего отряда не сумел отбить пленников. Орда ушла, по дороге разорив Рязанщину.

Невозможно без ужаса и печали читать источники, повествующие о гибели великого города в огне. Блистательная Москва, многолюдная, богатая, защищенная прочными стенами, украшенная храмами, кипящая на торгах, грозная своими полками, окруженная кольцом тихих и славных

обитателей, отчего ты пала? Отчего допустили к тебе врага? Отчего была ты венценосной владычицей, а стала грязной нищенкой? Отчего царь и его слуги допустили бесчестие православной столицы? Невозможно забыть этой боли и этого позора, и только Богу, наверное, легко простить такой грех!

У нас нет надежных данных ни о населении Москвы в XVI столетии, ни о размерах урона, нанесенного русской столице в несчастный год Девлет-Гиреева нашествия. Но записки иностранцев, побывавших в Москве тогда или несколькими годами позднее, дают общее представление о масштабах катастрофы.

Вот письмо неизвестного англичанина, ставшего свидетелем событий 1571 года: «Число погибших при разорении Москвы показывают такое громадное, что я не решаюсь передать его... В два месяца едва ли будет возможно очистить от человеческих и лошадиных трупов город, в котором остались теперь одни стены, да там и сям каменные дома, словно головки водосточной трубы...»

Генрих Штаден, современник событий, офицер опричного войска, скорее всего, оказался в сожженной Москве вскоре после отхода Девлет-Гирея. Он, в частности, пишет: «...за шесть часов выгорели начисто и город, и Кремль, и Опричный двор, и слободы. Была такая великая напасть, что никто не мог ее избежать!.. Колокола, висевшие на колокольне посреди Кремля, упали на землю и некоторые разбились... Башни или цитадели, где лежало пороховое зелье, взорвались от пожара — с теми, кто был в погребах; в дыму задохнулось много татар, которые грабили монастыри и церкви вне Кремля, в опричнине и земщине... Татарский царь Девлет-Гирей повернул обратно в Крым с сотнями тысяч (viel hundert tausent) пленников и положил в пуге у великого князя всю Рязанскую землю».

Джером Горсей, агент Московской компании англичан, прибывший в Москву в 1573 году, доносит в своих записках несколько страшных подробностей Московского разгрома: «Река и рвы вокруг Москвы были запружены наполненными их тысячами людей, нагруженных золотом, серебром, драгоценностями, ожерельями, серьгами, браслетами и сокровищами и старавшихся спастись в воде, едва высунув поверх нее головы. Однако сгорело и утонуло так много тысяч людей, что реку нельзя было очистить от трупов в течение двенадцати последующих месяцев, несмотря на все предпринятые меры и усилия. Те, кто остался в живых, и люди из других городов и мест занимались каждый день поисками и вылавливанием на большом пространстве [реки] колец, драгоценностей, сосудов, мешочков с золотом и серебром. Многие таким путем

обогатились. Улицы города, церкви, погреба и подвалы были до того забиты умершими и задохнувшимися, что долго потом ни один человек не мог пройти [мимо] из-за отравленного воздуха и смрада... Крымский царь со своими войсками наблюдал этот большой пожар, удобно разместившись в прекрасном Симоновом монастыре на берегу реки в четырех милях от города, захватив награбленное и отобрав богатство у тех, кто успел спастись бегством от пожара. Хотя пожар города принес им мало пользы, они удовлетворились этим, возвращаясь назад с пленными и с тем, что успели награбить...»

Антонио Поссевино, папский посол, побывавший в России в 1581–1582 годах, слышал о былом величии Москвы: «Конечно, и при нынешнем государе (Иване Грозном. — Д. В.) Москва была более благочестива и многочисленна, но в 70-м году нынешнего века она была сожжена татарами (на самом деле в 1571 году. — Д. В.), большая часть жителей погибла при пожаре, и все было сведено к более тесным границам. Сохранились следы более обширной территории в окружности, так что там, где было 8 или, может быть, 9 миль, теперь насчитывается уже едва 5 миль».

И можно было бы, наверное, обвинить иностранцев, писавших об огненной катастрофе 1571 года, в клеветничестве, дескать, злобствуя на Россию смаковали они жуткие подробности и, возможно, преувеличили многое. Но ведь и русские источники пишут о московском бедствии с ужасом и горем!

Вот голос летописца: «И прииде царь крымской к Москве и Москву выжег всю, в три часы вся згорела, и людей без числа згорело всяких. А князь Иван Бельской приехал з дела к себе на двор побывати да вошел в погреб к сестре своей к Васильевой жене Юрьевича, и тамо и задохся со всем... Да в ту же пору вырвало две стены городовых: у Кремля пониже Фроловского мосту против Троицы, а другую в Китае против Земского двора; а было под ними зелия (пороха); и вдосталь людей побилло многих».

За московский разгром 1571 года ответствен прежде всего сам царь. Людей не хватило для обороны? А где они, эти люди? Страна еще не запустела, и есть откуда взять людей. В Ливонии главные полки? Почему они оказались в Ливонии, если вот уже несколько лет над столицей России нависает угроза с юга? Почему она вообще идет, эта война за чужие земли, если положение собственной столицы небезопасно? Воеводы оказались слабы? Но кто поставил этих воевод? Изменники провели войска крымского хана в обход русской армии? А откуда они взялись, эти изменники? Почему их так много? Из-за чего явилось в них такое рвение? Перед лицом христианской общины за тактические просчеты отвечают

военачальники, но за стратегическое поражение, столь страшное, столь унижительное, — только сам государь. Ничего подобного не случилось со времен Дмитрия Донского, а именно Тохтамышевой рати 1382 года. Государь Василий Дмитриевич, располагавший намного меньшими силами, чем Иван Грозный, не отдал столицу хану Едигею, в 1408 году подступавшему под самые ее стены. При Иване III враг даже издали не угрожал ей. А Иван Васильевич почему-то позволил врагам креста нанести удар в самое сердце державы...

Даже к 1588 году, когда в Московское государство приехал английский дипломат Джильс Флетчер, столица еще не залечила страшные раны: «Число домов, как сказывали мне, во всем городе, по подсчетам, сделанным по царскому указу (незадолго до сожжения его крымцами), простиралось до 41 500. Со времени осады города татарами и произведенного ими пожара (что случилось в 1571 году) земля во многих местах остается пустой, тогда как прежде она была заселена и застроена, в особенности же на южной стороне города...»

Для самого государя Ивана Васильевича главной потерей являлась гибель его московской опричной резиденции в огне пожара. Всего несколько лет назад по его повелению напротив Кремля вырос чудодворец. Теперь от всех этих зданий остались одни головешки...

С мая 1571 года опричная армия больше не выходит в поле как самостоятельная сила, то есть как воинство, отдельное от земского. Опричные воеводы всё еще служат по спискам, отдельным от земских. Но на должности в крепостных гарнизонах и действующей армии они ставятся вместе с земскими военачальниками. Раздельное командование исчезает. Фактически начинается демонтаж опричнины, и прежде всего «разбирают» ее военную организацию. Кое-кто из опричных воевод, виновных в майской катастрофе, взошел на плаху.

Царь понимал: одним нашествием крымцев дело не ограничится. Следует ждать второе. Хан увидел слабость в русской обороне. Значит, скоро он опять обрушится на Россию со всеми своими силами.

Девлет-Гирей ждали и готовились к новому вторжению. Иван IV готов был поступиться Астраханью и дать хану значительные «поминки», то есть фактически дань. Однако хан, почувствовавший запах победы, требовал помимо Астрахани еще и казанские земли, в противном случае угрожал разорить все Московское государство. А отдать Казань — невозможно, немыслимо.

Побережье Оки по приказу царя укреплялось.

Весной 1572 года в Коломне был проведен смотр полков. Опричные и земские отряды объединялись под общим командованием нелюбимого государем Михаила Ивановича Воротынского, одного из знатнейших Рюриковичей страны. Князь Воротынский отличился еще под Казанью в 1552 году, а полки начал водить и того раньше. Видимо, его назначение стало для Ивана Васильевича вынужденной мерой, зато для дела — наилучшим выбором.

Князь Воротынский являлся идеальным главнокомандующим оборонительной армии: опытный и храбрый человек, он отлично знал все особенности обороны «на берегу». Долгие годы Воротынский защищал юг России от набегов крымского хана. Последнее время вооруженные силы Московского государства все больше и больше переключались с южного, «степного» театра военных действий на Ливонский. Туда уходили лучшие силы, там были заняты лучшие полководцы. Юг оголялся, хотя на прокаленных солнцем пространствах «степного подбрюшья» России сохранялась смертельно опасная для державы возможность глубокого прорыва крымцев. А значит, следовало наладить сторожевую и караульную службу наилучшим образом: чтобы задолго узнавать о приближении вражеского войска, понимать его намерения, иметь представление о его численности. Придя с этими мыслями к Ивану IV, князь Воротынский получил высокое назначение: с 1 января 1571 года он «ведал» станицы и сторожи «и всякие государевы польские службы»^[74]. Иными словами, ему подчинялись разведывательные и сторожевые отряды, работавшие в Диком поле.

Михаил Иванович собрал в столице людей, постоянно служивших на беспокойном юге и знавших особенности театра военных действий — «станичников» да «сторожей». Посовещавшись с ними, Воротынский выработал документ, который считают первым уставом пограничных войск России. Именовался он «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». По решению Думы документ вступил в силу 16 февраля 1571 года.

«Боярский приговор» четко регламентировал службу «сторож» и «станиц». Служилым людям были указаны точные сроки их дежурств, основные маршруты движения, способы оповещения основных сил на Оке, количество и качество коней, нормы выплат за пребывание на опасных участках. К 1572 году система сторож и станиц оказалась поколеблена. Всех способных носить оружие старались собрать на защиту Москвы. Несмотря на это дальние дозоры все-таки «сработали»: Воротынский заранее узнал о приближении неприятеля.

Князь получил «наказ» (инструкцию), подробно расписывавший, какие действия следует предпринимать по организации обороны.

Так, броды и «перелазы» на Оке следовало укрепить плетнями и «чесноком» — особыми устройствами из дерева и прутьев, затруднявшими действия вражеской конницы. Во время перехода крымцами Оки 900 вятчан с пищальми и луками должны были подойти на стругах и открыть по ним огонь с близкого расстояния. В том случае, если крымцев придется встречать не на берегу реки, Воротынскому указывали отыскать местность, которую удобно укрепить, где можно вырыть земляные ячейки для стрельцов, поставить «гуляй-город» — легкое укрепление из телег, перевозивших толстые деревянные щиты. Воеводе строго запрещали сходить с татарами «на походе», зная, что даже слабые укрепления на порядок повышают боеспособность русских войск. Русский национальный стиль ведения боевых действий был в ту пору таков: в открытом поле русские ратники могли отступить, а в самых неказистых укреплениях они «перестоят» любой удар.

В апреле 1572 года Воротынскому, как уже говорилось, велели провести большой воинский смотр под Коломной. Там сосредоточилось ядро южной оборонительной армии. На смотр явился царь Иван Васильевич. Он увидел: вместо войска — горсть бойцов. И главное, столь сильное ранее дворянское ополчение сократилось в боях, походах от эпидемии, недавно обрушившейся на Московское царство, а также от массовых опричных репрессий. Царь повелел: «Мало ратных людей в сборе! Созывайте с крепостей. Пусть городки стоят пустые, было бы кого в поле вывести!» Воротынский мог ответить ему лишь одно: «Они уже здесь, великий государь...»

Хотя одной из причин недавнего страшного поражения был недостаток сил, отвлеченных борьбой за Ливонию, царь не собирался завершать тяжелую Ливонскую войну. Ивану IV казались недостаточными те приобретения, которые уже добыло русское оружие. Он решил, не считаясь с жертвами, довести до победного конца войну со многими противниками одновременно. Поэтому через полгода после Девлет-Гиреева погрома Иван Васильевич отправил в Карелию, против шведов, большую рать. Поход не принес удачи, а вот потери оказались значительными. Эта авантюрная политика весной 1572 года вновь поставила Россию на грань жизни и смерти.

Главным помощником Воротынскому определили князя Дмитрия Ивановича Хворостинина, опричника. Он вышел из знатного, но захудалого рода, происходящего от ярославских князей. Ни влиянием, ни богатством

он с Воротынским сравниться не мог. Но государь высоко ценил его как дельного воеводу и преданного слугу, в то время как Воротынский много лет провел в опале. Иван IV опасался силы и аристократического своеволия Воротынского. К тому же Хворостинин придерживался тактического стиля, чуждого Михаилу Ивановичу. Они по-разному воевали.

Был ли князь Воротынский талантливым полководцем? Трудно сказать. Южные рубежи России он оборонял небезупречно. Когда приходило время «испить смертную чашу» в бою против татар, он одолевал неприятеля мужеством, стойкостью, опытом. Но талантом ли? Михаил Иванович Воротынский был честным, умным, бесстрашным человеком. В нем видна та разновидность воинской доблести, которая делала победителями спартанских гоплитов: лучше им было погибнуть, нежели опозориться, отступив, побросав щиты. Таков и Воротынский, медлительно-стойкий воевода. Не самый расторопный из наших «командармов» грозненской эпохи, он был самым твердым в прямом бою с татарами.

Хворостинин — совсем другое дело. Он предпочитал сложный, маневренный рисунок боя. Дмитрий Иванович придерживался атакующего стиля и всегда старался действовать на опережение неприятеля. Там, где Воротынский не поспевал за противником, Хворостинин предугадывал его шаги.

Теперь князь Воротынский оказался его начальником и не знал, как поведет себя Дмитрий Иванович, если татары навяжут вместо изощренных игр прямой и страшный бой насмерть. Выстоит ли? Бог весть.

Хворостинин тоже смотрел на Воротынского скептически. Для него Михаил Иванович, пусть и храбрый, пусть и заслуженный человек, а все же — «ленивая богатыня». Немолод и неповоротлив.

Иван IV решил дополнить сильные стороны одного полководца сильными сторонами другого. Оригинальное, хотя и рискованное решение.

Когда закончился смотр, царь сказал Воротынскому: «Встанешь против татар сам, без меня. Дела ждут твоего государя в Новгороде».

Наконец, в июле 1572 года Девлет-Гирей появился на дальних подступах к Оке — пришел добивать Россию после погрома годовой давности. Князь Воротынский, узнав о приближении татар, отправляет гонцов к остальным воеводам — в Тарусу, Калугу, Каширу и Лопасню. Все эти города стояли на главном оборонительном рубеже — Оке. Князь велит им спешно выдвигаться к Сенькину броду — мелкому месту на Оке, расположенному там, где в нее впадает река Лопасня.

Воротынский надеялся, пусть и с ослабленной армией, не пропустить

Девлет-Гирея дальше Оки. Не дать хану ворваться во внутренние области страны и устроить там новое разорение.

Сейчас всё решала скорость: русские полки держали оборону на огромном расстоянии друг от друга, поскольку не знали, где будут прорываться крымцы. Теперь это прояснилось. Требовалось спешить к общему сбору. Поодиночке они выстоять не могли.

Князь Воротынский располагал пятью полками — Большим, Правой руки, Передовым,левой руки и Сторожевым. Общая численность армии составляла около 20–30 тысяч бойцов — конных дворян, стрельцов, казаков. Из них самой ценной боевой силы, дворянской конницы, насчитывалось лишь 14 тысяч. Да и стрельцов немного: всего порядка двух тысяч. Что же касается остальной массы, казачьей, то она ценилась в бою меньше всего. Как зеницу ока берегли ударный отряд хорошо обученных и вооруженных европейских наемников под командой Юрия Францбека (Фаренсбаха).

Но теперь и эта сила пребывала в рассеянии. Ее еще предстояло собрать в единый кулак. Армия занимала позиции на участке около 200 километров! Главный оборонительный рубеж определился теперь между Серпуховом и Сенькиным бродом. Чтобы добраться туда, самым дальним полкам требовалось двигаться скорым маршем не менее двух дней. В оперативном подчинении у Воротынского находилось только 1800 конников-дворян, а с этим против Девлет-Гирея не повоюешь.

Орда хана в 1572 году, по самым скромным подсчетам, состояла из 40–50 тысяч воинов. Вся сила Крымского ханства шла с Девлет-Гиреем, к ней прибавилось еще крупное войско ногайцев плюс отряды черкесов и беглых астраханских татар. Несколько знатных турок сопровождали ханский походный штаб.

Противостояние русских и татарских войск вылилось в то, что четыре века спустя станут называть «фронтальной операцией». Череду больших и малых боев, требующих четкой координации действий всех сил.

Русская цивилизация бросила последнюю горсть защитников на направление главного удара. Терять им было нечего. В случае разгрома — смерть. В случае отступления — смерть, поскольку татар больше некому останавливать...

Свет клином сошелся на православном воинстве, насмерть вставшем против Девлет-Гирея в обезлюдивших южных землях. Если бы они тогда дрогнули, если бы они тогда побежали, быть может, 1572 годом от Рождества Христова и закончилась бы история России. Еще одного удара, подобного прошлогоднему, вероятно, могло бы хватить для полного

государственного крушения России. За ним последовали бы разделение страны на части и низведение ее остатков до роли третьего плана в политическом театре Восточной Европы.

26 июля 1572 года Девлет-Гирей появился на окском берегу. Его не интересовали Рязань, Владимир и Мещёра. Он хотел взять Москву и добить «русский улус».

Ханское воинство встретил Сторожевой полк князя Ивана Шуйского. Полк успел занять выгодную позицию и отбил первый приступ татар. Воротынский подошел со своими людьми ему на помощь. Крымцев счастливо отогнали от переправ через Оку. Они пытались перейти реку вброд, но попадали под огонь русских пушек и пищалей, несли потери и отступали.

Огромная масса татар не уходила с противоположного берега. Они ездили чуть далее дистанции лучного перестрела, оглядывали расположение русских сил. Вновь пробиться не пытались.

Наутро Воротынскому доложили: Девлет-Гирей остался у выгоднейших для наступления на Москву «перелазов» через Оку, а ногайцев отправил во главе с Теребердеем-мурзой в обход. 27 июля Теребердей-мурза, разгромив заслон из 200 русских дворян, перешел Оку неподалеку от Серпухова. Неся потери от «плетней» и «чеснока», ногайский военачальник велел выкопать их, разрушить частокол и лишь потом устремился в сторону Москвы. Ночью на 28 июля он обошел позиции Воротынского.

Князь выдвинул против ногайцев полк Правой руки. Но русский заслон не сумел сдержать наступление Теребердей-мурзы, пробивавшегося к Москве. У одного из полковых воевод, Федора Васильевича Шереметева, не выдержали нервы, и он бежал с поля боя, бросив оружие...

Теребердей-мурза вел за собой не столь много сил. В Москве тем временем готовился к осадному «сидению» воевода князь Юрий Иванович Токмаков. У него хватало ратников, чтобы отразить неожиданный набег ногайцев. Теребердей-мурза не отважился идти на Москву в одиночку. Прорыв его оказался частным успехом.

Однако вскоре по проторенной им дороге пошел сам Девлет-Гирей, обманувший в ночное время русские дозоры и прорвавшийся за Оку. Хан вел основные силы.

Началась та самая сложная маневренная игра, которую так любил Хворостинин и которую ненавидел Воротынский.

Михаил Иванович ринулся наперехват. 29 июля началась «гонка»: крымский хан быстро двигался к Москве, а на хвосте у него висел

Воротынский.

Как раз к этому моменту подошел из-под Калуги Передовой полк во главе с двумя воеводами — князьями Андреем Хованским и Дмитрием Хворостининым. Он оказался в авангарде русской армии, преследующей Девлет-Гирея. В этой гонке Дмитрий Иванович чувствовал себя превосходно, как в родной стихии. В оперативном подчинении у него находилось лишь 950 ратников-дворян. Сорвать переправу он не мог — ни по численности подчиненных, ни по времени подхода. Но вцепиться в тылы Девлет-Гирея, как охотничий пес вцепляется в задние лапы медведя, он сумел.

Пробный удар Передового полка опрокинул арьергард крымцев, шедший во главе с «царевичами», и разгромил их обоз.

Девлет-Гирею стало ясно: его стремление к Москве бесцельно и опасно, покуда в тылу у него — неприятельское войско, решившее драться всерьез.

Пришло время разворачиваться против Хворостинина и Воротынского.

Сначала Девлет-Гирей направил 12 тысяч крымцев и ногайцев для контрудара по Сторожевому и Передовому полкам, которые шли по пятам его войска. Хворостинин отдал команду на быстрый отход. Потом остановил отступление. Потом опять принялся отходить и опять остановился. Два русских полка дразнили неприятеля, то сцепляясь с ним, то отводя легкие отряды назад. В конечном итоге Хворостинин навел врага на «гуляй-город», спешно развернутый Воротынским в чистом поле. «Гуляй-город» встретил неприятеля жестоким шквалом артиллерийского огня. Татарские всадники один за другим падали в ров, выкопанный незадолго до их появления. Неприятельская рать рассеялась. Таким образом, тактический успех, достигнутый крымцами ранее, сошел на нет. Оборонительная операция принесла русским полкам первые удачи.

А Хворостинин и Воротынский почувствовали, что могут совместными усилиями вести боевую работу как надо.

Девлет-Гирей, уже дошедший до реки Пахры, наконец развернул основные силы и пошел на русскую армию. В момент разворота он был менее чем в одном дне пути до Москвы. Столица вздохнула спокойно. Ее защитники успели отвести вражеский удар.

Итак, идти на русскую столицу татарам мешали основные силы армии Воротынского, расположившиеся близ села Молоди.

30 июля 1572 года, в среду, на расстоянии полусотни верст от Москвы началось генеральное сражение, в котором решалась судьба Московского царства. Обе стороны понимали: от их мужества зависит не только победа в

единичном бою, само колесо истории может повернуться вспять, и вновь наступят времена Батыя. Вновь Русь раздробится на множество маленьких владений, только вместо князей ими будут управлять ханские баскаки.

Центром и основой русской позиции стал «гуляй-город» — подвижное укрепление из телег с поставленными на них толстыми деревянными щитами. Воротынский расположил его на всхолмии близ речки Рожай. На телегах «гуляй-города» князь приказал установить пушки и тяжелые пищали-гаковницы. Перед ним по распоряжению Михаила Ивановича вырыли окопы для стрельцов. За «гуляй-городом» и по флангам Воротынский расположил отряды дворянской кавалерии и казаков. Их берегли для контратак.

Подобную тактику старомосковские воеводы не раз применяли против татар, сильно превосходящих их по численности. «Гуляй-город» в случае опасности собирали воедино с необыкновенной быстротой. У Молодей в «гуляй-городе» и за ним засел целый полк, самый сильный во всей русской армии. Хворостинин был назначен командовать гарнизоном деревянной крепости.

Первый приступ татарский был отбит огнем из орудий и пищалей.

Но крымцы в течение многих часов, то устраивая передышки, то вновь тараня русские позиции, с остервенением продолжали штурмовать крепость. Атакующие несли колоссальные потери от огня государевых ратников, однако их решимость победить не ослабевала. Волна за волной татары накатывали на «гуляй-город», бились с чудовищным упорством. Когда силы защитников иссякали, Воротынский бросал в бой своих конников. Дворянская кавалерия била татар по флангам. Получив короткий удар, ошеломленные крымцы откатывались, устилая поле трупами.

Вечером 30 июля попытки штурмовать «гуляй-город» прекратились. Армия Воротынского стояла непоколебимо. Крымцы и их союзники понесли тяжелые потери. Погиб ногайский предводитель Теребердей-мурза, в плену оказались крупный полководец Дивей-мурза, а также некий «астраханский царевич», несколько мурз и трое «ширинских князей».

Для Девлет-Гирея битва в среду окончилась полной неудачей. В четверг и пятницу крымский зверь зализывал раны, не решаясь опять ударить на русские порядки.

В русском лагере не хватало воды и пищи, начался конский падеж. Полки стояли, не отступая ни на шаг, но трудно им приходилось. Обоз был брошен Воротынским во время погони за крымцами, а отпустить полки с позиции по соседним деревням за пищей не представлялось возможным. Нельзя распылять силы, когда их и без того совсем немного. Приходилось

резать боевых коней и питаться их мясом, даже пить их кровь. Михаил Иванович твердо придерживался оборонительной тактики. В атаках на «гуляй-город» татары понемногу растрачивали численное превосходство, а открытое сражение сразу поставило бы московских воевод в проигрышное положение. В такой — патовой, по большому счету, — ситуации главнокомандующему оставалось молиться, призывая помощь Божью.

Штаден, участник событий, сообщает: «Мы захватили в плен главного военачальника крымского царя Дивей-мурзу и Хаз-Булата. Но никто не знал их языка. Мы [думали], что это был какой-нибудь мелкий мурза. На другой день в плен был взят татарин, бывший слуга Дивей-мурзы. Его спросили — как долго простоят [крымский] царь? Татарин отвечал: что же вы спрашиваете об этом меня! Спросите моего господина Дивей-мурзу, которого вы вчера захватили. Тогда было приказано всем привести своих полоняников. Татарин указал на Дивей-мурзу и сказал: «Вот он — Дивей-мурза!» Когда спросили Дивей-мурзу: «Ты ли Дивей-мурза?» — тот отвечал: «Нет! Я мурза невеликий!» И вскоре Дивей-мурза дерзко и нахально сказал князю Михаилу Воротынскому и всем воеводам: «Эх вы, мужичье! как вы, жалкие, осмелились тягаться с вашим господином, с крымским царем!» Они отвечали: «Ты [сам] в плену, а еще грозишься». На это Дивей-мурза возразил: «Если бы крымский царь был взят в полон вместо меня, я освободил бы его, а [вас], мужиков, всех согнал бы полоняниками в Крым!» Воеводы спросили: «Как бы ты это сделал?» Дивей-мурза отвечал: «Я выморил бы вас голодом в вашем гуляй-городе в 5–6 дней». Ибо он хорошо знал, что русские забивали и ели своих лошадей, на которых они должны выезжать против врага. Русские пали тогда духом».

Но, видимо, ратникам Воротынского и Хворостинина хватило веры, чувства долга и твердости воли не отступить, хотя бы и перед лицом этой грозной опасности.

Последнюю попытку штурмовать «гуляй-город» крым-цы совершили 2 августа. Татары шли вперед с отчаянной храбростью, не боясь потерь и упорно преодолевая огневой шквал со стороны русских полков. Смелчаки прыгали на деревянные щиты, пытаясь повалить их, забраться внутрь, открыть дорогу для стремительной конной атаки. Бойцы Хворостинина во множестве отсекали им руки саблями и топорами. Обрубки падали на землю, под телеги. Татары из луков расстреливали амбразуры, выбивая русских пушкарей. Бой шел с невиданным ожесточением. Упорная оборона «гуляй-города» раз за разом приносила русским успех.

Крымцы использовали все резервы и уже не видели того, что происходит вокруг них. Они полностью вовлеклись в многочасовой штурм

русской позиции. Между тем Воротынский повел большой отряд русской конницы в глубокий обход. Девлет-Гирей не заметил его маневра. Воротынский по низине зашел хану в тыл.

Пока совершался этот маневр, остатки русской пехоты под командой князя Хворостинина продолжали сдерживать натиск атакующих в «гуляй-городе». Князь действовал так, как действовал бы на его месте Воротынский...

Вечером, когда напор крымцев ослаб, Хворостинин открыл бешеный огонь из всех орудий и пошел на вылазку с отрядом немецких наемников. Тогда же Воротынский стремительно атаковал ханское войнство там, где его не ждали. Он действовал так, как на его месте действовал бы Хворостинин...

Хорошо рассчитанный удар с двух сторон ошеломил крымцев и отнял у них инициативу. Они бежали, оставив мысль о взятии «гуляй-города».

В страшной сече легли родичи Девлет-Гирея, нашли свою смерть многие мурзы и прочая татарская знать.

Девлет-Гирей оказался на перепутье. С одной стороны, он все еще был силен и мог продолжать военные действия. С другой стороны, большие потери и неудачи подорвали боевой дух его войска.

Русская военная хитрость окончательно повернула ход операции к поражению татар. Безвестный дворянин вызвался на роль фальшивого «гонца». Татары схватили его с ложными бумагами «из Москвы». В грамотах говорилось: «Ждите подмоги. Из Новгорода идет большая рать». Гонца подвергли страшным пыткам, но он не выдал тайны. На самом деле никакими резервами русская сторона не располагала. Однако Девлет-Гирей этого мог и не знать. Хан, уstraшенный, лишившийся задора, повелел орде отступать.

За год до того, после сожжения Москвы, Девлет-Гирей писал русскому царю, проявляя крайнее высокомерие: «...Ты не пришел и против нас не стал. Ты похваляешься, что, де, яз — Московский государь, и было бы в тебе срам и дородство, и ты бы пришел против нас и стоял!» И где была та сила и та гордость татарская в 1572 году, когда царские воеводы у Молодей резали крымскую рать? Пришлось гордому хану смириться с поражением.

Выставив заслон из трех тысяч конников, Девлет-Гирей устремился за Оку, домой. На «перелазе» также осталось еще две тысячи крымцев. Князь Воротынский, пребывавший в тревоге всю ночь, наутро 3 августа узнал об отступлении врага. Два неприятельских заслона были разбиты и большей частью уничтожены. Преследовать Девлет-Гирея за Окой Воротынский не решился. Сил у его армии не осталось: всякому напряжению есть предел.

Полки встали на свои прежние места. Они поредели. Но кто мог — все вышли на государеву службу. От Ивана IV из Новгорода вскоре прибыл Афанасий Нагой с наградным золотом. В качестве наградных «медалей» для командного состава в русской армии XVI века использовали золотые монеты иностранной чеканки. Их прикрепляли к головным уборам и носили с гордостью.

Тяжелая ратная страда закончилась. Девлет-Гирей более не смел вернуться на Русь.

Так была спасена страна.

Николай Михайлович Карамзин пишет: «Сей день принадлежит к числу великих дней воинской славы: россияне спасли Москву и честь; утвердили в нашем подданстве Астрахань и Казань; отомстили за пепел столицы и если не навсегда, то по крайней мере надолго уняли крымцев, наполнив их трупами недра земли...»

Успеха удалось добиться ценой больших потерь. Тот же Штаден рассказывает о примечательном факте: «Все тела, у которых были кресты на шее, были погребены у монастыря, что около Серпухова. А остальные были брошены на съедение птицам... Все русские служилые люди получили придачу к их поместьям, если были прострелены, посечены или ранены спереди. А у тех, которые были ранены сзади, убавливали поместий, и на долгое время они попадали в опалу...»

При Молодях победили не только талант князей Воротынского и Хворостинина и не только их мужество. Победило прежде всего русское упорство. Московские ратники, как говорили в те времена, «перестояли» орду Девлет-Гирея. Такие дела в пышных славословиях не нуждаются. Наверное, хватит двух слов: не пропустили!

У Молодей опричники и земцы бились в одном строю, одной смерти смотрели в глаза. И если возглавлял русское войско землец князь М. И. Воротынский, то самые сложные тактические задачи решал опричник князь Д. И. Хворостинин. Армия, жестко разделенная на опричные и земские полки, в 1571 году потерпела страшное поражение. Армия, собранная воедино, без различия служебной принадлежности, одержала спасительную для России победу.

Большинство историков грозненской эпохи сходятся на том, что главным поводом для отказа от опричнины стали военные события 1571–1572 годов; автору этих строк остается лишь присоединиться к сему здравому мнению: война породила опричные порядки, война же их и дискредитировала.

Триумф объединенных сил нашей страны у Молодей стал главным

поводом к отмене опричнины.

ОТМЕНА ОПРИЧНИНЫ

Государь Иван Васильевич вплоть до полного отражения крымцев сидел в Новгороде Великом, пережидая бурю. Затяжной характер боев на юге, недостаток сил и, напротив, удачный пример сотрудничества опричных воевод с земскими показывали со всей очевидностью: опричнина как военная система бессмысленна и опасна. Ее эффективность оказалась иллюзорной, зато вред — явным. Это, по всей видимости, нетрудно было понять хоть в Москве, хоть в Новгороде — по отчетам воевод.

Итог: опричнина была в 1572 году полностью отменена Иваном Васильевичем, а особая опричная Боярская дума — расформирована. И даже само слово «опричнина» оказалось под запретом. Ликвидация опричнины произошла осенью, скорее всего, в сентябре.

«Когда эта игра была кончена, — пишет немец-опричник Штаден, — все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. Великий князь более не мог без них обходиться. Опричникам должны были быть розданы взамен этого другие поместья». Курсивом здесь выделено главное: без собственной знати, организованной именно так, как сложилось еще при Василии III, Иван Васильевич не мог обходиться. Ему оставалось только признать это.

Полноценно защищать страну могла только единая армия, а полноценно управлять ею — единый административный аппарат. Военная реформа Ивана IV потерпела крах. Поэтому две половинки России пришлось «склеить» воедино.

Привела ли опричнина к серьезным изменениям в общественной жизни Московского государства? Нет. Система чрезвычайных мер, вызванных противоборством царя и высших родов княжеской аристократии, разожженная нуждами войны, она проводилась в жизнь непродуманно, драконовскими способами. Большой кровью приправленная, на ходу перекраиваемая опричная реформа была попыткой переделать многое. Отступив от первоначальных своих замыслов сначала в 1570-м, затем в 1571-м, а окончательно в 1572 году, Иван Васильевич кое-что сохранил за собой — особый двор да ряд приближенных, заслуживших его доверие в опричные годы; это «кое-что» продержалось не далее середины 1580-х; при царе Федоре Ивановиче всё это сгинуло безвозвратно, от опричных времен осталось три-четыре толковых полководца, но их чтили не за специфические опричные заслуги, а за

боевые. Даже укрепление единодержавия и самовластия царского, достигнутое в результате опричнины, не столь уж очевидно. Личная власть Ивана Грозного — да, укрепилась несомненно, если сравнивать с 1540—1550-ми годами. Но увеличилось ли поле власти для его преемников на русском престоле? Прямых доказательств тому не видно.

Опричнина не принесла благих результатов государству Российскому. Семь с половиной опричных лет не дали никаких плодов и в смысле внешней экспансии.

Однако и это еще не всё. Опричнина явилась поражением не только для всей страны, но и лично для Ивана Грозного. Его детище, казавшееся изначально столь многообещающим, вышло бесплодным. Его «постановка» провалилась. Он не сумел решить стратегические задачи на западном фронте и дал врагу сжечь столицу.

Великий историк Николай Михайлович Карамзин с чувством восторга подвел итог опричной эпохе: «Иоанн, к внезапной радости подданных, вдруг уничтожил ненавистную опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лет терзала внутренность государства. По крайней мере, исчезло сие страшное имя с его гнусным символом, сие безумное разделение областей, городов, двора, приказов, воинства. Опальная *земщина* назвалась опять *Россиєю*. Кромешники (опричники) разоблачились, стали в ряды обыкновенных царедворцев, государственных чиновников, воинов, имея уже не атамана, но царя, единого для всех россиян, которые могли надеяться, что время убийств и грабежа миновало; что мера зол исполнилась и горестное отечество успокоится под сенью власти законной».

Трудно с этим не согласиться.

Итак, опричнина минула. Но царствование Ивана Васильевича не прекратилось, к тому времени государь был здоровым, сильным, 42-летним человеком. И под его державой Московскому царству предстояло прожить еще много лет.

В 1575 году произошло странное событие, которое многими исследователями трактовалось как рецидив опричнины. Иван Васильевич вновь выкроил себе особый удел в тверских землях и возвел на русский престол крещеного татарского царевича Симеона Бекбулатовича, даровав ему титул великого князя московского. Номинально правил Симеон Бекбулатович, от его имени составлялись жалованные грамоты и указы, а истинный государь отправлял на имя «великого князя московского» челобитные, написанные в юродском стиле и содержащие пожелания-

инструкции. Соловецкий летописец дает краткое описание того странного времени: «Государь царь на Московское великое княжество на государство посадил великого князя Симеона Бекбулатовича, а сам государь пошел «на берег» на службу и стоял все лето в Колуги. А был на великом княжении год неполон. И после того пожаловал его царь и государь великий князь Иван Васильевич всея Руси на великое княжение на Тверь, а сам государь опять сел на царство на Московское». Реальной власти у Семиона Бекбулатовича оказалось совсем немного, монеты с его именем не выпускались, иностранные дипломаты не вели с ним переговоров, в разряды его имя не вошло, сокровищница и царские инсигнии оставались под контролем Ивана IV.

Историки выдвинули множество версий, чтобы объяснить столь странный шаг московского государя. В настоящее время наиболее вероятной считается (и вполне справедливо) та, что опирается на фразу Пискаревского летописца о неких «волхвах» (астрологах), предсказавших на тот год кончину «московскому царю». Страх государя перед изменой подстегивался действительным заговором «сорока дворян», о котором сообщает имперский дипломат Даниил Принс из Бухау.

Поэтому примерно год русский государь провел в странном статусе монарха, формально не царствующего, но на деле продолжающего держать все главные нити власти в своих руках.

В конце 1576 года все вернулось на круги своя.

ОБОРОНА ПСКОВА

КОНЕЦ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Между тем Ливонская война продолжалась. Она стала главной проблемой России. Ливонский фронт пожирал всё новые полки, мешки серебра, усилия государственной машины. Царь не оставлял надежд на победный исход, а потому не жалел сил и средств на продолжение войны.

Иван Васильевич сопровождает боевые действия дипломатическими комбинациями, к сожалению, в основном неудачными..

Герцог Магнус, брат датского короля Фредерика 11, в 1570 году получил от Ивана Васильевича несколько прибалтийских городов и гордое звание «короля Ливонского». В 1573 году его женили на Марии Владимировне Стариц-кой, причем свадьба прошла с большой пышностью. Мария Старицкая принадлежала к династии московских Рюриковичей, являлась близкой родственницей самого царя. Таким образом, принцу оказали небывалую честь: он породнился с российским царским домом.

Магнус участвовал в войне на стороне России, а также выполнял роль союзника, которому легче было договориться с местным дворянством и городами. Его королевство представляло собой «буферную зону», получавшую поддержку и от России, и от датчан. Подданные Магнуса вновь обретали все свои старые привилегии, а заодно и новые льготы по торговле на территории России. В свою очередь, марионеточная «держава» Магнуса становилась экономической зоной, связывающей европейских торговцев с Московским государством. Чем-то вроде допетровского «окна в Европу».

Идея была хороша...

Но Магнус мечтал о большем. Во время очередной волны боевых действий в Ливонии он присоединил к своему карликовому государству города, которыми Иван IV желал владеть сам. За это царь жестоко наказал Магнуса, унизил и едва не убил его. Все же государь продолжал ему доверять, с необыкновенной беспечностью полагаясь то ли на страх короля перед московскими полками, то ли на чувство благодарности к русскому царю за прежние благодеяния... Однако Магнус, будучи мотом, пьяницей, слабым воителем, ко всему еще и проявил склонность к измене. Никакой благодарности он более не испытывал. В критический момент Магнус предаст своего московского союзника...

Весь удачный эксперимент с «буферным королевством» рухнет.

В 1572 году польский трон опустел: умер Сигизмунд II Август, давний противник Ивана IV. Упорство польского короля в военных предприятиях против Московского государства подпитывалось царской «вежливостью». Среди прочего Иван Грозный в переписке удостоил его язвительного укора за бездетность: «Вот умрешь ты, от тебя и поминка не останется». Теперь Польско-Литовское государство ослабело, лишившись государя и встав перед необходимостью пройти полосу долгих выборов нового короля.

У Ивана IV вроде бы появилась возможность не только выйти из тяжелой войны, но даже занять престол соседнего королевства. Царя поддерживала сильная партия сторонников. Но он не желал приспособиться к обычаям Польско-Литовского государства, где король был, в сущности, пожизненным президентом и где за трон следовало бороться так же, как сейчас борются на выборах за президентское кресло. Сама идея соревнования за власть правителя вызывала у Ивана Васильевича отторжение. Для православного государя такое было немыслимым делом. Поэтому он даже не стал отправлять посольство с официальными предложениями. Всё, что Иван IV счел необходимым сделать, — выступить с цветистой «предвыборной» речью перед гонцом из Польши и послать несколько писем...

Этой риторике для успеха, конечно же, не хватило.

В результате королевские выборы Иван Васильевич проиграл. Война продолжилась. Через несколько лет польский престол займет один из самых воинственных полководцев того времени — Стефан Баторий. Он станет еще более непримиримым врагом России, чем старый король Сигизмунд II Август.

Но тяжелее всего продвигались переговоры со Шведской короной. Тому было несколько причин.

Во-первых, Швеция боролась с Россией не только за города и области прибалтийской Ливонии, она ставила целью отторгнуть земли, которые давно принадлежали Московскому государству.

Во-вторых, Швеция сравнительно недавно освободилась от власти Дании. Поэтому в России Данию считали настоящим королевством, а Швецию — чем-то вроде мятежной провинции. Ее представителей долгое время даже не допускали к царю: официально их принимал наместник Новгородский. Много чести — разговаривать со шведами как с равными! Короли шведские из рода Ваза считались людьми незнатными. Это правда, они уступали в древности рода и московским царям, и датским королям. Однако постоянное напоминание об этом в дипломатическом ритуале

давало повод для нескончаемой вражды.

Наконец, в-третьих, имелась и личная причина для жестокого конфликта между Иваном IV и Юханом III. Прежний король шведский Эрик XIV обещал русскому царю в жены родовитую аристократку Екатерину Ягеллонку, ставшую супругой Юхана III. То, что обещание не было выполнено, Иван Васильевич считал для себя бесчестьем. Впрочем, Юхан III тоже вел себя отнюдь не как агнец. Русских послов, оказавшихся на территории Швеции, когда он взошел на престол, ограбили и унизили. С возмещением убытков король не торопился...

Царь не скрывал своего отношения к Юхану III. В переписке со Шведской короной Иван Васильевич щедро раздавал оплеухи: короля он именовал «безбожником», сравнивал с «гадом» (змеей), род его назвал «мужицьим». Одно из посланий Иван IV завершает следующим образом: «А если ты, раскрыв собачью пасть, захочешь лаять для забавы, — так то твой холопский обычай: тебе это честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой — бесчестье, а лай тебе писать — и того хуже, а перелаиваться с тобой — горше того не бывает на этом свете, а если хочешь перелаиваться, так ты найди себе такого же холопа, какой ты сам холоп, да с ним и перелаивайся. Отныне, сколько ты ни напишешь лая, мы тебе никакого ответа давать не будем».

Разумеется, Юхан III остается смертельным врагом Московского царства вплоть до последних лет Ливонской войны. А окончил боевые действия шведский монарх «мужицкого рода», отторгнув от России обширные земли.

Историк Роберт Юрьевич Виппер дает точную характеристику стилю Грозного-дипломата: он «...любил выступать лично в дипломатических переговорах, давать иностранным послам длинные аудиенции, засыпать их учеными ссылками, завязывать с ними споры, задавать им трудные или неожиданные вопросы; *он чувствовал себя в таких случаях настоящим артистом...* В политическом таланте Грозного замечаются, однако, те самые шероховатости и излишества и в его литературной манере, в развлечениях его повседневной жизни. Неуравновешенная натура легко увлекает его к резкостям, к заносчивости».

«Артист» — точное слово в точном месте. Государь Иван Васильевич *играл* великого дипломата. Впечатление, которое православный царь должен производить на окружающих, в том числе и на соседние державы, значило для него не меньше (если не больше), чем практический успех переговоров. Театральная поза, амбиция, воспламенившаяся под действием всеобщего внимания к могущественному «Московиту», вели его ум к

выходкам и балаганным трюкам, но не позволяли проявить твердость в намерениях и действиях. В любом значительном успехе он видел нечто естественное, принадлежащее ему по неведомому, но твердому праву, а потому и не заботился о его развитии. На волне побед государь бывал чрезмерен в требованиях и тем губил уже, казалось бы, полученную политическую прибыль. Зато неудачи ввергали его в избыточную уступчивость.

Впрочем, одними лишь дипломатическими играми борьба за Ливонию не ограничивалась. У Ивана Васильевича сохранялась твердая надежда склонить чашу весов в свою пользу с помощью вооруженной силы. У него еще оставалась сильная армия. А поляки оказались заняты борьбой за королевский трон и не могли в полную силу воевать на ливонских землях.

Царь решил использовать удобный момент. Более того, помня великий триумф «Полоцкого взятия», Иван Васильевич приходит к выводу, что воеводам нужен строгий вождь, а ему пора обновить воинскую славу, потускневшую за последнее время.

Иван IV дважды возглавлял войско, направлявшееся в Ливонию.

В 1573 году русским полкам под личным командованием царя удалось взять мощную крепость Пайду. При штурме, назначенном на 1 января, виднейшие опричники «первого призыва» оказались расписаны «на пролом». Среди них Михаил Андреевич Безнин, Роман Васильевич Алферьев, Василий Григорьевич Грязной. Тогда же погиб в бою главный «фаворит» государя Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта. Царь, видимо, хотел приучить старых своих любимцев к новому положению: мол, будете служить как все, а если надо, жизнь ставить на кон тоже придется на общих основаниях. И Малюта кровью заплатил за новый порядок. А за кровь Малюты заплатил гарнизон крепости. Псковская летопись сообщает: «Ходил [в поход] царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на зиме, град немецкий Пайду взял и многих немец погубил лютою смертию».

Эта крепость стала ценным приобретением, прежде за нее много лет шла тяжелая вооруженная борьба. Стратегически важный пункт, Пайда открывала путь для дальнейшего продвижения. Многим в русском стане тогда, наверное, казалось, что в Ливонской войне наступил желанный перелом.

К сожалению, вскоре после того, как Иван Васильевич покинул действующую армию, она потерпела поражение и наступление захлебнулось. Однако это не обескуражило царя, он продолжил

вооруженную борьбу за Ливонию.

Удачно продолжил взятие Пайды поход объединенной армии Магнуса Ливонского и русского корпуса Н. Р. Юрьева на Каркус. Эта крепость также пала. Русские воеводы предприняли в середине 1570-х несколько удачных экспедиций на этом фронте, действуя сравнительно небольшими силами. В 1575 году Н. Р. Юрьеву удалось взять Пер-нов, правда, положив немало своих бойцов при штурме. В 1576 году капитулировали порт Гапсаль, города Коловерь, Лиговерь и Падца. Таким образом, русские армии медленно, но верно вытесняли шведов из Ливонии.

Но такие стратегически важные пункты, как Рига, Таллин, Венден, стояли крепко. Очередная попытка взять Таллин провалилась весной 1577 года.

Вероятно, именно эта, последняя неудача вызвала у Ивана Васильевича желание вновь самому взяться за Ливонский театр военных действий и исправить создавшуюся ситуацию.

Продолжая давление на неприятеля в Ливонии, царь вторгается туда летом 1577 года с большой русской армией и союзным войском ливонского короля Магнуса. Для похода собрали очень значительные силы: более 19 тысяч 400 дворян, казаков, стрельцов и служилых татар. Правда, процент дворян — наиболее боеспособной и лучше всего вооруженной части войска — ниже, чем при «Полоцком взятии» и на Молодях. Их всего-то около трети, и это тревожный симптом. Однако мощь русской ударной группировки такова, что в Ливонии с ней не могут поспорить ни шведы, ни немцы, ни литовцы, ни поляки. Армия располагает внушительным артиллерийским парком: 21 пушка, 36 пищалей и 7 тысяч 300 человек артобслуги и охраны.

Этот поход принес русской армии значительный успех. По разным летописным источникам, царские полки, а также отряды Магнуса взяли тогда то ли 20, то ли даже 27 ливонских городов, в том числе и довольно значительные — Режицу, Чествин, Линовард, Кесь (Венден), Кокенгаузен (Кокнесе). Ливонские авторы сообщают о 34 городах и замках, захваченных русскими. Казалось, вновь, как при взятии Полоцка, военная машина России работает подобно хорошо отлаженным часам.

Сдавшимся городам и замкам царь обещает оказать милость и действительно мягко обходится с их жителями. Напротив, сопротивление подавляется с большой жестокостью. Так, суровые казни обрушились на жителей Зессвегена (Чествина или Чиствина по-русски), попытавшихся активно обороняться и даже устраивать вылазки. Город осаждали порядка двух с половиной тысяч русских ратников с «легким нарядом».

Артиллерийский обстрел, учиненный Деменшой Черемисиновым (начальником «наряда» под Зессвегеном), быстро принудил горожан к сдаче. Некоторых из них царь велел посадить на колья, других — продать в рабство.

Впрочем, польско-литовские гарнизоны оказались малочисленны и не способны противопоставить русской мощи эффективную оборону. Всюду им на смену приходят более сильные русские гарнизоны, которым придется значительная артиллерийская поддержка.

Серьезную проблему создал союзник Ивана IV — король Магнус. Он имел четкую договоренность с московским государем о размерах своего «буферного» удела. Однако летом 1577 года не уступил опасному соблазну и, как уже говорилось выше, занял несколько ливонских городков за пределами оговоренной территории. Порой ливонцы, опасаясь владычества Магнуса меньше, нежели правления русского царя, спешили сдать город именно войску марионеточного «короля».

По сообщению «Ливонской хроники», Магнус «написал в замки Крицбург, Кокенгаузен, Ашераден, Ленневарт, Лембург, Шваненбург и во многие другие, что если они не желают потерять вместе с отечеством жен и детей, если не желают быть отведенными в вечное рабство, то пусть сдаются ему, герцогу. Так как великий князь сам лично шел с огромным войском, и замкам этим оставалось единственное средство, которым они могли надеяться спастись, только герцог Магнус... они и сдались ему. В то же время венденские бюргеры восстали против поляков, взяли силой тамошний замок у польских наместников и вместе с городом передали его герцогу Магнусу. Точно так же и вольмарские бюргеры вместе с людьми герцога Магнуса взяли силой Вольмар, а наместника... захватили в плен и передали герцогу Магнусу. К присвоению себе упомянутых замков и крепостей, вместе с Кокенгаузеном, у герцога Магнуса не было никакого позволения или полномочия от московита. Но он сделал это по той тайной причине, что надеялся спасти их от московита, а потом сдать их королю польскому, о чем раньше тайно извещал короля польского и герцога курляндского».

Иначе говоря, буферный правитель вел двойную игру. Используя мощь Русской державы, он пытался создать в Прибалтике вместо незначительного удела собственное крупное государство. То есть превратиться из подручной фигуры Ивана IV в самостоятельного политического актора, с которым считаются.

Конечно, местным жителям, которые предпочли Магнуса Ивану IV, было чего опасаться: прежде жители Юрьева-Ливонского (Дерпта) и

гарнизон Пайды жестоко пострадали от Ивана Васильевича, а молва о новгородском разгроме 1570 года и бесчинствах опричников под Ревелем получила широкое распространение. Прибалтика наполнена была «летучими листками» и публицистическими сочинениями о зверствах Ивана IV, частично преувеличенных. Но и в той части, где сведения о суровости царского характера были верны, хватало подробностей, способных оледенить самое храброе сердце. Уже после окончания войны выйдет книга немца-пастора Павла Одерборна, живописавшего кровопийство русского государя с небывалыми выдумками, в духе какого-то ветхозаветного суперзлодейства. Одерборн врал изрядно; однако труд его поучителен тем, что в нем отразился панический ужас ливонского населения перед властью Ивана Грозного.

К сожалению, отчасти этот ужас был оправдан...

Магнусу один за другим сдаются города и замки, однако государь Иван Васильевич не рад этому. Ведь он сам явился «в свою вотчину»! К чему теперь посредник между ним и местным населением, когда русские пушки способны уговорить кого угодно? К чему буфер между ним и плательщиками податей, держателями земель, каковые могут быть отданы русским помещикам? Взятие городов обойдется дороже, чем их мирное подчинение? Но, во-первых, для силы, собранной в 1577 году, потери не страшны и, во-вторых, двойное подчинение, хотя бы и установленное мирным путем, недорого стоит в глазах Ивана IV. Наконец, самоуправство Магнуса ничем не оправдано с политической точки зрения: «король ливонский» нужен России как послушная фигура, как инструмент достижения дипломатических целей. Московскому государству нет никакого резона выращивать у себя под боком сильную независимую державу, поддерживать марионеточного правителя, выходящего из-под контроля.

Государь отправляет ливонскому королю гневное послание. Там он говорит ясно: у России сейчас достаточно сил для очистки всей страны без вмешательства Магнуса; если ему мало владений, доставшихся раньше, он может убираться к себе в Данию или отправиться на воеводство в Казань.

Полки Грозного занимают Магнусовы новые приобретения.

И в этой ситуации оказывается, что крупный город Вольмар (по-русски — Владимирец) требует применения силы. Отряд Магнуса без труда овладел им. Однако к городу устремляется отряд в 2600 русских ратников под командой Б. Я. Бельского и Д. И. Черемисинова. Горожане пытаются не пустить их внутрь: им не нужен Иван Грозный, им нужен смирный Магнус. Русские в ответ начинают осаду Вольмара.

«Пока происходила осада Вольмара, [царь] Иоанн взял крепость Эрлю и после этого усилил артиллерию под Вольмаром посылкою новых орудий. 1-го сентября Бельский и Черемисинов стали делать приготовления к штурму. Тогда осажденные произвели попытку прорваться сквозь ряды осаждающих, но большая часть их была перебита; в живых остались только 12 человек и начальник гарнизона Георг Вилькин», — кратко и точно обрисовал захват Вольмара историк В. В. Новодворский.

Сам король ливонский со свитой по требованию Ивана Грозного выходит из сдавшегося ему Вендена. Город открывает ворота перед русскими полками. Царь всячески бесчестит Магнуса, подвергает аресту и некоторое время держит в ожидании смертной казни. Потом прощает и даже дает небольшой удел. Но отношения между прежними союзниками, как видно, оказались капитально испорченными...

После того как «буферный» правитель отдал себя на милость Ивана IV, горожане и бойцы гарнизона обстреляли русский лагерь, а потом заперлись в замке; во время конфликта с местными немцами русские понесли потери: погибло много стрельцов и дворян, получил ранение воевода В. Л. Салтыков. Это было героическое, но очень легкомысленное поведение. В итоге венденский замок обложили со всех сторон, окружили шанцами, пять дней подвергали канонаде и взяли штурмом. Инициаторы сопротивления подорвали себя порохом, с прочими русское командование обошлось весьма неласково; многих пытали и убили. Впрочем, население иных городов, сдавшихся Магнусу, а потом занятых русскими войсками, также стало свидетелем серии казней.

Казнили приближенных короля.

Жестокость по отношению к тем, кто защищал свои города, и суровость, проявленная Иваном Васильевичем в «деле Магнуса», настроили местное население неблагоприятно по отношению к новым властям. В дальнейшем переход земельных владений от ливонцев к русским помещикам явно не улучшил отношений. С самого начала Ливонской войны местные жители в большинстве своем находили мало поводов радоваться русскому завоеванию и поддерживать армии Ивана IV. Теперь они получили еще несколько весомых аргументов в пользу мятежа.

В Московском государстве по городам и областям рассылаются царские послания с известиями о приобретении новых земель и городов в Ливонии. Но стратегически итоги масштабного вторжения в Ливонию оказались ничтожными. Пик успехов русского оружия в этой войне был пройден пятнадцатью годами ранее, после взятия Полоцка. Формально в 1577 году под контролем у московского государя оказалась значительно

большая территория, нежели в 1563-м. Однако вскоре после того, как русская армия покинет занятые ею земли, неприятель с легкостью отобьет несколько городов. Единственный союзник Московского государства на этом театре военных действий, Магнус, в 1578 году перейдет на сторону поляков.

Осенью 1577 года царь обо всех этих печальных событиях, которые произойдут в ближайшем будущем, знать еще не мог. Он доволен. Он мог бы продолжить завоевания в Ливонии, но там начался голод, а потому следовало скорее выводить армию. Перед самым возвращением из похода Иван Васильевич устраивает в Вольмаре большой пир, пир победителей.

По окончании похода государь, завершая «постановку», пишет горделивое письмо князю Курбскому: «Вы ведь говорили: «Нет людей на Руси, некому обороняться», — а ныне вас нет; кто же нынче завоевывает претвердые германские крепости? Это сила животворящего креста, победившая Амалика и Максентия, завоевывает крепости. Не дожидаются бранного боя германские города, но склоняют головы свои перед силой животворящего креста! А где случайно за грехи наши явления животворящего креста не было, там бой был. Много всяких людей отпущено [из плена]: спроси их, узнаешь... Писал ты нам, вспоминая свои обиды, что мы тебя в дальноконные города как бы в наказание посылали, — так теперь мы со своими седидами и дальше твоих дальноконных городов, слава богу, прошли и ногами коней наших прошли по всем вашим дорогам — из Литвы и в Литву, и пешими ходили, и воду во всех тех местах пили, — теперь уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Вольмер, на покой твой привел нас Бог: настигли тебя, и ты еще дальноконнее поехал...»

Важно понимать: для Ивана Васильевича одоление врага — не просто успех русского оружия; это прежде всего свидетельство благоволения Божия ему, царю. И, следовательно, он угоден Господу, он все делает правильно, следовательно, грехи его «потоплены» в милости Божией^[75].

Другие изменники московские, активно помогавшие неприятелю — Тимофей Тетерин да прежние государевы опричники Таубе и Крузе, — получили еще более издевательские письма.

Гетман Ходкевич удостоился послания, равнозначного фамильярному похлопыванию по плечу. Общий смысл его: не стоит расстраиваться, убытка никакой операция московских войск не нанесла (читай: поскольку вся занятая территория все равно не принадлежит Речи Посполитой), да и пора бы начать переговоры «о покое христианском».

Нового польского короля Стефана Батория царь ставил в известность о результатах своего похода и призывал «досаду отложить», поскольку не при нем эта война началась, да и все происходящее на ливонских землях — не его, Батория, дело. Иван Васильевич со вкусом объясняет королю, какие политические действия тому «непригоже» предпринимать. Царь не видит в нем противника, достойного серьезного отношения. Он не столько просит Стефана Батория о начале мирных переговоров, сколько повелевает ему, «не мешкая», прислать послов.

В начале 1578 года наши войска все еще продолжают наступательные действия, берут в конце года Полчев.

Русским дворянам щедро раздавали земли в Ливонии. Казалось, Россия твердой ногой встала в этих местах. Царь вновь мог радоваться большому военному триумфу.

Но страна к тому времени истощила силы: бесконечная война, эпидемии, опричный террор, нашествия Девлет-Гирея, гибель Москвы в огненной стихии лишили ее резервов и подорвали боевой дух. Россия устала воевать. Кроме того, сошли в могилу или оказались во вражеском плену многие русские воеводы, а значит, по-настоящему опытных командных кадров уже не хватало. Всякий социальный «эксперимент» и всякий поворот на попятную имеют свою цену. В военном отношении это означало следующее: во второй половине 1570-х годов Россия уже не располагает ни достаточным количеством воинов, ни обширным корпусом искусных военачальников, ни экономическими ресурсами, потребными для ведения войны на несколько фронтов сразу. Груз колоссальных военных предприятий страна выносит с большим трудом.

Воеводы, не боясь царского гнева, угрожавшего опалой, ссылкой и казнью, отказываются решать боевые задачи. В Москву летят доклады: сил явно не хватает! Гарнизоны самовольно покидают крепости. Дети боярские бегут из полков.

Показательны картины, нарисованные Якобом Ульфелем, датским дипломатом, посетившим Россию в 1578 году. Вот некоторые из них.

Новгородская земля: «Люди впали в такую нужду, что мы [почти нигде], за исключением очень немногих мест, не могли купить даже жалкого яйца». Далее: «16-го [сентября] глубокой ночью мы прибыли к монастырю св. Николая [на Вяжище], довольно красивому и расположенному в красивейшей местности, но находящемуся в запустении...»

Тверь: «Некогда этот город был богатейшим торговым центром, теперь же он совершенно запустел и доведен почти до крайней степени бедности,

потому что в нем сидел убитый князь, то есть брат великого князя^[76]. [Это] была [его] крепость, прежде окруженная рвами, валом и стеной, но сейчас она разрушена настолько, что не осталось даже следов стены».

Юрьев-Ливонский (Дерпт), пребывавший с начала Ливонской войны под властью Ивана IV: «Когда мы туда направлялись, мы самым твердым образом были убеждены, что местные жители окажут нам гостеприимство, однако благодаря приставам мы обманулись в наших ожиданиях. Совершенно запретив нам [пребывание] в городе, они привезли нас в предместье, недавно сожженное шведами, в дома грязные, разбитые, разрушенные. Если бы ты их увидел, ты, я не сомневаюсь, сказал бы, что это хлев или загон, скорее подходящий для собак или свиней, чем жилища, пригодные для нас, ведь их невозможно было очистить от копоти и грязи за 3–4 часа, в них не было ни кроватей, ни столов, ни окон, ни скамеек, ни каких бы то ни было других предметов».

О пути, проделанном через северные и центральные области России в целом: «Во всех местах, где мы проезжали, были пустые дома, брошенные людьми и скотом, так что едва можно поверить, что существует какое-нибудь государство, не подвергшееся нападению врагов, которое было бы в большем запустении, чем это царство». И далее: «В дома, где мы останавливались, мы никогда не входили раньше заката солнца; мы находили их пустыми, грязными, разрушенными, в ужасной неисправности».

Невозможно удержаться от горестных мыслей и печальных вздохов, читая ужасающее повествование Ульфельда. Как глубоко, как страшно разорена Россия! Сколь много несчастий принесла ей война за Ливонию, шедшая, пусть и с перерывами, вот уже 20 лет! И можно бы упрекнуть Ульфельда за неприязнь к России, но надобно помнить, что изначально датский дипломат не был настроен против нашего государства: Дания выступала в качестве союзной державы^[77]. Следовательно, Ульфельд видел то, чего он совсем не ожидал и, главное, *не хотел* увидеть. Для него слабость союзника — нечто вовсе не желанное. Не был бы он *действительно* неприятно поражен, так не живописал бы тьму русского упадка, поскольку — не враг!

В конце концов ослабление Московского царства стало явным и для неприятеля. Тогда победы 1577 года рухнули как карточный домик, от первого же ледяного дуновения войны...

Итак, последним значительным успехом русской армии в Ливонии стало взятие Полчева. К тому времени Венден уже был потерян (притом

местные жители, находившиеся в городе, помогли полякам занять его), и государь, вероятно, очень досадовал, лишившись главной жемчужины в короне триумфального похода 1577 года. Эта потеря обесмысливала успехи, достигнутые нашими полками при личном участии Ивана Васильевича, а царь ко всякой своей победе относился трепетно. Он велел воеводам идти отбивать Венден. Но тут произошло странное событие, о котором кратко сообщает разрядная книга: «И воеводы сделали не по государеву наказу, не пошли к Кеей (Вендену), а пошли в Юрьев в Ливонской». С чем связано феноменальное неповиновение командующего русской армией князя Ивана Юрьевича Голицына? Воевода ссылается на то, что наступать просто «не с кем, людей мало».

Этот малозаметный эпизод маркирует перелом в последних русских успехах на Ливонском театре военных действий и, одновременно, точку, откуда началось падение в бездну. Всё. Страна истощила военные ресурсы.

Очень важна реакция Ивана IV. Он не видит знамений времени, не желает их видеть. Ему все мерещится тот великий час, когда русским полкам сдался Полоцк. Ему все кажется, что Московское государство неистощимо. Ему видится та идеальная военная машина, которая работала на него 15 лет назад. А ее больше нет. «Автомобиль» находится в полуразбитом состоянии, бензин на исходе, покрышки облысели, гайки сыплются на поворотах, вода закипает в карбюраторе... Государь велит: брать Венден! Он пытается усилить армию, снимает «з берега» воевод князя Василия Андреевича Сицкого, а также князя Петра Ивановича Татеева и, возможно, их отряды. Как видно, страшный урок 1571 года Иваном IV уже забыт... Затем под Венден отправляются государевы эмиссары «из Слободы» Данила Борисович Салтыков и дьяк Андрей Щелкалов. Их задание: «промышлять своим делом мимо воевод, а воеводам с ними», то есть поторопить действия западной армии. Фактически царь делает последнюю крупную ставку в Ливонской игре, еще не зная, что больше у него таких возможностей не будет.

Воеводы осаждали город, жестоко местничая друг с другом. Московские пушки пробили брешь в крепостной стене, но до штурма дело не дошло.

Польско-литовские и шведские войска предприняли совместную наступательную операцию против осаждающих. Их внезапное нападение, а также неспособность русского командования организовать должный отпор привели к трагическим результатам. Современный историк Борис Николаевич Флоря мудро заметил: «У войска появилось много начальников, которые могли отдавать распоряжения независимо друг от

друга, и это стало одной из причин неудачи похода».

Русские войска бегут. Часть воевод погибает, другие покидают поле боя, заботясь лишь о спасении жизни. Среди последних оказался и князь И. Ю. Голицын, большой воевода. Курбский глумовато злорадствует, поминая несчастную судьбу плененных тогда военачальников: «...здесь, на великом сейме, на котором бывает множество народа, [они] подверглись всеобщим насмешкам и надругательствам, окаянные, к вечному и немалому позору твоему и всей святорусской земли, и на поношение народу — сынам русским».

Потери — значительные. 17 орудий захвачены неприятелем как трофеи. Датский дипломат Якоб Ульфельд помимо прочего оставил описание и Венденского разгрома. Среди подробностей ужасающих и позорных есть одна отвратительная. Русские артиллеристы, не желая покинуть свои пушки и не имея возможности их спасти, повесились прямо на орудиях, совершив тем самым, по понятиям христианским, страшный грех. Трудно поверить в подобное массовое самоубийство. Вероятнее, взбешенные победители «помогли» московским пушкарям совершить его. На полях сражений Ливонской войны обе стороны не церемонились с пленными...

Так или иначе, гибель русской артиллерийской элиты — знак военной слабости России. Видеть ее горько, думать о ней — страшно!

Русские полки не проявили стойкости, характерной для первых лет войны или хотя бы для молодинской битвы. Видимо, сказывалась общая усталость от боевых действий, нежелание драться всерьез.

Под Венденом московская полевая армия оказалась разбита, артиллерия потеряна. И с этого момента на протяжении нескольких лет наши воеводы терпят одно поражение за другим, отдают города, бегут при виде неприятеля.

Итак, 1578 год — переломный...

Польский король Стефан Баторий отбил драгоценный Полоцк, взял штурмом Великие Луки, затем важную крепость Сокол, где были сконцентрированы крупные силы русских, а также ряд других укрепленных пунктов. В Соколе наемники из армии Батория учинили такую резню, что даже не смогли остановиться, перебив всех живых русских, и принялись с остервенением кромсать трупы. А когда поляки захватили Великие Луки, они устроили там жесточайший разгром, вполне достойный опричного террора в самые худшие его периоды. Была потеряна мощная крепость Заволочье, пали Невель, Велиж, Холм и Старая Русса.

Вот уже русские корпуса разбиты под Торопцом и у той же Старой

Руссы. Вражеские отряды разоряют ржевские и зубцовские места в сердце Тверской земли и почти доходят до новой резиденции Ивана Васильевича в Старице.

Русская полевая армия пала духом. Царские полки, когда-то победоносные, уступали полякам одну битву за другой. И уже не на завоеванных территориях, а на своей земле, в коренной Руси!

В то же самое время ливонские замки сдаются шведским войскам. Шведы берут Нарву, затем, осмелев, — Ивангород, Ям, Копорье, Корелу. Захват Нарвы заканчивается жутким истреблением русских людей и погромом хуже татарского.

Опять восстает «луговая черемиса», и казанское направление требует новых войск. На юге крымцы и ногаи жестоко разоряют русские области. Московских полков не хватает прежде всего там, но, пока не завершилась война в Ливонии, снять их с северного и западного фронтов невозможно.

Князь Курбский издевательски пишет Ивану IV: «Ты добавил еще один позор для предков твоих, пресрамный... город великий Полоцк в своем же присутствии сдал ты со всею церковью — то есть с епископами и клириками, и с воинами, и со всем народом, а город тот ты прежде добыл своею грудью (чтобы потешить твое самолюбие, не скажу уже, что нашею верною службою и многими трудами!), ибо тогда ты еще не всех окончательно погубил и поразогнал, когда добыл себе Полоцк. Ныне же вместе со всем своим воинством ты в лесах прячешься, как хоронится одинокий беглец, трепещешь и скрываешься, хотя никто не преследует тебя, только совесть твоя в душе твоей вопиет, обличая прескверные дела твои и бесчисленные кровопролития».

А для Ивана Васильевича подобное обвинение тем горше, что появился повод задуматься: не отнята ли у него свыше за грехи та несокрушимая, Богом данная хоругвь веры, которая вела его в победных походах по Ливонии? А значит, не отвернулся ли от него сам Господь?

Не слишком ли много взял себе сирота ради покоя своего?

Многие историки подчеркивали нравственное опустошение Ивана Васильевича в последние годы войны. Он вел себя вяло, нерешительно, запрещал воеводам вступать в сражения со значительными силами поляков. Историк Р. Ю. Виппер прямо пишет о нем как о человеке физически и нравственно разбитом, «старике в пятьдесят лет».

Да, возможно, царь переживает не лучшие свои дни. Он деморализован, он впервые осознает свою беспомощность в борьбе против западных соседей. Но его требование избегать столкновений с армией Батория опираются на здравое суждение о боеспособности вооруженных

сил России. Люди измотаны, живую силу трудно собрать в кулак, командный состав по большей части — не первого сорта, и, главное, утрачен боевой дух. Но сам противник еще не до конца уверен в слабости московской армии, привыкнув к прежней ее мощи. Вступить в битву с ним означает, скорее всего, лишиться последних сил, еще способных *изображать* заслон на пути во внутренние области державы. Государю в таких обстоятельствах гораздо полезнее побыть трусом, нежели броситься в бой очертя голову. Политика бездействия, перемежающегося с короткими и редкими контрударами, — лучшее из возможного. Здесь Ивану Васильевичу трудно отказать в благоразумии...

Польские источники говорят о том, что русский царь располагал громадной армией, чуть ли не 300 тысяч бойцов, но не решился напасть на Батория в открытом поле. Что время от времени он отправлял какие-то громадные орды татар — в 7, 10 и даже 20 тысяч человек — на врага, а доблестное польское рыцарство их разгоняло. Псковский летописец также пенял государю, мол, отчего не помог нам, когда на нашу землю пришел иноземный монарх, а у тебя в Новгороде стояло 40 тысяч с князем Ю. Голицыным и в Старице еще 300 тысяч под твоим командованием?

Но откуда бы взяться подобным армиям? Что за фантазии? Какие 300 тысяч? Какие 40 тысяч? Да и татар служилых никогда не собирали такое множество! В 1579-м, специально для отражения Батория, их отобилизовали в армию, возглавляемую самим государем, чуть более шести тысяч — со всей России! В составе легких самостоятельных полевых соединений служилых татар бывало намного меньше.

Для сравнения: в 1577 году, руководя крупной армией вторжения, куда были отобилизованы главные силы Московского государства, Иван IV располагал 20 тысячами боеспособных ратников! В 1579-м, собираясь биться с Баторием, царь возглавил 28 тысяч бойцов! Все силы царства пришлось напрячь, концентрируя такие рати. Притом в обоих случаях дворянской конницы было намного менее половины. Часть этих сил, занимая многочисленные крепости Ливонии, пришлось оставить как гарнизоны. Другая часть погибла в несчастливом сражении у Вендена. Кому-то следовало бороться со шведами в русской Ливонии. Кому-то — оборонять от литовцев Смоленск и Северскую землю. Кто-то сложил голову в крепости Сокол, а также в неудачных для России боях при Торопце и Холме... Что мог бросить в бой государь Иван Васильевич против Батория, когда тот устремился к Пскову? Наверное, тысяч десять-пятнадцать. В лучшем случае...

Исходить надо из того, что Речь Посполитая, даже если не считать

союзных для нее шведов, значительно превосходила Россию по численности бойцов на направлении главного удара. Вышел бы царь Иван против Батория с войском — и в лучшем случае погиб бы со славой после первого же большого сражения.

Не следует винить Ивана Васильевича в трусости и нерешительности. Как умный человек, он предпочел терпеть упреки, но сохранить остатки вооруженных сил от неминуемого разгрома.

Но другая вина лежит на нем. Как довел государь великую страну до состояния, когда ему не с кем оказалось выйти против неприятеля? Какою дипломатией? Какими ратными подвигами? Почему не сумел вовремя остановиться, ведя страшную борьбу за ливонские земли? Горько и правдиво звучат слова другого псковского летописца: «Сий царь и великий князь Иван, по Божии милости и пречистые Богородицы и великих чудотворцов, взял Казанское царство и Астраханское, и вознесся гордостью, и начат братиться и дружбу имети з дальними цари и короли, с цысарем и с турским, а з ближними землями заратися и начат воеватися; и в тех ратех и воинах ходя, свою землю запустошил».

Впрочем, постепенно ресурсы главных противников Ивана IV также исчерпывались.

Шведы попытались было взять мощную русскую крепость Орешек в истоке Невы, однако ее гарнизон отбил. Талантливый шведский полководец Делагарди положил немало своих солдат, пытаясь захватить крепость, стоящую на острове, там, где Нева вытекает из Ладожского озера. Но Орешку вовремя пришла на помощь рать князя Андрея Ивановича Шуйского. Шведам пришлось отступить.

В 1582 году войска Ивана Грозного отправляются против осмелевших шведов на север, за Неву. Передовой полк, где старшим воеводой числился отважный воевода Хворостинин, столкнулся с противником под селом Лялицы и опрокинул его. Эта оплеуха показала: Россия еще способна сопротивляться!

Шведское наступление затормозилось.

Однако сил, чтобы выбить шведов с занятой ими территории, уже неоткуда было взять. Хуже того, шведы действовали в союзе с поляками. Клещи совместного давления на Россию жестоко сдавливали Русскую державу и не давали перебросить силы с одного фронта на другой. Оборона царских войск держалась из последних сил.

Лишь героическое сопротивление Пскова, в 1581 году осажденного огромной армией Стефана Батория, предотвратило военный крах.

Старшим среди воевод в Пскове формально считался князь Василий Скопин. Но особое доверие Иван IV оказал опытному воеводе князю Ивану Шуйскому и на него возложил главную ответственность за оборону города. По горячим следам борьбы за Псков местный иконописец Василий создал «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Автор был очевидцем или даже участником главных событий осады, его рассказ подробен и точен. К Ивану Петровичу Шуйскому он относился с великим почтением, подавал его читателям как главного вождя осажденных и вкладывал в его уста речи, свидетельствующие о храбрости, преданности государю, твердости в православной вере. Так, в преддверии осады князь был вызван в Москву Иваном IV. Поездка Ивана Петровича пришлось на февраль или март 1581 года. Именно тогда, по мнению иконописца Василия, царь допытывался, в каком состоянии находятся городские стены и хватает ли для обороны людей. Воевода отвечал Ивану Васильевичу: «Надеемся, государь... твердо на Бога и на истинную Богородицу нашу, необоримую крепкую стену, и покров, и христианскую заступницу, и на всех святых, и на твое государево царское высокое имя, что град Псков, всячески укрепленный, может выстоять против литовского короля». По словам автора «Повести...», Иван Грозный, услышав такие слова, возложил на Шуйского ответственность за оборону города: «С тебя одного подобает спрашивать мне за всю службу, а не с других товарищей твоих и воевод». Тот сказал: «Если на то благая воля Бога и твое, государь, изволение, то все сделаю по повелению твоему, государь, я — слуга твой. И по наставлению Господа и Богородицы всей душою, от всего сердца, непритворно рад буду исполнить порученную службу в граде Пскове». Если слова воеводы автор «Повести...» мог сочинить сам, то слова государя — вряд ли. Шуйский привез с собой в город государев письменный наказ, из коего, надо полагать, и была взята строгая фраза Ивана IV.

В кремлевском Успенском соборе, перед чудотворными иконами, князь И. П. Шуйский дал царю клятву «держатъ осаду и стойко оборонятъся».

Царский указ давал Шуйскому особые полномочия — решать все важнейшие дела по собственному разумению. Так и происходило на протяжении всей осады.

В час, когда война губительно взяла Россию в стальной зажим, Иван Васильевич искал надежности на последних рубежах обороны. И живым символом такой надежности выглядел в его глазах князь Иван Шуйский — аристократ, выходец из семейства, когда-то столь холодно относившегося к юному наследнику престола, но все-таки очень опытный полководец,

человек, которого уважали в войсках. И умение выбирать людей для самых ответственных поручений не изменило царю. Иван Петрович Шуйский и впрямь был хорош в своем деле.

Псков издревле имел каменные стены. Но лишь часть его укреплений была мощной и современной, в то время как другая часть — старой, недостаточно прочной. Иностранцы, оценивая оборонительный потенциал Псковской крепости, говорили, что местами она сильна, местами же ее оборона ограничивается «плохими каменными круговыми стенами». Ничего удивительного: огромный «каменный пояс» Пскова созидался на протяжении многих поколений, были у него и откровенно устаревшие, слабые места. Шуйский знал: мощная артиллерия Стефана Батория быстро разрушит наиболее уязвимые участки стен. Поэтому воевода готовил противнику ряд сюрпризов. Еще до осады в городе велись масштабные строительные работы: давно воздвигнутые каменные укрепления получили усиление за счет дополнительных, дерево-земляных. Собственно, для фортификационного искусства тех времен характерна постепенная замена старых цельнокаменных оборонительных сооружений земляными, лишь облицованными камнем. Деревянные кровли над боевыми площадками стен и башен по распоряжению Шуйского разобрали, видимо, не желая подставлять под зажигательные снаряды противника, а предместье (1500 домов) спалили.

Кроме того, по сообщению папского посланника Антонио Поссевино, посещавшего лагерь Батория, И. П. Шуйский «позаботился построить повсюду среди крепостных башен другие... деревянные, предназначенные для того, чтобы поставить на них более крупные орудия, из которых можно было бы вести постоянный обстрел». Ко времени начала осады вождь защитников Пскова хорошенько запасся строительными материалами. Это позволило ему после разрушения каменных стен встречать врага пальбой с земляных насыпей и деревянных помостов, моментально возводившихся позади разбитых внешних сооружений. Артиллерия Батория могла работать хоть на износ: псковичи быстро закрывали любой пролом в постоянных укреплениях новыми, временными.

У Стефана Батория имелась своя причина беспокоиться: он привез с собой слишком малый запас пороха. На одну хорошую артподготовку перед штурмом хватит, но если он не увенчается успехом, полное преимущество получит артиллерия Пскова: русских пушкарей обеспечили порохом и боеприпасами хоть на десять лет осады.

Войско польского короля насчитывало 25–27 тысяч конников, пехоты и артиллеристов при 20 осадных орудиях. Оно имело пестрый состав: наряду

с поляками и литовцами король привел под стены Пскова наемников: немцев, шотландцев, венгров, французов, итальянцев. Шуйский располагал примерно 4500 стрельцов, казаков и конников-дворян, 1500 человек артиллерийской obsługi, всего около шести тысяч бойцов. Им помогали вооруженные горожане. Псковичи горячо откликнулись на призыв Шуйского постоять за отечество, на стены вышли не только мужчины, но и женщины.

Король быстро отыскал уязвимое место в псковской обороне. Южная часть укреплений не была защищена реками. К тому же ключевой пункт, воротную Покровскую башню, королевские артиллеристы могли обстреливать с *трех* сторон — фронтально, с фланга и даже с тыла.

7 сентября 1581 года началась бомбардировка города. Оправдались худшие ожидания Шуйского. Польским и венгерским пушкарям, располагавшим современной артиллерией, удалось всего за один день нанести городским укреплениям страшный ущерб. Они буквально снесли своим огнем Покровскую башню, разбили стену на 24 сажени рядом с нею и еще на 70 саженей — в других местах, сильно повредили Угловую и Свинусскую башни. Громадные проломы как будто зазывали неприятеля совершить дерзкую атаку.

Именно это и произошло: король отдал приказ начать общий штурм на следующий день, 8 сентября. Увидев неприятельских бойцов, дозорные ударили в сигнальный колокол.

Начало штурма принесло новый успех Стефану Баторию. Королевская пехота под огнем, несмотря на потери, добежала до развалин и заняла их, горделиво поставив флаги.

Казалось бы: всё, город взят!

Но тут неприятель обнаружил первый сюрприз, заготовленный для него Шуйским. Путь вражеским пехотинцам преградил ров, вырытый сразу за стеной. А за рвом на высоких земляных насыпях стояли ратники Шуйского с ружьями и пушками. Положив немало бойцов во время штурма, Стефан Баторий ничего не выиграл: новые укрепления из дерева и земли защищали город надежнее, чем старые, каменные.

Королевская пехота пошла на приступ второй оборонительной линии русских.

Русский очевидец рассказывает о бое за земляные укрепления: «Государевы бояре и воеводы и все ратные люди, и псковичи с ними мужественно бились: одни под стеною с копьями стояли, стрельцы стреляли по врагам из пищалей, дети же боярские из луков стреляли, другие же бросали во врага камни. И из орудий непрестанно по врагу

стреляли и никак не давали сойти в город. Литовское же воинство упорно и настойчиво со стен, и из башен, и из бойниц беспрестанно стреляло по русскому воинству... И можно было видеть, как христианские воины^[78], словно пшеничные колосья, вырванные из земли, погибали за христианскую веру. Другие же изнемогали от многочисленных ран, нанесенных литовским оружием, и ослабевали от усталости — день тогда был очень солнечный и знойный; но все крепились...»

Штурмующим отрядам пришла подмога из королевского лагеря — еще две тысячи свежих бойцов. Поляки взяли одно из деревянных укреплений.

Настал решающий момент боя. Русских немного отделяло от поражения. Однако защитников Пскова выручило искусство артиллеристов. Они установили на насыпи, недалеко от пролома, мощное орудие «Барс» и ударили по Свинусской башне, занятой польской пехотой. Еще один «сюрприз» Шуйского...

Меткая стрельба выбила из строя множество нападающих. Их напор ослабел. Верхняя часть башни, уцелевшая после вражеской бомбардировки, обрушилась на вражескую же пехоту.

Русские заложили пороховые заряды под занятое поляками деревянное укрепление близ Свинусской башни. Там как раз засела свежая группа, недавно прибывшая из расположения королевских войск. В ее состав входили высокородные вельможи, решившие поднести королю победу на блюде. Серия взрывов разметала бревенчатый сруб и разворотила остатки самой башни. По словам очевидца, польские шляхтичи «смешались с псковской каменной стеной Свинусской башни и из своих тел под Псковом другую башню сложили...».

Псковские священники, желая ободрить русских бойцов, принесли из соборной церкви чудотворную икону Успения Богородицы, иные образы и чудотворные мощи. Монахи, несущие иконы и мощи, встали у самого проломного места, призывая усталый гарнизон биться насмерть. Игумен Мартирий, келарь Печерского монастыря Арсений Хвостов, казначей Рождественского Снетогорского монастыря Иона Наумов, происходившие из дворянских родов, видели, что победа колеблется и может еще перейти к неприятелю. «Потому, умудренные Богом благодаря вере и честным своим молитвам, они, прибежав к проломному месту... громкими голосами государевым боярам и воеводам и всему христианскому воинству будто от имени святых икон... милость возвестили: «Не бойтесь, станем крепко и устремимся все на литовскую силу! Богородица с милостью и защитой идет к нам на помощь со всеми святыми!»...и одновременно с этой вестью осенила Богородица все православное воинство своей милостью и

помощью; и сердца немощных окрепли и стали тверже алмаза... Также великого заступника псковского князя Гавриила-Всеволода, с ним же князя Довмонта и Николая, Христа ради юродивого, в сердцах своих призвав на помощь, все христианское воинство в едином порыве устремилось на литовскую силу, на стены города, в проломное место. И так Божьей милостью, молитвою и заступничеством Пречистой Богородицы и великих святых чудотворцев сбили литовскую силу с проломного места, и по благодати Христовой там, где на псковской стене стояла литовская сила, в тех местах вновь христианские воины утвердились и со стены били Литву уже за городом и добивали оставшихся еще в Покровской башне», — рассказывает очевидец-пскович.

В самом пекле князь Шуйский разъезжал на раненом коне, ободряя своих ратников.

В конце концов неприятель не выдержал и начал отходить в лагерь.

Венгерский отряд, засевший в остатках большой Покровской башни, сопротивлялся дольше всех. Венгры славились тогда на всю Восточную Европу как отчаянно храбрые бойцы. Именно их натиск несколько раз приносил Стефану Баторию победу над русскими войсками, прежде всего крепостными гарнизонами. Венгры пытались форсировать ров и взять приступом вставшие на их пути бревенчатые оборонительные сооружения, покрытые дерном. Затем, устав и не добившись успеха, они отражали контратаки псковского гарнизона, до 23 часов цепляясь за свою позицию.

Ночь пала на заваленные трупами развалины стен и башен. Под ее покровом венгерская пехота небольшими кучками стекалась в лагерь, оттаскивая трупы товарищей. В итоге последней жестокой схватки за полуразрушенную башню остатки неприятельских штурмовых отрядов оказались выбиты за стену, в поле. В качестве трофеев псковским ратникам достались вражеские знамена, множество брошенного оружия, полковые трубы и барабаны. Несколько знатных пленников предстали перед русскими воеводами, чтобы в подробностях рассказать о королевской армии.

Более с вражеской стороны никто не пытался переломить ход боя и ворваться в город со свежими отрядами.

Днем Стефан Баторий дорогой ценой купил груды камней, которые раньше были стенами и башнями. Но все это вечером пришлось вернуть бойцам Шуйского.

Псков отдал 863 жизни за победу. Неприятель потерял около 900 человек убитыми. Как признавались поляки, у них погибло множество офицеров. Но более всего изумляло армию вторжения обилие ран,

нанесенных камнями, кольями, плотницкими топорами, дубинами. Когда стрельцы и дворяне Шуйского изнемогали под напором королевской пехоты, к ним на помощь пришли «непрофессионалы» — горожане с дубьём. Эти били без разбору — туда, куда удавалось попасть; убили немногих, зато многих изувечили. Псковичи имели полное представление о зверствах королевской армии в Соколе и Великих Луках, а потому не собирались сдаваться себе на погибель.

Ко всему прочему у королевских артиллеристов почти не осталось пороха. Король и крупные военачальники, состоявшие в его войске, подумывали о новом штурме, но выяснилось, что огневую мощь королевских пушек нечем обеспечить.

Баторий, увидев стойкость гарнизона и его командиров, принимается за переговоры. Король угрожает уничтожить защитников Пскова, как только город будет взят его армией. В случае добровольной капитуляции он обещает великие милости воеводам. Из города ему отвечают: «Если Бог за нас, то никто против нас!»

Потерпев поражение на приступе и в переговорах, неприятель сменил тактику. Не имея должной артиллерийской поддержки, Баторий отказался от мысли организовать новый штурм. Шуйский переиграл его по всем статьям: выполняя приказ воеводы, псковичи быстро «закупорили» брешу в стенах. Уже 9 сентября один из польских участников осады пишет: «Русские в проломах, сделанных нами, снова ставят срубы и туры и так хорошо исправляют их, что они будут крепче, нежели были прежде. Мы бы и стреляли в них, да принуждены беречь порох». Таким образом, и тот результат, который дала Баторию бомбардировка городских стен, оказался сведен к нулю.

Здравом рассудив, что в подобных условиях очередная лобовая атака лишь увеличит и без того значительные потери, король решил попробовать «минную войну».

Но и тут его армию ждало поражение. Псковичи взрывали один вражеский подкоп за другим. Долгая подземная война была выиграна ими, что называется, «с разгромным счетом».

Между тем снабжение осаждающих ухудшилось. В лагере начал ощущаться недостаток продовольствия.

Тогда Стефан Баторий все же вновь призвал своих людей на большой штурм. Это случилось в ноябре.

Любопытно: в польских и русских источниках картины нового приступа, осуществленного королевской ратью, отличаются разительно. Поляки без особой охоты говорят о нем. Первый штурм, сентябрьский, в их

описании — героическая трагедия. Неудача, но весьма достойная, не уронившая чести войска. А вот во всем, что касается штурма ноябрьского, видны какая-то странная вялость и уклончивость. Надо полагать, действия нападающих оказались столь неудачны, вернее, столь нерешительны, что не хотелось о них рассказывать.

В русских источниках всё четко, без каких бы то ни было разночтений: «Октября в 24 день^[79] [вражеские войска] стреляли, розжигая ядра, в город. Октября в 28 день Литва пришла со щиты стену подсекати кирками и всякими запасы. Ноября во 2 день от Великия реки по леду приступаху». Что тут неясного? Сначала — бомбардировка, благо прибыл обоз с порохом из Риги. Затем — попытка разрушить стену, о чем подробнее будет сказано ниже. В конце концов — приступ. И город устоял. Но это, так сказать, лаконизм победителей...

Побежденные рассказывают иначе.

Прежде всего, подробно излагается действительно смелое деяние, осуществленное пехотой осаждающих.

Отборные храбрецы из венгерских отрядов Стефана Батория идут под каменную стену с кирками и ломами, пытаясь разрушить ее основание, в то время как их товарищи пробуют поджечь деревянную. От стрел, пуль и камней они защищаются досками, а также большими деревянными щитами. В ответ со стен в них начинают метать пропитанное смолой тряпье, поджигая сами щиты. В нижнем ярусе стен появляются новые бойницы, из которых по вражеским солдатам палят в упор стрельцы. Сверху на головы врагов льется раскаленный деготь и кипяток. Несколько особенно упорных бойцов противника углубились в стену так, что сверху их было практически невозможно достать. Тогда псковские воеводы измышляют собственную уловку. Вот что рассказывает о ней пскович: «Повелели навязать на шесты длинные кнуты, к их концам привязать железные палки с острыми крюками. И этими кнутами, спустив их с города за стену, стегали литовских камнетесов и теми палками и острыми крюками извлекали Литву, как ястребы клювами утят из кустов на заводи; железные крюки на кнутах цеплялись за одежду и тело литовских хвастливых градомцев и выдергивали их из-под стены...» — тут они становились легкой добычей русских стрельцов. Польский историк Рейнгольд Гейденштейн, сокрушаясь, пишет: «Неприятели из города сверху стен, разрушить которые старались венгры, стали спускать огромной величины бревна, со всех сторон обитые железными зубцами и прикрепленные железными цепями к длинным шестам; неприятели, потрясая ими, действовали так искусно, что все, находившиеся на работе,

получали направленные снизу удары как бы плетью, вследствие чего эти бревна причиняли большие несчастья».

Потерпев провал со всеми перечисленными хитростями, Стефан Баторий отдает приказ открыто атаковать Псков, больше желая взбодрить армию, нежели надеясь на благоприятный исход дела. Незадолго до того встала река Великая. Королевские военачальники погнали многочисленные отряды на штурм прямо по льду.

Но очередной приступ был обречен на неудачу заранее.

Во-первых, боевой дух в войсках осаждающих оказался не на высоте — командиры силой принуждали бойцов идти на приступ.

Во-вторых, королевская пехота устала от долгого сидения в окопах, холода, тяжелой службы, она измучилась от недоедания. Это была совсем не та «свежая» пехота, которая с большим задором шла на приступ 8 сентября. У ратников Батория поубавилось резвости...

В-третьих, бросаясь в атаку по льду реки, отряды врага оказывались на открытом месте под огнем русских пищалей и пушек.

В-четвертых, артподготовка поляков оказалась слишком слабой. Поляк-очевидец событий откровенно пишет: «Сегодня была баталия. Наши стреляли в стену; но русские отплатили в десять раз. Много наших в окопах погибло от их выстрелов. Вчера и сегодня убили, между прочим, четырех пушкарей. Не понимаю, откуда у них такое изобилие ядер и пороху? Когда наши выстрелят раз, они в ответ выстрелят десять и редко без вреда. Над стенами построили сруб и высокие башни, с которых бьют на все стороны, где бы только что ни показалось, и на нас кричат со стен: «Отчего вы не стреляете? Если бы вы и два года осаждали Псков, то и тогда вам не видать его! Зачем сюда приехали, когда пороху не имеете?» Грустно, что нет средств для этой осады! Надо было иначе приготовиться... У псковитян больше пороху, чем у нас».

Наконец, в последние дни октября ударили крепкие морозы. Литовские воины даже отказывались нести караульную службу: их «бьют палками, сажают на цепь, но те оправдываются тем, что не имеют шуб». По таким погодам не очень-то повоюешь...

Иначе говоря, худшие условия для штурма трудно себе представить.

Повествуя о приступе, сами поляки, в сущности, почти ничего не пишут ни о боевых действиях, ни о потерях. Атакующие вступили в сечу с защитниками Пскова и одновременно сделали попытку поджечь деревянные оборонительные сооружения, возникшие за развалинами каменных. Вот, в сущности, и всё, о чем рассказано в польских источниках. Осаждающие имели хороший шанс хотя бы в одном: там, где стену

подкапывали храбрецы-венгры, она в конечном итоге оказалась столь слаба, что рухнула под действием жидких залпов королевской артиллерии, столь ослабленной нехваткой пороха. Но дерево-земляные сооружения русских остались незыблемыми, поэтому атакующие, положив людей, опять не добились успеха.

В сущности, Шуйский, возведя дополнительные укрепления, заставил неприятеля до крайности рисковать и нести неоправданные потери. Оба приступа разбились о них...

Даже тех редких бойцов, кто всерьез рвался в бой, сбило с толку одно неожиданное обстоятельство. Во время приступа венгры обнаружили среди мертвых тел мешки с солью. Возможно, их специально подбросили по распоряжению хитроумного псковского командования. Оголодавшие вояки ринулись утаскивать мешки, к ним на подмогу из лагеря прибежали новые, и штурм превратился в беспорядочную драку из-за драгоценной соли. Позорище, одним словом.

Гейденштейн прямо обманул своих читателей, отказавшись живописать такой вот штурм. Вот его слова: «Венгерцы не оставили своей работы, пока не разрушили большей части той стены; наконец, так как и в этой части неприятели поставили палисады против башни и выкопали ров, то решено было оставить намерение взять город приступом». И всё. Будто и не случилось никакого приступа, будто и не было хаотической потасовки из-за соли...

Уж больно некрасиво получалось. Не по-рыцарски.

Для князя Шуйского и псковского гарнизона всё выглядело иначе. Ведь им было чем гордиться.

Несколько раз волны королевской армии накатывали на Псков по льду и отступали, выкладывая черный ковер телами убитых и умирающих... Ротмистры наезжали конями и секли саблями «гайдуков» — польскую легкую пехоту, — заставляя их двигаться к пролomu. Но стрельцы укладывали атакующих одного за другим...

У неудавшегося ноябрьского штурма было два последствия.

Во-первых, гайдуки принялись торговать награбленной солью прямо в окопах. Псковская артиллерия накрыла это сборище, и осаждающие вновь понесли потери.

Во-вторых, 6–7 ноября королевские военачальники отвели солдат из окопов и оттащили пушки к лагерю. Это означает, что польское командование совершенно потеряло желание вновь бросать людей на штурм. Атаковать можно было только из окопов. Эффективно обстреливать стены — тоже. Покинув их, ратники Стефана Батория утратили обе

возможности. С этого момента у осаждающих остался лишь один инструмент давления на город — плотная блокада.

Наступили холода, вражеское войско стояло под городом, терпя урон от морозов и голода. Катастрофически не хватало дров. Солдаты потихоньку растаскивали ими же возведенные бревенчатые сооружения. Еще раньше начались стычки между отдельными отрядами неприятеля за угнанный у русских скот и отобранный конский корм.

Секретарь походной канцелярии ксендз Пиотровский оставил в записках о боевых действиях Батория горестное восклицание: «Боже, как жаль тех трудов и денег, которые мы потратили под Псковом!» Наемные отряды разбегаются от короля, не получив причитающейся платы. Уходят по домам волонтеры, надеявшиеся на славу и богатую добычу. В декабре 1581 года, по словам ксендза, армия приходит в жалкое состояние: «Мы заживо погребаем себя в этом лагере... положение наше весьма бедственное... Морозы ужасные, неслыханные, голод, недостаток в деньгах, лошади падают, прислуга болеет и умирает; на 100 лошадей в роте 60 больных; но этого разглашать не следует... Венгерцы массами перебегают в город».

А Псков не сдавался.

Огромная первоклассная армия не сумела сломить сопротивление его защитников. Русский воевода Иван Шуйский вчистую переиграл знаменитого полководца Стефана Батория.

Наконец, сам король оставил свою армию, передав командование гетману Замойскому.

К середине зимы гетман должен был понять, что у него нет шансов войти в город. И как военачальник он это, вероятно, понимал. Строил планы наступательных действий в обход Пскова, с проникновением вглубь территории Московского государства. Мечтал о разгроме русских полевых соединений, которые на протяжении последних лет Ливонской войны утратили прежнюю стойкость и дисциплину... Но как государственный деятель он предпочитал сколь угодно значительные потери откровенному поражению. Поэтому с места Замойский все-таки не двигался и упрямо держал ядро боевых сил неподалеку от псковских стен. Почему? Неужто для польских дипломатов неудачливая армия, бесполезно застрявшая на Псковщине, являлась столь уж сильным козырем в переговорах с русскими посольскими людьми? Или Замойский боялся, распустив бойцов, более не собрать их воедино? Тут имелся свой резон: финансовые и мобилизационные ресурсы Речи Посполитой достигли критического рубежа...

Но, думается, многое в поведении польского полководца, да и всей армии, объяснялось не какими-нибудь тактическими или стратегическими причинами, а иррациональными мотивами.

Важно понимать, до какой степени Стефан Баторий сумел внушить стране феерические надежды. Он и прежде проявлял в военных делах и удачливость, и большое искусство, а сцепившись с Иваном IV, показал лучшие качества своего батального таланта. Два года король вел польские знамена от победы к победе. Тот реванш, о котором польские и особенно литовские политики мечтали со времен Ивана III, отколовшего от западного соседа изрядный кусок «Литовской Руси», мечтали страстно, время от времени жизнями расплачиваясь на бранном поле за свои мечтания, блистательный король-кондотьер дал им всего-то за две кампании. Страшное унижение «московитского медведя» вселяло самые добрые надежды. Отправляясь в третью кампанию, шляхта и магнаты твердо верили в счастливую звезду своего монарха, ждали новых побед, новых сказочных успехов... и намертво встали в холодных окопах под стенами Пскова. А очарование прежних удач всё еще не выветрилось из их памяти, все еще заставляло уповать на чудо.

Были в этом ожидании и упорство, и твердая воля, и воинский задор. Не ворвались за стены, не взяли город на щит, так хоть перестоим осажденных! Авось не выдержат, сдадутся... Ведь так красиво всё начиналось!

И Замойский действовал, опираясь на остатки этой веры. Гетман твердо знал: когда она рассеется окончательно, победоносной войне придет конец.

Армия Батория — Замойского состояла из представителей воинственных народов. Удалые смельчаки-венгры, рыцарственные поляки, искусные в ратном деле немцы... да и литовцы, пусть утомленные долгой борьбой с татарами и русскими, а всё же не забывшие эпоху имперского величия своей страны, — всё королевское пестрое сборище жаждало добычи, подвигов, славы. Это были хорошие, отважные бойцы. Их честь, их кураж да еще инерция, оставшаяся в сознании от старых побед, не давали им разойтись по домам.

Им оставалось лишь умирать.

Честно, глупо и бесполезно.

«Московитский медведь» оказался крепче, нежели о нем думали.

Под занавес осады польско-литовские войска были до крайности измотаны и уstraшены упорством русских ратников. О новом штурме

никто не помышлял с ноября. И даже простое стояние у псковских стен стоило очень дорого. Королевское командование прекрасно понимало: твердость защитников крепости подпитывается высоким боевым духом их командира — князя Шуйского. Поэтому поляки, разозленные неудачами, решили погубить его каверзой. Артиллерийский офицер Иван Остроумецкий предложил коронному гетману подорвать Ивана Петровича порохом...

9 января 1582 года из лагеря осаждающих в крепость пришел русский пленник, отпущенный в Псков с большим ларцом. Бог весть, решился ли этот человек на тяжкую измену или просто оказался введен в заблуждение. Во всяком случае, «легенда» его была такова: среди королевских офицеров сыскался некий дворянин Гонсумеллер, решивший стать перебежчиком. Он и отправил в Псков человека с ларцом, дав ему также грамоту. В пересказе этот текст звучит следующим образом: «Первому государеву боярину и воеводе, князю Ивану Петровичу, Гансумеллер^[80] челом бьет. Бывал я у вашего государя с немцем Юрием Фрянбреником^[81], и ныне вспомнил государя вашего хлеб-соль, и не хочу против него стоять, а хочу выехать на его государево имя. А вперед себя послал с вашим пленным свою казну в том ларце, который он к тебе принесет. И ты бы, князь Иван Петрович, тот мой ларец у того пленного взял и казну мою в том ларце один осмотрел, а иным не давал бы смотреть. А я буду в Пскове в скором времени».

Хитрость была шита белыми нитками. Только ярость отчаяния могла подвигнуть командование осаждающих на такую подлость и в то же время на столь наивную уловку. Посоветовавшись с прочими военачальниками, Иван Петрович решил не открывать ларчик с секретом. Вещицу отнесли подальше от воеводской избы. Там ею занялся псковский умелец, отперший ларец со всей осторожностью. О! «Казна» в нем оказалась знатная! Внутри поляки установили 24 заряженных пистолета^[82]. Их направили во все стороны. Замки пистолетов соединялись ремнем с запором ящичка, а поверх «самопалов» польские хитрецы от души насыпали пороха. Если бы воевода неосторожно откинул крышку, то непременно получил бы свинцовый залп и мощный взрыв...

Польский историк Гейденштейн фантазирует, будто бы взрыв все-таки произошел и от него погиб русский воевода князь Андрей Иванович Хворостинин плюс некто Козецкий (Замыцкий?), а князь Шуйский получил ранение: позднее его не видели на стенах. Русские источники полностью эту выдумку опровергают. Летом 1583 года мы видим Андрея Хворостинина первым воеводой передового полка на казанских землях.

Ему предстояло прожить еще долгие, насыщенные событиями годы.

Впрочем, существует третья версия, наиболее достоверная. Ее излагает автор независимого частного летописца, названного историками Пискаревским. Он явно получил сведения от участника псковского «осадного сидения», поскольку передает бытовые подробности, выдающие очевидца. Так вот, по изложению Пискаревского летописца, «адская машинка», попав в руки псковских воевод, вызвала подозрение неким «малым ремешком», привязанным к ларцу. Ремешок порвали, после чего пришлось вызывать мастера-«замочника». А уж тот вскрыл ларец безопасным способом. Там обнаружили «полно зелия и пищалок маленьких. А тот ремешок приведен к спускам самопальным». Разобранная адская машинка не причинила псковским воеводам никакого вреда.

Русский современник спокойно резюмировал: «Кого Бог хранит, того и вся вселенная не сможет убить, а от кого Бог отвернется, того и вся вселенная не сможет укрыть».

Последние недели осады идут под аккомпанемент донесений с русско-польских переговоров. Боевые действия фактически прекращены, псковские купцы налаживают торговлю, но войско коронного гетмана еще не уходит. И даже представителя царского посольства Петра Пивова, направленного с известиями в Псков, Замойский не пускает через расположение своей армии. Поляки задерживаются до последней возможности, ожидая, как видно, что бдительность русских воевод ослабнет и они все-таки смогут войти в несокрушимую твердыню.

Тщетно.

Наконец, автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» может вздохнуть с облегчением: «Месяца февраля в 4 день польский гетман, канцлер, отошел от града Пскова в Литовскую землю со всею силою литовскою. Тогда же в граде Пскове раскрылись затворенные ворота».

Кончено! Выстояли.

Теперь для воевод настало время уступить дипломатам место на сцене большой политики.

Переговоры об окончании войны, шедшие в Яме Запольском, окончились десятилетним перемирием. Условия его были тяжелыми для России, но после всех побед, ранее одержанных Стефаном Баторием, Речь Посполитая могла надеяться на большее. Тяжелое поражение под Псковом остановило неудержимый, казалось бы, прорыв поляков на восток и предотвратило вторжение в центральные области России. В результате они

сами попали в критическое положение. Между тем Московское государство, измотанное, обескровленное, все еще могло сопротивляться. Стратегический успех, достигнутый князем Иваном Петровичем Шуйским и его соратниками, ободрил Россию, уставшую от известий о неудачах.

По условиям перемирия Россия отдала Речи Посполитой Полоцк, Велиж и всю занятую ее войсками часть Ливонии. Серьезные потери! Но могло быть и хуже.

Героическое сопротивление Пскова, осажденного огромной армией наемников, предотвратило вторжение в центральные области России. Мощное войско польского короля обломало зубы о северную русскую твердыню.

Стефан Баторий желал большего. В его планы входило поставить Россию на колени, отторгнуть Новгород Великий и даже Смоленск. Но Польша и Литва оказались измотаны не меньше России, сил на новые большие походы не оставалось. Польский король вынужден был вернуть многие русские города, захваченные им в 1580–1581 годах, прежде всего Великие Луки. И уж конечно более и речи быть не могло о каких-то территориальных уступках, касающихся коренных русских земель — Новгорода, Пскова, Смоленска, северских городов.

Через год после того, как высохли чернила на Ям-За-польском мирном соглашении, Швеция и Россия заключили Плюсское перемирие. В соответствии с ним Иван IV потерял Нарву, Ивангород, Ям, Копорье, Корелу.

Таким образом, война закончилась крайне неудачно для России.

Тяжелое поражение в Ливонской войне явилось в значительной степени результатом дипломатических неудач, а не только военных.

Любопытно, что Иван IV долго не рассматривал Батория как серьезную политическую силу и даже в ходе боевых действий, неудачных для России, все еще продолжал оскорблять его в посланиях. В 1579 году, когда неприятности завершающего этапа Ливонской войны уже начались, царь в письме величается перед выборным королем своим происхождением и корит Батория отступничеством от христианства. Польский государь и сам не отличался особой корректностью, поэтому Иван Васильевич упрекает его: «Мы твою грамоту прочли и хорошо поняли — ты широко разверз свои высокомерные уста для оскорбления христианства. А таких укоров и хвастовства мы не слыхали ни от турецкого султана, ни от императора, ни от иных государей. А в той земле, в которой ты был (Баторий, воевода Семиградский, жил в Трансильвании, являвшейся тогда вассальной территорией турецкого султана. — Д. В.), и в тех землях, тебе

самому лучше известно, нигде не бывало, чтобы государь государю так писал, как ты к нам писал. А жил ты в вере басурманской, а вера латинская — полухристианство, а паны твои держатся иконоборческой лютеранской ереси».

Со своей точки зрения государь Иван Васильевич во всем прав, но ему необходимо решить серьезные дипломатические задачи, а он вместо этого вступает в перебранку...

Летом 1581 года, когда дела на западном фронте идут из рук вон плохо, Иван Васильевич отправляет Стефану Баторию еще одно письмо, по внешней видимости смиренное, однако же наполненное колкостями и попреками. В начале послания стоит знаменитая фраза: «Мы... удостоились быть носителем крестоносной хоругви и креста Христова Российского царства и иных многих государств и царств, скипетродержатель великих государств, царь и великий князь всея Руси... по Божьему изволению, а не по многоятежному человеческому хотению...» — здесь виден намек на «второсортность» королевского титула, полученного по результатам шляхетских выборов.

В сущности, положение польского монарха действительно далеко не столь прочно, как русского государя: власть московского самодержца значительно шире. К тому же она освящена религиозной традицией, а не победой «по числу голосов». Но обстоятельства, в которых царь обращается с укоризной к королю, делают эту нападку неуместной. Страна бедствует, вооруженные силы находятся в состоянии, близком к полному разложению, враг глубоко вклинился в русскую территорию, а царь желает выглядеть красиво и выйти победителем из словесных перепалок.

Не в характере государя было вовремя остановиться в своих требованиях, ограничить проявление эмоций ради холодного дела дипломатии, осознать приоритет державных интересов над личными. Увлечшись игрой страстей, политической интригой, государь в большей степени стремился предъявить иностранцам собственное остроумие и ученость, нежели добиться конкретных результатов.

Иван IV был недоволен результатом Ливонской войны. Столько сил и средств потрачено, а вместо приобретений — утраты! Царь планировал вернуть потерянные земли. Для подготовки новой войны требовалось время: восстановить силы до предела измотанной страны, разбить союз между Польско-Литовским государством и Шведской короной.

Русское правительство не раз предлагало шведам подписать мирный договор, по условиям которого русские города, потерянные в боях,

передавались бы Московскому государству за солидный выкуп. Шведы раз за разом отвергали подобные предложения. Эти города безусловно требовалось отвоевывать: там жило русское православное население, шли богослужения в храмах, и отдать их навсегда протестантам, «прескверным люторам», как называли их в Москве, было бы делом позорным. Всё равно что бросить раненого товарища на поле боя.

Речь Посполитая и Швеция, в свою очередь, искали удобного случая, чтобы расширить завоевания.

Таким образом, все три главных участника Ливонской войны видели в ее итоге нечто временное. Каждый собирался улучшить достигнутый результат, как только сложатся удобные обстоятельства. Приграничные области жили в страхе: новой войны ждали со дня на день.

Но два самых воинственных монарха, участвовавших в борьбе за Ливонию — Иван Грозный и Стефан Баторий, — не смогли возобновить ее. Царь умер в 1584 году, а король — в 1586-м.

Никто не сомневался, что возобновят борьбу их преемники. Поэтому стоит сказать о том, как завершилось титаническое вооруженное противостояние уже после смерти Ивана IV.

Шведы рассорились с поляками, две сильные державы расторгли союз. Чудовищные клещи, сжимавшие Северную Русь, разжались. Московское правительство быстро воспользовалось раздором между соседями.

В конце 1589 года царь Федор Иванович (сын и наследник Ивана Грозного) во главе большой армии вышел в поход. Современники считали его мирным человеком, добрым и крепко верующим. Государственным делам Федор Иванович предпочитал молитвы и колокольный звон. Русской православной церковью он почитается как святой чудотворец. Как ни парадоксально, именно при этом тихом царе Россия шла от одной военной победы к другой: разбила татар, шведов, присоединила большую часть Сибири.

Русское войско под командованием самого царя нанесло стремительный удар по территориям, которые раньше принадлежали России, но шесть лет назад перешли к Швеции. Противник не ждал наступления. Шведы ни в грош не ставили царя Федора Ивановича. Если отца опасались, то к сыну относились как к святоше и глупцу, и за это были сурово наказаны.

Русские воеводы заняли Ям и Копорье. Затем осадили Нарву. Шведский корпус под командой Густава Банера появился в опасной близости от города. Блистательный полководец князь Дмитрий Хворостинин атаковал его и в долгом трудном бою разбил наголову.

Нарву тогда взять не удалось, но шведов все-таки принудили вернуть помимо Копорья и Яма также Ивангород и Корелу. Русские земли, отторгнутые шведами во время Ливонской войны, были возвращены. Тявзинский мир 1595 года официально закрепил их возврат России.

Четверть столетия Московское царство вело тяжелую войну на несколько фронтов. Окончилась она неудачно, однако земли, потерянные Россией, вскоре удалось отбить. Даже проигранная, Ливонская война показала мощь русской военной машины, тактический дар полководцев и колоссальную жизнестойкость страны, которая очень долго на равных вела борьбу с несколькими могучими державами одновременно.

ПРОНИКНОВЕНИЕ В СИБИРЬ

Холодный закат грозненского царствования несколько скрасили обнадеживающие известия из Сибири.

В XIV–XVII столетиях у русского народа имелся колоссальный потенциал колонизации необжитых земель. Границы Руси раздвигались по всем направлениям. Однако любое продвижение когда-нибудь наталкивается на непреодолимый рубеж. Так, на западе расширение пределов России ограничивало сопротивление столь сильного противника, как Речь Посполитая, на юге — Дикая степь и воинственные тюркские народы, а на севере — океан. Относительно свободны оказались только уральские и сибирские просторы, редко заселенные местными народами.

Та роль, которую выполнили в Америке конкистадоры, в Сибири досталась нашим землепроходцам. Они открывали новые земли, приводили их «под руку» московским государям, облагали данью-ясаком и создавали условия для крещения сибирских народов. Первыми на новых территориях появлялись казак да вольный «промышленник», затем — государев стрелец и приказной человек, а сразу после них — священник. В крепостях-ostroгах и по соседству с ними скоро возникали храмы и монашеские обители.

В XVI столетии русским удалось освоить бассейн реки Таз, необыкновенно богатый пушным зверем. В 1600 году там появится маленький русский город Мангазея. На Северной Двине и в Предуралье богатели владения купцов и солепромышленников Строгановых со столицей в городе Сольвычегодск (Усольск). От былого величия там по сию пору остались великолепные каменные соборы строгановской эпохи...

Строгановым досаждал серьезный враг, преграждавший всему Московскому государству путь на восток, — воинственное Сибирское ханство. Набеги татар на земли Строгановых и окрестности города Чердынь (оплот Московского государства на востоке) наносили значительный урон. Для войны с ними промышленники наняли большой отряд волжских казаков во главе с атаманом Ермаком.

Отважный русский конкистадор Ермак в нескольких битвах опрокинул воинство сибирского хана Кучума и занял его столицу — Кашлык. Сибирское ханство рухнуло, в 1583 году царь Иван IV официально взял все его территории под свою руку, то есть признал их присоединение к России. Казаки на протяжении нескольких лет доблестно удерживали Кашлык.

Но позднее Кучум нанес ответный удар: во время внезапного нападения татар утонул в реке казачий предводитель Ермак и погибли многие его соратники. После кончины Ермака борьба между государевыми служилыми людьми и сторонниками Кучума длилась еще долго.

В нашей историографии, особенно советского периода, Ермака превозносили как «народного героя». Да, он стоит в одном ряду с величайшими колониальными воителями, с тем же Кортесом, например. И от подавляющего большинства русских полководцев XVI века отличается происхождением: они вышли из аристократической среды, в худшем случае из видных дворян, а «сибирский конкистадор» — из казаков. Для советского же времени «демократическое» происхождение играло роль положительного фактора — когда оценивалась та или иная историческая личность... Однако нельзя обходить молчанием один простой факт: военное предприятие Ермака в конечном итоге закончилось печально. И завоевание Сибири как успех, как одно из главных достижений русского народа за всю его историю начато было не им.

И до Ермака — в XIV, XV и XVI столетиях русские воинские люди бывали в Сибири, брали там ясак, проповедовали Христову веру. На какое-то время сибирские татары оказывались даже в вассальной зависимости от Москвы, притом задолго до Ермака. Но все эти временные, недолговечные достижения принесли России не много пользы. В большей степени они создали Московскому государству репутацию сильного и упорного противника. Совершенно так же и Ермак, попытавшись закрепиться, привести бескрайнюю землю сибирскую под руку московских государей, не преуспел. В течение нескольких лет казачий богатырь играл роль потрясателя Сибири. Он вышел в поход при Иване IV, пережил грозного царя и погиб уже при государе Федоре Ивановиче. Саваном для его тела стали воды реки Иртыш. Русское дело в Сибири пало. Хан сибирских татар Кучум и иные местные правители воспрянули духом. Незначительные силы русских, оставшиеся в Сибири, уходили, оставляя неприятелю города и земли.

По всей видимости, иначе и не могло быть, пока за Сибирь не взялось Московское государство со всей его мощью, со всем его громадным мобилизационным потенциалом, с мудрой правительственной политикой продвижения вперед с помощью острогов и городов, то есть со всем тем, чего не имел отряд сколь угодно смелых и искусных в бою казаков. Для государства Ермак проторил в Сибирь дорогу, осуществив «разведку боем», указав московскому правительству верный маршрут для приложения усилий на востоке, для народа русского он бился с татарами и побеждал;

слава его как воителя не померкнет; но слава присоединения Сибири должна быть отдана иным храбрецам. Более высоко нужно оценивать усилия России как великой державы. Нельзя забывать о том, что за спиной у первопроходцев стояло могущество Москвы, а потому не следует сводить великое деяние к успехам одного отряда мужественных ратников.

Царство — мать воинств, именно царство берет земли под свою руку, а не воинский предводитель.

Следует ли из этого, что слава Ермака как полководца, как предводителя казаков, как отважнейшего человека должна быть поколеблена, отменена? Нет, автор этих строк вовсе не имел в виду чего-либо подобного. Ермак — великая фигура. И нет никакого резона низводить ее с пьедестала. Напротив, для летописи боевых достижений России чрезвычайно полезно навеки запечатлеть деяния столь яркой личности. Проблема в другом: следует строго очертить границы достижений самого Ермака и его последователей, выдвинуть из тени труды и подвиги русских военачальников, которым уже не надо было проводить «разведку боем», но следовало приступить к присоединению Западной Сибири вооруженной рукой. Их имена плохо помнят. Между тем ужели не достойны они даровать свои имена улицам сибирских городов? Ужели столь незначительны их деяния, чтобы на колоссальных сибирских пространствах не нашлось места для памятников этим историческим личностям, столь много сделавшим на благо России?^[83]

После кончины Ермака люди с негромкими именами, люди, не называемые на страницах учебников, повели новое планомерное наступление на Сибирь. Это наступление русских отразилось в некоторых летописных памятниках именно как начало государственного присоединения сибирских земель.

Так, например, в «Новом летописце» сказано, что в царствование Федора Ивановича «посылаху многия воеводы в Сибирскую землю... к Сибирскому царствию розныя языки (народы. — Д. В.) подведоша и многие грады поставиша в Сибири: град Тару, Березов, Сургут, иные многие грады». Английский представитель по торговым и дипломатическим делам Джером Горсей подробно рассказывает о венчании Федора Ивановича на царство 31 мая 1584 года. Затем, по его описанию, царь с царицей и большой свитой совершают богомолье в Троице-Сергиев монастырь и возвращаются в Москву. «Вскоре после этого, — пишет Горсей, — царь, направляемый князем Борисом Федоровичем (Годуновым. — Д. В.), послал войско в Сибирь, откуда шли все богатые меха и соболи. В течение полутора лет войско завоевало 1000 миль». Разумеется, эта «1000 миль» —

не более чем фигура речи: откуда знать англичанину, сколь далеко продвинулись царские воеводы. Правильное понимание этой фразы Горсея: завоевание произошло на колоссальном пространстве.

Успех огромный, фантастический! Тем более что историческая реальность подтверждает исключительно быстрое продвижение московских отрядов в Западной Сибири на протяжении 1580—1590-х годов.

Но кто были те «незаметные» — во всяком случае, для историографии советского периода — полководцы, которые совершили колоссальный военно-политический труд? Под их командой небольшие отряды двигались на восток по неизвестным рекам, по землям, еще несколько лет назад являвшимся одной огромной *terra incognita*. Под их командой велись боевые действия. Под их командой строились остроги, из которых впоследствии выросли мегаполисы. Что же это за люди?

Всё это дворяне из семейств, более или менее известных в Москве, но не знаменитых и не относящихся к служилой аристократии. На протяжении всего XVI столетия в Сибирь ни разу не отправили по-настоящему знатного человека. Нет, русская аристократия того времени отнюдь не состояла из трусов или просто нерешительных людей. Князья и бояре выходили в поле или, если надо, становились на крепостные стены, когда требовалось встретить грудью крымцев, ногайцев, шведов. Но... колоссальная Сибирь при Федоре Ивановиче, да и позднее — при Борисе Годунове, в эпоху Смуты — еще только начинала открывать России свой потенциал. О ней в Москве имели весьма смутное представление. А удаление в эдакие неведомые края означало обрыв связей с Государевым двором, утрату влияния на великие державные дела. Поэтому аристократ не торопился стать русским конкистадором. Для него служба «за Камнем» была непрестижной, да и просто неудобной в карьерном отношении.

В Сибирь отправляли на командные должности дворян или, как тогда говорили, «служилых людей по отечеству». Чаще всего кадры сибирских воевод рекрутировались либо из числа служилых невысокой знатности, либо из тех, кто попал в опалу, крепко провинившись перед властью.

Провинциальный «выборный сын боярский» Иван Алексеевич Мансуров (мещовский помещик) добился для Московского государства первого действительного успеха в Сибири после страшного разгрома Ермака. Встав во главе маленького отряда, он срубил Обский городок (на Оби против устья Иртыша). Здесь Мансуров отбил от наседавшего неприятеля — воинственных остяков — и уничтожил удачным выстрелом из пушки языческого идола. Большого Мансуров совершить не мог из-за

крайнего малолюдства отряда, который находился у него в подчинении, — всего «сто человек ратных» и небольшое число казаков во главе с атаманом Матвеем Мещеряком.

Вослед Мансурову пошли воеводы Василий Борисович Сукин, Иван Никитич Мясной-Судаков, а с ними «письменный голова» Даниил Даниилович Чулков. По другим данным, В. Б. Сукина и И. Н. Мясного сопровождал также Богдан Дашков, в частности, разрядная книга сообщает: «Тово же году (7094 (1585/86). — Д. В.) послал государь в Сибирь, а велел поставить город; а послал воеводу Василья Борисова сына Сукина, да Ивана Никитина сына Мясново, да Богдана Дашкова».

Сукин и Мясной, имея лишь три сотни бойцов, воздвигли острог, из которого поднялась Тюмень. В 1586 году на реке Тюменке, притоке Туры, была построена эта деревянная крепостица и в ней храм — первая из русских православных церквей Сибири. От нее сейчас ничего не осталось, впрочем, как и от всех наших рубленых крепостей XVI столетия. Но именно от этого истока начинается полноводная река исторических судеб полумиллионной Тюмени. Московское государство получило в Сибири надежный форпост. Зацепившись за него, легче стало продвигаться дальше.

Фактически стремительное, неостановимое движение русских отрядов по сибирским просторам началось именно с Тюмени. Она сыграла роль ворот в «сибирское эльдорадо», через которые с запада, с земель коренной Руси, хлынули стрельцы, казаки, дворяне, священники, «торговые люди» и, позже всех, крестьяне.

Д. Д. Чулков, получив под команду 500 ратников (по масштабам слабозаселенной Сибири — солидная сила!), основал крепость Тобольск (1587), поставил там Спасскую и Троицкую церкви, разбил и пленил татарского правителя Сеид-хана (Сейдяка).

Потом, через много лет, Тобольск станет столицей Сибири, обзаведется мощным каменным кремлем... А изначально это было такое же маленькое, на скорую руку рубленое укрепление, как и многие другие опорные пункты России тех времен, поставленные на опаснейших направлениях.

Что ж, несколько дворян, выполняя правительственную волю, заложили основу для необратимого движения русских отрядов к Тихому океану, для завоевания Сибири, расселения там русских людей и распространения христианства. Честь им и слава.

Обессиленный, потерявший надежду восстановить свою власть, Кучум тем не менее сопротивлялся до конца. Окончательное поражение нанес ему воевода Андрей Воейков в 1598 году.

Ну а сейчас стоит вернуться в коренную Россию, к событиям, связанным с финалом Ливонской войны и завершением грозненского царствования.

«ДЕЛО» ЦАРЕВИЧА ИВАНА

Начало 1580-х годов — тяжелое время и для России, и для ее государя. Страна отстаивала себя напряжением всех сил, истощенная долгой войной, эпидемиями, опричниной. Истекая кровью, шатаясь и уже не считая нанесенных ей глубоких страшных ран, она брела к выходу из чудовищного военно-политического кризиса.

Казалось, гибнет царство. Холодные воды распада обступают его и уже начали поглощать одну его часть за другой. Иван Васильевич не прекращал борьбы, имея треть или четверть тех сил, которыми располагал, начиная войну за Ливонию. Но исход смертельного противоборства перестал видиться в цветах золота и пурпура, цветах величия. Выжить бы, получить бы передышку, прервать бы череду тяжелых неудач и тогда, накопив ратников и серебра, вновь прийти на поле битвы в «силе тяжкой»...

Шел 1581 год. Русская армия едва удерживалась на позициях, неприятель всюду наступал. Государь с замиранием сердца следил за тем, как гибнут плоды его давних побед, как меркнет слава завоевателя Полоцка и Ливонии, как непреклонный враг берет один русский город за другим. Он ждал милости от Бога и твердости от воинства своего, но долго не получал ни того ни другого. Душа его пребывала в трепете, а ум — в нескончаемом яростном поиске новых «ходов» на доске большой политической игры.

Псков, кажется, держится... Впрочем, трудно судить о том, находясь в Москве, или в Старице, или тем более в Александровской слободе. Отважный и многоопытный Иван Шуйский пока делает для победы все возможное. Но это все-таки Шуйский, человек из среды высокоумных и высокомерных княжат... Не изменит ли? Не даст ли слабину?

Иван Васильевич переходил от надежды к отчаянию, дух его то изнемогал, то наполнялся тревогой, то вспыхивал гневом.

Тяжело, наверное, приходилось тем, кто находился в ту пору рядом с государем...

Стылая осень 1581 года принесла русскому царю невосполнимую потерю. В ноябре ушел из жизни его старший сын, царевич Иван. И ушел так, что большинство современников, а впоследствии — большинство историков грозненского царствования уверились, что в гибели сына безоговорочно виновен сам монарх. После смерти царевича по дворцовым палатам разнеслось лютое слово «сыноубийца», вылетело наружу и

полетело во все концы, набирая силу и звонкость.

Кончина царевича Ивана по обстоятельствам, известным из источников того времени, представляет собой детективную головоломку. При жизни Ивана Грозного ее, по естественным причинам политического свойства, не могли разгадать до конца. А уж позднее, через десять лет, сто, четыреста, ком версий, догадок и разного рода идеологических «озарений» вырос до таких размеров, что, как ни парадоксально, попытка составить полное знакомство со всем сводом мнений многочисленных ученых, публицистов, журналистов скорее затемнит дело, нежели прольет свет на его суть.

Убил? Не убил? Убили враги? Рука Годуновых, расчищавших себе путь к престолу? Интрига Марии Нагой, пытавшейся избавиться от женщины, которая могла принести законного наследника законному наследнику трона? Всё это высказывалось, дискутировалось, пережевывалось до мелочей.

Несмотря на то что о гибели царевича Ивана написано столь много, разобраться в таинственных ее обстоятельствах все еще можно. Для этого следует обратиться к источникам.

Только к источникам.

Прежде всего, стоит выяснить вопрос о том, как относился Иван Васильевич к своим детям.

К началу 1580-х в живых оставалось два его сына, царевичи Иван и Федор. Обоих подарила ему первая жена, Анастасия Захарьина-Юрьева. Старший, Иван, родился в 1554 году и ко времени, о котором идет речь, находился в расцвете сил. Младший, Федор, появился на свет тремя годами позднее.

Иван IV любил обоих, однако надежды возлагал прежде всего на старшего. Федор Иванович был не только моложе, он, как видно, и нравом пошел не в отца; душа его в большей степени обращена была к Богу, нежели к мирской жизни; молитва стала для него желаннее, нежели дела текущей политики. Иван Иванович — другое дело. Он оказался прилежным учеником отца, да и по характеру своему он в глазах родителя больше соответствовал роли государя.

Один из современников-иностранцев, посетивших тогда Россию, оставил «двойной портрет» отца и сына, создающий образ единения: во время дипломатических приемов рядом с тронном отца «с левой стороны на более низком сидении, на скамье, сидит его старший сын, тоже с тиарой на голове, хотя и меньшего размера, в очень длинной и богатой одежде. Оба

они, отец и сын, садясь за стол, часто осеняют себя крестным знамением, прежде чем отведают или попробуют какое-нибудь кушанье или напиток. На богослужение и в церковь они ходят ежедневно (и не по одному разу). Пока совершается богослужение, они никогда не сидят, разве только во время определенной части богослужения^[84] или когда читается житие какого-нибудь почитаемого ими святого. Мало того, сами они из усердия кладут земные поклоны, касаясь лбом пола. Они строго соблюдают свои посты, внушают и поддерживают у подчиненных... мнение об их благочестии...».

Обоих сыновей Иван Васильевич брал с собой в походы, но Ивана — чаще. Федор, по всей видимости, при жизни отца к полосе боевых действий не приближался. Оба, по воле государя, принимали участие в посольских приемах, но Федор никогда не проявлял особенного интереса к дипломатической деятельности; да и допускать на подобные аудиенции его стали не ранее смерти старшего брата. Отец приводил Ивана на публичные казни. Не требовал от него обагрять руки кровью, но все же приучал видеть в казнях естественную часть монаршего ремесла. Обоим сыновьям отец приискал невест. Но Ивана принудил дважды расстаться с женами — то ли из-за их бесплодия, то ли из-за скверного отношения к их родне. Так, Иван Иванович развелся с представительницей древнего московского боярского рода Евдокией Богдановной Сабуровой и с рязанкой Феодосией Михайловной Соловой. Обе экс-супруги были пострижены в инокини, первая получила имя Александры и ушла в Покровский монастырь, а вторая стала монахиней Прасковьей на Белоозере. К моменту гибели Иван состоял в третьем браке с Еленой Ивановной Шереметевой, также по роду связанной с московским боярским семейством. А вот младший брат всю жизнь прожил с одной супругой — Ириной Федоровной Годуновой. Обладая тишайшим характером, в этом вопросе он проявил нестигаемую твердость: пусть жена и не родила ему сына, но кто бы ни пытался навязать Федору Ивановичу развод и новый брак, неизменно получал от него резко отрицательный ответ. Хотя бы и грозный родитель. Нет, и всё. Бог не велит.

Наконец, Иван, по стопам отца, даровитого литератора, ярко проявил себя как духовный писатель. Историк В. Б. Кобрин подметил: «Царевич был, как и его отец, хорошо образован, начитан и мог при случае выступить как литератор». Другой историк, Р. Г. Скрынников, пришел к сходному мнению: «Грозный позаботился об образовании царевича. Наследник слыл книжником. В 1579 году монахи Антониево-Сийского монастыря просили государя о канонизации основателя их обители Антония и выразили пожелание, чтобы канон новому святому написал царевич Иван. Наследник

не только написал канон, но и взялся исправить текст «Жития Святого Антония», поскольку представленное сочинение показалось ему недостаточно торжественным: «Зело убо суще в легкости написано». Исправления свидетельствовали, что царевич владел пером и хорошо знал Священное Писание и житийную литературу».

Что же касается Федора, то он, скорее, имел слово Божие в сердце своем. Молитвенник, но не агиограф...

По складу личности, по опыту и естественным склонностям Иван Иванович стоял гораздо ближе к отцу. Вероятно, родитель видел в нем *достойного наследника*.

Источники донесли до наших дней совсем немного сведений об отношениях, установившихся между отцом и сыновьями. Старомосковская эпоха вообще имела склонность прятать «личное», уводить его в терем, с глаз толпы. Нежность, любовь, дружба, переживания за родного человека — всё это получило прикровенный вид. О таком мало говорили. Психологическая «расхристанность» считалась дурным тоном. Царь и царские дети не составляют исключения. О том, где был Иван Васильевич в сопровождении одного или обоих царевичей, с какими персонами встречался в их присутствии, какими землями их одарил, известно немало. А вот о том, был он ласков с сыновьями или строг, один Бог ведает.

Более всего проливает свет на отношения в монаршей семье такой интимный документ, как завещание Ивана Грозного, составленное им в 1572 году. Тут многое высказано прямо.

Так, например, очень хорошо видно, что царь хотел избавить своих детей от тех страданий, которые причинило ему собственное сиротство. Он не хотел, чтобы царевичи оказались державными недоучками, лишенными уроков правительского мастерства. Матери оба не знали с раннего детства: та умерла молодой, когда Ивану было шесть лет, а Федору — три года. Но отец за двоих «нагрузил» их заботой о царственном образовании.

Иван Васильевич пишет, обращаясь к обоим юношам: «Всякому делу навывайте! И божественному, и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому, и московскому пребыванию, и житейскому всякому обиходу, и как которыя чины ведутся здесь и в иных государствах, и здешнее государство с иными государствами что имеет, то бы есте сами знали. Также и во обиходе во всяких, как кто живет, и как кому пригоже быть, и в каковой мере кто держится, тому б есте всему научены были. Ино вам люди не указывают, вы станете людям указывать. А чего сами не познаете, и вы сами станете своими государствами владеть и людьми... А воинству, поелику возможно, навывайте. А как людей держать, и жаловать, и от них беречься,

и во всем их уметь к себе присвоивати, и вы б тому навыкли же».

Наука управлять включает в себя знания, которым не обучат ни в какой академии. Некоторые вещи следует вбирать в себя с детства — от отца, от прочей родни, из воздуха власти, коим наполнен дворец, из книг о стародавних правителях. Их трудно перевести в рациональные правила, но править, не чувствуя, не понимая их, смертельно опасно: «А людей бы есте, которые вам прямо служат, жаловали бы и любили, их ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат. А которые лихи, и вы б на тех опалы клали не вскоре, по разсуждению, не яростию...»

Учитесь сыновья, пока отец жив! Потом осознаете всю драгоценность сего источника.

В раннем возрасте потеряв последовательно отца, мать, затем младшего брата и, наконец, уже в зрелые годы, любимую первую жену, Иван Васильевич на собственном опыте узнал, сколь дорого стоит благое устройство в семье и как легко потерять его. Он учил сыновей стоять друг за друга против всего мира, проявлять друг к другу заботу и терпение, не верить наветам злых чужаков и не давать им шанса расколоть семейное единство. Царь наставляет царевичей: «Се заповедаю вам, да любите друг друга, и Бог мира да буди с вами. Аще бо сия сохраните, и вся благая достигните... Живите в любви».

Затем он обращается к каждому из них по отдельности, начав со старшего: «А ты, Иван сын, береги сына Федора, своего брата, как себя, чтоб ему ни в каком обиходе нужды не было, а всем бы был исполнен, чтобы ему на тебя не в досаду, что ему не дашь удела и казны. А ты, Федор сын, Ивана сына, своего брата старейшаго, докудова строитель, уделу и казны не проси, а в своем бы еси обиходе жил, смечаясь, как бы Ивану сыну не убыточнее, а тебя б лъзепрокормити было. И оба вы есте жили заодин и во всем устроивали, как бы прибыточнее. А ты бы, сын Иван, моего сына Федора, а своего брата молодшаго, держал бы, и берег, и любил, и жаловал его, и добра ему хотел во всем так, как себе хочешь, и на его лихо ни с кем не ссылался, а везде бы еси был с Федором сыном, а своим братом молотшим, и в хуе и в добре, один человек, занеже единокровныя есть у матери своей».

А потом еще раз, к одному только старшему, чтобы он не забывал о своем долге перед младшим: «Ты у него отец, и мать, и брат, и государь, и промысленник. И ты б его берег, и любил, и жаловал, как себя. А хотя буде в чем пред тобою и проступку какую учинит, и ты его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял, а ссоркам бы еси отнюдь не верил, занеже Каин Авеля убил, а сам не наследовал же».

Более всего на свете Иван Васильевич просит сыновей почитать Господа Бога и сохранять нелицемерную преданность ему. Об этом царь говорит не раз. Например: «Веру к Богу твердо и непостыдну держите и стойте, и научитесь божественных догматов, како веровати, и како Богу угодная творить, и в какове оправдании пред нелицемерным Судиею стати. То всего больше знайте: православную христианскую веру держите крепко, за нее страждите крепко и до смерти...»

И вот, пожалуй, самое главное. Иван Васильевич учит Ивана с Федором истово почитать старших: отца, мать, весь род, включая и давних предков. Никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя забывать об этом.

Таким образом, любовь царя к своим отпрыскам — со строжинкой. Можно сказать, требовательная любовь.

Государь говорит им: «Нас же, родителей своих и прародителей, не токмо что в государствующем граде Москве или инде где будете, но аще и в гонении и во изгнании будете, во божественных литургиях, и в панихидах, и в литиях, и в милостынях к нищим... елико возможно, не забывайте, понеже наших прародителей душ воспоминанием великую пользу нам и себе приобрящете здесь и в будущем веце. И благостоянием святым Божиим церквам, и на враги победа, и одоление, и государству строение, и своему животу покой и вечных благ наслаждение молитвою их происходит, понеже от отец благодать Божия и благословение к вам пришедшее, наследникам и чадам... И благословения всего нашего роду, от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, нареченного во святом крещении Василия, и до отца нашего, великаго князя Василия Ивановича всея России, во иноцех Варлаама^[85], и матери нашей, великой княгини Елены^[86], и жены моей Настасий^[87], а вашей матери, молитва и благословение будет на вас, ныне, и присно, и во веки веков».

Более того, к царскому роду причислены даже три мачехи Ивана и Федора: Мария Черкасская, Марфа Собакина и еще живая на 1572 год Анна Колтовская, четвертая жена царя. Отпрысков Иван Васильевич призывает поминать мачех в молитвах наряду с родителями и предками.

Ну а если кто-то решит отринуть почитание рода и прежде всего того из родичей, кто возвышается над семейством не только как старший из мужчин, но и как государь, что ж, с таким человеком следует поступить сурово, не глядя на родную кровь. И царь со строгостью обращается к младшему сыну, зная, что в Московском правящем доме удельным князьям, «младшеньким» из боковых линий, племянникам и меньшим братьям

правителей соблазн измены являлся неоднократно: «А ты, сын мой Федор, сына моего Ивана, а своего брата старейшаго, слушай во всем и держи его в мое место, отца своего, и государства его под ним не подыскивай. Аучнешь ты, сын мой Федор, под сыном под Иваном государств его подыскивать, или учнешь с кем-нибудь ссылатися на его лихо, тайно или явно, или учнешь на него кого подымати, или учнешь с кем на него одиначиться, ино по евангельскому словеси, Федор сын, аще кто не чтит отца или мать, смертью да умрет».

Имеет смысл повторить: *«Аще кто не чтит отца или мать, смертью да умрет»*.

Вот только смерть пришла не к младшему, а к старшему из царевичей...

Подобная любовь, допускающая суровость ради блага самих детей, являлась нормой для старомосковской цивилизации. Как раз в середине XVI века, на пике грозненской эпохи, в бытовой оборот вошел «Домострой» — руководство по содержанию хозяйства и выстраиванию правильных отношений с близкими людьми. Так вот, на страницах «Домостроя» неоднократно и с абсолютной ясностью говорится: сила применяется к тем, кто «не понимает слова», кто пропускает наставление мимо ушей. Кроме того, наказание производится бесстрастно. Страсть, вкладываемая в удары плеткой, губит душу того, кто эту плетку держит. Наказание никогда не должно становиться результатом гнева или мести. За ним всегда должны следовать прощение и новое наставление. Но все же применение силы допустимо и порой, в наиболее «трудных» случаях, прямо рекомендуется.

Вот характерные цитаты из «Домостроя». Детям предписывается чтить родителей под страхом наказаний земных и небесных: «Чада послушайте заповеди Господни, любите отца своего и мать свою и послушайте их, и повинуйтесь им по Бозе во всем, и старость их чтите, и немощь их и скорбь всякую от всея душа понесите на своей вые, и благо вам будет и долголетны будете, и прославитея от человек, и дом... будет благословен в веки, и наследите сыны сынов своих и достигнете старости маститы во всяком благоденстве дни своя препровожая. Аще ли кто злословить или оскорбляет родителя своя или кленет или лает сии пред Богом, грешен [и] от народа проклят. Аще кто биет отца и мать, от Церкви и от всякия святыни да отлучится, и лютою смертию и грацкою казнию да умрет (курсив наш. — Д. В.). Писано бо: отча клятва иссушит а материя искоренит сын или дщерь, не послушливы отцу или матери, в пагубу им будет и не поживут дней своих, иже прогневают отца и досаждают матери...

О них же пророк Исаия рече: «Возмется нечестивый да не видит славы Господня, сих нечестивые именована, иже бесчествуют родителей своих и паки насмехающагося отцу и укаряюща старость материю да склюют их вранове и снедят орлы».

Соответственно, родителям позволительно исправлять в детях дурной нрав силою, более того, отцам, не позаботившимся об исправлении детей, слабость их вменяется в грех: «Казни сына своего от юности его, и покоит тя на старость твою и даст красоту души твоей... Не ослабляй, бия младенца, аще бо жезлом биеша его, не умрет но здравие будет. Ты бо, бия его по телу, а душу его избавляешь от смерти... Любя... сына своего, учаща ему раны... Казни сына своего измлада и порадуешься о нем в мужестве и посреди злых похвалишься, и зависть примут враги твоя. Воспитаи детище с прещением и обрящешь в нем покой и благословение... В мале бо ся ослабишь, в велице поболишь скорбя... Не дай ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растет, а ожесточав, не повинеттиса, и будет ти досаждение и болезнь души и тщета домови, погибель имению и укоризна от сусед и посмех пред враги... и досада зла»^[88].

«Домострой» ограничивает и упорядочивает физическое воздействие на детей. Если говорить о «грубости нравов», то составитель книги вовсе не пытался сделать из нее идеал. Напротив, он постарался вызвать у читателей отвращение к чрезмерной жестокости в наказаниях. Нормы, которые утверждает «Домострой», мягче действительных обычаев того времени. В книге, например, ясно сказано: не следует бить по глазам или по ушам, «под сердце кулаком», деревянными и железными предметами, нельзя «посохом колоть» и т. п. Но не всякий отец сможет в час наказания удержаться на пороге бесстрастия. И вот тогда уж — как Бог попустит родному чаду: обойдется ли поркой, дойдет ли до «удара жезлом» или все же родительская рука повернется несколько не в ту сторону и произойдет... «укол посохом»? Зыбка граница сия...

Иван IV, любя детей, готов был проявить к ним ветхозаветную суровость. Таков был государь Иван Васильевич. И, возможно, в окаянный день эта суровость, к которой царь приучал царевичей, сорвалась с рук у него самого. Возможно.

Ведь когда-то, за много лет до свершившейся трагедии, он допустил ее, хотя бы мысленно.

Историки не раз и не два говорили о темени, окружающей историю смерти царевича Ивана. О том, что слухи и сплетни, когда-то объяввшие

«дело», до сих пор не позволяют прямо судить, какая беда приключилась с несчастным царевичем. Историки В. Б. Кобрин и А. А. Зимин высказывались в этом смысле с одинаковым здравомыслием. Первый из них, перебрав большую часть версий XVI столетия, с досадой написал: «Увы, все эти версии основаны только на темных и противоречивых слухах». Второй, процитировав «показания» источников, выразился еще яснее: «Из приведенного хаоса слухов и просто домыслов трудно выделить наиболее достоверную основу». Наконец, еще один знаток эпохи Ивана Грозного, С. Б. Веселовский, в том же ключе заметил: «Разнообразие и разноречивость известий о смерти царевича объясняются просто тем, что всё дело происходило во внутренних покоях дворца, доступных только немногим приближенным лицам».

Итак, хаос, слухи, домыслы, разнообразие, разноречивость и даже противоречивость...

Самый трудный для исследования материал.

Но работать с ним надо, потому что больше не с чем работать.

Ну а теперь — к источникам.

Начнем с иностранцев: они оставили щедрый урожай свидетельств на эту тему.

Прежде всего, рассказы англичан. Контакты с ними начались примерно за четверть столетия до гибели несчастного царевича. За это время в Москве побывало множество мореходов, дипломатов, торговых агентов Московской компании и самостоятельных негоциантов. Они писали о державе Ивана IV разное. Кто-то ругался на чем свет стоит, а кто-то хваливал.

Чаще всего английские авторы XVI столетия проявляют рациональность. Они пишут то, что видят, за исключением ряда случаев, когда их перьями водит некий стереотип, например религиозный. Так, неприятие православия у англичан частенько сопровождается злыми и несправедливыми словами. Но все же в большинстве случаев хвала и хула равномерно распределены в их записках.

Наиболее недружелюбные укоризны принадлежат перу Джильса Флетчера, официального представителя королевы Елизаветы I, посетившего Россию в 1588–1589 годах и не добившегося успеха в своей посольской миссии. О смерти царевича Ивана он сообщает: «Умер от головного ушиба, нанесенного ему отцом его в припадке бешенства палкой или (как некоторые говорят) от удара острым концом ее, глубоко вонзившимся в голову. Неумышленность его убийства доказывается

скорбью и мучениями по смерти сына, которые никогда не покидали его до самой могилы. Здесь видно правосудие Божие, наказавшее его жажду к пролитию крови убийством сына собственной его рукой и прекратившее в одно время и жизнь его, и тиранство той ужасной скорбью, которая свела его в могилу после такого несчастного и противоестественного поступка». Рассуждения англичанина о «правосудии Божьем», допустим, ничего к картине гибели не дополняют, это всего лишь умствования по случаю. В сухом остатке: царевич убит отцом в припадке бешенства, умер от удара в голову.

Флетчер русского языка не знал, а значит, не мог опираться на слухи и сплетни московские, к тому же приутихшие за семь лет от кончины царевича до прибытия англичанина в Москву. В его распоряжении имелись два источника. Во-первых, архив Московской компании, и это серьезно — в обязанность королевских подданных, связанных с нею, входил сбор полезных сведений о России, а рутинная практика подобной работы, отразившаяся в документах того времени, неопровержимо показывает: англичане иной раз дознавались и до того, что сам Иван Грозный желал от них скрыть. В сущности, ничего странного. Звонкая монета способна развязать язык нужного чиновника или знатного человека, и тот проявит необыкновенную откровенность перед иноземным послом или торговцем, ведущим разведывательную деятельность. Однажды царь прямо сказал Энтони Дженкинсону, относящемуся к числу активнейших агентов, что хотел бы скрыть от его назойливого любопытства одно дело, довольно важное. Но позднее тот сообщает своим английским читателям, что сумел самостоятельно докопаться до сути и без царя, *иными методами*. Другим источником Флетчера мог служить торговый агент Джером Горсей, проживший в России много лет и превосходно ее знавший. Он был связан с Годуновыми и иными высокопоставленными семьями, выказывавшими доброе отношение к англичанам, если не сказать — вступавшими с ними в отношения сотрудничества.

А Горсей и сам оставил о событиях 1581 года подробные «показания». Он рассказал об обстоятельствах дела значительно подробнее, нежели Флетчер с его незамысловатой сценой про «удар по голове».

Итак, по словам Горсея, «царь разгневался на приведенных из Нарвы и Дерпта голландских или ливонских купцов и дворян высокого происхождения, которых он расселил с семьями под Москвой и дал свободу вероисповедания, позволил открыть свою церковь. Он послал к ним ночью тысячу стрельцов, чтобы ограбить и разорить их; с них сорвали одежды, варварски обесчестили всех женщин, молодых и старых, угнали с

собой наиболее юных и красивых дев на удовлетворение своих преступных похотей. Некоторые из этих людей спаслись, укрывшись на Английском подворье, где им дали укрытие, одежду и помощь, рискуя обратить на себя царский гнев. Да! Бог не оставил безнаказанной эту жестокость и варварство. Вскоре после того царь разъярился на своего старшего сына, царевича Ивана, за его сострадание к этим забитым бедным христианам, а также за то, что он приказал чиновнику дать разрешение какому-то дворянину на 5 или 6 ямских лошадей, послав его по своим делам без царского ведома. Кроме того, царь испытывал ревность, что его сын возвеличится, ибо его подданные, как он думал, больше него любили царевича. В порыве гнева он дал ему пощечину (уточнение Горсея, сделанное на полях рукописи: «метнул в него копьем», в другом переводе: «метнул в него своим острым посохом» («Thrust at him with his piked staff»), царевич болезненно воспринял это, заболел горячкой и умер через три дня. Царь в исступлении рвал на себе волосы и бороду, стеная и скорбя о потере своего сына. Однако государство понесло еще большую потерю: надежду на благополучие мудрого, мягкого и достойного царевича (the prince), соединявшего воинскую доблесть с привлекательной внешностью, двадцати трех лет от роду^[89], любимого и оплакиваемого всеми. Его похоронили в церкви св. Михаила Архангела (Michaela Sweat Archangle), украсив его тело драгоценными камнями, жемчугом ценой в 50 тыс. фунтов. Двенадцать граждан назначались каждую ночь стеречь его тело и сокроища, предназначенные в дар святым Иоанну и Михаилу Архангелу».

Конечно, Горсей мог знать о некоторой склонности царевича Ивана к иноземцам — хотя бы от тех из них, кто оказался спрятан от царского гнева на Английском подворье. Но откуда ему знать, что царь разъярился на сына именно из-за этого сострадания к чужим купцам? И как выведал, что другой причиной гнева стала грамота о ямских лошадях? С помощью того же серебра и тонкого подхода к дворцовой челяди? По итогам тайного разговора с Годуновыми или еще кем-то из знатных англофилов при дворе? Не исключено. Горсей, как и позднее Флетчер, мог пользоваться конфиденциальными каналами информации, созданными Английской компанией в Москве. Однако трудно судить, что здесь — добытая правдами и неправдами информация из дворца, а что домыслы самого Горсея.

Оба, и Горсей, и Флетчер, едины в том, что убийство — случайность, результат эмоционального порыва, печально закончившегося. Царь впал в гнев, ударил сына (то ли рукой, то ли заостренным посохом) — тот заболел от полученного ранения (возможно, от заражения крови) и скончался. Отец горевал в результате случившегося.

Другой вопрос, до какой степени Иван Васильевич «ревновал» сына и мучился от того, что подданные больше «любят» Ивана Ивановича. В. Б. Кобрин этому суждению совершенно не доверял. А вот А. А. Зимин выстроил на его основе целую теорию. «Царь давно подозревал старшего сына во всяких кознях... — пишет историк. — Как человеку мнительному, ему чудился новый претендент на трон, каким ранее он считал и Владимира Старицкого. Непосредственной же причиной вспышки ссоры мог быть и какой-либо пустяк вроде того, что сообщил А. Поссевино^[90]». Зимин считал, что у Ивана Грозного еще и «причин для недовольства Еленой^[91]... хватало» — из-за ее родни. Ее отец боярин Иван Шереметев Меньшой погиб до ее свадьбы в 1577 году, но его братья вызывали у царя «нескрываемое раздражение», а дядя Елены, окольный Федор, в 1579 году попал в плен, «где, по слухам, присягнул на верность Баторию».

По чести сказать, с хронологической дистанции в несколько веков крайне трудно судить об эмоциональном состоянии царя (кто у него вызывал нескрываемое раздражение, а кто — будил подозрительность). Тем более судить, основываясь на одной фразе в записках иноземца. Русские источники показывают иное: царь своего сына ценил, притом ценил выше второго отпрыска, приблизил его к себе, учил государственным и военным делам, брал с собой в походы... Тот же Горсей сообщает, что незадолго до трагических событий «царь Иван Васильевич собрал со всего государства самых красивых дочерей его бояр и дворян, девушек, и выбрал из них жену для своего старшего сына, царевича Ивана.... она была дочерью Ивана Шереметева, воеводы знатного рода. Широкие празднества сопровождали эту свадьбу». Здесь, скорее, можно увидеть знак благосклонности Ивана Васильевича к сыну. Более того, позднее, по словам того же Горсея, Иван IV созвал церковный собор, на котором потребовал от духовенства дать ему «новые богатства, чтобы упрочить власть своего наследника». Когда Церковь воспротивилась, царь все же принудил ее к обильному пожертвованию сначала угрозами, а затем и прямой расправой (нескольких монашествующих прилюдно отдали диким медведям, и животные разорвали их). В итоге, заключает Горсей, «духовенство избежало уничтожения своего сословия, но не могло повлиять на непоколебимое требование царя отдать ему 300 тысяч марок стерлингов, которыми он таким образом овладел. Кроме того, он получил многие земли, города, деревни, угодья и доходы, пожалованиями которых усмирил недовольство своих бояр; многих из них царь возвысил, поэтому большинство его доверенных лиц, военачальников, слуг лучше исполняли

все его намерения и планы. Многие осуждали и называли преступным такой образ действий, но другие находили его более извинительным и, во всяком случае, менее опасным из всех поступков за время его тирании. Вот таким образом было *приобретено основательное богатство для его сына без уменьшения его собственного*» (курсив наш. — Д. В.). Еще один, и очень весомый знак благоволения сыну — безотносительно того, сколь чудовищный метод обогащения был применен.

Все эти милости не очень вяжутся с патологической «ревностью». Таким образом, мнение о подозрительности и ревности отца в отношении взрослого наследника следует оставить за неосновательностью.

К «английской» версии примыкает «французская». Несколько строк о «деле» царевича Ивана оставил Жак Маржерет, французский офицер, служивший по найму в России.

Итак, по словам Маржерета, «у этого Ивана Васильевича было семь жен, что противоречит их (русских. — Д. В.) религии, не позволяющей жениться более трех раз, от которых у него было три сына^[92]. Ходит слух, что старшего он убил своей собственной рукой, что произошло иначе, так как, хотя он и ударил его концом жезла с насаженным четырехгранным стальным острием (этот жезл в форме посоха никто не смеет носить, кроме императора^[93]...), и он был ранен ударом, но умер он не от этого, а некоторое время спустя, в путешествии на богомолье». Почти во всем Маржерет повторяет суть высказываний Горсея и Флетчера, внося лишь одну важную деталь: по его словам, хотя рана и была нанесена царем, но смерть наступила не от нее, а некоторое время спустя и, скорее всего, по другим причинам.

Можно было бы поставить данные Маржерета ни во что: в конце концов, он стал наемником на службе у царя Бориса Федоровича двумя десятилетиями (!) позднее печальной кончины Ивана Ивановича. Однако Маржерет служил при дворе, мог общаться с русскими дворянами, аристократами и, что не менее важно, служилыми иноземцами грозненской эпохи, которые делились с ним воспоминаниями о прошлом. Таким образом, пребывая по времени на весьма значительном отдалении от событий 1581 года, француз тем не менее оказывается чуть ли не в центре событий благодаря тому, что мог общаться с очевидцами или как минимум со знающими людьми.

А значит, его сообщение сбросить со счетов никак нельзя.

Чего не скажешь о версии, принадлежащей нидерландскому торговцу по имени Исаак Масса. Он прибыл в Россию ради научения торговле еще

подростком, годом позже, чем Маржерет, и явно не имел таких, как у француза, возможностей общаться с высокопоставленными людьми. Позднее он обживется в России, обретет вес и солидность, станет выполнять дипломатические поручения Нидерландов, но... к тому времени хронологическая дистанция до смерти царевича Ивана вырастет до величин, почти исключаящих сколько-нибудь серьезную информированность собеседника.

Масса пишет о злой натуре царевича Ивана: тот «был назван по отцу Иваном и по своей натуре и повадкам чрезвычайно походил на него. Можно было предполагать, что он превзойдет своего отца в жестокости, ибо всегда радовался, когда видел, что проливают кровь». Бог весть, кто к началу XVII столетия мог, поднатужившись, извлечь из глубин памяти достоверные сведения об особенностях характера российского наследника, умершего давным-давно!

Иван IV убил его, по словам нидерландца, в Александровской слободе, нанеся удар посохом, от которого царевич скончался через три дня. Поводом, как сообщает иноземный торговец, стала просьба неких царедворцев, которым надлежало выступить в поход «против появившихся летом крымских татар... отпустить с ними в поход царевича... полагая, что наведут большой страх на врагов, когда до них дойдет слух, что сам принц пошел в поле, к чему у него сверх того была великая охота». Но царевич ушел из жизни в ноябре, а это для набегов крымского хана — слишком позднее время. Татары обычно являлись поздней весной, летом, могли напасть даже в начале осени, однако ноябрь — время крайне неудобное для нападения, и, кажется, Исаак Масса тут что-то домыслил, или же его ввели в заблуждение недобросовестные собеседники.

Как отмечает нидерландец, Иван IV «подозревал, что его сын, благородный молодой человек, весьма благоволит к иноземцам, в особенности немецкого происхождения. Часто доводилось слышать, что по вступлении на престол он намеревался приказать всем женам благородных носить платье на немецкий лад. Эти и подобные им слухи передавали отцу, так что он стал опасаться сына».

Что тут скажешь? Хаос. То злодей, пошедший нравом в отца, то «благородный молодой человек»... Видимо, Исаак Масса нарезал салат из подгнивших за давностью лет слухов да пересыпал его сообщениями иностранцев о грозненской России, к тому времени опубликованными.

Единственное, что достойно внимания, — рассказ о склонности Ивана Ивановича оказывать покровительство иноземцам. Об этом пишет и Горсей. Как видно, в среде служилых европейцев сформировалось

устойчивое представление о благосклонном царевице, и его весьма долго передавали из уст в уста.

Тут может быть сокрыто нечто правдоподобное.

Самое «популярное» в академической науке известие о смерти царевице принадлежит папскому представителю в России иезуиту Антонио Поссевино. Ему стоит уделить особое внимание.

Сам Поссевино отмечает исключительную ценность и полную, по его мнению, достоверность сведений о смерти Ивана Ивановича. Их удалось получить от переводчика, оставленного при особе государя в Александровской слободе на то время, когда Поссевино там отсутствовал. Это, очевидно, уроженец Загреба Стефан Дреноцкий, научившийся более или менее понимать русский язык.

Иезуит весьма дорожит сведениями Дреноцкого. По его словам, «это обстоятельство достойно упоминания потому, что оно оказало большое влияние на смягчение нрава князя^[94], так что во время наших бесед он многое выслушивал снисходительнее, чем, может быть, сделал бы раньше».

Главное дело Поссевино на землях Московского государя — католическая миссия, а не дипломатическая деятельность. Для него любой шанс в такой «трудной» стране, как «Московия», — поистине перл драгоценный. Отсюда и особое внимание к ситуации.

«Показание» папского легата столь важно, и столь часто наши исследователи ссылались на него, что уместно привести его здесь полностью: «Все знатные и богатые женщины по здешнему обычаю должны быть одеты в три платья, плотные или легкие в зависимости от времени года. Если же надевают одно, о них идет дурная слава. Третья жена сына Ивана как-то лежала на скамье, одетая в нижнее платье, так как была беременна и не думала, что к ней кто-нибудь войдет. Неожиданно ее посетил великий князь московский. Она тотчас поднялась ему навстречу, но его уже невозможно было успокоить. Князь ударил ее по лицу, а затем так избил своим посохом, бывшим при нем, что на следующую ночь она выкинула мальчика. В это время к отцу вбежал сын Иван и стал просить не избивать его супруги, но этим только обратил на себя гнев и удары отца. Он был очень тяжело ранен в голову, почти в висок, этим же самым посохом. Перед этим в гневе на отца сын горячо укорял его в следующих словах: «Ты мою первую жену без всякой причины заточил в монастырь, то же самое сделал со второй женой и вот теперь избиваешь третью, чтобы погубить сына, которого она носит во чреве». Ранив сына, отец тотчас предался глубокой скорби и немедленно вызвал из Москвы лекарей и

Андрея Щелкалова с Никитой Романовичем, чтобы все иметь под рукой. На пятый день сын умер и был перенесен в Москву при всеобщей скорби. Отец следовал за телом и... даже шел пешком, в то время как знатные люди, все в трауре, прикасаясь к носилкам концами пальцев, как бы несли [их]».

К этому, весьма подробному, повествованию стоит добавить еще один маленький отрывок из Поссевино, рассказывающий об остром споре между русским царем и папским посланником. На него редко обращают внимание, между тем кое-какие подробности, в нем сокрытые, проливают дополнительный свет на историю гибели царевича Ивана. Кроме того, именно здесь Поссевино выступает как очевидец, то есть самый ценный свидетель из всех возможных. Дадим ему слово во второй раз: «Государь [Иван Васильевич] воспылал гневом и... вскочил с места, и все подумали, что он вот этим своим посохом (которым он пользуется, как папа жезлом, а острие его обито железом) изобьет или убьет Антонио, ведь такое случалось с другими людьми и даже с собственным его сыном». Итак, во всяком случае, Поссевино видел царский посох и представлял, о какого рода орудии он пишет. Кроме того, иезуит, без сомнений, проявляет полную уверенность в своих словах, притом в пассаже, событийно не связанном со смертью Ивана Ивановича.

Среди всех слухов, сплетен, предположений и версий, высказанных современниками о смерти царевича Ивана, специалисты чаще всего выказывают доверие именно к словам Поссевино.

Так, например, ему доверяли В. Б. Кобрин и А. А. Зимин. А вот другой историк, Р. Г. Скрынников, в большей мере полагался на осведомленность Джерома Горсея.

Впрочем, и Горсею, и Поссевино доверяют далеко не все. Относительно разнообразных версий убийства царевича Ивана, изложенных в сочинениях европейцев, историки, а еще более того исторические публицисты не раз высказывали сомнение.

Так, современный публицист Вячеслав Манягин полностью отверг версию Поссевино как недостоверную и даже нелепую. Точно так же он оставляет в стороне как несоответствующую правде факта политическую версию сыноубийства во всех ее разнообразных вариациях. Манягин полагает, что царевич Иван был отравлен и, видимо, его отравили парами ртути. По его словам, «конечно, царь Иоанн IV был грозен только для врагов России и не поднимал руку на своего сына. Царевич Иван умер от болезни, чему сохранились некоторые документальные подтверждения... В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля были вскрыты

четыре гробницы: Иоанна Грозного, царевича Ивана, царя Феодора Иоанновича и полководца Скопина-Шуйского... Ученые обнаружили, что содержание мышьяка, наиболее популярного во все времена яда, примерно одинаково во всех четырех скелетах. Но в костях царя Иоанна и царевича Ивана Ивановича было обнаружено наличие ртути, намного превышающее допустимую норму»^[95]. А папского легата Вячеслав Манягин обвиняет в слабом понимании русских дворцовых обычаев XVI века. Далее он рассказывает о том, как в разных ситуациях одевались знатные женщины, кто из мужчин и при каких обстоятельствах мог зайти на их половину дворцовых покоев, как строились дворцы, какие там стояли сквозняки и т. п., но это уже не возражение, а фантазирование, поскольку расположение деревянных (жилых) строений царских дворцов, а также дворцовый быт, этикет, привычки в одежде и повседневных обычаях по сию пору изучены лишь немногим более, чем постиг их историк позапрошлого века Иван Егорович Забелин. А он весьма скупко повествует о тех сторонах дворцовой жизни, которые Манягин рисует с железной уверенностью дилетанта^[96].

Что же касается идеи об отравлении царя Ивана, а прежде того царского сына парами ртути, то и здесь все далеко не столь просто, как предполагает публицист. Автор этих строк проконсультировался со специалистами по изучению человеческих останков (в том числе и тех, что погребены в эпоху Древней Руси или Московского царства). Консультация привела к пониманию того, что значительное превышение норм содержания веществ, в том числе и металлов и их соединений, в останках кремлевских жителей еще не дает оснований для однозначного толкования: их отравили!

Да, отравления исключить нельзя. И тут под подозрением оказываются обстоятельства кончины многих персонажей грозненской эпохи, притом царевич Иван — далеко не на первом месте, а скорее где-то в конце списка.

Но, во-первых, методы, с помощью которых обследовались останки погребенных, далеки от требований современной науки. Грубо говоря, сегодня пора многое переделывать, пересчитывать.

Во-вторых, медицина XVI века знала лекарства, оставляющие в теле человека следы превышения норм веществ, которые могли входить как в состав лекарств, так и в состав ядов. Вот и разберись: сплеховал ли медик, осуществил ли свой подлый умысел злодей-заговорщик? Кстати, по отношению к женским останкам того времени возникает еще один, по сути, правда, сходный вопрос: что входило в состав косметики, которой они пользовались? Тут могут быть самые экзотические варианты...

Наконец, в-третьих: никак не изучены обстоятельства пребывания тел в погребении. Иными словами, не решен вопрос, какие вещества могли проникнуть в останки из похоронной одежды или украшений, в частности металлических предметов, а какие входили в состав стенок саркофага, в состав надгробной плиты. Хотелось бы напомнить: в состав пород камня, которые использовались старомосковскими мастерами, изготавливавшими последний «дом» для погребаемых останков, входили соли металлов. Среди них вполне могли быть и соли ртути^[97].

Столь много нерешенных проблем! Тут требуются очень серьезные комплексные научные исследования, а без них разного рода категорические утверждения в духе: «Его отравили, потому что в останках так много ртути!» — остаются, мягко говоря, малообоснованными.

Между тем известие Поссевино являет несколько серьезных признаков достоверности.

Прежде всего, помимо рассказа о гибели Ивана Ивановича папский легат повествует о многих сторонах русской жизни — военных делах, политике, быте — и повсюду высказывает либо осведомленность, либо цепкую наблюдательность, которая сделала бы честь профессиональному разведчику. Собственно, Поссевино помимо своих дипломатических и конфессиональных дел еще и неумолимо собирает информацию. К его услугам многочисленные итальянцы, живущие или жившие в России. Государи московские охотно брали их на должности строителей, литейщиков, инженеров, в том числе военных; Московское государство поддерживало обширные торговые связи с государствами Апеннинского полуострова. Учитывая характер Поссевино — а это человек исключительно энергичный, хорошо образованный, деятельный и крайне жесткий в отношении противников папского престола, не упускавший малейшей возможности к «продвижению» католицизма, — в нем и надо видеть разведчика. Во всяком случае, наряду с прочими его обязанностями.

Поссевино хорошо осведомлен о жизни царской семьи. Он ошибается, определяя возраст Ивана Ивановича (у того то ли не росла борода, то ли он ее брил), но в остальном высказывает обширные познания. Так, он знает последнюю супругу Ивана Грозного — Марию Нагую. Он также вызнал, что после смерти первой жены государя, Анастасии, тот несколько раз вступал в брак. Ему известно также, что старший сын Ивана IV «имеет третью жену; двух первых заточили в монастырь по приказу отца, хотя сын об этом сокрушался. У второго сына Федора до сих пор та жена, которую он взял в первый раз. Этот юноша, говорят, довольно непорочен и не

чуждается католиков^[98]. Хотя его телосложение не соответствует возрасту, он имеет бороду, чего нет у старшего сына... Жену... старшего сына Ивана зовут Еленой, она дочь знатного москвитя Ивана Шереметева; жену Федора зовут Ириной, отец ее — Федор Годунов...». И далее: «Великий князь московский Иван Васильевич от своей первой жены Анастасии имел двух сыновей — Ивана и Федора. В первый мой приезд оба они были живы. Ко второму приезду первенец Иван... уже способный управлять государством и любимый москвитями, скончался. Говорят, у князя рождались сыновья и от других жен, но впоследствии умирали^[99]». Стоит повторить: видна незаурядная осведомленность Поссевино о семейных делах как самого царя, так и его сына.

Еще бы ему не интересоваться близкими людьми Ивана Васильевича! Тут интерес не праздный, а самый что ни на есть прагматический. Ведь если сам царь не пожелает давать католической миссии дорогу в русские пределы (как и вышло), быть может, удастся проложить тропинку, найдя благосклонное внимание у его детей? На всякий случай папа Григорий XIII снабдил своего посланника рекомендательными письмами царевичам Ивану и Федору, в которых обращался к детям Ивана IV с просьбой: «Мы надеемся, что ты по своему радушию охотно примешь Поссевино и с полным доверием отнесешься к его словам, и это будет нам в высшей степени приятно».

Косвенно достоверность известий легата подтверждается одним замечанием Поссевино: он видел (именно сам Поссевино после возвращения ко двору Ивана IV, а не его осведомитель Дреноцкий), что русская знать через много дней после гибели Ивана Ивановича продолжает в знак траура ходить в черном платье. Это обстоятельство русскими источниками подтверждается.

Наконец, важно понимать: изначально Поссевино пишет о России не для публичного распространения, не для славы. Его сочинения в принципе не годятся для пропагандистского «очернения» России в глазах европейцев. Трактат «Московия», в котором содержатся сведения о смерти царевича Ивана, обращен к единственному читателю — папе Григорию XIII. Но даже если увидеть в этом своего рода литературный прием, а не простую обработку писем и иных материалов, действительно предназначавшихся изначально для римского понтифика, то и в этом случае надо признать, что сочинение Поссевино явно не рассчитано на массовую аудиторию. «Московия» имеет форму свода инструкций и полезных сведений, предназначенных для персоны, которая займется католической миссией в

России или хотя бы пожелает получить от России что-либо полезное для папского престола.

Все это заставляет с большим вниманием отнестись к свидетельству иезуита.

Проблема не в том, насколько Поссевино являлся враждебным России агитатором, ибо он им вообще не являлся, ни в коей мере. Проблема, связанная с достоверностью его свидетельства, — иного рода. До какой степени Дреноцкий, оставленный при дворе Ивана IV, имел свободу передвижения, какая информация до него доходила? Ведь даже учитывая заинтересованность Ивана Васильевича в успехе переговоров с Речью Посполитой, на которых Поссевино выступал посредником, нет никаких причин допускать Дреноцкого в те дворцовые покои, где жила царская семья. Судя по всему, Дреноцкий оказался в умеренной изоляции. Помощник Поссевино не мог быть очевидцем трагедии, разыгравшейся между отцом и сыном. Ему пришлось пользоваться слухами, сплетнями, беседами с дворцовой челядью или в лучшем случае тонкой тайной беседой с кем-то из аристократов. То, что он получил, получил из русских рук. Каких? А бог весть.

Итак: трудно проверить, сколь правильно отражен мотив, сподвигший Ивана IV на избиение сына и его жены. Неясно, была ли супруга Ивана Ивановича беременна в действительности, случился ли на почве побоев выкидыш: русские источники о смерти царского внука ничего не сообщают. Таким образом, в этой части сообщение Поссевино вызывает сомнения. Был ли младенец? И вновь: а бог весть... Что же касается слов царевича, сказанных в тот момент, когда он защищал жену, сомнений еще больше: что услышал человек, передавший эти слова Дреноцкому, правильно ли Дреноцкий пересказал их папскому легату или же это был «испорченный телефон» — вот самый краткий список вопросов, на которые не удастся найти ответ.

Однако суть известия: ссора на семейной почве, удар заостренным посохом, тяжелое ранение и смерть несколько дней спустя — всё это весьма близко к свидетельствам Горсея и Маржерета, высказанным совершенно независимо от Поссевино, в другое время, при других обстоятельствах. Ведь не Дреноцкий же снабжал информацией протестантов-англичан, скорее врагов, нежели союзников. И не Дреноцкий разговаривал с французским офицером, принятым на службу намного позднее миссии Поссевино. Однако слухи, зафиксированные ими, необыкновенно схожи. И трудно поверить, что русская дворцовая среда на пустом месте, абсолютно беспочвенно снабжала разных иноземцев в

разные годы одними и теми же сплетнями, словно бы созданными по шаблону...

Значительное сходство трех иностранных сообщений о смерти Ивана Ивановича, не имеющих единого происхождения, говорит об одном: почва под ними все-таки была.

Особое место занимают известия немцев и поляков, сражавшихся с Россией и находившихся, соответственно, по ту сторону фронтов Ливонской войны. Они могут выглядеть совсем уж недостоверными, но этот вопрос далеко не столь прост, как может показаться. При углубленном анализе уместно разделить сообщения немцев и поляков на две группы — по степени правдоподобия обнаруживаемых свидетельств.

К числу малодостоверных, если не сказать баснословных, свидетельств относится пассаж в сочинении Одерборна «Жизнь Иоанна Васильевича, великого князя Московии»: «...подданные Грозного, собравшись во Владимире, обратились к царю со словами: «Враг три года топчет нашу землю. Надо защищаться» — и просили дать им Ивана Ивановича в главнокомандующие. Но царь, выйдя на площадь, заявил, чтобы они избрали себе другого государя. Тогда народ стал упрашивать Ивана IV не отказываться от престола. Покарав мятежников, Грозный якобы сказал старшему сыну: «Ах ты, простофиля! Как ты осмелился на измену, на мятеж, на сопротивление!»... Царевич испугался, опустил глаза, но хотел оправдаться. Царь приказал ему молчать и ударил железным посохом в висок. Сын полумертвый свалился на пол»^[100].

Одерборн — уроженец Северной Германии, впоследствии — рижский пастор. Он никогда не бывал в России и вынужден был пользоваться слухами, сплетнями, сведениями из пропагандистских листовок, в лучшем случае рассказами людей, вернувшихся из русского плена или же с «Восточного фронта». Он очень мало понимал русскую реальность и очень скверно относился к России — как к стране, которой приходилось противостоять в кровопролитной вооруженной борьбе. Всё, что относится к событиям внутренней российской жизни, у Одерборна фантастично, а потому совершенно не заслуживает веры. К тому же Одерборн представляет собой, что называется, «пламенного пропагатора», его конек — живописать ужасы грозненского царствования, не особенно задумываясь, насколько они достоверны. Редкие вкрапления хотя бы минимально правдоподобной информации в его сочинении касаются главным образом боевых действий в Ливонии, коим он был свидетелем. Но Москва — не Ливония...

Его сообщение, следовательно, полезнее всего игнорировать как

малоценное. А вместе с ним и все иные источники, основанные на повествовании Одерборна.

Несколько иностранных известий можно назвать «фронтовыми» — по их происхождению. И вот они-то гораздо интереснее Одерборновых рассказов.

Так, например, немецкий наемник, ротмистр Юрген фон Фаренсбах (русские источники зовут его Юрьей Францбеком) довольно долго служил Ивану IV, затем оказался на противоположной стороне. Осенью 1581 года он находился среди поляков Стефана Батория, осаждавших Псков. Через несколько месяцев после снятия осады^[101], все еще пребывая в стане врагов Ивана IV, он высказался на тему кончины царевича. Вот слова Фаренсбаха: «Иван Иванович настаивал на посылке его к Пскову с войском в 40 тысяч человек. Будучи раненным в ссоре с царем, он назвал его кровавой собакой. Царевич умер через четыре-пять дней»^[102].

Конечно, Фаренсбах знал Россию на порядок лучше, чем Одерборн. В первой половине 1570-х он прожил несколько лет на российской территории, воевал под знаменами Москвы, даже отличился. Однако уже середина десятилетия застала его на датской службе, а конец — на польской. Ноябрь 1581 года Фаренсбах провел в траншеях у псковских стен, в семи сотнях километров от Александровской слободы. Откуда ему знать, что за страсти разыгрались на другом конце России? И какие фразы произносил царевич, умирая...

Либо Фаренсбах пользовался сведениями, полученными от пленников, либо он беседовал с перебежчиками^[103]. Следовательно, его знания ограничивались тем, какие известия могли принести воины псковского гарнизона или же ратники из отрядов, направленных поддерживать Псков.

Собственно, примерно в таком же положении оказался придворный польский историк (а также крупный чиновник) Рейнгольд Гейденштейн. Он сам рассказывает об источнике своих знаний относительно судьбы царевича Ивана: польское командование допросило «двух знатных москвитян», захваченных в бою. От них, по словам Гейденштейна, удалось получить обширные сведения «о смерти старшего сына государя, Ивана».

Гейденштейн, любивший высокопарный слог, облек показания пленников в одеяния цветистой риторики. Царевич Иван Иванович, по его словам, «когда отец его хвастался огромным количеством своих богатств и сокровищами... сказал, что предпочитает сокровищам царским доблесть, мужество, с которыми, хотя бы имел меньше того богатства, которое имеет царь в изобилии, он тем не менее мог бы опустошать мечом и огнем его

владения и отнял бы большую часть царства. Другие передают, что царевич слишком настойчиво стал требовать от отца войска, чтобы сразиться с королевскими войсками. Так или иначе, но отец, разгневавшись на него, ударил его в голову жезлом, и не много спустя, как рассказывают, тот или от удара, или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в лихорадку, от которой и умер. Это происшествие сверх остальных невзгод причинило тем большую горесть Московскому царю, что сын, хотя и развелся по приказанию отца с первой женой, с которой жил весьма согласно, и женился на другой, однако умер, не оставя детей; второй же сын Московского царя, Федор, был еще слишком молод и, по мнению царя, был неспособен, по несовершенству своего ума, для царствования и вообще для какой бы то ни было деятельности».

Голая суть: в Пскове или в отрядах, оперировавших неподалеку от него, узнали, что Иван Иванович мертв. Молва принесла из Москвы ужасающие рассказы, которым здесь поверили: сам отец нанес царевичу смертельное ранение, поскольку тот искал случая во главе ратной силы защитить западный форпост России от воинства Стефана Батория.

Откуда взялись подобные настроения в Пскове — речь пойдет ниже. Однако стоит запомнить, что в русской армии царила особого рода уверенность: Ивану Васильевичу и его сыну решительно приписывали расхождение по части военных планов. Иными словами, спор государственного значения, а вовсе не семейную склоку, приведшую к гибели одного из них.

Любопытные штрихи добавляет к этой картине дневник поляка Пиотровского, хорошо осведомленного участника той же псковской осады. Имеет смысл привести несколько обширных выдержек — с тем, чтобы окончательно закрыть вопрос об источнике знаний поляков относительно событий, произошедших в семье Ивана IV.

Итак, вот свидетельство Пиотровского, восходящее к 14 сентября 1581 года: «Николай Гостомский, ротмистр из отряда пана Троцкого, приехал с письмами и вестями и привез с собой *татарина, служившего при дворе великого князя, который теперь в Старице* (курсив наш. — Д. В.). Этот татарин уже две недели, как сбежал оттуда. Пан Троцкий пишет и Гостомский подтверждает, что они с войском подходили на 3 мили к Старице, к резиденции князя, и сожгли все окрестные селения. Сам князь, как показывает этот беглый, смотрел из города на дым и пламя, когда горели зажженные нашими селения, и плакал. Великую княгиню с детьми и имущество он отправил от себя водою... По словам беглеца, думные бояре, в особенности Мстиславский, смотря на общее бедствие, советовали

царю двинуться с войском на наших или послать кого-либо из сыновей. Царь не захотел, говоря: «Я стар, а те не бывали еще на войне».

А вот еще одно характерное известие от 16 октября 1581 года: «Люди воеводы Новоградского, находясь на страже, поймали русского, который вез из города *письма Шуйского*^[104] к *[великому]* князю (курсив наш. — Д. В.). Писем у него оказалось очень много: большею частию к женам, воеводам и одно — к Мясоедову^[105], который недавно покушался войти в город. Советуют ему вновь попытаться войти в город и обещают навстречу сделать вылазку, с такими силами, чтоб его безопасно проводить в город. Шуйский пишет к князю^[106] обо всем, что делается в городе, напр.: что король сделал без успеха более 20 штурмов; как будто и в самом деле так было; извещает, кто в городе убит; что провиант берут из государевых запасов; что кони все пропали с голоду; удивляется, почему князь не посылает помощи; что в настоящее время положение короля невыгодное; что его фуражиры ездят во все стороны около города и что их очень удобно бить... Из-под Гдова приехал ротмистр Ленек вместе с Диниским, посланный туда разведать о 5000-м отряде русских. Они привели языков, которые сообщают, что *сын великого князя прибудет к этому городу с другим отрядом с целью преследовать наших фуражиров и тревожить лагерь*, если же король, не взяв Пскова, начнет отступление, то они *хотят идти за ним и тревожить войско. Очень может быть, что нам придется помериться с этим свежим войском*» (курсив наш. — Д. В.).

Таковы сообщения, думается, проливающие свет на «дело» царевича Ивана, хотя формально они с историей гибели наследника никак не связаны. Видимо, в ставке русского царя происходила борьба между сторонниками двух принципиально разных планов. Русские дворяне и служилые татары, выходявшие из центра и являвшиеся на фронт, рассказывали о том, что слышали в тылу, там, где находилось сердце воинства. Под Псковом действительно ждали свежего войска во главе с царевичем. Более того, в сообщении от 16 октября (менее чем за месяц до кончины царевича) выражена полнейшая уверенность, что Иван Иванович станет его командующим.

А царь Иван IV, стоит напомнить, не считал необходимым бросать легкую рать на полчища Стефана Батория, да еще и рисковать наследником.

Стратегически, повторимся, прав был Иван Васильевич. К началу 1580-х, после целого ряда нанесенных поляками поражений, после тяжелых потерь в городах, взятых неприятелем, после эпидемий, после того, как опричнина «выбила» целый ряд опытных воевод, после

ослабления боевого духа в русской армии, затея еще раз попробовать мощное полевое соединение поляков на меч, рискнуть полками выглядела (да и выглядит) авантюрой.

Но северо-запад России жил иными настроениями. Здесь ждали помощи из центра. Здесь чаяли спасительного воинства во главе с царем. И здесь радовались известиям из Старицы, из Москвы, из Александровской слободы, да откуда угодно, что хотя бы царевич, исполнившись отвагою, решил помочь русским ратникам, изнемогавшим в борьбе с могучим неприятелем. Не царь, так сын его явится противоборствовать с окаяннным врагом! Дай Бог ему победы.

Одно дело — государственный интерес, стратегия, большая политика, подсчет ресурсов, и совсем другое — упование на храбрость единоплеменников и единоверцев, которые должны броситься своим на выручку, хотя бы удар их представлял собой полнейшее безрассудство.

Псковская летопись однозначно подтверждает, что горожане исполнились ожиданий деблокирующей армии и досадовали на царя: отчего не идет он? Отчего забыл о своем городе? Отчего не позволяет сыну своему привести русские полки под стягами с Пречистой и архангелом Михаилом?

Эта досада сквозит в каждой строчке псковского рассказа о гибели царевича Ивана: «А у великого князя царя Ивана было в собрании тогда 300 тысяч в Старице, а на выручку бояр своих не посылал подо Псков, ни сам не пошел, но страхом одержим бе; глаголют неции, яко сына своего царевича Ивана того ради остием поколол, что ему учал говорите о выручении града Пскова. И не бысть ему слуха о Пскове, и велми скорбя об нем, и оманиша его Литва, заела к нему протопопа Антония Римского от папы мировати, и поведаша царю яко взят Псков бысть, и царь Иван послал о мире к королю ко Пскову, а вдасть ему на Псков 15 городов Ливонских Юрьевских...»

Ниже псковский летописец сообщает: «Того же году преставися царевич Иван Иванович в слободе декабря в 14 день», — предлагая явно неверную, более позднюю дату кончины Ивана Ивановича.

Известия псковской летописи представляют собой сумму фактов и домыслов. «У великого князя царя Ивана» отродясь не обреталось «в собрании» 300 тысяч ратников. Никогда! Даже в счастливую пору Казани и Полоцка. А на исходе 1581 года, думается, для него большой проблемой было собрать хотя бы 15 тысяч полноценного, боеспособного войска. О состоянии Пскова Иван Васильевич, надо полагать, имел весьма полную информацию — из писем тайных вестников князя И. П. Шуйского, а также

от малых отрядов, постоянно действовавших на флангах королевской осадной армии. Вряд ли кто-то из иноземных дипломатов мог «обмануть» государя. А вот сами псковичи, весьма возможно, не очень представляли себе размеры военного бедствия, разлившегося по России. Псков-то держался, да сколько иных городов, крепостей пало под натиском поляков и шведов?! Русская армия наносила ответные удары, но «сквитать счет» и отбить потерянные области не могла.

Но псковичи всё же определенно знали о приезде Антонио Поссевино, да и о его посреднической миссии. Это факт. А относительно планов царевича Ивана они могли узнать от воинских голов, время от времени прорывавшихся сквозь польские заслоны, чтобы пополнить гарнизон города. Невозможно подойти к словам псковского летописца с голым отрицанием, ведь «языки», оказавшиеся в лагере поляков, а также перебежчики, нашедшие у них приют, *говорили ровно то же самое, не побывав в осажденном городе.*

Дыму без огня не бывает...

Тем более что Рейнгольд Гейденштейн получил от русских пленников и перебежчиков те же сведения о смерти царевича («ударил в голову жезлом»), что и псковичи от ратников, явившихся на подмогу («поколос остием»), а также Поссевино от Дреноцкого, Горсей — от дворцовой челяди или аристократов, поделившихся с ним тайной, а Маржерет — от каких-нибудь сослуживцев или русских дворян... Одно и то же, одно и то же, одно и то же, но из источников разного происхождения.

Итак, почти все иноземцы, писавшие о трагедии 1581 года, уверены: Иван IV тяжело ранил своего сына, и тот от полученной раны скончался. Один лишь Маржерет допускает, что отец, нанеся удар, все же не лишил царевича жизни и тот скончался потом, возможно, от чего-то иного. Но и француз уверен в том, что удар посохом все-таки был нанесен.

Можно было бы, конечно, и в этом случае сослаться на недоброжелательность иностранцев в отношении России и особенно ее державного правителя, сказать, что они намеренно оболгали Ивана Грозного. Иными словами, отказать их высказываниям о трагедии, разыгравшейся осенью 1581 года в семье русского царя, в какой-либо здоровой почве.

Так уже поступали и яростные исторические публицисты, и — как ни парадоксально! — серьезные специалисты-историки.

Но это непозволительно легковесная позиция. Точно такой же недопустимой легкостью отдает и прямо противоположный подход: бездумное доверие любым словам «просвещенных европейцев».

Как уже говорилось выше, в главе об опричном терроре, у всякого иностранного автора, пишущего о России, — свои резоны и свои цели высказывания. Кто-то действительно сердит на Россию: допустим, он вернулся домой, провалив переговоры, а потому жалуется на «варвара-москвиту», где там дела с ним делать, с темным-то азиатом! Или же испытал брезгливое отторжение, познакомившись с бытом Московского царства, абсолютно чужим... Что ж, такое бывает. Но хватало и другого: иноземец нахваливал Россию, восторгался ею, пел дифирамбы самому царю. Конечно, и к похвале надобно в таких случаях относиться критически: со знанием ли дела она произнесена? Но, во всяком случае, не каждый заезжий европеец XVI века — враг России, есть и доброхоты. Наконец, немало авторов, писавших о нашей стране с равнодушием: если отыскиваются эмоции в очередном «трактате о Московии», то они возникли безотносительно жизни и обычаев наших предков, нрава и действий государя Ивана Васильевича, они рождены конкретными обстоятельствами.

Отсюда — правило: всякое иностранное свидетельство должно рассматриваться в контексте события или процесса, относительно которого высказано. Необходимо со вниманием анализировать обстоятельства визита в нашу страну иноземца и, разумеется, сравнивать с аналогичными высказываниями иных европейцев, посетивших Россию.

Правило вроде бы простое, если не сказать самоочевидное. Но как часто им пренебрегают! Притом без всякого на то основания.

Между тем одно лишь следование ему позволяет выделить среди свидетельств иноземцев по «делу» царевича Ивана те, в которых можно полагать более достоверности (Горсей, Поссевино, Гейденштейн) или же менее (Одерборн, Масса).

Наиболее правдоподобным свидетельствам иноземцев находится подтверждение в русских источниках.

О псковской летописи уже говорилось выше. Однако вовсе не одна она извещает об обстоятельствах смерти Ивана Ивановича, сходных с теми, о которых сообщают иностранцы.

Так, Хронограф редакции 1617 года повествует: «Неции глаголаху, яко от отца своего ярости приятии ему (царевичу Ивану. — Д. В.) болезнь, от болезни же и смерть».

Схожую версию излагает широко известный внелетописный источник, так называемый «Временник» Ивана Тимофеева.

Автора «Временника» невозможно обвинить в однозначном недоброжелательстве по отношению к царю Ивану Васильевичу. Его

мнение намного сложнее. Приказной дьяк Иван Тимофеев (вернее, Иван Тимофеевич Семенов) имел, во-первых, опыт административной деятельности на высоких постах и, во-вторых, обширный исторический кругозор, умение «плести словеса» по литературной моде того века, иными словами, значительный багаж «книжности». Он обратился не столько к русскому, сколько к византийскому или даже к воспринятому через византийскую культуру античному опыту историописания. Поэтому его биографический портрет Ивана IV вызывает ассоциации с трудами Светония, Плутарха, Михаила Псёлла. А в таком формате портретирования все простое и однозначное оказывается на периферии повествования, где-то в зоне едва терпимого.

Известие «Временника» о царевице Иване весьма обширно, однако имеет смысл привести его здесь полностью, оставив всю красочность языка, делающего автору честь — как выдающемуся ритору. Вот оно:

«Лучший же этого (Димитрия. — Д. В.) брат, получив от бога благодатное имя, подобный отцу по всему — по имени и мудрости, а вместе и храбрости, в добрых качествах ничем не унижил своего рода. Приближаясь уже к совершенному возрасту, достигнув без трех тридцати лет своей жизни, он по воле отца был уже в третьем браке, и такая частая перемена его жен случалась не потому, что они умирали в зрелом возрасте, но из-за гнева на них их свекра, — они им были пострижены; а жизнь свою он окончил на склоне отцовской старости, не получив по жребии земного, но стал жителем будущего царства. Думаю, что он близок был и к страданию, так как некоторые говорят, что жизнь его угасла от удара руки отца за то, что он хотел удержать отца от некоторого неблаговидного поступка. Очи всех потеряли надежду [видеть] в нем наследника царства, — потому, однако, что мы согрешили; лишившись его, вся земля тогда впала в скорбь и дошла совсем до безнадежности, размышляя о старости отца и о малой способности к царствованию его брата. Когда же после многих стонов источники слез у всех в сердце пересохли, все, хромя на ту или другую ногу, заболели недоверием к его брату Федору, который не хотел слышать о царстве. Споткнулся [Иван], а если бы не ранняя его смерть, думаю, что он мог бы при его молодой отваге остановить приближение к своей земле варваров и притупить остроту их вторжения: основанием для этого [была] его явная мудрость и мужественная крепость. После отцов он восстал на неприятелей, как новоявленный молодой инорог, взирая яростным оком на неверующих, которые были соседями его земли с востока и с запада^[107]. Пылая кипящею юностью, он, как необъезженный и неподдающийся обузданию жеребец, не подчинялся никому и, свободно

обозревая, пас такое стадо верных, а на тех [варваров] злобно дышал огнем своей ярости, бросая на них пламенные искры. Этот инорог^[108] по плоти хотел сам, придя, как овец поразить их, уповая на Бога и желая отомстить соседним с его землей варварам, за причиненную ими некогда... обиду. Всеми владычествующий [Бог], кто подчиняет намерения царей своим судьбам, привел его под иго своей всемирной власти и не допустил осуществиться его намерениям, но как бы некоторой уздой удержал его пределом смерти, избрав для него лучшее; он позвал его к себе, чтобы на том свете пред его лицом он воевал с врагами невидимыми и видимыми вместе с царем Константином и сродниками своими, двумя братьями Владимировичами [Борисом и Глебом], и с другими такими же, объединяясь на защиту отечества; всемогущий повелел ему вооружиться [на борьбу], передавая в настоящем [веке], вместо будущего, земное царство на несколько лет брату его Федору, что и исполнил чрез некоторое время».

По всей видимости, та часть «Временника», которая повествует о царствовании Ивана Васильевича, родилась под пером Ивана Тимофеева довольно рано, скорее всего в царствование Федора Ивановича (1584–1598). Но позднее всё сочинение, вероятно, редактировалось с учетом интересов и потребностей аристократического семейства князей Воротынских. Очевидно, сам автор «Временника» не был «самовидцем» гибели царевича Ивана. Однако значительную часть своей жизни он прожил в годы правления Ивана IV, плюс к тому мог черпать знания из социально близкой ему московской приказной среды, а также от весьма осведомленных Воротынских^[109]. Иными словами, известие, содержащееся во «Временнике», скорее всего имеет под собой фактическую почву.

А оно, если отбросить пышную риторику автора, состоит всего в нескольких фразах. Во-первых, Иван Иванович принял смерть от Ивана IV: «...жизнь его угасла от удара руки отца за то, что он хотел удержать отца от некоторого неблагоприятного поступка». Бог весть что за поступок! Остается только гадать, а для историка это дело неуместное. Во-вторых, царевич имел намерение возглавить войско для вооруженной борьбы с некими варварами: «Он восстал на неприятелей, как новоявленный молодой инорог, взирая яростным оком на неверующих, которые были соседями его земли с востока и с запада... хотел сам, придя, как овец поразить их, уповая на Бога и желая отомстить соседним с его землей варварам, за причиненную ими некогда... обиду». Вряд ли мятежи в Казанской земле

можно рассматривать как «причиненную некогда обиду». А вот взятие целого ряда крепостей воинством Стефана Батория, а также поражения в нескольких полевых баталиях могут с полным на то основанием рассматриваться как «обида», за которую следовало бы спросить с неприятеля.

Анализ разнообразных источников, как русских, так и имеющих иноземное происхождение, приводит к выводу: скорее всего, Иван Грозный действительно нанес царевичу Ивану удар посохом, ставший причиной болезни, которая через несколько дней изъяла наследника из числа живых. *Таков наиболее правдоподобный вариант развития событий.* Помимо многочисленных иностранцев, более или менее осведомленных, та же версия содержится как минимум в трех абсолютно не зависящих друг от друга по происхождению русских источниках. Притом названные русские источники создавались главным образом в не столь уж значительном хронологическом отдалении от событий осени 1581 года.

Если свести информацию о гибели Ивана Ивановича от отцовского посоха к сплетням, слухам, дворцовым разговорам, тайному осведомительству на благо покровительствуемых иноземцев, всё равно ею нельзя пренебречь как несерьезной. Основа-то у самых разных «показаний» (порой бесконечно далеких друг от друга по источнику сведений!) одна. И эта основа состоит в признании того, что *отец все же нанес сыну гибельный удар; тот несколько дней проболел и умер.*

Если бы сплетни и разного рода негромкие разговорцы, вынесенные из дворцовой среды, давали различные версии событий, тогда можно было бы говорить о «ложных слухах», специально пущенных кем-то, или же о сознательной клевете, то есть о какой-то вражеской агитации. Но суть везде одна: английский торговец, воинственный поляк, легат папы римского, летописец псковский^[110] и московский приказной дьяк, не сговариваясь друг с другом, пишут об одном и том же. Истина, думается, ясно видна по однообразию множества версий в их основном факте — ударе посохом.

Можно только догадываться, до какой степени царь был раздражен тем или иным поведением невестки, благоволением сына иноземцам, популярностью его у русских. Можно давать лишь эмоциональные, то есть опять-таки гадательные оценки тому, насколько отец «ревновал» сына и завидовал любви к нему со стороны подданных. Все это эмоции. А вот факт один: царь и царевич резко расходились по вопросам большой политики, в частности военной стратегии. Вероятнее всего, именно из-за Пскова. И монарх, подчиняясь тому, что составляло культурную норму его времени, решил «исправить» упрямый нрав сына по рецептам, изложенным

в «Домострое» и собственном завещании 1572 года. «Домострой» же, в частности, рекомендовал битье как крайнее средство для вразумления непослушных сыновей. В какой-то момент, возможно против желания самого отца, его руки все-таки коснулась дурная страсть, и десница государева повернулась иначе, губительно...

Почему так произошло? Вести с фронта держали Ивана Васильевича в постоянном напряжении. Позвоночник пронизывали острые боли^[111]. Неповиновение сына вызывало неповиновение вельмож, того же князя Мстиславского, например, а это уже опасно. Много всего навалилось одновременно! Отсюда — нервный срыв, мгновенное ослепление и...

«Удар жезлом» превратился в «укол посохом», от чего — Господи, упаси! — пролилась кровь.

Итак, причина безвременной смерти царевича — не склоки семейные, не буйная ярость, возникшая из-за мелочи, не раздражительная придирчивость родителя, нет! *Отец убил сына, не увидев в нем союзника по делам государственным.* Убил, явно не желая того, случайно. Применил силу, как того требовал дух времени, как поступали в XVI веке многие отцы, как сам государь мыслил воспитание детей и не рассчитал силы своей, перейдя меру наказания, поддавшись — на мгновение — темной страсти.

Горе!

Нельзя таким страстям поддаваться, Бог не велит...

Произошел несчастный случай, но в случае этом, как ни парадоксально, нет ничего случайного: царь, как и любой крепко верующий христианин, не мог не увидеть в своем несчастье попущения Господня за грех, за дурные страсти.

Мнение автора этих строк отчасти схоже с соображениями, высказанными историком Р. Г. Скрынниковым. Он ссылаясь на свидетельство немца А. Шлихтинга, некоторое время служившего в Москве. Показание Шлихтинга в целом тенденциозно и весьма неровно по уровню достоверности. Скрынников это отлично знает, но разумно использует тот краткий отрывок из письма Шлихтинга^[112], где говорится о ссоре царя и царевича на почве большой политики, поскольку суть приводимых здесь фактов не имеет вида какого-либо злопыхательства в отношении России и царя Ивана IV. Больше похоже на простое изложение обстоятельств, о которых Шлихтинг слышал либо был им свидетелем. Итак, вот что говорит Шлихтинг: после опричного разгрома Новгорода «между отцом и старшим сыном возникло величайшее разногласие и

разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные лица с благосклонностью относятся к отцу, а многие к сыну, и сила в оружии».

Речь идет не о семейных склоках, еще раз хотелось бы напомнить, а о споре повзрослевшего сына с отцом относительно важнейшего дела. Иван IV считал необходимым провести массовые казни и в Москве. Иван Иванович, следуя Скрынникову, заступился, по совету «земских бояр», за население столицы, а может быть, просто увидел в безрассудном раскачивании маховика массовых казней угрозу мятежа против самого царского семейства. Как бы то ни было, истребление москвитян остановилось.

По мнению Скрынникова, популярность Ивана Ивановича постепенно росла и к исходу 1570-х годов уже превосходила популярность самого государя^[113]. В ситуации тяжелого кризиса на фронте, при осаде Пскова, воля царя и воля царевича снова столкнулись в противоборстве, отчего и произошла трагедия: «Царевич давно достиг зрелого возраста. Ему минуло 27 лет. Мужество наследника еще не подвергалось испытанию, но он прислушивался к мнению опытных воевод. Полная пассивность Грозного прямым путем вела к военной катастрофе. Сознание этого все шире распространялось в русском обществе. Царь строго-настрого запретил своим воеводам вступать в сражение с неприятелем. Их бездеятельность давала возможность полякам и шведам завоевывать крепость за крепостью... В источниках можно найти сведения о том, что наследник просил отца дать ему войско, чтобы идти на выручку осажденному гарнизону Пскова. Независимо от воли царевича его двор как магнит притягивал недовольных. За полгода до кончины царевича в Польшу бежал родственник известного временщика Богдана Бельского Давид, который рассказал полякам, что московский царь не любит старшего сына и нередко бьет его палкой. Ссоры в царской семье случались беспрестанно по разным поводам», — и вот, наконец, напряжение, копившееся между отцом и сыном, разрядилось в ударе, нанесенном рукой Ивана Васильевича.

Какая-то «ревность» стареющего государя к юному наследнику, как у Джерома Горсея, тут ни при чем. «Напряжение» имело иной источник.

Основой разногласий были вопросы политического курса, а также военной стратегии. Царь и царевич не ладили, поскольку придерживались разных идей на сей счет. Иван IV в казнях проявлял невиданную щедрость, а на поле боя вынужденно придерживался осторожности. Царевич же, возможно, искал способа умерить чудовищные масштабы умерщвления подданных, но «на брани» желал проявить себя храбрецом. Итог известен, и, стоит повторить, к дрязгам из-за одежды невестки он не имеет

отношения.

Русские источники дают разные даты смерти царевича Ивана Ивановича. Пискаревский летописец приводит не только день, но и час кончины царского сына: «...в 12 час ноши лета 7090 (1581) ноября в 17 день». Так же и в Соловецком летописце указано точное время смерти: «Ноября 19 день, преставися государь царевич Иван Иванович в неделю^[114] на утрени, почали пети: «Хвалете имя господне». Эта последняя дата, очевидно, восходит не к какому-то официальному сообщению, зачитывавшемуся публично, а к свидетельству очевидца. Она вызывает больше доверия и может быть принята как достоверная.

Полностью подтверждает ее надпись на надгробии Ивана Ивановича в Архангельском соборе Кремля: «В лето 7090 ноября в 19 день преставися благоверный и христоролюбивый царевич Иван Иванович всея Руси на память святого пророка Авдея, в день недельный... а погребен бысть того же месяца в 22 день...» Надпись на крышке саркофага сообщает почти то же самое: «В лето 7090 ноября в 19 день преставися благоверный царевич князь Иван Иванович всея Руси на память святого пророка Авдея и святого мученика Варлаама в четвертом часу нощи».

Ранение же было нанесено царским посохом десятью сутками ранее. Известно подлинное царское письмо вельможам^[115], покинувшим слободу после совещания с царем 9 ноября 1581 года: «...Которого вы дня от нас поехали, и того дни Иван сын разнемогся и ныне конечно болен... а нам, докудово Бог помилует Ивана сына, ехать отсюды невозможно...»^[116] Дореволюционный историк Н. П. Лихачев делает резонный вывод, позднее повторенный в советское время тем же Скрынниковым: «Роковая ссора произошла в день отъезда бояр. Минуло четыре дня, прежде чем царь написал письмо, исполненное тревоги по поводу того, что Иван-сын совсем болен. Побои и страшное нервное потрясение свели царевича в могилу. Он впал в горячку и, проболев 11 дней^[117], умер».

Добавить нечего.

ПОКАЯНИЕ

Перед лицом старости русский государь своими руками уничтожил то, чем дорожил более всего на свете, помимо, разве что, спасения души... Горе его разлилось безгранично. Третий царевич, рожденный от чресел монарших, ушел из жизни!

Любимый наследник, взрослый мужчина, хотя и споривший с отцом, но все же принявший от него державную науку, возвращенный в том духе, какой избрал для сына родитель, только что был надеждой и опорой отца, и вот нет его, нет, и никак не вернуть! Тупик, ненастье жизненное, боль неизбывная!

Любовь к первой супруге, доброе наставничество митрополита Макария и, может быть, до определенного времени еще и священника Сильвестра, взятие Полоцка, громада «опричного театра» — всё это в разное время так или иначе защищало Ивана Васильевича от ледяной тьмы сиротства, поселившейся у него внутри и подмораживавшей его душу. Быть может, воспитание сына-наследника, самого близкого человека на свете, было еще одной, последней плотиной, закрывавшей личность Ивана IV от ядовитых потоков глубинной скверны, от черноты вымороженного детства и отрочества. Теперь и ее не стало.

Остались вера в Бога и надежда на Его благую волю.

Но православный государь переживал, помимо личной трагедии, также трагедию «Божьих казней». Господь отобрал у него не только сына, но и ту «непобедимую хоругвь», на которую уповал царь, ведя наступление в Ливонии. Лишь изредка русское воинство могло «дать сдачи» наглому неприятелю, ибо уже потеряло способность в открытом бою одолеть силу его. Города русские падают перед вражеской мощью, воеводы гибнут, бегут или попадают в плен.

За что? На этот вопрос летописцы русские давали краткий, но емкий ответ: «По грехом нашим». Враг топчет Русскую землю, и царское воинство не может выбросить его вон, хотя к воеводам и простым ратникам применены самые строгие наказания? Значит, царь грешен. Значит, ему надо каяться и, как говаривали в древности, «встягнуться от греха», «переменить ум».

Один лишь Псков еще держится. На псковской твердыне, будто на тонкой нити, подвешена судьба всего царства Московского. Но пока не пал Псков, Господь дает России и ее монарху надежду, что еще не до конца

покинул ее, наказывает, но не казнит.

Переживания Ивана Васильевича приняли эпические формы. Нужно покаяние! И не простое, домашнее, но огромное, блистающее, простирающее крыла над всей державой. Царь ошибся? Царь грешен? Но если царь примет на себя великое исправление, то, быть может, избавит Господь его землю от великих бед?

Весной 1582 года царь отправил в Константинополь, Александрию, Антиохию, Иерусалим и на Синайскую гору^[118] «патриархом и архиепископом и архимандритом и игуменом с милостынею по сыне своем, по царевиче Иоанне Иоанновиче». Особую миссию по раздаче пожертвований, с тем чтобы православные иерархи и праведные иноки молились по душе царевича, возложили на Юрия Грека и купца Трифона Коробейникова. Размеры пожертвований потрясают воображение: на них можно было выстроить несколько каменных храмов.

Русским монастырям, у которых еще совсем недавно Иван Васильевич твердой рукой отбирал деньги и ценности на государственные дела, на войну, на обиход покойного сына, также достались великие вклады «по душе» несчастного отпрыска.

Царский двор облекся траурными одежаниями.

Тот же Антонио Поссевино, свидетель несчастья государева, доносит печальные подробности его: «Каждую ночь... под влиянием скорби (или угрызений совести) поднимался [Иван IV] с постели и, хватаясь руками за стены спальни, издавал тяжкие стоны. Спальники с трудом могли уложить его на постель, разостланную на полу (таким образом он затем успокаивался, воспрянув духом и снова овладев собой)... После смерти Ивана князь, отдаваясь слезам, одетый в полный траур, приказал тем послам, которые отправлялись вместе со мной к вашему святейшеству^[119], не выдавать другой одежды, кроме черной, хотя и шелковой».

И, наконец, последнее, но самое главное: царь объявляет о прощении опальным, кои были умерщвлены по его приказам или же стараниями его слуг, получивших власть отбирать жизни по собственному выбору. В иноческие обители рассылаются многотысячные списки опальных. Государь щедро платит за поминальные молитвы по их душам. Крупнейшие обители получали пожертвования в размере одной-двух тысяч рублей, а возможно, и более того. Чтобы понять значительность подобного вклада, стоит перевести деньги на весовой металл, из которого они изготавливались: на производство двух тысяч рублей звонкой монетой при Иване IV шло 13,6 килограмма серебра. Если собрать воедино все

известные выплаты подобного рода, наберется достаточно денег, чтобы построить новый город, возвести в нем храм, палаты и заселить его горожанами.

Уже никак невозможно проявить милосердие к телам тех, кого считали изменниками, преступниками, но к душам — все еще можно. И царь дарует это милосердие...

Для нашего времени «амнистия мертвецам» выглядит несерьезным шагом: что можно изменить, когда изменить уже ничего нельзя? Но XVI век воспринимал подобные действия совсем иначе. В них видели часть царского покаяния, которую он решил не скрывать от подданных. Царь говорил Богу: «Теперь я вижу, что ошибся, убивая их всех. Теперь я вижу, что грешен. Я прощаю их! Я каюсь перед Тобой! Помилуй и Ты меня!»

Синодики опальных вызвали в исторической науке дискуссию. По поводу них высказывались разные мнения. Как минимум два из них, получившие к настоящему времени наибольшую известность, стоит привести в подробностях.

Р. Г. Скрынников склонен видеть в их появлении не только действие морального свойства, но и своего рода политическую акцию: «Будучи в состоянии глубокого душевного кризиса, царь совершил один из самых необычных в его жизни поступков. Он решил посмертно «простить» всех казненных по его приказу людей. Трудно сказать, тревожило ли его предчувствие близкой смерти, заботился ли он о спасении души, обремененной тяжкими грехами, или руководствовался трезвым расчетом и пытался разом примириться с духовенством и боярами, чтобы облегчить положение нового наследника — царевича Федора. Так или иначе, Грозный приказал составить Синодик опальных и велел учредить им поминание. На головы духовенства пролился серебряный дождь. Посмертная реабилитация опальных, самые имена которых находились многие годы под запретом, явилась актом не только морального, но и политического характера. Фактически царь признал совершенную бесполезность своей длительной борьбы с боярской крамолой. «Прощение» убиенных стало своего рода гарантией, что опалы и гонения больше не возобновятся».

Совершенно иначе смотрит на синодики современный историк А. А. Булычев. Но прежде чем будет приведена его интерпретация, стоит ознакомиться с типовым началом документа, который рассылался по монастырям для составления там синодиков: «Лета 7091-го^[120] по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси указу, выписаны из государевых книг имена и прозвания опальных людей разных городов: поминать их по государеве Цареве и великого князя грамоте на

литиях и на литоргиях и на понахидах в церквах Божиях по вся дни. А которые в сем поминанье не имена писаны — прозвища, или в котором месте писано 10 или 20, или 50, ино бы тех поминали: «Ты, Господи, сам веси имена их».

В результате синодики получали странный вид. Туда записывали не только по крестильным именам, как и положено в нормальной богослужебной практике, но и по прозвищам (Истома, Смирной, Труха, Брех, Хозяин, Ширяй, Рудак, Утеш, Ворошило, Пятой), по нехристианским или же христианским, но не православным именам («татарин Янтуган Бахмет», «Роп немчин»), по родственной принадлежности или служебной («Василий Захаров з женою да три сына», «Третьяк Лукин, что был [князя] Черкасского», «в Ивановском Меньшом отделано 13 человек Исаковы жены Заборовского, да семь человек ручным отсечением скончавшихся»), по роду занятий («дьяк владычный», «Корыпан рыболов», «солт[ч?]инский архимарит»), по месту проживания («в селе Братошине псарей 20 человек», «пскович с женами и детьми на Медне 190 человек», «Сурянин Иванов»), а то и вовсе в виде цифры («в Губине Углу Малюта Скуратов с товарищи отдал 30 и 9 человек», «26 человек ручным усечением живот свой скончаша»). И даже какая-то «ведунья-баба» Мария меж ними! По внешней видимости, допущена крайняя небрежность.

Итак, по мнению А. А. Булычева, в вопросе поминания усопших Иван IV позволил исполнителям своего поручения феноменальную, нарочитую небрежность, которая многое объясняет в намерениях царя. «Трагическая гибель царевича, — пишет А. А. Булычев, — помимо естественных опасений за будущее династии... должна была устрашающе подействовать на российского самодержца и еще по одной причине. Все умершие насильственной смертью, по широко распространенному среди восточных славян предрассудку, попадали в зависимость от демонических сил, превращаясь в отверженных «заложных» покойников... Из-за запрета хоронить останки таких мертвецов на православных кладбищах, а также поминать их души за богослужением они обрекались за гробом на вечные страдания. Неудивительно, что «тиран Васильевич» пытался всеми доступными ему средствами спасти своего второго сына^[121] от столь незавидной участи: десятки тысяч рублей он направил для поминовения души Ивана Ивановича «до скончания века» духовным корпорациям России и Христианского Востока. Позднее, в 1583–1584 годах, еще больше денег и «ценной рухляди» монарх пожертвовал «на помин» другой, весьма многочисленной категории «заложных» покойников — опальных подданных, уничтоженных по его повелению в годы массовых репрессий.

Инициативу Грозного установить им полноценное литургическое поминовение необходимо рассматривать в контексте ранее предпринятой аналогичной акции, призванной избавить убиенного наследника престола от печальной судьбы нечистого усопшего и от связанных с ней загробных мучений».

А если так, то «небрежность» государевых дьяков, составлявших списки, становится понятной. Опальных и «погребали»-то самым пакостным образом: топили в реке, бросали прямо посреди поля... Иными словами, их считали «отверженными усопшими», заранее обреченными на загробные муки до скончания веков. Соответственно, их и при составлении поминальных списков все еще не рассматривали как людей, достойных полноценного литургического поминовения. Отношение к ним (как самого государя, так и царских приказных людей) оставалось таким, что названные списки заполнялись абы как, без разбора, с нарочитым хаотизмом и вопиющей анонимностью. В духе: на местах иноки как-нибудь сами разберутся, когда и как их поминать!

Изначально «Синодик опальных» играл роль «залога, при помощи которого монарх надеялся «выкупить» из лап демонов душу погибшего царевича», — полагает тот же Булычев. А для решения подобной задачи тщательность вовсе не нужна.

Лишь позднее, незадолго до смерти, царь, измученный душевно и телесно, решил проявить больше заботы об убиенных опальных, навести порядок по части их поминания, как минимум добавить на это средств из казны. Но Господь оставил ему на исполнение благой затеи совсем уже немного времени...

Напрашивается вывод: в душе Ивана Васильевича даже после страшной гибели сына не произошло по-настоящему сильных подвижек в сторону покаяния. Государь оставался жестокосердным прагматиком.

Кто из историков прав — Р. Г. Скрынников или А. А. Булычев? Или, быть может, в высказываниях обоих нет приближения к истине? Вопрос непростой.

Что касается позиции Скрынникова, то с «моральным» смыслом деяния Ивана Васильевича можно согласиться, с политическим же — нет. Монарх вовсе не объявлял каких-либо гарантий, «что опалы и гонения больше не возобновятся». Ничего подобного в списках опальных нет. Да и смысл правительской власти, понимаемый Иваном IV через апостольское слово — «царь не напрасно меч носит, а для устрашения злодеев и ободрения добродетельных», — не давал ему самому ни малейшей возможности навсегда гарантированно «разоружиться». Он не способен

превратить свою державу в рай на земле, но обязан прикладывать старания к тому, чтобы она не стала адом. А поскольку в человеческом обществе не переводятся злодеи и не исчезает необходимость защищать от них слабых, покровительствовать обиженным, нельзя правителю отказываться от меча.

Положительно, никаких гарантий, что больше казней не случится, царь не давал и не мог дать. Более того, имен некоторых казненных в «Синодике опальных» нет. Либо царь не видел своей вины в их смерти, либо считал их несомненными злодеями, а потому не мог изменить своего к ним отношения.

Другое дело, что в последние годы царствования Иван Васильевич *смягчился*. За весь период 1582–1584 годов известно о казни лишь одного человека — воеводы князя В. И. Телятевского, который проштрафился, сдав Стефану Баторию Псков в 1579 году. Князь вернулся из плена и был наказан за поражение, случившееся несколько лет назад: по свидетельству польского шляхтича С. Немоевского, царь велел его утопить. Однако и это свидетельство сомнительно. Историк А. П. Павлов обнаружил упоминание князя В. И. Телятевского в ярославской писцовой книге 1620-х годов, и, следовательно, князь мог вернуться в Россию после смерти Ивана IV, но вряд ли служил далее: в разрядах и летописях имя Василия Ивановича больше не фигурирует. Конечно, Иван Васильевич наказывает своих подданных и в эти годы, но не отбирает у них жизни. Вместо смертной казни идут в ход *угрозы казнить, избиения* палками ратников, потерпевших поражение, и *унизительные процедуры* в отношении их воевод. Так, например, полководцам, которые не смогли из-за «великих снегов» довести русское войско до Казанской земли, где бунтовала тогда «черемиса», пришлось одеться в женское платье, крутить жернова и молоть муку. В былые-то времена — не сносить им головы!

А вот что касается мнения Булычева, тут всё сложнее.

Прежде всего, хотелось бы напомнить, в каких условиях составлялись списки убиенных в опале. Что тогда переживал сам государь Иван Васильевич и что в ту пору переживало государство Российское.

Закат блистательного царствования окрашен в мрачные тона.

Идут тяжелые переговоры со Стефаном Баторием, скоро начнутся еще более тяжелые — со шведами. Придется многое уступить, иначе войне не будет конца, а сил драться уже нет, и военная катастрофа не за горами. Царь смиренно стоит перед Богом на коленях, царь кается, царь являет милость к душам «избиенных» опальных... Но ведь это долгое дело — не на день, не на неделю и не на месяц. А гнев Божий все еще висит над страной дамокловым мечом.

Очевидно, Иван Васильевич торопил приказных людей своих: составляйте поминальные списки быстрее, еще быстрее! Не то положение, чтобы работать с прохладцей. Небо не потерпит промедления! Не знаете имен? Бог знает. Допустим, о ком-то известно, что убит в общем числе умерщвленных во время очередной масштабной расправы опричных времен. Что от той расправы осталось? Отчет карательной группы. Никаких имен! К тому же, думается, за давностью лет какие-то бумаги, где имена все же были, безнадежно затерялись, а память об опальных мертвецах улетучилась из голов «исполнителей». Всех по именам назвать невозможно...

Но нельзя исключать «анонимов» из списка, нельзя исключать и тех, от кого остались одни прозвища, ибо они — часть царского покаяния, часть чистосердечного раскаяния перед Богом. Как же забыть их? Как можно схалтурить перед лицом Высшего Судии? Пусть будут все, о ком есть хоть малейшее сведение и кто достоин милосердия, все, без изъятия! Пропустишь хоть одного, кого мог бы включить с именем ли, без имени ли, и не получишь прощения свыше...

Поэтому полнота составления в глазах царя была важнее точности.

Вот какова, думается, истинная подоплека пестроты и мнимой «небрежности» в поминальных списках «избиенных» опальных.

Кроме того, схема, предложенная А. А. Булычевым, при всей ее научной изощренности никак не объясняет суть «мистической сделки» между Иваном Грозным и нечистой силой. Почему поминание нескольких тысяч «заложных» покойников, хотя бы «небрежное», хаотизированное должно было «выкупить» у демонов душу другого «заложного» покойника, не имеющего отношения к сей большой группе, а именно царевича Ивана Ивановича? Гипотеза экзотическая, смелая, но неясно, как предлагаемый механизм «выкупа» работает «на практике». Разве что царь земной уповал на милосердное отношение Царя Небесного к душе усопшего царевича, когда Он увидит милосердное отношение правителя к душам погубленных им людей... Но ведь тут демоны и прочие «темные силы» ни при чем. И нет никакого выкупа, есть одно лишь покаяние.

Ну а теперь вопрос чисто технический, но важный: действительно ли богослужебная практика в Московском царстве XVI столетия на все сто процентов табуировала использование прозвищ в синодиках и анонимное поминание больших групп? Иными словами, действительно ли появление подобных вещей в поминальных списках столь уж необычно, является редчайшим исключением и вызвано особым отношением к опальным?

Отвечая на него, автор этих строк со вниманием просмотрел хорошо

знакомые специалистам поминальные списки нескольких знаменитых соборов: Софийского в Новгороде Великом, Успенского в Ростове, а также Архангельского и Успенского в Московском Кремле. В них обнаруживается немало случаев той же самой «небрежности», что и в «Синодике опальных» Ивана Грозного. Вот, например, прозвища вместо имен: «Злоба Иванов сын Наумов», «Истома Гаврилов сын Неплюев», «Судок Андреев сын Огарев», «Будиха Иванов сын Кинешевский», «Нечай Иванов сын Барыков», «Лучанин Епишев», «Несмеян Ржевский», «Шарап Ширяев сын Срезнев», «Ерш Байдилов», «Скрып Иванов сын Толтанов», «Рюма Иванов сын Апраксин» и так далее... Достаточно? А вот перечисление анонимов, поданных большой группой, — список «избиенных на Белёве от безбожного царя Махмета», заканчивающееся словами: «И их товарищем, избиенным от Махмета». Даже число погибших «товарищей» не приведено! Вот еще один пример аналогичного типа: «Под городом под Коловерью избиенным Тимофею Васильеву сыну Лыкову и его дружине». Образцов подобного рода не столь много, как в «Синодике опальных» (да, соборные синодики заметно «чище»). Но эти самые образцы не являются такой уж уникальной редкостью, какой должны быть при идеальном подходе, то есть при обязательном требовании помянуть усопших исключительно по крестильным именам.

Очевидно, в XVI веке духовенство спокойно относилось к упованию на то, что Господь сам разберется, кого поминают. Ну не ведают люди имени своего боевого товарища, а в помянутое вставить его желают. Ничего, обозначим погибшего хоть как-то. Бог-то все равно поймет, для кого милость Его призывают, ведь Он всеведущ! В сущности, это позиция, соединяющая крепкую веру с разумным житейским практицизмом.

А потому «бреши» в стройном ряду крестильных имен, помещаемых в синодик, становились то шире, то уже, в зависимости от практической осведомленности лиц, подающих список, но до конца не исчезали никогда. И никакой особенной «пренебрежительной» позиции в отношении убиенных опальных, следовательно, в списках государя Ивана Васильевича нет.

Видна огромная перемена устроения царя. Гордыня и суровость сменились раскаянием и покаянием. Дорого грешник заплатил за «перемену ума», но подобный поворот иначе как спасительным назвать невозможно. *Кающийся грешник — нечто органичное для православия, абсолютно правильное в самой основе своей.* Кающийся в грехах царь — царь, сквозь душевную глухоту услышавший Бога.

Нельзя не радоваться этой перемене. Слабость человеческая явлена

Богу и отдана на милость Его. Есть в этом отчетливый знак следования евангельскому завету.

КОНЧИНА ГОСУДАРЯ

Знаменитый историк Роберт Юрьевич Виппер писал о царе Иване Васильевиче: «Его... судьба наделила исключительными данными выдающегося правителя и воителя. Его вина или несчастье состояло в том, что, поставивши громадную цель превращения полуазиатской Москвы в европейскую державу, он не мог вовремя остановиться перед возрастающим врагом, что он растратил и бросил в бездну истребления одну из величайших империй мировой истории. Опять-таки оправданием или объяснением этой невольной трагедии может служить его личная судьба: так же как он быстро исчерпал средства державы, он вымотал свой могучий организм, истратил свои таланты, свою нервную энергию».

Действительно, в первой половине 1580-х годов здоровье Ивана Васильевича напоминало корабль с дырявыми бортами и сломанной мачтой. Ученые, исследовавшие останки царя, уверены: последние годы Ивана IV омрачены не только духовными, но еще и физическими страданиями. Его мучили отложения солей, в первую очередь на позвонках. Правителя огромной страны терзали сильные боли, он утратил прежнюю подвижность. А иностранцы, видевшие его незадолго до кончины, писали, что царь скверно выглядит и, скорее всего, скоро умрет.

Пришло время задуматься о душе и суде загробном, где придется давать отчет Царю Небесному.

На протяжении всей жизни государь Иван Васильевич выказывал преданное отношение к православию. И в речах, и в посланиях он стремился показать себя верным слугой Господа.

Действительно, многое свидетельствует о том, что Иван IV был истинно верующим христианином.

Он с детских лет любил совершать богомолья по монастырям, вплоть до самых отдаленных обителей. Много молился, строго соблюдал посты, превосходно знал Священное Писание, лично составлял стихиры, тропари и кондаки. От Церкви Иван Васильевич требовал ревностного отношения к богослужению, чистоты, честности, просветительской работы и твердого стояния за «истинный и православный христианский закон», даже если придется пострадать за него.

Он яростно отстаивал чистоту веры от разного рода еретических искажений и немало усилий приложил к тому, чтобы не допустить в Россию воинствующий протестантизм. К середине XVI столетия в

Московском государстве вновь поднялось еретическое движение. Некоторое количество еретиков-«жидовствующих» уцелело после разгрома в начале XVI века и нашло себе учеников. Кроме того, в то время Восточную Европу переполняли идеи религиозной Реформации. Там немало нашлось сторонников самых радикальных и разрушительных учений — социнианства, антитринитаризма. Выходцы из Литовской Руси пытались вести тайную проповедь в России.

В 1553–1555 годах государь способствовал разгрому новой ереси.

В 1553 году началось расследование «дела» двух еретиков — монаха Феодосия Косого и сына боярского (дворянина) Матвея Башкина. Они отрицали многие церковные таинства, восставали против почитания икон, считали Иисуса Христа простым человеком и не видели в Церкви никакой надобности. Кроме того, Феодосий Косой склонялся к ереси «жидовствующих». Помимо этих двух вождей еретичества в «деле» были замешаны и другие люди: товарищ Феодосия Косого Игнатий, ученик того же Феодосия Фома, а также игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий, уклонившийся в ересь ненадолго и впоследствии от нее отошедший.

Все они были в разное время схвачены и осуждены. Однако огненная казнь не коснулась никого из них. Большую часть феодосианцев разослали по монастырям. Впоследствии виднейшие еретики бежали оттуда и в разное время перешли за литовский рубеж. Сам Феодосий, а также Игнатий и Фома устроились проповедниками антитринитарного учения в городах Великого княжества Литовского. Артемий, хотя и бежал за литовский рубеж, но все же исправился, остался в лоне православия. Он активно выступал против феодосиан.

Когда в феврале 1563 года армия Ивана IV взяла Полоцк, обосновавшегося там Фому поймали и казнили. Что касается сути учения феодосиан, то ее разобрал и опроверг инок новгородской Отенской обители Зиновий. Перу Зиновия Отенского принадлежит антиеретическое сочинение, ставшее впоследствии знаменитым: «Истины показание к вопросившим о новом учении» (Казань, 1863).

Иван Васильевич позаботился о том, чтобы московский рубеж надолго стал восточной границей распространения протестантизма. Его походы на запад неоднократно принимали в ходе Ливонской войны вид военных экспедиций, направленных к религиозному очищению, борьбе с засильем «прескверных лютор». Особенную роль сыграли походы 1562–1563 годов на Полоцк и 1577 года в Южную Ливонию.

Царь лично принимал участие в религиозных диспутах с иностранными проповедниками, неизменно занимая позицию ревнителя

православия. На российских землях протестантское вероисповедание разрешалось исключительно для служилых иноземцев, но не позволялось его проповедование.

При Иване Грозном к сколько-нибудь значительной власти в любой масштабной иерархии — воеводской, судебной, думной — допускались исключительно православные.

Иначе говоря, роль защитника веры царь Иван всегда выполнял с ревностью и старанием.

Одной из самых значительных заслуг царя перед Церковью и страной является введение в России государственного книгопечатания. Как уже говорилось, государь Иван Васильевич и Макарий, митрополит Московский, совместно основали Печатный двор в Китай-городе — первое отечественное издательство, деятельность которого документирована. Печатный двор поддерживался государством и Церковью, иными словами, обеспечивался финансами и кадрами на регулярной основе.

Таким образом, государь Иван IV сделал немало полезного для Церкви и долгое время искренне старался быть ее верным сыном.

Проблема состоит в том, что при всей твердости вероисповедной позиции Иван Васильевич с первой половины 1560-х годов стремится как можно меньше стеснять себя морально и в личной жизни, и в политике. Заповеди Христовы и христианская нравственность ненадежно связывали его страстную натуру, играя в «постановках» государя-лицедея роль декораций, но никак не стержня всего действия.

А христианство покоится на основах твердых и незыблемых, оно чуждается игр, его нельзя «поставить» на сцене. От артистической натуры оно требует великого смирения. Далеко не всякая артистическая личность с готовностью окунается в стихию смирения. И уж совсем редко — доходит до глубин самоочищения.

Уже в 1564 году, вскоре после смерти митрополита Макария, пользовавшегося у Ивана IV большим духовным авторитетом, государь пишет Курбскому о новой своей позиции по отношению к Церкви: «Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами. Тебе чего захотелось — того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам?» До начала опричнины святитель Макарий неоднократно печаловался о судьбе опальных вельмож, осужденных на казнь. Пользовался правом «печалования», по всей видимости, и митрополит Афанасий, преемник Макария на Московской кафедре. Однако с установлением опричнины царь все реже прислушивается к голосу Церкви. Он стал крайне отрицательно относиться к попыткам архиереев

избавить «изменников» от смерти. Именно в этом состояла главная причина его конфликта с митрополитом Филиппом, пришедшим на место Афанасия.

К сожалению, русский православный царь отличался несовместимой с его званием любовью к астрологам и «чародеям», порой надолго подпадая под их влияние и даже поступая по их советам в государственных делах. Елисей Бомелий, астролог с репутацией злейшего колдуна, долгое время ходил у Ивана Васильевича в доверенных лицах.

Наконец, Иван Васильевич женился шесть раз. Его жены: Анастасия Захарьина-Юрьева^[122], Мария-Кученей Черкасская^[123], Марфа Собакина, Анна Колтовская, Анна Васильчикова, Мария Нагая.

Почитатели Ивана IV отрицают некоторые его браки, например с Марфой Собакиной, Анной Колтовской и Анной Васильчиковой, но источники подтверждают факт свадеб. Так, например, до наших дней дошли официальные разряды бракосочетания с Марфой Собакиной, Анной Васильчиковой, Марией Нагой, а Анну Колтовскую Иван Васильевич прямо называл в своем завещании женой.

Марфа Собакина пробыла супругой Ивана Васильевича чуть более двух недель осенью 1571 года и скоропостижно скончалась. Царь подозревал, что ее извели «чародейством» или же «отравой». Всего через полгода ее заменила Анна Колтовская, но она продержалась рядом с царем лишь несколько месяцев, а затем ее удалили в монастырь. Развод состоялся осенью 1572 года. Бывшая царица прожила инокиней много лет, надолго пережив самого Ивана Васильевича.

Разряд брачного торжества, связавшего царя с Анной Васильчиковой в январе 1575 года, показателен: церемония имела вполне официальный, но «камерный» вид, собралось совсем немного народу, в основном доверенные лица государевы. В самом деле, на свадьбу Марфы Собакиной собралось более полусотни почетных гостей, включая знатнейшую аристократию и двух царевичей, а у Анны Васильчиковой всё скромнее. Нет уверенности даже в том, что состоялось венчание и брак приобрел церковный, то есть законный вид! Возможно, то недолгое время, когда Анна Васильчикова делила ложе с Иваном IV, она жила в причудливом статусе царицы-наложницы... Вскоре Иван Васильевич велел ей постричься в инокини, и скончалась она уже монахиней суздальского Покровского монастыря (конец 1576-го или самое начало 1577 года)^[124].

На Марии Нагой Иван Васильевич женился осенью 1580 года, и на сей раз, при всей полуофициальности брака, видно многолюдство свадебного

торжества: все-таки Нагая происходила из рода намного более знатного, нежели Васильчиковы или Колтовские.

Сына Ивана IV от брака с Марией Нагой, царевича Дмитрия, появившегося на свет в 1582 году, не воспринимали как законного наследника, так как он стал плодом неканонического брака.

Шесть браков — намного больше, чем предусмотрено православными канонами. Уже четвертый брак — прямое нарушение твердых церковных правил на этот счет. Церковь вынужденно разрешила его: память о недавно закончившемся массовом терроре была свежа, не так давно низвергнутого с кафедры митрополита Филиппа умертвил опричник, и ни один русский архиерей не мог быть спокоен за свою жизнь. Пришлось сослаться на то, что царственный супруг за недолгостью брака с быстро умершей Марфой Собакиной девства ее «не разрешил». Правда, на царя наложили епитимью... Для всех прочих, дабы никто не соблазнился примером государя, последовало церковное разъяснение: «да не дерзнет [никто] таковая створити, четвертому браку сочетатися...» под страхом проклятия.

От папского легата Поссевино дошло ужасающее свидетельство: «У государя есть собственный священник — духовник, который следует за ним, куда бы тот ни отправился из Москвы. Хотя государь каждый год исповедуется ему в грехах, однако не принимает больше причастия, так как по их законам не позволено вкушать тела Христова тому, кто был женат более трех раз. А этот князь, после того как первая жена Анастасия (а сейчас ее уже нет в живых) родила ему двух сыновей^[125], которые живы до сих пор, брал в жены (хотя это можно назвать и другим словом) девиц еще шесть раз».

Сколько девиц брал в жены Иван Васильевич, Поссевино вряд ли мог знать в точности: история царских браков, их расторжения или же гибели цариц начала разыгрываться за несколько десятилетий до прибытия Поссевино в Россию, и его осведомленность в этом вопросе выглядит сомнительной. Однако наблюдения папского посланника в сфере религиозного быта составляли одну из главных задач его миссии. Поссевино искал зацепки для продвижения католичества в России, притом сверху, через двор и семейство Ивана Васильевича. Тут он в высшей степени внимателен, а потому вряд ли ошибается. Но даже если отказ от причастия имел не столь длительный характер, даже если он являлся частью епитимьи, которая впоследствии оказалась снята, всё равно очень печально, что такое вообще стало возможным.

Дважды царь вынуждал сына, царевича Ивана, постригать жен в монахини против его желания.

Иван IV прекрасно понимал собственную порочность и время от времени начинал каяться — всерьез, тяжело, скорбно. Нет смысла сомневаться в искренности его покаяния.

В 1551 году, обращаясь к церковному собору, молодой государь признается в том, что «заблудился», уйдя от заповедей Господа «душевные и телесные» по причине «юности» и «неведения».

В 1572 году слова глубокой скорби о своей греховности звучат в его духовной грамоте (завещании). Из-за нашествия Девлет-Гирея судьба страны повисла на волоске; Иван вспоминает о своих грехах, связывая, как видно, собственную податливость к соблазнам с «казнями Божьими», обрушившимися на Московское царство: «Се аз, многогрешный и худый раб божий Иоанн, пишу сие исповедание своим целым разумом... Душею... осквернен есмь и телом окалях... От Иерусалима божественных заповедей и ко ерихонским страстям пришел, и житейских ради подвигов прельстихся мира сего мимотекущею красотою... в разбойники впадох мысленный и чувственный, помыслом и делом... аще и жив, но Богу скардными своими делы паче мертвеца смраднейший и гнуснейший... От Адама и до сего дни всех преминух в беззакониях согрешивших, сего ради всеми ненавидим есмь. Каиново убийство прешед, Ламеху уподобихся, первому убийце, Исаву последовах скверным невоздержанием, Рувиму уподобихся, осквернившему отче ложе, насытства и иным многим яростию и гневом невоздержания... Аз разумом растленен бых, и скотен умом и проразумеванием, понеже убо самую главу оскверних желанием и мыслию неподобных дел, уста разсуждением убийства и блуда, и всякого злато делания, язык срамословия, и сквернословия, и гнева, и ярости, и невоздержания всякого неподобного дела, выя и перси гордости и чаяния высокоглаголивого разума, руке осязания неподобных, и грабления насытно, и продержания, и убийства внутрення, ея же помыслы всякими скверными и неподобными оскверних, объядении и пьянстве, чресла чрезъестественная блужения, и неподобного воздержания и опоясания на всяко дело зло, нозе течением быстрейших ко всякому делу злу, и сквернодеяния, и убивства, и граблением насытного богатства, и иных неподобных глумлений».

Много лет назад, рассуждая о судьбе государя Ивана Васильевича как христианина, автор этих строк позволил себе необдуманное высказывание: «Покаянные слова и действия государя всякий раз бывали результатом настроения. Кажется, определенную стойкость царь проявил лишь в конце 40-х — начале 50-х годов XVI века, да еще, может быть, в конце жизни, когда здравый смысл подсказывал ему: пора бы всерьез задуматься о

встрече с Высшим Судией... Вне зависимости от глубины раскаяния царя, Церкви он нанес огромный ущерб. Гибель и страдания архиереев, священников, близких им людей, унижение церковного авторитета, нарушение канонов, покровительство оккультной деятельности — вот далеко не полный результат государственного своеволия».

Думается, не стоило завершать рассуждение о переменах, которые происходили с душой и личностью Ивана Васильевича, на этой ноте, ноте простого осуждения. Это было ошибкой. Да, Церковь претерпела немало страданий от государя, на сей счет невозможно, да и не нужно что-либо смягчать. Иное требует менее категоричного отношения. Не следует пренебрегать последним покаянием царя, тем, что совершалось на глазах у всей страны незадолго до его кончины. В нем видно величие сильной, своенравной натуры, преодолевающей себя, беспощадно сокрушающей себя собственными грехами, собственной жестокостью, собственной закоренелости в ветхозаветном гневе. Трудно осудить себя перед лицом Божиим, но стократ труднее дать тем, кто стоит ниже тебя, увидеть всю ужасающую силу приговора, произнесенного над своей жизнью. Признаваясь Господу в ошибках, слабостях, прегрешениях, царь показывал тем, кто участвовал когда-то в совершении всего этого: то, что мы сотворили, — неправильно, то, что мы сотворили, — против Бога; и я первым шел во грехе, ведя остальных за собою; вы соблазнились, ибо я принуждал вас к тому; теперь вижу, что я ошибался, что я грешен; прости же, Господи!

Только закоренелый в немилосердии человек не найдет в себе сочувствия к этому глубоко христианскому движению души государя.

Есть в нем высота духа.

Не было ли заключение двух мирных соглашений — с Речью Посполитой и Швецией — драгоценной милостью свыше, дарованной в ответ на царское покаяние и царское моление? Тяжелы их условия, но для России, истекавшей кровью, спасительны.

Царь умирал один. Он рос сиротой, возмужал сиротой, много лет боролся с темнотой сиротства внутри себя, находил разные способы защиты от сиротства, и вот пришел последний час, а он опять сирота, опять один, и остались у него сын, которого он невысоко оценивает, последняя женщина на его ложе, полужена-полуналожница, младенец, подаренный ею, и... никого по-настоящему близкого. Последняя война, которую он вел, проиграна.

Но от своей холодной доли Иван Васильевич в конце жизни все-таки ушел. Государь нашел единственное действенное средство — положился на

Бога.

Только Бог спасает. Больше нет ничего надежного.

Царь пожертвовал себя, со всеми своими страхами, Богу, и Бог облегчил его ношу.

18 марта 1584 года наступил последний срок для царя Ивана Васильевича. Он прожил 54 года, из них большую часть (с 1547-го) — под царским венцом. У него родилось пятеро сыновей и три дочери, он прославился как автор странной опричной реформы, с переменным успехом действовал как полководец и дипломат, взял Казань и Полоцк, но проиграл главную войну своей жизни.

И вот его сердце перестало биться.

По свидетельствам некоторых источников, первый русский царь принял насильственную смерть от рук собственных вельмож, после чего духовник, действуя вопреки церковным канонам, на холодеющее тело его возложил «монашеский образ». Другие источники сообщают о естественной смерти, незадолго до которой Иван Васильевич постригся в иноки с именем Иона.

Версия об уходе государя из жизни под действием яда или удушения не столь уж неправдоподобна. Однако последнюю точку ставить рано. Доказательств, чтобы сказать со всей категоричностью: «Да, его убили», — пока недостаточно. Ведь жизнь первого русского царя была наполнена физическим и психическим напряжением, и, весьма вероятно, его здоровье просто не выдержало этой нагрузки. Иначе говоря, смерть могла наступить по естественным причинам, без всяких усилий злоумышленников.

Красочное описание кончины государя оставил англичанин Джером Горсей. В последний день Ивана Грозного иноземец был рядом с ним. Столь близко, что некоторые историки даже заподозрили в нем тайного организатора цареубийства. Так это или не так, определить сложно. Сам Горсей порой выполнял щекотливые поручения, которыми ныне занимаются агенты спецслужб. Позднее ему доставляло удовольствие хвастаться успехами в подобных «операциях». Но англичанин ни слова не говорит о своей причастности к смерти Ивана IV.

Итак, вот рассказ Джерома Горсея о том, как ушел из жизни государь Иван Васильевич: «Царь приказал доставить немедленно с Севера множество кудесников и колдуний, привезти их из того места, где их больше всего, между Холмогорами и Лапландией. Шестьдесят из них были доставлены в Москву, размещены под стражей. Ежедневно им приносили пищу и ежедневно их посещал царский любимец Богдан Бельский —

единственный, кому царь доверял узнавать и доносить ему их ворожбу или предсказания о том, что он хотел знать... Чародейки оповестили его, что самые сильные созвездия и могущественные планеты небес против царя, они предрекают его кончину в определенный день^[126]; но Бельский не осмелился сказать царю так; царь, узнав, впал в ярость и сказал, что очень похоже, что в этот день все они будут сожжены... Каждый день царя выносили в его сокровищницу. Однажды царевич сделал мне знак следовать туда же. Я стоял среди других придворных и слышал, как он рассказывал о некоторых драгоценных камнях, описывая стоявшим вокруг него царевичу и боярам достоинства таких-то и таких-то камней... «Вот прекрасный коралл и прекрасная бирюза, которые вы видите, возьмите их в руку, их природный цвет ярок; а теперь положите их на мою руку. Я отравлен болезнью, вы видите, они показывают свое свойство изменением цвета из чистого в тусклый, они предсказывают мою смерть. Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога, с великолепными алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями... Найдите мне несколько пауков». Он приказал своему лекарю Иоанну Ейлофу обвести на столе круг; пуская в этот круг пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подышали. «Слишком поздно, он не убережет теперь меня... Я особенно люблю сапфир, он сохраняет и усиливает мужество, веселит сердце, приятен всем жизненным чувствам, полезен в высшей степени для глаз, очищает их, удаляет приливы крови к ним, укрепляет мускулы и нервы». Затем он взял оникс в руку. «Все эти камни — чудесные дары Божьи, они таинственны по происхождению, но однако раскрываются для того, чтоб человек ими пользовался и созерцал; они друзья красоты и добродетели и враги порока. Мне плохо, унесите меня отсюда до другого раза». В полдень он пересмотрел свое завещание, не думая, впрочем, о смерти, так как его много раз околдовывали, но каждый раз чары спадали... Он приказал главному из своих аптекарей и врачей приготовить все необходимое для его развлечения и бани. Желая узнать о предзнаменовании созвездий, он вновь послал к колдуньям своего любимца, тот пришел к ним и сказал, что царь велит их зарыть или сжечь живьем за их ложные предсказания. День наступил, а он в полном здравии как никогда. «Господин, не гневайся. Ты знаешь, день окончится, только когда сядет солнце». Бельский поспешил к царю, который готовился к бане. Около третьего часа дня царь пошел в нее, развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать, вышел около семи, хорошо освеженный. Его перенесли в другую комнату, посадили на постель, он позвал Родиона Бирки-на, дворянина, своего любимца, и приказал

принести шахматы. Он разместил около себя своих слуг, своего главного любимца и Бориса Федоровича Годунова, а также других. Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие — в аптеку за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником и лекарями. Тем временем он был удушен и окоченел».

Версию насильственной смерти Ивана IV — явно по слухам, без особенной уверенности — поддерживает также и русский источник, уже упоминавшийся «Временник» Ивана Тимофеева.

Ради полноты картины имеет смысл привести из него цитату. Как минимум для того, чтобы были ясны настроения, воцарившиеся после смерти Ивана Васильевича. Вот соответствующее место из «Временника»: «Некоторые говорят, что приближенные погасили жизнь грозного царя прежде времени, чтобы сократить его ярость: Борис [Годунов], который после был царем в России, соединился в тайном намерении убить его... с тем, кто в то время был приближенным царским любимцем, по имени Богдан Бельский. Бог предусмотрительно допустил, чтобы это совершилось, провидя то, что должно было целиком исполниться в будущее время. Все государства, соседние с его владениями, державы, которые касались границ его земли, не только враги и близко живущие, но и далекие мнимые друзья его, смерти его весьма обрадовались, (считая) потерю его как бы некоторым для них великим приобретением, так как, когда жил, он был им часто неприятен, отнимая у них города и присоединяя их к своему царству; меч в его правой руке не напрасно падал вниз на противников и не переставал ощущаться (ими). И что удивительного, если смерти его коварно радовались посторонние? Ведь и рабы его, все вельможи, страдавшие от его злобы, и они опечалились при прекращении его жизни не истинною печалью, но ложной, тайно прикрытою».

Что тут правда, что — слухи, а что — чистая выдумка, твердо сказать невозможно. Во всяком случае, очень и очень сомнительной выглядит версия, согласно которой «на покой» Ивана Васильевича проводил Богдан Бельский с присными. Этот вельможа, племянник Малюты Скуратова, держался на верхних этажах власти только благодаря милости Ивана IV. Вскоре после того как государь ушел из жизни, Богдан Бельский потерял влияние на дела и был удален из столицы. Иначе быть не могло: худородность Богдана Бельского делала его «белой вороной» на высоких постах, которые он занимал. Так стал бы он рубить сук, на котором сидел? Вот уж вряд ли!

Что же касается Бориса Годунова, то для него убийство Ивана IV вроде бы сулило определенные выгоды: будучи шурином царевича Федора, он мог высоко подняться после смерти его отца, с воцарением сына. Как, собственно, и произошло. Но первые два года после кончины Ивана Грозного Борис Годунов вел тяжелую политическую борьбу и едва устоял у подножия трона. Против него, аристократа «второго сорта», ополчилась высокородная знать, и ей малого не хватило, чтобы разгромить «партию» Годуновых. Притом вождь «партии» не мог не знать, что ему предстоит смертельно опасное столкновение с самыми влиятельными родами Московского царства. Искал ли этой борьбы Борис Федорович? Хотел ли приблизить ее, поторопив смерть старого государя? Крайне сомнительно.

Иван Васильевич ушел из жизни, пяти месяцев не добрав до 54-летия. Для наших дней это далеко не старость. Как будто можно сделать вывод, что первого русского царя «поторопили» с уходом на тот свет недоброжелатели.

Но в XVI столетии всё было иначе, не так, как сейчас. В этом веке Россией правили, сменяя друг друга, пять государей: Иван III Великий, Василий III, Иван IV, Федор Иванович и Борис Годунов. Вот сведения о возрасте, в котором они скончались:

Иван III — 65 лет;

Василий III — 54 года;

Иван IV — 54 года;

Федор Иванович — 40 лет;

Борис Годунов — 53 года.

Выходит, срок жизни Ивана Васильевича даже несколько выше, нежели средний срок жизни прочих государей российских...

Итак, загадка остается загадкой.

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Невозможно, неправильно говорить о правлении Ивана Грозного вне контекста всей истории Русской цивилизации^[127], вне понимания, что она собой представляет. Державство первого русского царя завершило блистательный, цветущий период в судьбе Русской цивилизации. Побывав на пике, она начала входить в период великих испытаний и больших катастроф. Поэтому финал в очерке жизни и деяний этого правителя — объяснение того, к каким разрушительным итогам, к каким тяготам близкого будущего он подвел весь цивилизационный строй Руси.

Русская цивилизация — прежде всего цивилизация церковная, религиозная. Православие — самый глубинный ее код. Все в России можно объяснить исходя либо из православия, либо из нарочитого противостояния православию.

Лучшее в русской культуре, так или иначе, вышло из православной веры. С XIV столетия христианство на Руси укрепилось. Его закалило иноплеменное и иноверное иго. Церковь — одна на всю раздробленную до состояния политического крошева страну — была самым мощным объединяющим фактором. А укрепившись, русский побег христианского куста дал прекрасный цветок Северной Фиваиды. Возникшая в местах диких, лесных, суровых, на неплодородных землях и в условиях неласкового северного климата, Русская Фиваида оказалась, может быть, лучшим из всего, что подарила Россия миру. Русская Фиваида, раскинувшаяся на просторах от Северного Подмосковья до Кольского полуострова и Соловков, свидетельствует о великом времени, когда тысячи людей ради Христа и веры Христовой искали тишины, уединения, спокойствия духа и бежали суетной жизни, оставляя мирские блага, не думая об условиях простейшего комфорта.

Русская Фиваида — место во времени и пространстве, где монашество сладостно.

Если кто-нибудь приезжает в северные наши земли беспокойным, мятущимся, духовно бездомным, то здесь он чувствует: вот он, истинный дом! Где-нибудь у стен Спасо-Прилуцкого монастыря на окраине Вологды, или в ферапонтовской глуши, или в маленькой лодочке посреди лабиринта соловецких каналов, или на пустошах макарьевских находишь

необыкновенную, неповторимую тишину. Приехав из шумных мест, из Питера какого-нибудь, из Москвы или Нижнего, здесь находишь нечто более родное, нежели в местах, где родился и провел всю жизнь. Здешняя трава, здешний ветер, здешние иконы в старинных церквях как будто приглашают: «Останься тут! Останься тут навсегда! Разве не видишь — тут тебе лучше всего...» Вся пестрота городов, биение делового нерва, вся некрасивая громада политики тут обретают смысл и оправдание. И если бы дала Русь только одну эту молитвенную тишину, только монастырские стены в лесной глухомани, только подвиги пустынников и постников на берегах неспешных северных рек и вечных озер, то и тогда лоно ее следовало бы считать плодоносным и благословенным.

Русская церковь и русская вера привыкли жить в условиях осажденной цитадели. То противник на дальних подступах, то у самых стен, вот он занял первую линию укреплений, а вот обессилел и отступает... В XIV–XVI столетиях наша Церковь по необходимости превратилась в воинствующую и благословляла пересветов на рать с басурманами.

В XV–XVI веках наше православие имело вид пестрый и разнообразный. Оно вмещало в себя заволжских старцев с их проповедью скитского пустынножительства, бедности, отказа от сокровищ материальных ради главного сокровища — стяжания Духа Святого; рядом с ними существовало и до поры до времени относительно мирно уживалось домовитое, практичное иосифлянство; народная стихия плодила романтические образы христианства, а заодно и корявые, неуклюжие апокрифы. Казали рожки горластые еретики, но их не жаловали, хотя до поры кое-кто и увлекался их речами...

Да и рясофорная Русь в середине XV — первой половине XVI века отличалась многоцветьем: знала и монастырскую киновию, заботливо поддержанную святителем Алексием и Сергием Радонежским, и скиты, и величественную монашескую колонизацию, и хозяйство больших обителей, работавшее как часы, и одинокое нищее пустынножество, и утонченное исихастское учение, и византийскую обрядовую строгость, и византийскую же литургическую роскошь.

Церковь удельно-ордынских времен выпестовала Русь, дала ей правильную, регулярную форму и открыла ей дорогу в Россию...

Монархическая власть знала в эпоху Русского акме разные виды и формы. Патриархальная ее форма досталась в наследство от XIV столетия, прошла испытание на прочность в горниле междоусобной войны второй четверти XV века. Не выдержав этого испытания, она была переделана Иваном III в спокойное эффективное единодержавие, стоящее над военно-

служилым сословием, хотя и зависимое от него в разумных пределах.

Из хаоса XV века родилась стройная, почти византийская иерархия следующего столетия. И единодержавие, и подчеркнуто иерархичная структура политической власти, и весьма значительный комплекс ее прав по отношению к подданным также стали частью русского цивилизационного узора. Мощь центральной власти была абсолютно необходима. В пору, когда рыхлая, аморфная, неоднородная администрация пыталась управлять огромной страной, откуда можно было уйти на Север, на Юг или в Сибирь, страной, бедной природными ресурсами (богатой ими она станет только в XVIII веке, с началом горнорудного освоения Урала и Сибири), страной, с трех сторон не защищенной от сильных врагов, самодержавная («македонская»)^[128] форма высшей власти обязана была родиться. Наличие ее впоследствии неоднократно оказывалось спасительным для России.

Вместе с благой стороной «русской македонщины» родилась и ее противоположность. Суровое и прагматичное единодержавие хорошо только тогда, когда государь — первый из христиан, сам осознает это и к подданным относится как к братьям и сестрам во Христе, когда он помнит свой главный долг — защитить своих подданных и создать наилучшие условия для спасения души каждого из них. Если этого нет, жестокость правления (та же опричнина, например) не имеет оправдания. Впрочем, такой же дух должен овевать лиц, стоящих ближе всего к монарху, иначе нет оправдания и их честолобию; простое стремление к свободе, независимости и процветанию таким оправданием служить не может.

У монарха российского — как бы он ни назывался — есть только три ограничителя власти, и ни один из них к правовой сфере не относится. Это, во-первых, бунт, который подданные могут устроить, если увидят в монархе разрушителя веры или же бессмысленно жестокого мучителя христиан^[129]; во-вторых, заговор вельмож, высшей аристократии любого рода, если ее самовластие допущено при дворе; и, в-третьих, непримиримый конфликт с Церковью. Монархическая власть, если Церковь не поддерживает ее своим пастырским словом, бесконечно много теряет в авторитете, поскольку в глубинной сути своей царское служение это служение Богу. А служение Богу невозможно в состоянии отступничества, спора с Церковью и тем более отхода от Церкви, пребывания вне Церкви. Только симфония Священства и Царства дает России благое состояние. Так было, например, в середине XVI века при митрополите Макарии.

Фаза акме в культуре нашей отмечена необыкновенным подъемом.

Именно тогда творили живописцы и воздвигались постройки, ставшие впоследствии эталоном русскости, основой «русского стиля»: Даниил Черный, Андрей Рублев и Дионисий; Успенский собор в Московском Кремле, церковь Вознесения в Коломенском, Покровский собор на рву (ныне собор Василия Блаженного). Летописание и хронография испытали расцвет^[130]. Общественная мысль наполнилась шумом полемик; идеи, рожденные тогда, остаются в интеллектуальном быту вплоть до нашего времени («Москва — дом Пречистой», «Москва — Третий Рим», «Москва — Второй Иерусалим», диспут между властью в лице Ивана Грозного и «первым диссидентом» — князем Андреем Курбским, диалог стяжательского и нестяжательского мировидения). В стране утверждается книгопечатание, вводится целый ряд технических новинок.

И в то же время акме нашего культурно-исторического типа проходило в условиях, когда чужой нож редко удалялся от русского горла. Пока Россия была достаточно сильна и организована, ей удавалось удерживать стальной хваткой руки своих убийц. Но московский разгром 1571 года был тревожным звоночком, преддверием страшной Смуты: нож никуда не делся, страна не имеет права быть слабой. Равнинное расположение России, отсутствие естественных географических рубежей по границам делало необходимым тратить прорву ресурсов на поддержание обороноспособности. Это — ахиллесова пята России...

Правление Ивана IV, «артиста на престоле», легло тяжким бременем на старомосковское общество. России пришлось нести крест государева образа действий — сурового до жестокости, расточительного и отмеченного экстравагантными политическими ходами. Дело не только в том простом факте, что опричнина явилась кровавым умыванием для России. Дело прежде всего в том, что цивилизация держалась на безусловном признании очень высокого статуса Церкви и военно-служилого сословия (всех его слоев!), а в опричную и постопричную эпоху Церковь подверглась терзаниям и унижению, не способствовавшему сохранению ее авторитета; что же касается служилых людей по отчеству, то их в грозненскую эпоху было не особенно много. Чудовищный ущерб, нанесенный военно-служилому сословию в 60 — 70-х годах XVI века, пошатнул обороноспособность страны, а значит, существенно ухудшил общее состояние цивилизации.

Могло ли быть иначе? Еще вчера Русь имела вид пространства, разделенного на множество самостоятельных и полусамостоятельных ячеек, разорванного московско-литовским рубежом, пребывающего в подчинении у Орды. Еще вчера через Русскую равнину перекатывались во

всех направлениях тяжелые волны междоусобных войн. Еще вчера раскаленная энергия юного русского народа не имела устоявшихся форм, не принимала отчетливой государственной идеи, не умела помыслить собственного единства. И вот, по прошествии нескольких десятилетий, пылающее, разрозненное, разнокрасочное лоскутное пространство Руси обрело устойчивый вид Православного царства. Получило прочный государственный строй, церковное единение, надежную армию. Чтобы не расползтись вновь, ему требовался определенный градус деспотизма власти и деспотизма идеи. В противном случае протуберанцы горячей лавы распарывали бы нежную кожу новой молодой державы изнутри, рвались бы швы, вместо концентрации Русь бесконечно возвращалась бы в архаичное состояние «крошева княжеств», дурной бесконечности цивилизационного выбора.

Выбор совершился, аморфное состояние закончилось, а любая сколько-нибудь определенная форма — результат развития, отрицающий все другие формы. Следовательно, усмирение внутреннего буйства, уход от затянувшегося «кипения» густой питательной жидкости государства в сторону застывания, в сторону готового «студня», должны были создать для страны «тоннель самовластия», резко ограничивающего то, что еще недавно обладало полной мерой вольности.

Вопрос состоял лишь в мере и формах самовластия...

Его могло быть больше или меньше.

Оно могло быть свирепым и юродским, а могло повторить манеру Ивана Великого, который, при всей твердости воли (доходившей порой до жестокости), берег страну от избыточного пролития крови.

Оно могло быть более или менее почтительным в отношении Церкви.

Оно могло сильнее ударить по амбициям «княжат», помнивших о суверенных правах ближайших предков, или же уступить им кое-что. Или же... истребить их подчистую.

Вот только совсем отсутствовать самовластие на том этапе развития русской государственности просто не могло. Иначе и России бы не выжить.

От Бога страна получила «тоннель самовластия», расцвеченный воинственными и суровыми картинами Сауловых времен. Много пережила. Потеряла земли на Западе, приобрела на Востоке. Но вышла спаянной одной важной идеей: *существует единая православная Российская держава, которая развалиться не может и не может вернуться во времена раздробленности.*

Некоторые страницы грозненского царствования — очень высокая плата за это единство, порой слишком высокая. Но безо всякой платы вряд

ли удалось бы его обрести.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ: ВОЛНЫ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Историческая память об Иване IV прошла через несколько этапов истолкования.

Фигура первого русского царя еще в годы его правления и в ближайшие десятилетия после его кончины получила в русской исторической мысли целый ряд эмоционально окрашенных оценок.

Жизнь и деяния Ивана IV поданы безусловно положительно в государственном летописании середины XVI века, начиная с «Летописца начала царства» и заканчивая Лебедевской, а также Александро-Невской летописями. Особенно много доброго говорилось о нем в связи со взятием Казани в 1552 году и Полоцка в 1563-м. Немало добрых слов сказал о нем патриарх Иов в житийной повести о царе Федоре Ивановиче, сыне Ивана Грозного.

Однако далеко не столь однозначно неофициальное летописание. Так, например, Псковская летопись и особенно Пискаревский летописец наполнены критическими замечаниями в адрес Ивана Васильевича.

Во «Временнике» Ивана Тимофеева апологетические фразы («правую веру в Христа, именно поклонение Троице в единстве и единству в Троице, после своих предков до самой смерти, как пастырь, сохранил непоколебимой и незыблемой») перемежаются с негативными отзывами («возненавидел все города земли своей и в гневе своем разделил единый народ на две половины»).

То же самое видим и в Летописной книге князя Катырёва-Ростовского [\[131\]](#): с одной стороны, Иван IV подан как «муж чюдного разсужения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен»; с другой стороны, «на рабы своя, от Бога данныя ему, жестосерд вельми и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби... многия святительский чины заточи и смертию немилостивою погуби...». Тот же автор в другом месте пишет о царе Иване Васильевиче: «Прославил его Бог больше всех сородичей его: прежде бывших царей и великих князей в превеликой Москве, и раскинулась

держава его на великом пространстве... Но... преисполнился гнева и ярости и начал подданных своих, словно рабов жестоко и немилосердно преследовать и кровь их вины проливать. А царство своего, врученное ему от Бога, разделил на два удела... И вот свой удел с людьми и городами он назвал опричниной, а другой удел... наименовал земщиной. И приказал своему уделу другого удела людей притеснять и смерти предавать, и дома их без причины грабить, и воевод, данных ему Богом, без вины убивать, и города прекраснейшие разорять, а в них всех православных христиан безжалостно убивать — вплоть до самых младенцев. И не испытывал он стыда даже и перед священническим саном: одних убивал, других заточал под стражу...»

Наконец, в сочинениях князя Андрея Курбского царь вообще представлен как нравственное чудовище...

Итак, русская историческая мысль допетровского времени сохранила до крайности пестрый, разноречивый портрет государя Ивана Васильевича. Никакой «житийности», «плакатности» и, с другой стороны, никакого сплошного очернения в нем нет. Худое разбавляется добрым, чистое перемежается со скверным.

До середины XIX столетия в русской исторической науке бытовало именно такое, противоречивое, пестрое и, судя по древним русским источникам XVI–XVII веков, вполне адекватное отношение к фигуре Ивана IV. Николай Михайлович Карамзин, ныне несправедливо обвиняемый чуть ли не в надругательстве над памятью о грозном царе, на самом деле сотворил столь же полихромный его образ. У Карамзина в судьбе Ивана Васильевича причудливо перемешиваются величие и злобное кровопийство. Его Иван Грозный страшен, но это все же фигура значительного масштаба, поддавшаяся очарованию зла в обстоятельствах крайнего напряжения духа и критического состояния державы.

Портрет «кисти» Карамзина, в сущности, адекватен русским источникам, созданным в царствование Ивана IV или же поколением-двумя после него.

Сегодня отчаянные гиперпатриоты ругают Карамзина. Дескать, масон, враг России, враг монархии, лукавый агент чужих злобных сил. Спор о том, сколь сильна и продолжительна в творчестве Карамзина масонская мелодия, — давний. Еще А. Н. Пыпин обвинял историка в том, что силен привкус масонства в его идеях. Но столь значительный философ и публицист, как Н. Н. Страхов, решительно отвечал: «Г. Пыпин уверяет, что масонство имело неизгладимое влияние на Карамзина. Неправда! Карамзин ему не поддался...» И действительно, по молодости лет недолго побыв в

масонских кругах, Николай Михайлович совершенно от них отвратился. Позднее он принципиально не имел с масонами общих дел.

Ныне Карамзина опять загоняют в масонское подполье, отбирая у него честь русского государственного человека, доброго христианина и царского слуги. Обвинения эти основываются главным образом на свидетельствах... самих масонов высокого градуса, когда-то лукавым образом порочивших Карамзина, который покинул их ряды, чтобы уже не вернуться назад до конца жизни. Эти «свидетели» хотели бы замарать Карамзина перед властью, а потому щедро приписывали ему то, чем сами жили и чем он побрезговал.

Кляузы двухвековой давности получили в русском патриотическом сообществе наших дней до странности широкое распространение. Николая Михайловича винят прежде всего в том, что он, выполняя некое задание «вольных каменщиков», скверно отзывался о первом русском царе Иване IV.

В наши дни широко разлившаяся любовь к государю Ивану Васильевичу есть отчасти ответ на либеральное к нему презрение в 1990-х, отчасти — ответ естественного народного желания по-опричному посадить на кол всех «псов Запада» и коррупционеров, каковые видны в правительственных сферах (да и ниже, до уровня простых чиновников), отчасти же — нота в большой хвалебной песне о Сталине, звучащей ныне на каждом углу. Сталин Грозного любил, Сталин, как и Грозный, тоже много казнил, так восславим же царя за его сходство со Сталиным! — вот лейтмотив очень многих выступлений в публичной сфере. Мало кто обращает внимание на то, что Иван IV и Сталин фигуры бесконечно разные — и культурно, и психологически, и политически.

Как ни парадоксально, громогласная хвала царю Ивану Васильевичу имеет в наши дни больше «левого», «красного» в своей консистенции, нежели консервативного и христианского.

Ну а теперь стоит разобраться с *тем*, что именно, как и почему писал Карамзин об Иване Грозном.

Прежде всего, для тупой и незамысловатой задачи «очернения» Николай Михайлович написал о государе слишком много хорошего. Укоряя Ивана IV в чудовищной жестокости, называя его тираном и мучителем, Карамзин все же не забывал отдать должное и его положительным свойствам: помянул добрым словом царский «превосходный разум» и обширные знания; отметил строительство многочисленных городов, крепостей; похвалил ревностную неутомимость царя в государственной деятельности: «Любил правду в судах, сам нередко разбираал тяжбы,

выслушивал жалобы, читал всякую бумагу, решал немедленно, казнил утеснителей народа, сановников бессовестных, лихоимцев, телесно и стыдом».

«Черное» и «белое» перемешаны тут в равных пропорциях. Точнее, у Карамзина просто нет чисто черной и чисто белой красок. Он любил обсудить с читателями облик и деяния монархов. Порой высказывался критически (и не только об одном Иване IV, но и, например, о Екатерине II, хотя и восхищался царствованием ее). Но что в том необычного? Что в том худого? За свирепость обличал Ивана IV еще святой Филипп, митрополит Московский. Об иной монаршей особе, императрице Евдоксии, гневные слова произнес святой Иоанн Златоуст. А святой Амвросий Медиоланский спорил с императрицей Юстиной, и та уступила.

Царский сан требует обязательного почтения, но царь как человек не свят и не безгрешен.

Карамзин создал сложную, наполненную трагическими нотами историю нравственного роста и падения Ивана Грозного. Против монаршего сана он не выступил нигде, но жестокость государя показал как нечто ненужное и к добрым последствиям отнюдь не приведшее.

Напротив, Карамзин сочувствовал старомосковскому самодержавию. Отступление от него, как полагал историк, приводило к правлению «многоглавой гидры аристократии», намного более тяжелому и вредному для страны.

Так, по словам Карамзина, поскольку в детстве Иван IV не мог иметь действительной власти, а его мать, регентша Елена Глинская, «действовала по внушениям совета, то Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец гневный уподобляется раздраженному божеству, пред коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подобных и тем более ненавидит злоупотребления власти». В 1547 году, после подавления большого бунта, вызванного самовольством той же аристократии, государь Иван Васильевич ведет себя с подлинным величием, защищая истинное право самодержца: «Мятежное господство бояр рушилось совершенно, уступив место единовластия царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился святых тайн», —

затем последовали принятие царского титула и женитьба на Анастасии Захарьиной-Юрьевой.

Падение произошло с годами. Под пером Карамзина оно предстало увечьем для личности государя. Но и после того, как проявились горькие признаки падения, Карамзин все же не прибегает к однозначному очернительству в отношении царского характера, а рисует его в красках яркой жизненной силы, противоречивости и тяжелой внутренней борьбы.

«Любопытно видеть, как сей государь, — пишет Карамзин, — до конца жизни усердный читатель христианского закона, хотел соглашать его божественное учение с своею неслыханною жестокостию: то оправдывал оную в виде правосудия, утверждая, что все ее мученики были изменники, чародеи, враги Христа и России; то смиренно винулся перед Богом и людьми, называл себя гнусным убийцею невинных, приказывал молиться за них в святых храмах, но утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением и что он, сложив с себя земное величие, в мирной обители св. Кирилла Белозерского со временем будет примерным иноком!»

А что следовало написать Карамзину? Выдать солнечное повествование о неммыслимо совершенном, мудром, стратегически мыслящем победителе всех и вся? Но это невозможно без лжи. Требуют ли от историка Бог и совесть лгать о язвах отечества ради «текущего момента», «единения народа» и «политической необходимости»? Нет, ничего такого нет в нашей вере, да и в нашей культуре. Напротив, рассказывать надо то, что было на самом деле, всё прочее — низость ^[132].

Так в чем следует обвинять Карамзина? В том, что он не захотел превращать русскую историю в набор лозунгов? В том, что он поставил истину выше агитационных удобств «текущего момента»? В том, что он презрел ура-патриотическую простоту во имя сложности действительной истории?

Так это следствие добродетелей его, а не злокозненности ума.

Но позднее, после Карамзина, всё менее видно в толкованиях историков неоднозначности, всё больше либо черного, либо белого. Н. И. Костомаров к первому русскому царю беспощаден, да и В. О. Ключевский, в сущности, тоже. С. М. Соловьев и С. Ф. Платонов скорее близки к панегирику... Русская общественная мысль середины XIX — начала XX века начинает «осваивать» историю как глину, назначенную к строительству каких-то куртин, бастионов и кронверков для борьбы за «истины» текущего момента. Слова и деяния монарха Руси московской все чаще становятся неразборчиво используемыми «кубиками» из конструктора, предназначенного к возведению общественно-политических

концепций, которые намертво связаны с современностью.

Роберт Юрьевич Виппер в книге «Иван Грозный» 1922 года подал редкий пример взвешенного и разумного, по-карамзински полихромного повествования, но позднее, в переизданиях 1940-х годов, эта умная книга была превращена оскоточившей редакторской правкой в агитационный плакат «За Грозного!».

Советское время усилило этот идеологический наклон исторической мысли. В эпоху Сталина первый русский царь был поднят на «пьедестал почета», а позднее развенчан заодно с «отцом народов». Большинство работавших в сталинские времена историков — за редкими исключениями, вроде С. Б. Веселовского, — видели в деяниях Ивана IV в основном пользу, прогресс и «выкорчевывание измены». Да и позднее, уже при Брежневе, в трудах А. А. Зимина о грозненском правлении вновь проглядывает «прогрессивность».

1990-е годы ничего, в сущности, не изменили. Более того, именно тогда негативный миф об Иване IV принял форму законченную и необыкновенно устойчивую. Под соусом похорон СССР столь сильны стали разговоры о «вечной отсталости» русского народа, о «вечном деспотизме» и не менее «вечном» холопстве в России, о «консервирующей» роли православия, что Иван IV пришелся очень кстати — как своего рода аналог Сталина в XVI столетии: мракобес, тиран, деспот, «коварен, злопамятен» и тому подобное. Имя его склонял всякий сколько-нибудь заметный публицист либерального «лагеря» в общественной мысли. «Вы же видите, и пять веков назад здесь была не страна, а выгребная яма» — примерно такой вывод делался очередным оратором после того, как он перечислял «правильным» образом отобранные поступки Ивана IV. Обоснованность подобного рода риторики волновала немногих, а злую, оскорбительную ее суть без конца смаковали с каким-то мазохическим наслаждением.

В конце 1980—1990-х годах Ивана Грозного принято было ругать, и, поддавшись всеобщему настроению, нещадно «судили» царя даже столь значительные ученые, как В. Б. Кобрин и Р. Г. Скрынников...

Так, например, В. Б. Кобрин в широко известной книжке «Иван Грозный» 1989 года назвал взгляды государя «апологией деспотизма». По его словам, главная ценность для Ивана Васильевича — «ничем не ограниченная самодержавная власть». Кобрин вырывает из контекста высказывание царя «Жаловать есмя своих холопей вольны, а и казнить вольны же» — и комментирует: «В этих словах выражена суть именно деспотизма, а не абсолютной монархии, хотя эти два явления подчас

путают». Абсолютизм, по Кобрину, — эпоха Петра I, который, при всей суровости правления, всюду апеллирует к «благу всех своих верных подданных», к общественной пользе. Да и вообще, полагает историк, для абсолютной монархии характерно уважение к законности, и пока закон не отменен, ему подчиняется и сам правитель. «Монарх же, который волен жаловать, а волен казнить холопов, не только самодержец, но и деспот.

Не он действует для блага подданных, а подданные — для его блага».

О, конечно же, апелляция ко «всеобщему благу» многое извиняет, ибо это благородная разновидность политической риторики. И ограничение правителя законом поистине спасительно, ибо закон сам по себе все исправляет и улучшает! Русский самодержец ограничен был сверху Господом Богом, снизу — бунтом, который с особенной силой подпитывался подозрениями в отступничестве государя от веры. И невозможно доказать, что в практической деятельности монарха эти два ограничителя слабее, менее эффективны, нежели идея «общего блага» и сила закона. Историк без особых раздумий отдал дань моде на либеральное течение общественной мысли, столь популярное для того времени...

И в ряде случаев названная мода на негатив вносила сбой в логику ученого, заставляла его проноситься на «сто скачков мимо остановочного места». Слишком много двадцатого века оказывалось по его воле в веке шестнадцатом. Так, В. Б. Кобрин рассуждает: «Была ли жестокость царя Ивана жестокостью века? В чем-то, разумеется, да. Время инквизиционных костров и Варфоломеевской ночи. Но все же к обычаям времени не сводится грозненская тирания, ибо садистские зверства этого монарха резко выделяются на фоне действительно жестокого и мрачного XVI века».

Действительно, массовые казни Ивана IV не заслуживают ни оправдания, ни тем более апологии. Зверство, оно и есть зверство, от кого бы ни исходило: от государства, от монарха лично, от буйных революционеров, от вооруженной силы в период войны и т. п. Но... чем же «резко выделяется» жестокость Ивана IV на фоне XVI века? Количеством жертв? Нет. Применением пыток? Нет. Идейной подоплекой? О, тут еще можно порассуждать на безумную тему: ради какой идеи можно казнить массово, а ради какой нельзя! Или, может быть, существуют массовые казни почище, благороднее, а есть какие-то скверные и завшивленные?! Масштабный государственный террор Ивана Грозного — зло, но он не хуже и не лучше других разновидностей террора, применявшегося тогда в Европе и Азии, он просто наш, русский. Так же как эпидемия тяжелой вирусной болезни не бывает хуже или лучше в зависимости от места происхождения.

«Нулевые» и особенно 2010-е годы принесли в общественную мысль России явственный поворот к государственничеству и патриотизму. Автор этих строк может лишь приветствовать подобный поворот: произошло то, что должно было произойти: естественная и справедливая реакция на беспочвенность предыдущего десятилетия. Ныне Иван IV опять — «патриотически значимая фигура». Вокруг него вновь ломают копья либералы и охранители. К сожалению, русского православного государя порой защищают так, будто он — лидер какой-нибудь политической партии, на восхваление которой поступил «социальный заказ».

Соблазна не избежали и академические специалисты. В качестве примера можно привести *статью петербургского историка А. И. Филюшкина, напечатанную в первом номере журнала «Историк» за 2017 год, «Сотворение Грозного царя: зачем Н. М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»?».*

По словам автора статьи, беглый князь Курбский «для Карамзина оказался источником смыслов русской истории, откуда он черпал объяснения ее ключевых моментов. Был еще один источник, который Карамзин впервые в историографии столь массово привлек для своей работы, — это записки иностранцев о России. Они содержали объяснения событий (которые часто отсутствовали в летописях) и были более понятны Карамзину как произведения европейской литературной культуры. Его «История...» содержит многочисленные ссылки на сочинения А. Гваньини, Т. Бреденбаха, И. Таубе и Э. Крузе, Дж. Флетчера, П. Петрея, М. Стрыйковского, Даниила Принца и Кобенцля, Р. Гейденштейна, А. Поссевино и других. П. Одерборна, автора первой в истории биографии царя Ивана (1585), Карамзин сперва отрицает, отвергает как «баснословное» повествование, но затем поддается соблазну (уж больно колоритные факты сообщает немецкий пастор) и несколько раз использует его как источник, передавая в своей «Истории...» разные сплетни, гулявшие в XVI веке по Германии. Карамзин в качестве источников использовал и поздние иностранные компиляции, основанные на пересказе слухов, сплетен, мифов и легенд (такие как созданные в XVII веке тексты Кельха, Фредро и др.). Иван Грозный стал для Карамзина первым героем, рамки для описания которого были в значительной мере взяты из иностранных источников, отнюдь не объективных и часто основанных на пересказе слухов и легенд».

Для серьезного современного исследователя с именем (а доктор исторических наук А. И. Филюшкин именно таков) заявить во всеуслышание, что иностранные источники (неужто все, оптом?)

необъективны и часто основаны на пересказе слухов, — очень странное деяние. Но, возможно, это просто неудачная фраза и смысл высказывания состоит в том, что Карамзин для описания Ивана Грозного использовал иностранные источники, «отнюдь не объективные и часто основанные на пересказе слухов и легенд»? Да, но как уже постарался показать автор этих строк, разбирая «дело царевича Ивана», уровень достоверности у иностранных источников той эпохи, мягко говоря, разный, притом в крупных сочинениях он «плавает» в широких пределах, — тут все зависит от осведомленности и ангажированности иноземца, а обе эти характеристики зависят от легиона факторов. И в приведенном А. И. Филюшкиным списке стоящие рядом Поссевино и Одерборн расходятся по информационной ценности и достоверности примерно так же, как отчет разведчика и кухонный анекдот. Что же касается «объективности», то ее в чистом, стопроцентном виде в принципе невозможно ожидать от источника личного происхождения — дневника, воспоминаний, записок путешественника. И уровень этой самой объективности никак не зависит от того, русским ли созданы эти записки, немцем ли, итальянцем ли, персом ли и т. д.

А. И. Филюшкин пишет: «В русских источниках нельзя было найти массовых свидетельств гнусных деяний царя Ивана, колоритных, со смакованием описаний его злодейств, убийств, изощренных надругательств, изнасилований и т. д. Зато у Одерборна и ему подобных авторов этого было в избытке. Приводимые ими примеры (не важно, реальные или вымышленные) прекрасно вписывались в карамзинскую схему, питали ее. И Карамзин дал этим образам вторую жизнь, использовал их для написания своей «Истории...» и тем самым навеки связал образ Ивана Грозного и образ гнусного, жестокого тирана и распутника. Царь Иван стал под его пером символическим злодеем в русской истории, образ которого потеснит в XX веке только образ Иосифа Сталина. Равных ему по концентрации негатива до второй половины XX века в русской исторической мысли не было. Карамзину был нужен главный антигерой российской истории, причем не иноземный враг, с которым все ясно по определению, а падший грешник, персонаж, который был призван стать героем, но оступился, переродился и превратился в свою противоположность. Такую фигуру надлежало искать в прошлом, в средневековье или Московской Руси (дабы избежать рискованных параллелей с правящей династией Романовых). Иван Грозный здесь подходил идеально, тем более Карамзин искренне считал, что не изобретает его образ, а «открывает глаза» на тайные и драматические

события русской истории, которые никого не оставят равнодушным. В последнем великий историограф не ошибся. Сила воздействия созданного им образа оказалась такова, что царя Ивана не решились поместить на памятник 1000-летию России, воздвигнутый в Великом Новгороде в 1862 году».

Красиво выглядит эта антикарамзинская историческая схема, но и «прорехи» в ее полотне видны невооруженным глазом. Кабы русские источники не давали тех самых ужасающих картин, которые Карамзин брал у иностранцев, и не подтверждали в целом ряде случаев крайне неприятные для национального самосознания известия иноземного происхождения, — другой разговор. Но выше, в начале этой главы, приведены нелицеприятные русские свидетельства о царе Иване Васильевиче, к которым можно прибавить много иного: о тысячах жертв государственного террора рассказывают синодики убиенных, относящиеся к началу 1580-х годов; о кровопролитиях опричной эпохи много сказано и в Житии святого Филиппа, митрополита Московского; об опричном разгроме Новгорода рассказывает так называемая Новгородская третья летопись, щедрая на ужасающие подробности.

Что же касается названных выше Пискаревского летописца и одной из псковских летописей, то, думается, уместно привести характерные отрывки из этих двух источников.

Пискаревский летописец опубликован в XX веке, и Карамзин его не знал, но «показания» иностранных источников о грозненской эпохе этот памятник знатно дополняет картинами жестоких казней. Хотелось бы прежде всего напомнить цитату, которая уже приводилась выше, — о событиях 1570 года в Москве: «Положил царь и великий князь опалу на многих людей и повелел их казнить разными казнями на Поганой луже. Поставиша стол, а на нем всякое оружие: топоры и сабли, и копия, ножи да котел на огне. А сам царь выехал, вооружаясь в доспехе и в шоломе, и с копием, и повелел казнити дьяка Ивана Висковатова — по суставом резати, а Никиту Фуникова, дьяка же, варом обварите; а иных многих разными муками казниша. И всех 120 человек убиша грех ради наших...»

А вот о походе на Северную Русь в конце 1569-го — начале 1570 года: «...ходил царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси в Новгород гневом и многих людей Новгородския области казнил многими разноличными казнями: мечем, огнем и водою. И в полон велел имать и грабить всякое сокровище и божество: образы и книги, и колокола, и всякое церковное строение».

Теперь сообщение из так называемой Третьей Псковской летописи об

опричном разгроме Новгорода Великого: «Прииде царь и великий князь Иван Васильевич с великою опалою в Великой Новгород, и многия нарочитыя люди погуби, и множество много людей на правеже^[133] побиено бысть иноческого и священнического чина, и инокинь, и всех православных христиан. И бысть туга и скорбь в людях велия. И святые обители церкви Божие и села запустеша...» Далее, там же, о ливонском 1577 года походе Ивана IV: «Взяты 24 города ливонские и вифлянские у немец. И своих людей [там] посадил [царь] с нарядом и з запасы. А запасы возили из дальних городов из замосковных, и наполнил грады чужие русскими людьми, а свои пусты сотвори. Егда же возвратился царь на Русь, немцы же, собравшиеся из Заморья, из стольных городов, и Литва из Польши пришедши, не по мнозе [времени] все те городки очистиша себе и поимаша, а людей побиша». Теперь оттуда же, общая оценка правления Ивана Грозного: «А к нему^[134] прислаша немчина лютого волхва, нарицаемого Елисея^[135], и бысть ему любим в приближении... И конечно было отвел царя от веры: на русских людей царю наложил свирепство, а к немцам на любовь приложи. И много множество роду боярского и княжеска взусти (вынудил. — Д. В.) убить цареви. Последи же^[136] и самого царя приведе... бежати в Аглинскую землю и тамо жениться^[137], а свои бояры оставшиеся побить... И не даша ему (Елисею Бомелию. — Д. В.) тако сотворити, но самого смерти предаша^[138], да не до конца будет Руское царство разорено и вера христианская. Сицева бысть держава грозного царя Ивана Васильевича».

Приведенный выше летописный текст Николаю Михайловичу Карамзину, без сомнения, знаком. Ему принадлежал рукописный экземпляр этой псковской летописи, впоследствии получивший в науке название «Карамзинский список» и опубликованный уже после смерти историка — в 1848 году.

Собственно, вот они, русские по происхождению «свидетельства гнусных деяний царя Ивана», коих, как полагает А. И. Филюшкин, «в русских источниках нельзя было найти»...

И, следовательно, не столько Н. М. Карамзин творил «антигероя российской истории», сколько сам Иван Васильевич подал основания видеть в нем крайне жестокого человека. Карамзин писал то, что читал в источниках — как русских, так и зарубежных. Созданный им портрет до сих пор никем не превзойден ни по художественной силе, ни по уровню обоснованности психологических мотивировок, хотя со времен его создания минуло два столетия. Разумеется, наука не стоит на месте, и

сегодня историк грозненского правления имеет значительно больше источников под рукой, значительно более тонкие «прорисовки» общественной и экономической жизни России XVI века, значительно более точную картину состояния вооруженных сил Московского царства. Но на уровне того, что знал Николай Михайлович Карамзин, на уровне тогдашних научных методов биография Ивана IV, вышедшая из-под пера историка, — шедевр.

Не агитка, хотелось бы повторить и подчеркнуть, а именно шедевр. Карамзин не изобретал образ первого русского царя, а действительно «открывал глаза на тайные и драматические события русской истории»...

Современный же петербургский историк В. В. Шапошник пошел по пути «реабилитации» Ивана Грозного на основе религиозно-патриотических соображений. С его точки зрения, Иван IV, следуя идее, согласно которой восстание на царя — восстание на Бога, а восстание против Бога — отступничество от веры, пришел к выводу, что любая попытка хоть как-то ограничить его власть представляет собой нарушение Божьего установления и это нарушение надо пресечь «любыми средствами, вплоть до самых жестоких». Иван Грозный строил государство «нового типа», Русское Православное Царство, и в то же время восстанавливал единоличное правление монарха как установленный самим Богом порядок; при таком понимании применять «сколь угодно жестокие меры» было «не прихотью, а... долгом царя».

И вот на выходе апофеоз: «Основные аргументы Грозного: Божия воля, наследственность ^[139], его личная ответственность перед Богом за все происходящее в стране... Все это было сказано до него... он теоретические представления перенес на практику, считая это своим непосредственным долгом и обязанностью. Он воспринял идеи книжников и Священного Писания как непосредственное руководство к действию, что неудивительно — ведь он был первым настоящим, венчанным русским царем... Основная масса населения считала все происходившее совершенно нормальным, отвечающим Божественной воле. Не случайно ведь в памяти народа Иван IV остался суровым, жестким, но положительным персонажем. Он был жесток — но жестоки были и его образцы, библейские персонажи, несмотря на всю свою жестокость угодившие Богу. Для правителей же вообще, видимо, не всегда подходят общепринятые нравственные категории — особенно для средневековых».

Здесь слабо всё, от корней до кроны.

Прежде всего: для правителей-христиан, хоть средневековых, хоть современных, нравственность задается верой, а вера опирается на учение

Церкви. Вне Церкви вера не спасительна. Вне Церкви мудрование на богословские темы способно привести к впадению в ересь или же к принятию горделивого и соблазнительного образа мыслей. А одобрила ли как-либо Русская церковь опричнину Ивана Грозного? Одобрила ли она массовые казни? Благословила ли она бессудные расправы, в том числе над женщинами и детьми? Вот уж нет! Когда государь Иван Васильевич отважно шел ратоборствовать с врагами креста, православные иерархи отправляли в царские полки воодушевляющие послания. А кто из них ободрял опричных «исполнителей» перед очередным кровавым делом? Митрополит Афанасий опричнину не поддержал. Митрополит Филипп публично требовал отменить ее и отказал царю в благословении. Святой Корнилий Псково-Печерский пал ее жертвой. Так какое же одобрение получил царь Иван Васильевич на собранные им, а потом им же лично истолкованные «идеи книжников и Священного Писания»? Никакого... Так ли уж хороши ветхозаветные «образцы» Ивана IV на фоне евангельских, новозаветных истин Христа? Да и давался ли вообще когда-либо серьезный богословский анализ его идеям?!

Бог вещь такая часть русского народа и на каком именно году опричнины «считала все происходившее совершенно нормальным, отвечающим Божественной воле». Положа руку на сердце: любой сколько-нибудь серьезный специалист по социально-политической истории России XVI века знает, что состояние Источниковой базы совершенно исключает подобного рода подсчеты.

И совсем уж не столь «прямая» положительная память отложилась об Иване Грозном у современников его и ближайших потомков, как уверяет В. В. Шапошник. По приведенным выше цитатам можно было убедиться, что на Руси о государе Ивана Васильевиче писали разное.

Не так давно в околоцерковной среде появилось движение за канонизацию Ивана Грозного, Григория Распутина и некоторых других спорных деятелей нашей истории. Не всех наших монархов, даже если это крупные политики, радетели за отечество и люди добронравные, стоит объявлять святыми. Любимые народом святые равноапостольные Ольга и Владимир, святые благоверные князья Александр Ярославич и Даниил Александрович, святой милосердный и богомольный царь Федор Иванович (совсем не политик) легко и естественно вошли в сонм святых. Другие князья и цари — не столь просто и в ряде случаев после горячей полемики. Например, святой Димитрий Донской. Но в отношении Ивана IV церковная иерархия стоит прочно и непримиримо: *этот человек не должен быть канонизирован.*

Вот отрывок из речи патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов города Москвы: «Если признать святыми царя Ивана Грозного и Григория Распутина и быть последовательными и логичными, то надо деканонизировать митрополита Московского Филиппа, преподобного Корнилия, игумена Псково-Печерского, и многих других умученных Иваном Грозным. Нельзя же вместе поклоняться убийцам и их жертвам. Это безумие. Кто из нормальных верующих захочет оставаться в Церкви, которая одинаково почитает убийц и мучеников, развратников и святых?»

Столь сильна оказалась «отдача» 1990-х, что позднее огромное количество публицистов, журналистов и даже ученых охранительного направления пошли по пути перекрашивания «черного» — там, где этот цвет на историю России нанесли либерально настроенные риторы, — на чистейшее белое. Без особых раздумий, как говорится, «на автомате». И тут, конечно же, вновь не обошлось без «ста скачков мимо заставы». Миф о жизни и действиях Ивана IV, который можно назвать «либеральным», «западническим» или же «прогрессистским», очень быстро сменился... нет, не поворотом к историческим фактам, а новым мифом, на сей раз ультраохранительным. Как, впрочем, началась «рокировка мифов» и в других областях истории, а заодно и настойчивое припоминание третьей разновидности мифов — «красных», то есть порожденных еще советским идеологическим аппаратом. Кстати, что касается фигуры Ивана Грозного, миф красный и ультраохранительный совпали (за исключением ряда частностей).

Итак, ниже следуют два мифа о государе Иване Васильевиче в их концентрированном, можно сказать, неразведенном виде.

Либеральный миф: на русский трон взошло исчадие ада — безумный или как минимум полубезумный маньяк, кровавый злодей, личность деспотическая, а потому совершенно органичная для России, где сверху донизу все рабы и все воруют; он губил и калечил любые ростки свободы или вольномыслия, уничтожал даже самые ничтожные демократические всходы в русском обществе своего времени; он погубил всякую правду в Русской церкви, которая и до него отличалась садическим насилием в вопросах веры, а при нем еще и холопски согнула спину перед троном; он провел между Россией и Западом глубокую борозду, до крайности затруднившую плодотворный диалог с Европой, принятие высокой европейской культуры; в его лице русская государственная тирания получила самое полное олицетворение.

Ультраохранительный миф: великий государь был дальновидным

стратегом и радетелем за землю Русскую; он много казнил, но так и следовало поступать, поскольку приходилось каленым железом выжигать измену, выметать ее поганой метлой из потаенных уголков державы; это был подлинно православный человек, всегда и неизменно защищавший устои истинного православия; это был талантливый полководец, всегда и неизменно приводивший русское воинство к победе; он последовательно отстаивал русскую самобытность (только и сохранившую христианские истины после того, как они пали по всему миру) от лукавых поползновений европейских поработителей и в конечном итоге не позволил им завладеть Россией и растлить ее духовно.

Что ж, осталось только добавить: одна сторона спешит приписать Ивану Васильевичу, ко всему прочему, еще и физическое безобразие, а вторая утверждает, что это был могучий человек, да и лик его был светел...

Либо черное, либо белое, либо белое, либо черное...

Не осталось места для исторической истины, поскольку это место в массовом историческом сознании занято мифами, а мифы имеют тенденцию с течением времени превращаться в лозунги на знаменах. Два «лагеря» выводят своих «бойцов» на баррикады, те бесконечно скандируют одни и те же лозунги, жестоко наказывают «отступников» и угрожают «отлучением» усомнившимся.

Серый, унылый, «однообразный пейзаж»...

Фактически произошло страшное упрощение, уплощение общественной мысли. Война «лагерей» создала интеллектуальный режим, в рамках которого за ненужностью отбрасывается всё сколько-нибудь сложное и безобразно искажается всё, сколько-нибудь не соответствующее незамысловатому лозунгу.

Именно так проявили себя «лагеря» в лютой полемике, связанной с установкой в Орле памятника Ивану Грозному осенью 2016 года. Лихо не в том, что ни одна из сторон не прислушивалась к доводам оппонентов. Хуже другое: ни одна из сторон не удосуживалась сколько-нибудь серьезно аргументировать «истины», начертанные на собственном знамени. Сражение велось... даже не в поле исторической мифологии, а в поле бешеной кухонной склоки между соседями по коммунальной квартире. Не мифы проявлялись — наскоро выломанные и наспех заостренные детали мифов.

Противники не понесли никакого урона. Урон понесли русская культура и русская историческая память.

Между тем нелепо ожидать, что хотя бы один из этих двух мифов

окажется близок к исторической истине, то есть, попросту говоря, к правде факта.

Иван IV формально являлся русским государем с 1533 года — с момента смерти его отца, великого князя московского Василия III. Бремя власти свалилось на Ивана Васильевича, когда он еще не покинул младенческого возраста. Ушел из жизни он в 1584 году, то есть 51 год спустя. Реально Иван IV принимал участие в государственном управлении со второй половины 1540-х годов или, может быть, с начала 1550-х. Иными словами, примерно три с половиной десятилетия. Это очень много. За столь длительный период никто — ни самый черный злодей, ни самый светлый герой — не сможет проявляться в одном цвете, черном ли, белом ли. Такое случается только в сказках! А в жизни — не избежать «пестроты».

К тому же, как можно было убедиться, отношение к первому русскому царю самих современников и их ближайших потомков весьма далеко от какой-либо однозначности.

Следовательно, стоило бы отказаться от обоих мифов разом и попробовать, перефразируя классика, подвести баланс побед и поражений Ивана Васильевича во всех делах, касающихся Российской державы. Дела семейные оставим в стороне, не они составляют суть трудов правителя.

А уж итог можно трактовать к прославлению государя или же к его осуждению.

Итак, в чем преуспел Иван Васильевич, а где проиграл? Больше ли стране от его правления пользы или же вреда?

Начнем подсчет.

В «активе» правления Ивана IV: взятие Казани (1552), в котором царь участвовал лично, притом в некоторые моменты рисковал собственной жизнью; взятие Полоцка (1563), где монарх лично руководил войсками; ряд побед в Ливонии в 1570-х, когда он предводительствовал в русском воинстве; введение государственно-церковного книгопечатания в Москве — вновь дело, в котором государь принял персональное участие; введение нового, обновленного Судебника, то есть свода общегосударственных законов (1550); учреждение стрелецкого войска, успешно использовавшегося вплоть до Петровской эпохи; обширное строительство, прежде всего храмовое и крепостное; принятие царского титула, воспринимавшегося как часть константинопольского духовно-политического наследия и возвысившего московских государей над средой служилой аристократии. Наконец, русская армия прошла через целый каскад реформ, обновилась и выросла в мощи. Сюда можно бы добавить присоединение богатого Астраханского ханства и одоление крымцев на

Молодях, но с тою оговоркой, что дело обошлось без участия правителя, усилиями его воевод. Многие прилагают к достижениям грозненской эпохи еще и взятие Западной Сибири, но это уже преувеличение: Ермак, проторивший путь в Сибирь, погиб, предприятие его пало, а оставшиеся в живых соратники вернулись в коренную Россию. Лишь позднее, уже при царе Федоре Ивановиче, Московское царство далеко продвинулось в Сибирь.

В «пассиве» также немало: со времен Дмитрия Донского и хана Тохтамыша татары не жгли русскую столицу, а при Иване IV спалили ее, да еще нанесли при этом страшный урон русской армии (1571); самая длительная и самая масштабная война из всех, какие вела Россия при Иване IV — Ливонская, — завершилась неудачно для Московского государства: страна потеряла все завоевания и к тому же вынуждена была отдать шведам, то есть иноземцам и иноверцам, часть Северной Новгородчины с несколькими городками, населенными русскими православными людьми; враги России составили дипломатический союз, расколоть который не удалось; видно тяжелое унижение Церкви, доходившее до насильственного свержения архиереев, травли их медведями и прочих издевательств, физического уничтожения священников, монахов и иноческих властей; источники свидетельствуют об экономическом и демографическом оскудении России к началу 1580-х годов. Здесь бы следовало также сделать оговорки: русская знать научила монарха еще в детские его годы дикому, выходящему за всякие рамки приличия презрению к духовному авторитету церковной иерархии (не он, так сказать, начал...); а разорение страны отчасти происходило не только от изнурительной для народа политики правительства с правителем во главе, но и от эпидемий, в которых царь не волен.

Каждый сам может выбрать ответ, что значимее — минусы или плюсы.

Остался «исторический эксперимент» опричнины. Она задумывалась как большая государственная реформа, должна была упростить и в какой-то степени вырвать из-под контроля у высокородной титулованной знати управление державой, обеспечить государя мобильным, легко управляемым, храбрым и верным воинством. Изначально «карательные функции» опричнины были невелики и не играли сколько-нибудь значительной роли: десяток-полтора казненных за первые три года опричнины, не более того. Такое могло быть и в «обычном режиме», безо всякой опричной реформы. Лишь сопротивление ей, вызванное катастрофически неудачной, торопливой, непродуманной земельной политикой, спровоцировало массовый террор: одних лишь строго

документированных жертв — от четырех до пяти тысяч человек, в том числе множество ценных военных кадров (воевод, воинских голов). Сами множественные казни скорее всего представляют собой плод «европейского соблазна». В XVI веке Европа пошла по пути религиозных войн, сильно обесценившей жизнь человеческую, а потому показала Руси скверный пример того, как решать политические проблемы через большую кровь... Как видно, западная жестокость заразила и Россию. Пример Европы научил худшему, что можно придумать в государственной политике, — массовым бессудным расправам. Иван IV пролил немало крови. На всем свете нет никаких идей, никаких государственных интересов, на основе которых можно было бы оправдать массовое смертоубийство. А Иван IV сделал массовые казни инструментом русской политики. Ни к чему доброму это не привело. Царь страстно желал победы в Ливонской войне, но государственный террор ничуть не помог ему, скорее помешал.

С тех пор драгоценный урок, полученный при государе Иване Васильевиче, несколько раз забывали. Правительство в разные времена, включая «гуманный» XX век, вновь и вновь прибегало к массовым казням, пытаясь решить большие политические проблемы способом, который казался самым быстрым и надежным. Всякий раз горькие последствия «большого террора» приводили Россию к столь тяжелым потерям, что они перечеркивали любые приобретения. А значит, урок этот забывать нельзя.

Опричная реформа пошла не так, как задумывалось, слишком «революционно» и не слишком результативно. Опричная армия, на которую возлагались особые надежды, самостоятельно не добилась ни одной крупной победы, за исключением, пожалуй, разгрома татарского отряда под Зарайском в 1570 году. В 1572 году сам Иван IV отменил опричнину как неудавшуюся затею, как дорого стоившую ошибку, более того — запретил ее даже помянуть вслух. А на протяжении последних лет жизни государь отправлял по монастырям щедрые пожертвования вместе с синодиками убиенных в лета массовых казней, то есть духовно эволюционировал к покаянию в содеянном. Величие царского покаяния придает всей грозной эпохе отсвет надежды, как лучи предрассветного солнца красят нежными оттенками пурпура и золота ночной небосвод.

Итог: правление Ивана IV не составляет ни однозначно светлой, ни однозначно темной страницы русской истории. Оно пестро. Пестра и сама личность правителя. Проходя последовательно стадии угнетенного сироты, масштабного реформатора и полководца, жестокого карателя, Иван IV в конечном итоге пришел к стадии кающегося христианина. Удачи и неудачи

большой политики нерасторжимо связаны в его судьбе с максимами веры. Совершая то верные шаги, то гибельные, царь шел по пути православного человека, падающего в соблазн и восстающего от греха.

Что осталось отдаленным потомкам русских людей грозненского века? Проклинать? Восхищаться? Ни то ни другое не приемлемо. Думать над сложными нравственными и политическими уроками того времени, размышлять над сложностью и пестротой его — вот плодотворный путь. Иван IV — сложная, трагическая фигура, обуреваемая поистине шекспировскими страстями. Царствование его представляет собой высокую трагедию и для государя, и для его державы.

Интеллектуальное преступление — упрощать ту эпоху, вымазывать одним белейшим белым или одним чернейшим черным. В сложности ее заключено благо, а именно повод для духовного совершенствования, но не для пропагандистских столкновений на баррикадах.

Не проклинать и не восхищаться, а размышлять и бежать греха — вот чему учит царствование Ивана Грозного.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРЯ ИВАНА IV

1530, 25 августа — рождение сына-первенца Ивана у великого князя московского Василия III и Елены Глинской.

1532, 30 октября — рождение у великого князя московского Василия III и Елены Глинской брата Ивана Васильевича, Юрия.

1533, 3 декабря — смерть Василия III, переход власти к регентше Елене Глинской и Боярской думе.

1534–1537— Стародубская война между Польско-Литовским государством и Россией.

1538, 3 апреля — смерть Елены Глинской, переход всей власти к Боярской думе.

1538–1547— период боярского правления в России.

1547, 16 января — венчание Ивана IV на царство.

3 февраля — вступление Ивана IV в брак с Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой из древнего боярского рода. Лето — большой пожар и бунт в Москве.

1549, февраль — «собор примирения» в Москве.

1550 — принятие нового свода законов — Судебника.

1550-е — десятилетие больших реформ, время деятельности Избранной рады. Выход первых печатных книг в России (расположение типографии неизвестно).

1552, октябрь — взятие Казани и разгром союзников Казанского ханства. Иван IV участвует в походе на Казань лично. Рождение царевича Дмитрия.

1553, март — тяжелая болезнь Ивана IV, которая чуть не свела его в могилу. Попытка служилой аристократии и князя Владимира Андреевича Старицкого отказаться от присяги на имя царского сына, царевича Дмитрия.

Лето — смерть царевича Дмитрия.

1554, март — рождение царевича Ивана.

1556 — присоединение Астраханского ханства. Иван IV в походе не участвовал.

1557, май — рождение царевича Федора, будущего государя Федора

Ивановича, преемника Ивана IV.

1558, январь — начало войны за Ливонию. Взятие Юрьева и Нарвы русскими войсками.

1560 — взятие Феллина русскими войсками.

Лето — смерть первой жены Ивана IV, Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой.

1561, лето — женитьба царя на Марии (Кученей) Темрюковне Черкасской.

1563, 15 февраля — взятие Полоцка. Иван IV командует русскими войсками.

25 ноября — смерть Юрия Васильевича, младшего брата Ивана IV.

1564, 26 января — битва на Уле, поражение русских войск.

Март — выход первой книги в московской типографии Ивана Федорова.

Апрель — измена воеводы князя Курбского. Переход его на сторону литовцев.

Осень — тяжелая оборона Рязани от набега крымских татар. *Декабрь* — выезд Ивана IV в Александровскую слободу, начало переговоров с Церковью и Боярской думой.

1565, январь — указ о введении опричнины.

1566, лето — Земский собор, одобдивший продолжение Ливонской войны.

1567, осень — поход Ивана IV на Литву и возвращение с войсками домой из-за подозрений о существовании заговора.

1568, первая половина — начало массовых опричных репрессий. Выступление митрополита Филиппа против опричнины.

1569, 9 сентября — смерть второй жены Ивана IV, Марии Темрюковны Черкасской.

Осень — истребление большей части княжеского семейства Старицких.

23 декабря — убийство Филиппа, бывшего митрополита Московского, восставшего против опричнины. Убийцей стал видный опричник Малюта Скуратов, никак не наказанный за свое жестокое деяние.

1569, конец — 1570, начало — большой карательный опричный поход в северно-русские земли, прежде всего на Новгород Великий.

1570, лето — массовые опричные репрессии в Москве.

1571, май — сожжение Москвы и взятие большого «полона» крымским ханом Девлет-Гиреем.

Осень — женитьба царя на Марфе Васильевне Собакиной и ее скорая

смерть.

1572, *май* — женитьба царя на Анне Алексеевне Колтовской. Четвертый брак Ивана IV, в виде исключения признанный Церковью законным. Дальнейшие браки царя законными уже не признавались.

Июль — август — новый поход крымского хана Девлет-Гирея на Москву и его поражение у Молодей.

Лето — составление царем завещания.

Август — сентябрь — отмена Иваном IV опричнины.

Осень — расторжение брака с Анной Алексеевной Колтовской.

1573, *январь* — взятие Пайды русской армией во главе с Иваном IV.

1575, *январь (приблизительно)* — женитьба царя на Анне Васильчиковой. Сомнительно, что этот брак мог иметь церковное значение.

1577, *лето — осень* — победоносный поход русской армии в Ливонию, взятие двух десятков городов. Иван IV командует русскими войсками.

1578, *осень* — поражение русских войск под Венденом.

1578–1581 — одновременный натиск шведских и польско-литовских войск на русскую оборону, потеря русскими войсками ряда городов и крепостей, в том числе Полоцка, Нарвы и Великих Лук.

1580 — брак царя с Марией Федоровной Нагой, по церковным канонам незаконный.

1581–1582 — героическая оборона Пскова. Срыв дальнейшего наступления польско-литовских сил.

1581, 19 *ноября* — смерть царевича Ивана Ивановича, наследника русского престола, видимо, произошедшая от ранения, нанесенного отцом, в Александровской слободе.

1582, 15 *января* — заключение Ям-Запольского мирного соглашения с Польско-Литовским государством.

Январь — рождение царевича Дмитрия, будущего удельного князя Углицкого.

Отправка Иваном IV в монастыри списков казненных в опале для их поминовения.

1583, *август* — заключение Плюсского перемирия со Швецией. Неудачное окончание Ливонской войны.

1584, 18 *марта* — кончина Ивана IV.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иван Грозный.

Портрет из русской рукописной книги «Титулярник». XVII в.

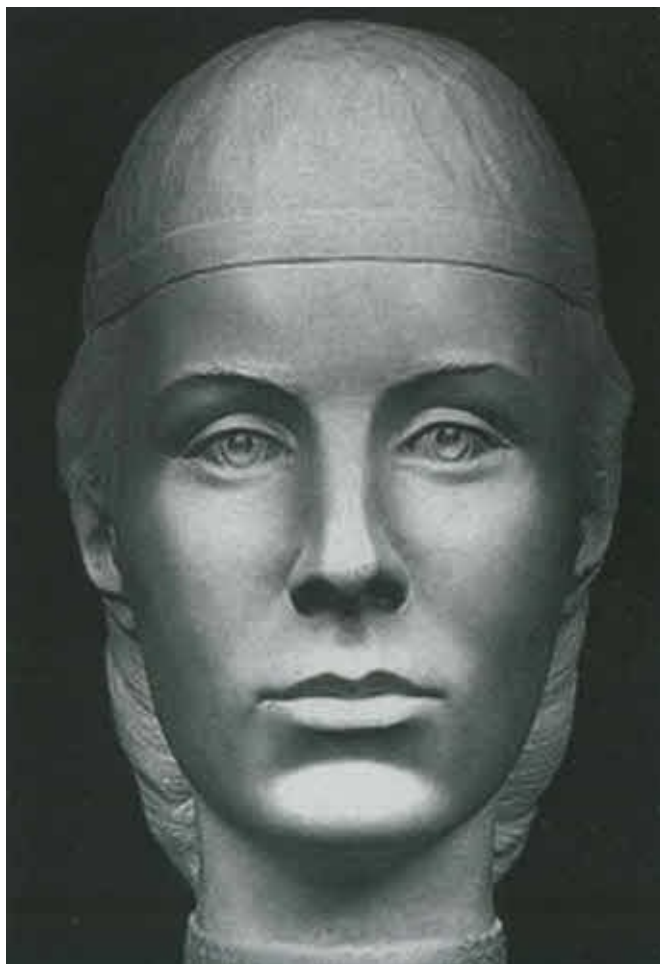
Василий III, отец Ивана Грозного.

Гравюра из книги С. Герберштейна «Записки о Московии». 1557 г.

Раздача милостыни в Москве по случаю рождения Ивана IV.

Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

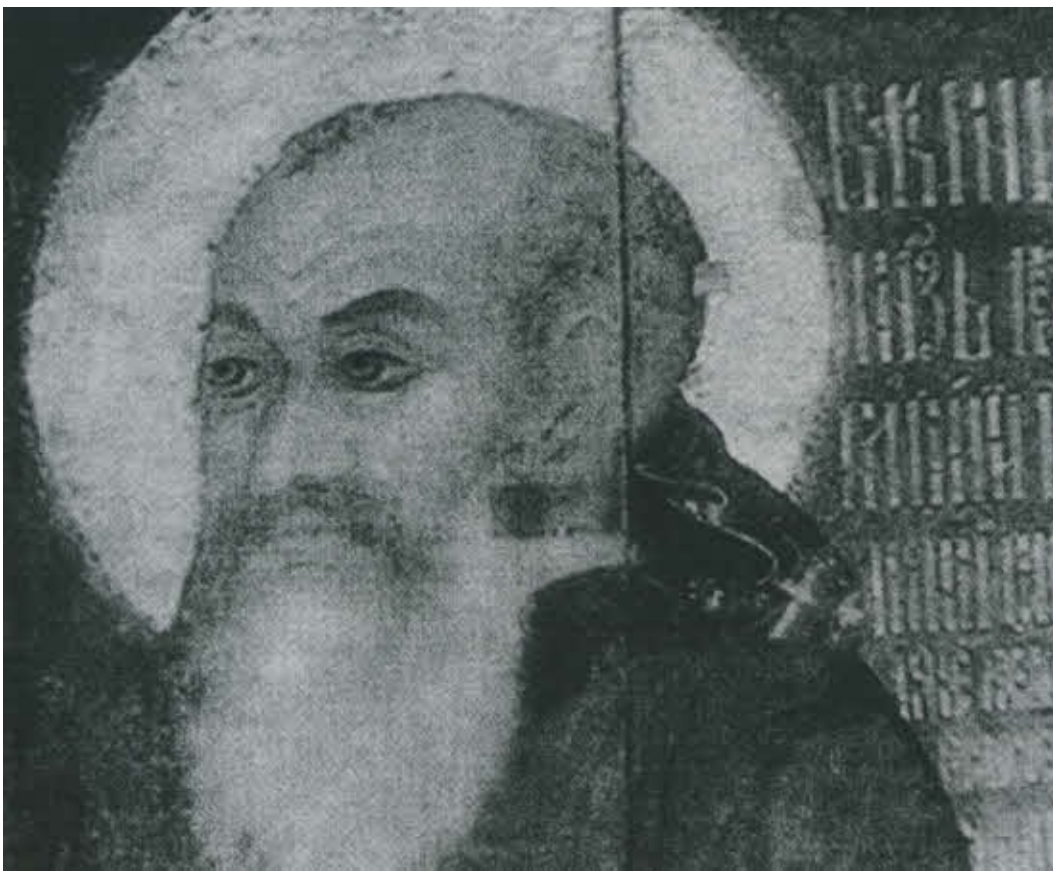
Елена Глинская, мать Ивана Грозного.

Реконструкция по черепу С. Никитина. 1999 г.

Троице-Сергиев монастырь в XVI веке.

Реконструкция В. Балдина

Великий князь Василий Иванович.

Парсуна XVII в.

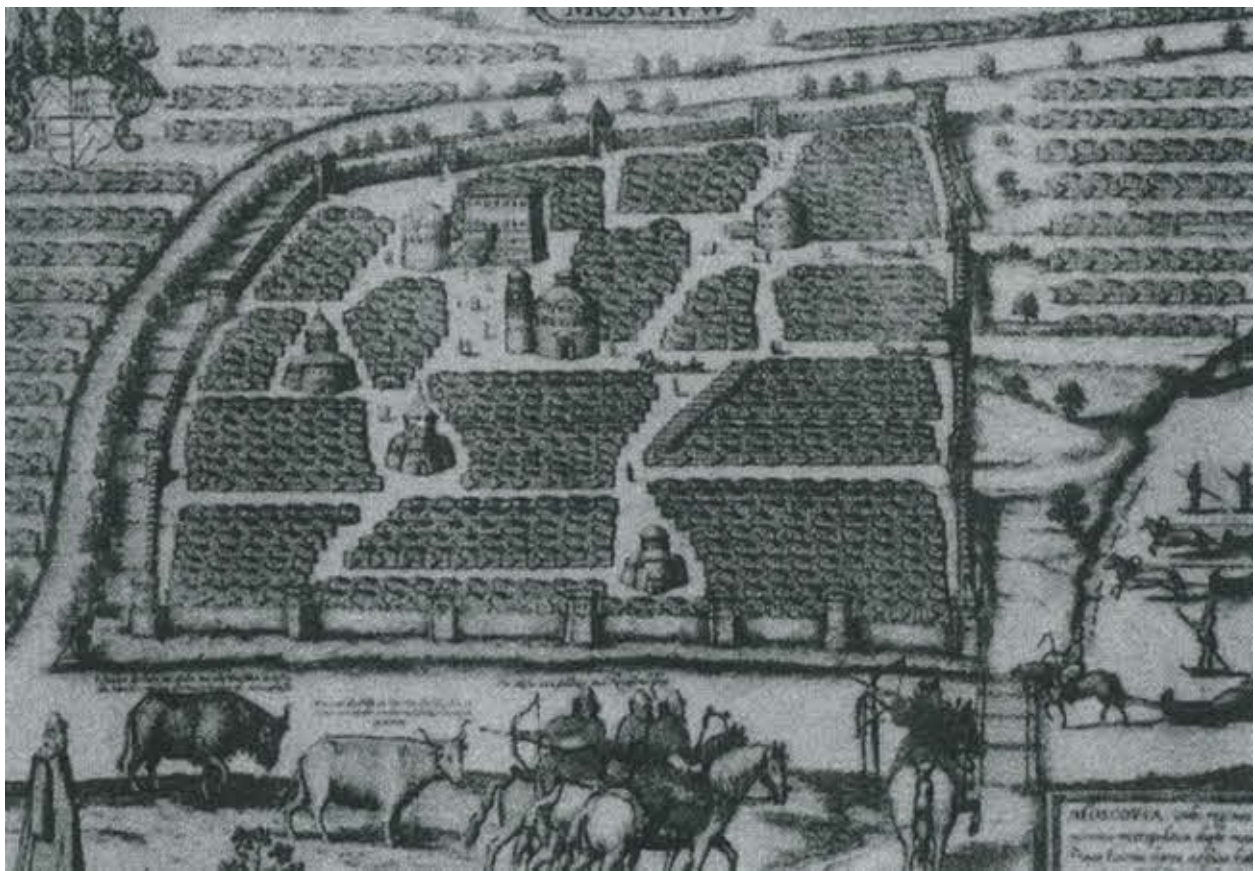

Рисунок Кремля с изображением главнейших храмов.

Из книги С. Герберштейна «Записки о Московии»

Святитель Макарий, митрополит Московский.

Складень работы Истомы Савина. Фрагмент. Конец XVI — начало XVII в.

Ларец-ковчег для хранения грамоты об утверждении на царство Ивана IV.

Художник Ф. Г. Солнцев. 1852 г.

Вооруженный всадник-московит.

Миниатюра из книги С. Герберштейна «Записки о Московии»

Чудов монастырь в Московском Кремле.

Фото 1882 г.

Побиение Федора Воронцова.

Миниатюра Лицевого летописного свода

Грановитая палата Московского Кремля

Венчание Ивана IV на царство.

Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

*Архангельский собор (собор Святого архистратига Михаила)
Московского Кремля*

Царское место Ивана IV в Успенском соборе

Успенский собор Московского Кремля

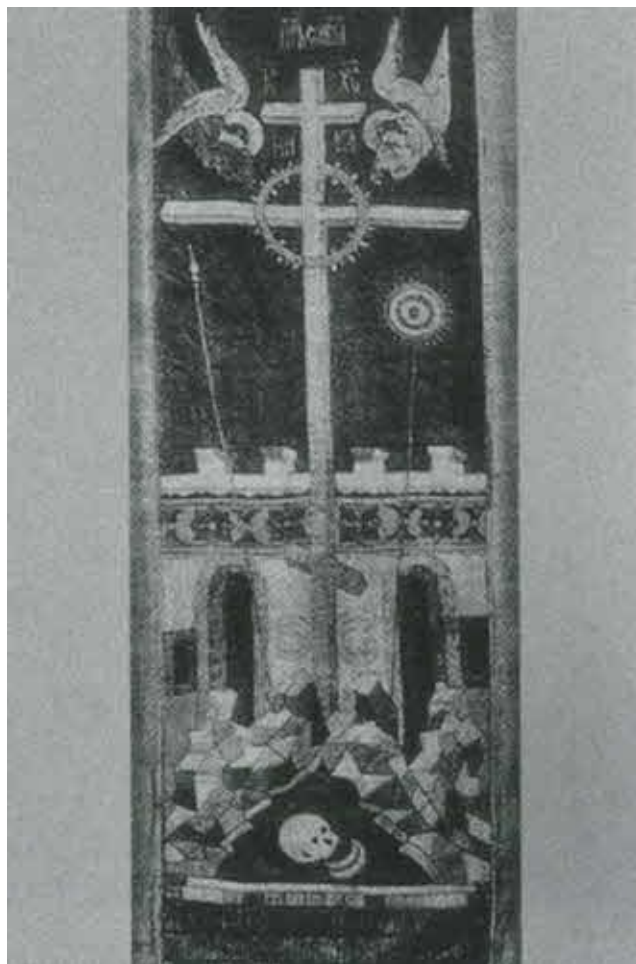
Восстание в Москве 26 июня 1547 года. Убийство Юрия Глинского.

Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Максим Грек.

Рисунок из рукописи XVI в.

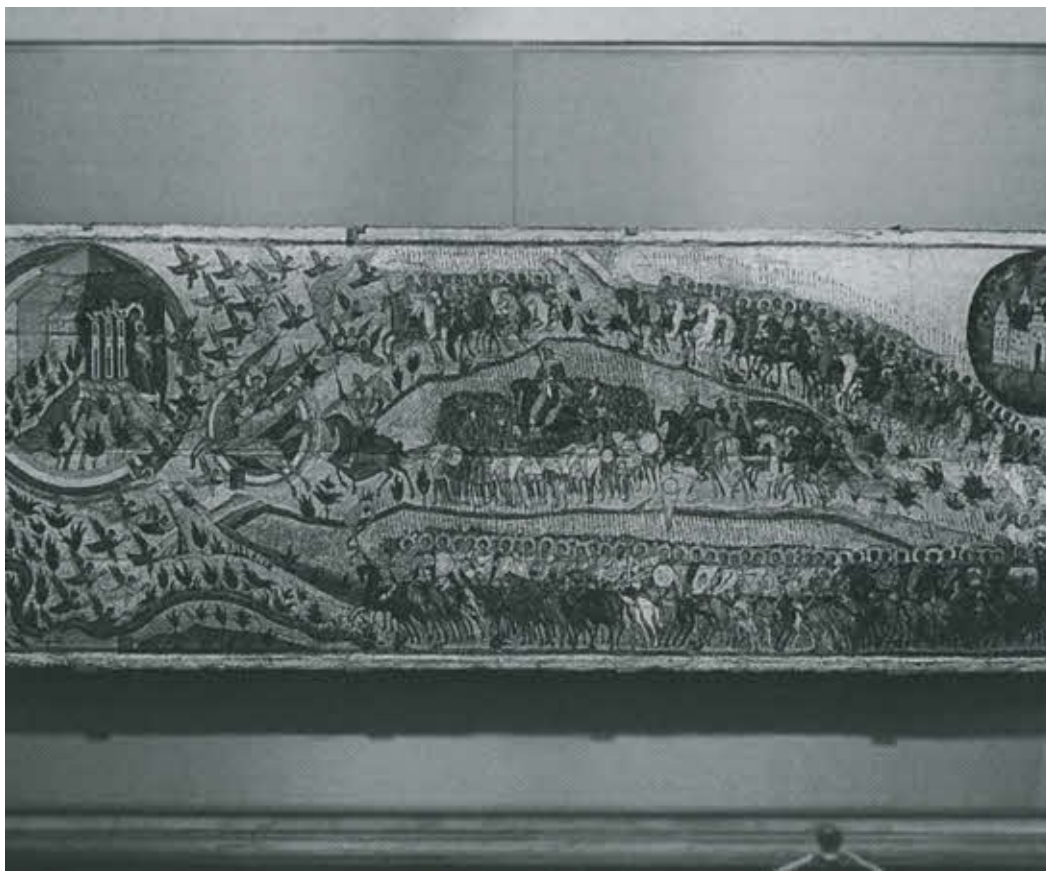
*Покров. Вклад в Троицкий монастырь Ивана IV и царицы Анастасии.
1557 г.*

Иосифо-Волоколамский монастырь

Хоругвь Казанского похода. XVI в.

«Благословенно воинство Небесного Царя»

(«Церковь воинствующая») — икона, написанная по заказу Ивана Грозного в память о Казанском походе. 1550-е гг.

Татарский воин. Гравюра XVI в.

Кольчуга и оружие XVI–XVII веков

Осада Казани русскими войсками.

Миниатюра из «Казанской истории». XVII в.

Казанская шапка — золотой царский венец Ивана IV

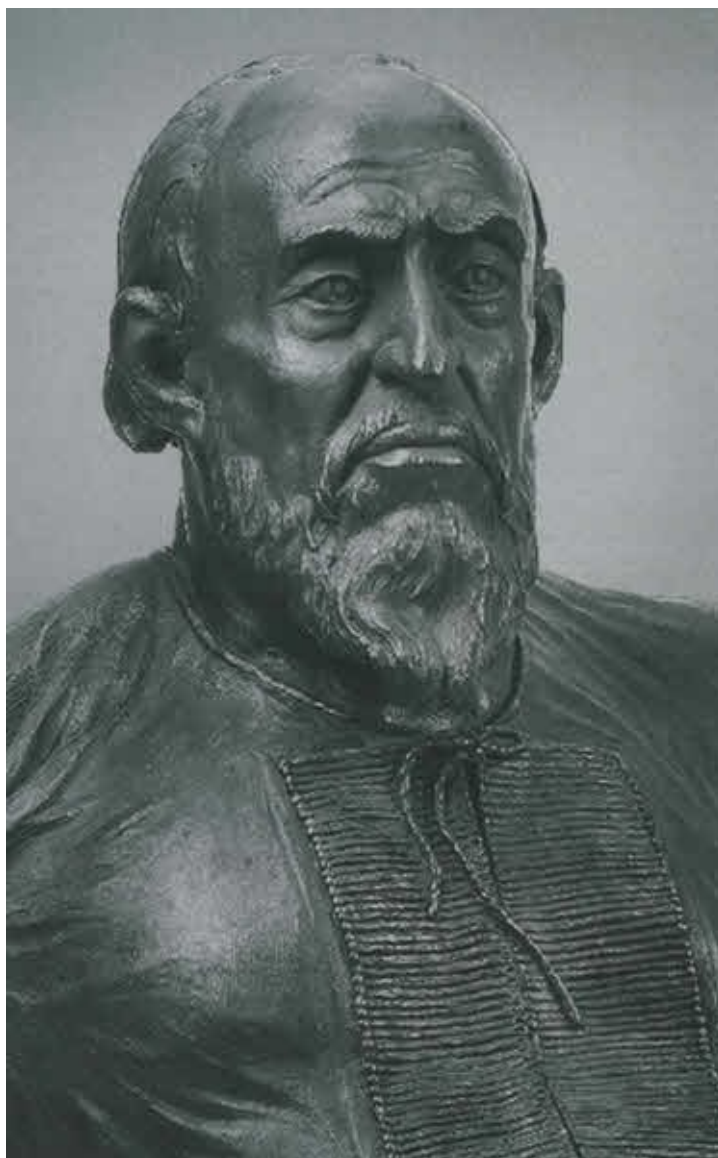
*Строительство Покровского собора (ныне более известен как собор Василия Блаженного). Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.
Фрагмент*

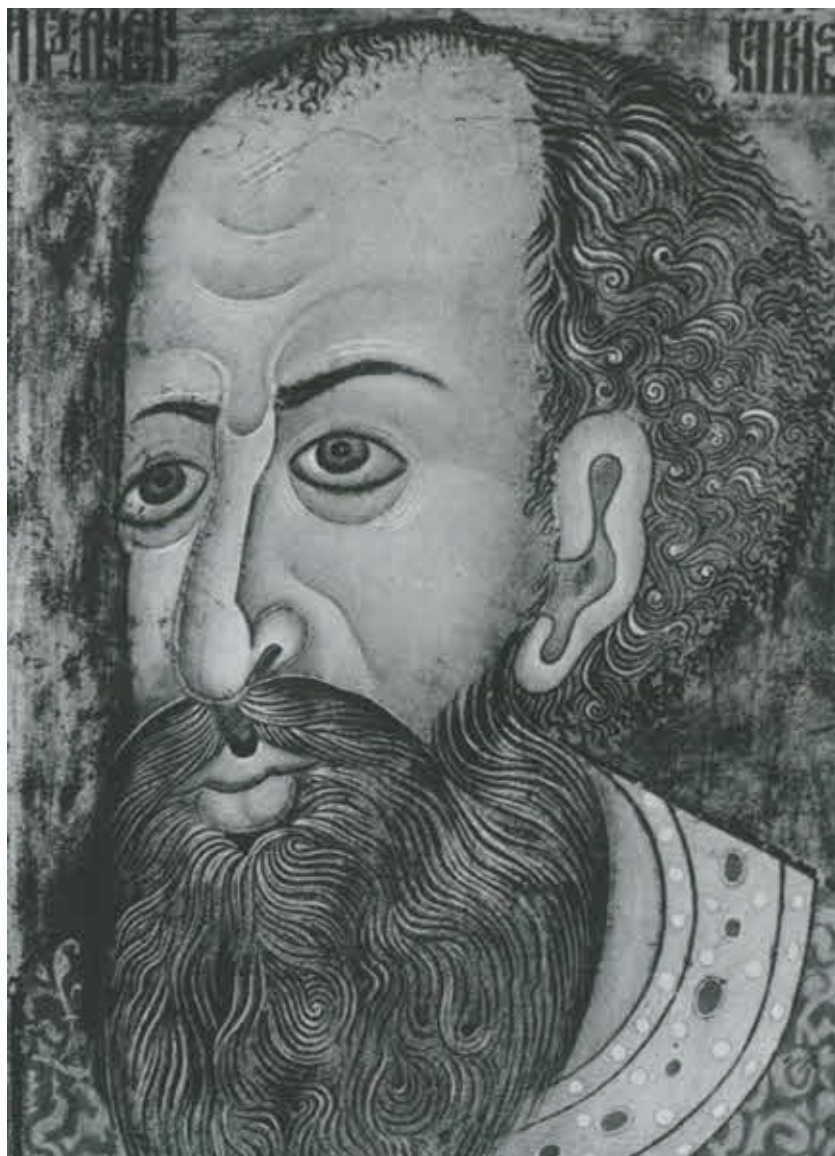
Храм-памятник воинам, павшим при взятии Казани в 1552 году

Спасо-Преображенский монастырь в Казани

Иван IV. Реконструкция по черепу М. Герасимова

Иван Грозный.

Парсуна (копенгагенский портрет) из собрания Национального музея Дании. Конец XVI — начало XVII в.

*Русские конные воины в XVI веке. Гравюра из книги С. Герберштейна
«Записки о Московии»*

Шлем Ивана Грозного

Русские пушки времен Ивана Грозного

Ивангородская крепость, стоит напротив Нарвской крепости через реку Нарову. Фото 2015 г.

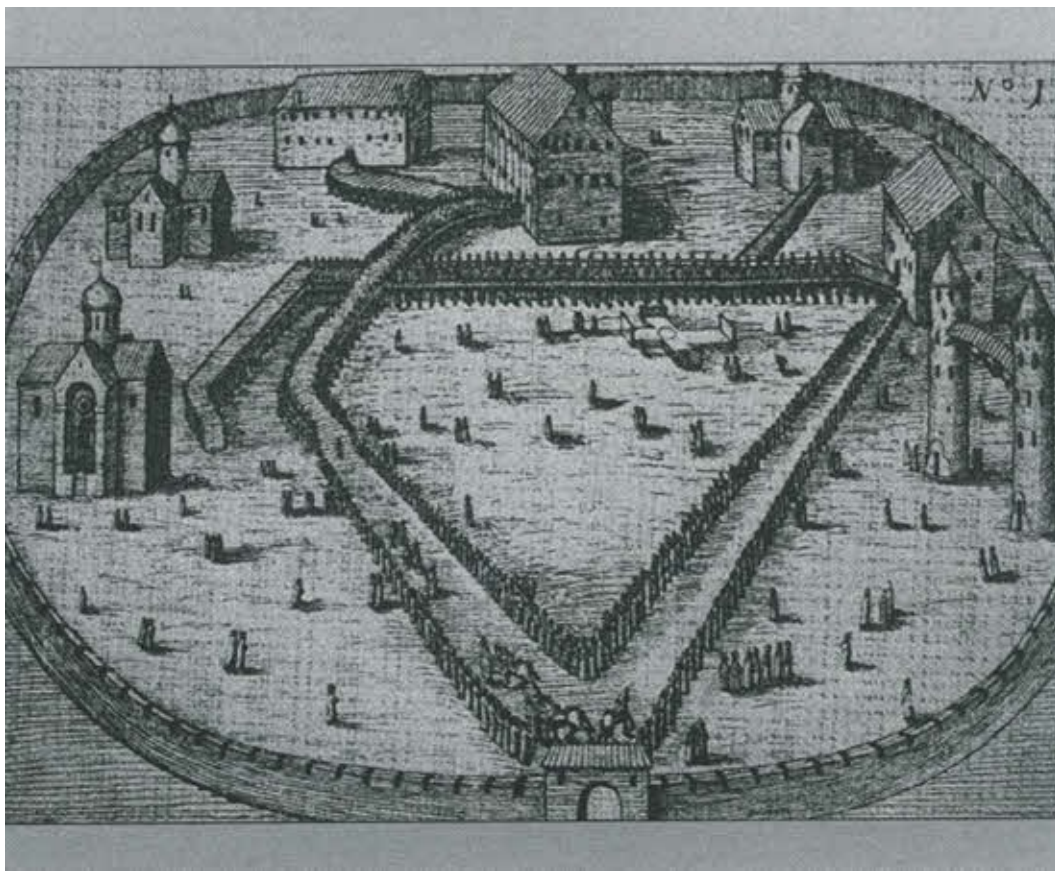
*Замок святого Германа в Нарве, резиденция фогта Ливонского ордена.
Фото 2015 г.*

Дьяк. Гравюра XVI в.

*Изображение опричника на поддоне подсвечника XVII века из
Александровской слободы*

Александровская слобода. Гравюра XVI в.

***Княгиня Евфросиния Старицкая (предполагаемое изображение).
Фрагмент плащаницы «Положение во гроб». Вклад Старицких в
Кирилло-Белозерский монастырь. 1565 г.***

Аллегория тиранического правления Ивана Грозного.

Гравюра из немецкой книги «Разговоры в царстве мертвых»

Митрополит Филипп Колычев. Миниатюра XVII в.

*Московский храм Святого Филиппа, митрополита Московского, в
Мещанской слободе*

Король Сигизмунд Август. Гравюра 1554 г.

Стефан Баторий, воевода Семиградский. С гравюры 1576 г.

Русское посольство в Регенсбурге у императора Максимилиана II. 1576 год. Гравюра XVI в. Фрагмент

Послание Ивана IV Елизавете I, королеве английской

Королева Англии Елизавета I. Около 1588 г.

Иван IV. Портрет из немецкого летучего листка. XVI в.

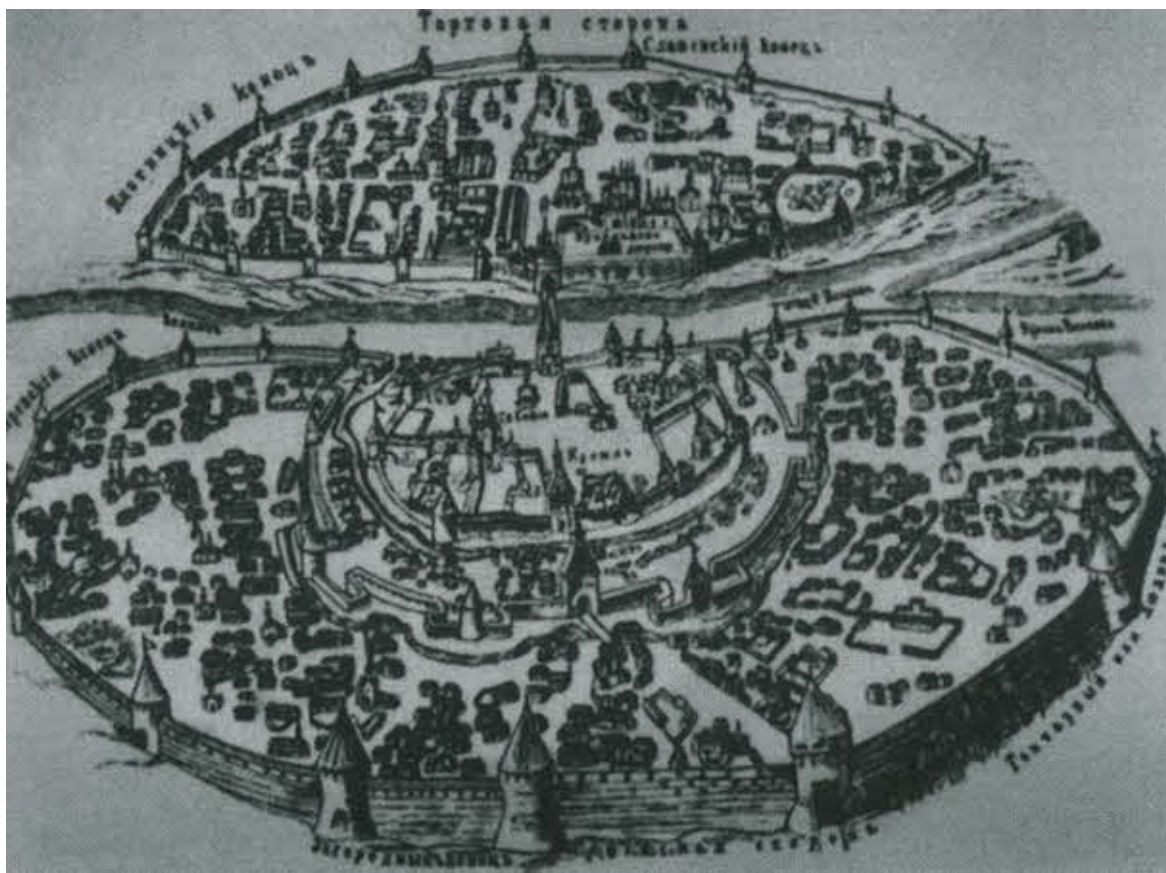

Большая государственная печать Ивана IV

Евангелие 1571 года.

Вклад Ивана Грозного в Благовещенский собор

План Новгорода Великого в XVI веке.

Перерисовка с иконы

Кубок синего стекла из гробницы Ивана Грозного. XVI в.

Заздравная чаша. Вклад Ивана Грозного в Троице-Сергиев монастырь

Русское оружие XVI–XVII веков.

Из постоянной экспозиции Смоленского государственного музея-заповедника

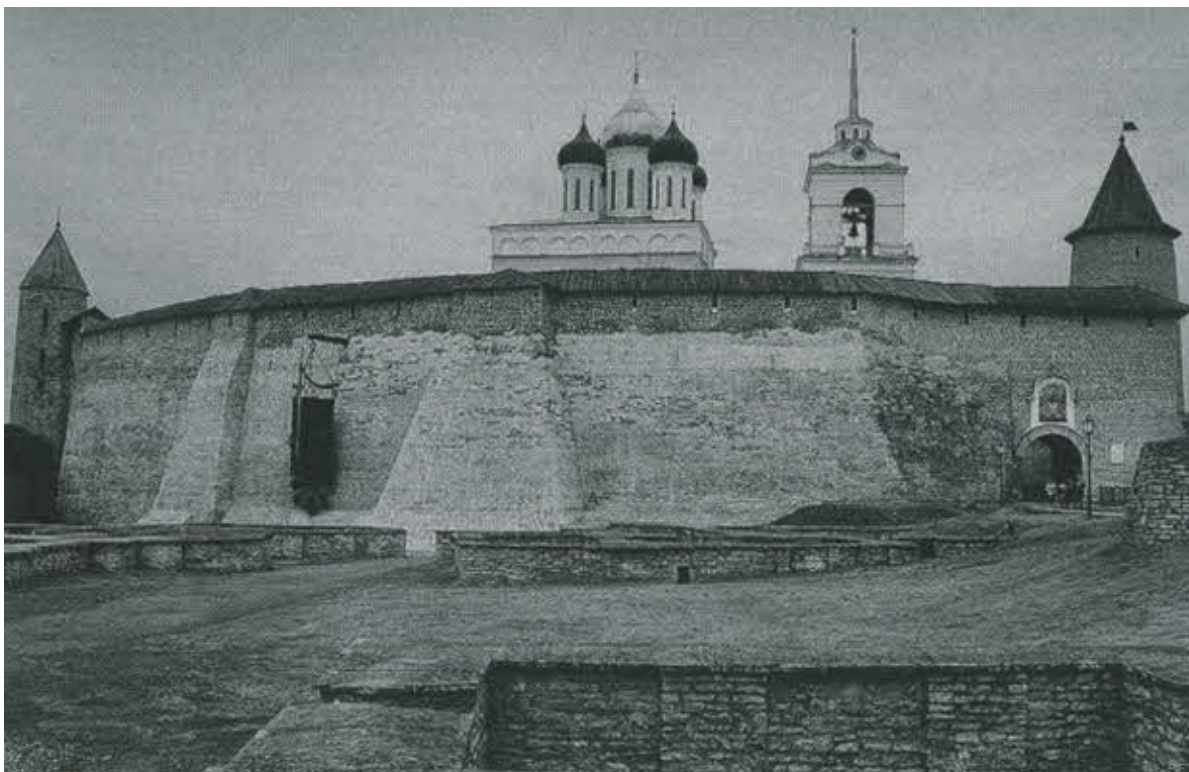
Монашеская ряса Ивана Грозного

*Взятие Нарвы шведами. Фрагмент надгробия П. Делагарди из собора
Девы Марии в Таллине. 1589–1595 гг.*

Моление царя Ивана IV с сыновьями Федором и Дмитрием перед иконой Владимирской Божией Матери. Икона

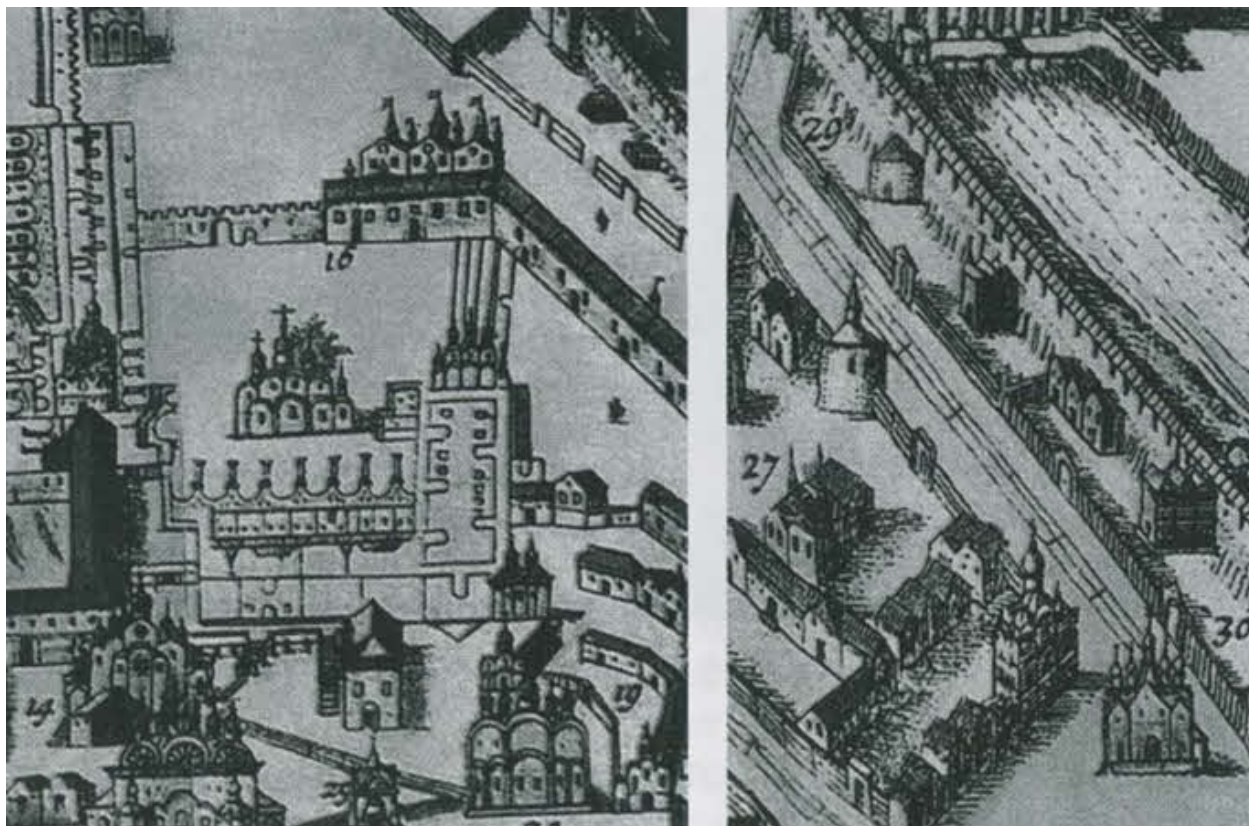
Довмонтов город и «перси» Псковского крома.

Фото автора. 2016 г.

Царь Федор Иванович.

Парсуна. XVII в.

План «Кремлена-града». Слева: Царский двор (16); Патриарший двор (19); Успенский собор (20); Казна (14). Справа: дворы Бельского (27), С. Н. Годунова (29), Д. Н. Годунова (30).

Фрагмент. Конец XVI — начало XVII в.

Иван Грозный.

Скульптурный портрет работы М. М. Антокольского

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988.

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952.

Бахрушин С. В. Иван Грозный // Научные труды: В 4 т. М., 1954. Т. II.

Боханов А. Н. Царь Иоанн Грозный. М., 2013.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1953.

Виппер Р. Ю. Иван Грозный // Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530–1584); Виппер Р. К). Иван Грозный / Сост. Д. М. Володихин. М., 1998.

Володихин Д. М. Митрополит Филипп. М., 2009.

Володихин Д. М. Опричнина и «псы государевы». М., 2010.

Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009.

Володихин Д. М. Малюта Скуратов. М., 2012.

Володихин Д. М. Иван Шуйский. М., 2012.

Гробовский А. Н. Иван Грозный и Сильвестр: История одного мифа. Лондон, 1987.

Дворкин А. Иван Грозный как религиозный тип. Нижний Новгород, 2015.

Ельянов Е. М. Иван Грозный — созидатель или разрушитель? Исследование проблемы субъективности интерпретаций в истории. М., 2004.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России XVI в. М., 1960.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986.

Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.

Иоанн Грозный. Антология. М., 2004.

Иоанн Грозный. Pro et contra II. Александровская слобода, 2003.

Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный: Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998.

Карамзин Н. М. История государства Российского: В 3 кн. СПб., 1843. Кн. 3.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.

Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989.

Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. СПб., 2004.

Королюк В. Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954.

Кром М. М. Стародубская война 1534–1537 гг. М., 2008.

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.

Курукин И., Булычев А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010.

Курукин И. В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015.

Мадариага И. де. Иван Грозный: Первый русский царь. М., 2007.

Михайлова И. Б. «И здесь сошлись все царства...»: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: Повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010.

Морозова Л., Морозов Б. Иван Грозный и его жены. М., 2005.

Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582). СПб., 1904.

Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.

Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530–1584) // Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530–1584); Випнер Р. Ю. Иван Грозный / Сост. Д. М. Володихин. М., 1998.

Платонов С. Ф. Московские земские соборы XVI и XVII веков // Платонов С. Ф. Собрание сочинений: В 6 т. М., 2010. Т. 1.

Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012.

Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963.

Пулятин А. Ю. Огнем и мечом. Россия между «польским орлом» и

«шведским львом». 1512–1634 гг. М., 2014.

Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995.

Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения: В 18 т. М., 1989. Т. 3, 4.

Тихомиров М. И. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Федотов Г. П. Святой Филипп Митрополит Московский. М., 1991.

Филюшкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998.

Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. СПб., 2007.

Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013.

Филюшкин А. И. Сотворение Грозного царя: зачем Н. М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»? // Историк. 2017. № 1.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003.

Фроянов И. В. Грозная опричнина. М., 2009.

Фроянов И. В. Драма русской истории: На путях к опричнине. М., 2007.

Хорошкевич А. Л. Еще одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. М., 1990.

Хорошкевич А. Л. Опричнина и характер русского государства в советской историографии 20-х — середины 50-х гг. // История СССР. 1991. № 6.

Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

Царь Иван Васильевич: Грозный или Святой? Аргументы Церкви против канонизации Ивана Грозного и Григория Распутина. М., 2004.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.

Шаров В. А. Опричнина Ивана Грозного: что это такое? (Лекция, прочитанная в Гарвардском университете в 1989 г.) //Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004.

Шапошник В. В. Иван Грозный. СПб., 2015.

Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.

Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.

Янов А. Л. Тень Грозного царя: Загадки русской истории. М., 1997.

Володихин Д. М.
В 68 Иван IV Грозный: Царь-сирота / Дмитрий Володихин.
— М.: Молодая гвардия, 2018. — 341(11] с.: ил. — (Жизнь
замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1684).

ISBN 978-5-235-04047-2

УДК94(47)"15"(092)
ББК 63.3(2)43

знак информационной продукции 16 +

Володихин Дмитрий Михайлович
ИВАН IV ГРОЗНЫЙ
Царь-сирота

Редактор *Е. В. Смирнова*
Художественный редактор *Е. В. Кошелева*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Г. В. Платова*

Сдано в набор 29.08.2017. Подписано в печать 09.11.2017.
Формат 84х 108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 18,48+1,68 вкл. Тираж 4000 экз.
Заказ № 1720000.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцеская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-
mail: dsel@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета в ООО

«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

АКТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Владимир Широгород

УКРАИНСКАЯ ВОЙНА

В XVI–XVII вв. Западная Русь предстала зоной соперничества Литвы и Польши, Швеции и Орды, Турции, Крымского ханства и Московского княжества. Кто мог предположить тогда, что речь шла о чем-то несравненно большем, нежели об очередном разделе пространств Восточной Европы? Многовековая Украинская война явилась одной из самых плотных в истории концентрацией боевых действий, затронув абсолютно все сферы: идеологию, экономику, общественные процессы, качества лидеров и стремления народов.

УЖЕ В ПРОДАЖЕ:

Книга I

Схватка за Русь

До середины XVI века

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Книга II

Турецкий прорыв

Балканы — Причерноморье — Кавказ

До конца XVI века

Книга III

Встречное наступление

Балтика — Литва — Поле

Вторая половина XVI века

СЕРИЯ

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. И. Галедин

ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ

Нападающего московской команды «Торпедо» и сборной Советского Союза Эдуарда Стрельцова (1937–1990) по праву называли гением футбола, истинно народным футболистом. На футбольных полях он блистал еще в конце 1950-х — а потом по известной и очень неприятной причине на долгих пять лет пропал из поля зрения миллионов болельщиков. Но нашел в себе силы вернуться — и в обычную жизнь, и в футбол, став лучшим игроком страны и одним из лучших футболистов Европы. Автор книги шаг за шагом прослеживает жизненный путь выдающегося игрока и уникального человека, в судьбе которого как в капле воды отразились перипетии драматической истории нашей страны.

А. Б. Танасейчук

ДЖЕК ЛОНДОН

Можно сказать, Джек Лондон (1876–1916) стал писателем, преодолевая семейный рок. Не признанный отцом еще до рождения, подростком он побывал «устричным пиратом», бродягой, заключенным, «мальчиком-социалистом», участвовал в революционных маршах по дорогам Америки. Позже искал счастья в золотоносном Клондайке, освоил писательство, проехал Штаты с лекциями о социализме... Джек Лондон прожил поистине сверхчеловеческую жизнь. За 16 лет литературной деятельности написал 50 книг, стал всемирно знаменит — на одном лишь его романе «Мартин Иден» выковало характер не одно поколение молодежи по обе стороны океана. Три великих иллюзии XX века — брак на разумной основе, социализм как всеобщее равенство и теорию сверхчеловека — Джек Лондон материализовал на себе. «Разумный брак» отомстил ему отчуждением дочерей, социализм — поджогом его «буржуазного» «Дома Волка», а с третьей иллюзией он расстался сам. Андрей Танасейчук многие сложившиеся, романтические представления о

Джеке Лондоне пересматривает, «обмирщает» — и в этом книга полемична, зато дает возможность составить о великом писателе личное мнение.

В. Н. Терехина, Н. И. Шубникова-Гусева
ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарев; 1887–1941) — один из самых загадочных русских поэтов Серебряного века. «Неведомый паяц», которого сопровождали громкая слава и насмешки критиков, эгофутурист и король поэтов, забытый на родине в годы вынужденной эмиграции... Его жизнь и творчество до сих пор мало изучены и мифологизированы как в массовом сознании, так и в литературе. Увлекательная, основанная на архивных источниках биография выдающегося поэта-новатора позволяет ощутить неповторимость его творческой личности, узнать о перипетиях его жизни, о любовных романах и увлечениях, блестящих поэзоконцертах и путешествиях. Авторы Вера Николаевна Терехина и Наталья Игоревна Шубникова-Гусева — доктора филологических наук, главные научные сотрудники Института мировой литературы, известные исследователи творчества Игоря Северянина. Издание подготовлено к 130-летию со дня рождения поэта. В оформлении использованы редкие иллюстрации и раритетные фото.

Б. П. Голдовский
СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ

Герой документального романа Бориса Голдовского много лет возглавлял великую всемирную кукольную империю. Он правил ею строго и справедливо, за что его любили и уважали тысячи «подданных» — кукольники всех континентов. Он родился в Российской империи, жил в Советском Союзе, умер в Российской Федерации. Много путешествовал — побывал почти во всех странах мира. Был награжден несколькими государственными премиями и правительственными наградами. Но чаще всех надевал одну — «Орден Улыбки». Имя этого человека Сергей Владимирович Образцов. Удивительно, но никто из окружавших его людей не знал одного и того же Образцова — настолько многообразными были его таланты, настолько широк был диапазон его увлечений и интересов. Для кого-то Образцов — выдающийся актер и режиссер, строгий, иногда беспощадный Хозяин театра, для кого-то — избалованный властью капризный старик, для кого-то — добрый, душевный человек и верный друг. А еще коллекционер диковинных вещей, любитель кошек и собак и

знатный московский голубятник... Но главный его дар заключался в умении выявлять таланты в других людях и создавать из них уникальный творческий ансамбль.

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ: МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Ветлугина «ЛОЙОЛА»
В. Кондрашов «РИХАРД ЗОРГЕ»
М. Петров «ЭЛЬ ГРЕКО»
Г. Субботина «МАРСЕЛЬ ПРУСТ»
Ж. Шмидт «ГЁТЕ»
А. Махов «ДЖОРДЖОНЕ»
М. Бондаренко «МЕЦЕНАТ»
В. Десятерик «ИВАН СЫТИН»
Н. Карташов «КРАМСКОЙ»
Д. Быков «ГОРЬКИЙ»

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Данилкин «ЛЕНИН»
В. Бондаренко «ЛЕГЕНДЫ БЕЛОГО ДЕЛА»
А. Вдовин «ДОБРОЛЮБОВ»
А. Коровашко «МИХАИЛ БАХТИН»
И. Фаликов «ЕВТУШЕНКО»
М. Макеев «НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ»
А. Сенкевич «БУДДА»
В. Антонов «ЭЙТИНГОН»
П. Ренуччи «КЛАВДИЙ»
А. Кулагин «ШПАЛИКОВ»
А. Куланов «ОЩЕПКОВ»
Н. Старосельская «КАВЕРИН»

notes

Примечания

Перевод Михаила Лозинского. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Речь идет о Василии III.

Курсив наш.

Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XIII. С. 49.

По другим данным: конца 40-х — начала 50-х годов XVI столетия.

То есть игумен московского монастыря Николы Старого (Николаевский греческий монастырь в Китай-городе).

«Промежуточная» точка зрения высказывалась А. Л. Кургановым и М. М. Кромом: совет существовал, но довольно быстро утратил свое значение. М. М. Кром также подчеркивает возрастание роли Боярской думы в 1530—1540-х годах. По его мнению, Дума превратилась в «коллективный орган руководства страной».

Годуновы — близкая родня Сабуровых, и впоследствии, используя это родство, они высоко поднимутся при Иване IV.

Факт «рассечения» не подтверждается русскими источниками.

А также наследовавшие им князья Пунковы.

Стрелки из пищалей — тяжелых фитильных ружей

Вот летописное известие о венчании Ивана Васильевича на царство: «Среди соборные церкви... два стула — один царьский, а другой святительский. И егда приспе время, и облечется митрополит Макарий во святительския ризы, и все архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь священный собор во свяще-ныя одежда. И vele митрополит посреди церкви поставити налож. И поставиша на налож животворящий крест на блюде злате и венец, и бармы царя Костянтина Манамаха, им же венчан бысть князь великий Владимир Манамах на царство Русское. Егда же вниде князь великий Иван Васильевич всеа Руси в соборную церковь, митрополит со всем освященным собором начата молебен кресту и пре-чистей, и Петру чудотворцу. И после «достойна» и «трисвятаго» и по тропарех и повеле митрополит принести крест животворящий к себе двумя архимандритом: спасскому и симоновскому. И митрополит снем животворящий крест з блюда злата да положил на великого князя Ивана Васильевича, и рече молитву во услышание всем, и по молитве возглас: «Яко твоя держава и твое есть царство!» И по сем велел принести к себе митрополит с налож тем же архимари-там дядиму, сииречь бармы. И знаменовал митрополит великого князя Ивана Васильевича крестом, и положи на него бармы. И рече молитву... и возглас: «Ты бо еси царь миру!» И по «амине» велел к себе митрополит принести шапку с налож тем же двумя архима-ритам. И взял шапку, сиречь венец, да прекрестил великого князя крестом, и положил на него шапку... И глагола митрополит молитву: «О пречистая госпоже дево богородице!» И по молитве сел царь на стуле на своем, а митрополит на своем. И вшел архи-дьякон на амвон, глагола велегласно многолетье царю Ивану Васильевичю русскому и весь освященный собор русский митрополия многолетье. И дьякони поют многолетье. И по многолетье и митрополит здоровствовал великого царя глаголя: «Божиею милостию радуйся, здоровствуя, православный царю Иване всеа Руси самодержец, на много лета». И поклонися царю митрополит и архиепископы, и епископы, и весь собор. И боляре здоровствоваше великого царя, и все люди. И совершив митрополит молебен, начат литоргею. И по совершении литоргеи пошел великий царь Иван Васильевич, всеа Руси самодержец, из Пречистыя. И постилаху по пути из церкви до хором бархаты и камки, куды царь идяше. И как сшел царь с места своего, во дверях церковных осыпаша его

деньгами златыми брат ево князь Юрья Васильевич, а мису за ним злату з деньгами носил боярин... князь Михайло Васильевич Глинской».

Продолжение у этого пассажа о примирительном соборе — отнюдь не столь благостное. «Но вы не отказались от своих коварных привычек, — пишет Иван Васильевич, — снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, попросту, а с хитростью. Так же и поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными: и так вместо духовных стали обсуждать мирские дела, мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам и в чести вас почти что равняли с нами... И так мало-помалу это зло окрепло, и стали вам возвращать вотчины, и города, и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя, и которым не надлежит быть у вас; и те вотчины, словно ветром разметав, беззаконно роздали, нарушив уложение нашего деда, и этим привлекли к себе многих людей».

Стопроцентная уверенность по поводу членства в Избранной раде есть в отношении лишь одного человека — князя Д. И. Курлятева. В отношении прочих так или иначе высказывались сомнения.

Далеко не все специалисты согласны с тем, что у Сильвестра и Адашева были особые прерогативы. Так, например, А. Н. Гробовский считал, что Сильвестр — второстепенный исторический персонаж и влияние его на дела сильно преувеличено. Однако аргументы Гробовского нельзя назвать убедительными.

То есть у турецкого султана.

Иначе говоря, когда он был «временщиком», политическим фаворитом.

Приказ книгопечатного дела и Записной приведены здесь лишь в качестве примера малых учреждений в приказной системе Московского царства XVI–XVII веков оба появились гораздо позже, когда об Избранной раде уже вряд ли кто помнил

По тому же пути шли и западноевропейские государи. Например, французские короли формировали так называемые «ордонансо-вые роты». В большую моду вошел наем профессиональных солдат; Швейцария даже прославилась, превратившись в страну, поставлявшую наемников.

Однако в числе первых «тысячников» — весь цвет служилой аристократии 1550-х годов. Всех этих людей просто планировалось обеспечить земельными владениями недалеко от Москвы — это облегчило бы им службу и, кроме того, действительно повысило бы управляемость армией. В опричные годы поместья от царя получали только те, кто вошел в тщательно отобранный опричный корпус. В этом принципиальная разница «тысячной реформы» от опричной земельной политики.

Речь идет о ситуации, когда совершена судебная ошибка, а не подлог или иное намеренное преступление.

Речь идет о том, чтобы судья, совершивший должностное преступление, оплатил все судебные издержки потерпевшей стороны втрое.

Пеня — штраф с неправедного судьи. Его размер определяется особым указом царя.

2 ярда — около 1,8 метра.

Вероятно, дворецкий — боярин Данила Романович Юрьев-Захарьин.

Полтора ярда — около 1,4 метра.

Книга, в которой все это собрано, так и называется: «Стоглав».

Иван III Великий и Василий III время от времени ставили Казань в положение вассала Москвы, но затем казанцы, как правило при поддержке крымских ханов, выходили из подчинения и нападали на Россию.

«Дворовые воеводы» возглавляли в походе и сражениях особый полк, именовавшийся «Государев двор»

Черемисами в старину называли народность мари

Правда, несколько сомнительному.

Будущий митрополит Московский Афанасий, глава Русской церкви в 1564–1566 годах.

Или, иначе, Гераев.

Имя командира разведывательной станицы — Таврило Толмач. Станица занималась разведкой в июне, и 25 июня ее глава уже докладывал в Москве свои наблюдения: добравшись до Северского Донца, он видел «многих людей крымских... а идут тихо». Сакма — след большого количества всадников.

Очевидно, речь идет о дополнительном контингенте из состава турецких городских и крепостных гарнизонов Крыма.

Возможно, русские полки из Владимира не стали перемещать ближе к театру военных действий из-за соперничества аристократических группировок: князь Д. Ф. Бельский, возглавлявший силы на Оке, являлся политическим противником князя И. В. Шуйского — главнокомандующего в армии, сосредоточенной под Владимиром. В. В. Каргалов ошибочно считал, что владимирская рать была выдвинута, поскольку «правительство опасалось одновременного удара со стороны Казанского ханства, как во время нашествия 1521 г.». В действительности же Москва в 1541 году сама готовилась к большому походу на Казань, но затормозила подготовку наступательной операции из-за крымской угрозы.

Родной брат изменника, верный служилец русского престола и один из ведущих полководцев России второй четверти XVI века.

Некоторые историки считают, что так в старину именовали сам Зарайск.

Ныне Ростиславля не существует. В XVI веке он находился недалеко от села Сосновка на юге Московской области.

Князь Владимир Андреевич Старицкий приходился внуком Ивану III Великому, создателю Московского государства, так же как и сам Иван IV. Но отцом Ивана IV был Василий III — второй сын Ивана Великого, а отцом Владимира Старицкого — шестой, самый младший из сыновей Ивана Великого. Как потомок государя московского по прямой он имел законное право на трон, если бы у Ивана IV не оказалось сыновей или они были бы по какой-то причине признаны не способными к правлению.

Более того, многие неприятные подробности конфликта, разгоревшегося из-за присяги «пеленочнику», стали известны Ивану Васильевичу лишь с течением времени. Чем дальше, тем больше он ужасался происходившему в 1553 году.

Вот еще одна едкая цитата из послания Ивана Васильевича А. М. Курбскому в том же ключе: «Вспомни, когда началась война с германцами и мы посылали своего слугу царя Шигалея и своего боярина и воеводу Михаила Васильевича Глинского с товарищами воевать против германцев, то сколько мы слышали тогда укоризненных слов от попа Сильвестра, от Алексея и от вас — невозможно и пересказать подробно! Все что ни случилось с нами плохого, все это происходило из-за германцев!»

Впрочем, специалистами высказывались мнения, согласно которым видные деятели Избранной рады сошли с политической арены по иным причинам. Во всяком случае, некоторые из них. Так, А. Н. Грбовский полагал, что Сильвестр лишился своего положения во дворце, поскольку проявил непримиримую суровость к царю, когда тот в 1560 году, после кончины первой жены, сделался «яр и прелюбодействен зело». Церковная иерархия предложила Ивану Васильевичу вступить во второй брак; Сильвестр же, как видно, требовал какого-то чрезвычайно длинного или тяжелого покаяния в блудных грехах. Это мнение не получило широкого распространения в науке, но и не опровергнуто. И. В. Курукин полагал, что Иван IV сознательно отдалил от себя видных персон «правительства компромисса». По его мнению, царь, «усвоивший выработанные его советниками теории о божественном происхождении и неограниченности собственной власти, не захотел терпеть возле себя людей, понимавших права и обязанности этой власти иначе, чем он сам».

По словам Ивана Васильевича, смерть Анастасии Романовны наступила в результате какой-то размолвки с Сильвестром и его кругом (вероятно, с Избранной радой) на почве споров вокруг Ливонской войны: «Когда за свои грехи заболели мы, наша царица или наши дети, — все это, по их словам, свершалось за наше непослушание им. Как не вспомнить тяжкий путь из Можайска в царствующий град с больной царицей нашей Анастасией? Из-за одного лишь неподобающего слова! Молитв, хождений к святым местам, приношений и обетов о душевном спасении и телесном выздоровлении и о благополучии нашем, нашей царицы и детей — всего этого по вашему коварному умыслу нас лишили, о врачебной же помощи против болезни тогда и не вспоминали».

В конфедерацию входили, помимо Ливонского ордена, Рижское архиепископство и ряд епископств.

Он же Дерпт, Тарту.

Стрельцы появились незадолго до прибытия Ченслора в Россию, их было еще совсем немного, англичанин мог и не заметить их присутствия.

1 ярд — чуть более 0,9 метра.

Через несколько лет, обращаясь к князю А. М. Курбскому в послании, Иван IV не мог сдержать негодования по поводу той знаменательной неудачи под Невелем: «Как же под городом нашим Невелем с пятнадцатью тысячами человек вы не смогли победить четыре тысячи, и не только не победили, но сами от них, израненные, едва спаслись, ничего не добившись? Это ли пресветлая победа и славное одоление, достойные похвалы и чести?»

Современный петербургский историк А. И. Филюшкин резонно комментирует битву у Невеля: «Округу Невеля стали грабить литовские отряды. Преследовать их был послан Курбский. Крупных сражений не случилось. Произошло несколько мелких боев, захват языков».

Ныне Полоцкая Спасо-Евфросиниевская женская обитель.

Россию и Данию на протяжении долгого времени связывали союзнические отношения.

Хранитель печати, своего рода «канцлер», по европейским понятиям.

Чулковых, Невежиных.

Впрочем, род князей Хворостининых, не особенно знатный, получил полное доверие и, как говаривали в старину, «приближение» от государя. Четыре сына князя Ивана Михайловича Хворостинина впоследствии оказались в опричнине.

Эти идеи в наибольшей степени проявились не в посланиях Курбского, а в его историко-политическом трактате «История о великом князе Московском».

Современный британский историк-русист Исабель де Мадариага с полным на то основанием утверждает: «Идею самодержавия [царь] Иван почерпнул не только из практики Восточной Римской империи, но и из Ветхого и Нового Завета».

В летописи сказано, что Иван Васильевич забрал с собой «святость». Видимо, имеются в виду частицы мощей и риз святых из московских церквей.

По другим сведениям, это был Л. А. Салтыков.

К тому времени Александровская слобода играла роль традиционной, с давней историей, летней резиденции московских государей. Не единственной, но крупной.

Высшие чины Церкви, осуществлявшие совместно с митрополитом верховное управление ею.

Сейчас бы сказали: «и в жизни, и в смерти».

Правда, в русских источниках ответное послание не сохранилось даже в самом кратком пересказе. Оно известно лишь по иностранному свидетельству сомнительной достоверности. Так что можно поставить знак вопроса относительно того, сколь верно здесь передана суть начальной стадии переговоров между царем и митрополитом с боярами.

Речь идет о конфискации имущества

0 нем речь пойдет ниже.

Есть сведения, согласно которым после пожара московский Опричный двор был возобновлен. Но Иван IV бывал там редко, предпочитая резиденции вне Москвы.

Тафья — головной убор, заимствованный у татар. Церковь осудила его ношение задолго до митрополичьего служения святого Филиппа.

Главные события новгородского разгрома пришлись на январь 1570 года.

Об этом — ниже.

Им еще будет посвящено немало внимания в этой книге — несколькими главами ниже.

Доходило до экзотических предположений. Например, современный британский историк Исабель де Мадариага проводила параллель между Слободским орденом и «военными орденами Испании», допуская также, что прообразом послужил «основанный венгерским королем, а впоследствии императором Сигизмундом в конце XIV века орден Дракона, членом которого стал Влад Цепеш Дракула I». А В. А. Шаров утверждал, что опричнина была «попыткой организации части дворянского сословия России на началах военно-монашеского ордена... подобного Тевтонскому и Ливонскому».

Ниже о нем будет рассказано более подробно.

Засуха.

Сторо́жа — постоянно действующая дозорная застава. Станица — разведывательный отряд, по мере надобности совершающий глубокие рейды в центр степи.

В послании Курбскому царь с необыкновенной ясностью выражает эту идею: «Ибо если и многочисленнее песка морского беззакония мои, все же надеюсь на милость благоутробия Божьего — может Господь в море своей милости потопить беззакония мои. Вот и теперь Господь помиловал меня, грешника, блудника и мучителя, и животворящим своим крестом низложил Амалика и Максентия. А наступающей крестоносной хоругви никакая военная хитрость не нужна, что знает не только Русь, но и немцы, и литовцы, и татары, и многие народы».

Речь идет о князе Владимире Андреевиче Старицком, чьи владения располагались на Тверской земле, правда, сама Тверь к ним не относилась.

Ульфельда и прочих участников большого датского посольства до крайности раздражали грубость и скупость посольских приставов, обычаи русских казались им варварскими, пленным ливонским немцам, оказавшимся в полосе боев между русскими и их противниками, они сочувствовали, однако союзнический долг не нарушили.

Имеются в виду воины под православными хоругвями.

По русскому календарю это был октябрь, а не ноябрь.

В польских источниках — Иоганн Миллер, то ли Моллер.

Действительно, у Ивана IV прежде служил отряд европейских наемников во главе с командиром Юрием Франзбеком или Франц-бековым (он же Юрген Фаренсбах).

По другим сведениям, это были пищальные дула, числом двенадцать, которые при взрыве сыграли бы роль осколочного материала. В качестве детонатора поляки использовали взведенную ружейную часть, прикрепив ее шнурком к днищу деревянного ящика, куда был положен маленький ларец с порохом, а также к его крышке. Вынув железный ларец из ящика или открыв крышку ларца, русский воевода привел бы в действие адскую машинку...

В 2010 году в Тюмени обсуждалась возможность поставить в Историческом сквере памятник основателям города — Василию Сукину и Ивану Мясному. Общественность проголосовала за воздвижение этого монумента, однако власти города странным образом «замяли» дело. Поэтому памятника пока нет, и неясно, когда он появится.

Чтение кафизм?

Имеется в виду великий князь московский Василий III.

Имеется в виду Елена Глинская.

Имеется в виду Анастасия Захарьина-Юрьева.

Оба отрывка из «Домостроя» процитированы со значительной долей адаптации к восприятию современного читателя.

В действительности же — около двадцати семи лет.

0 свидетельствах Антонио Поссевино — ниже.

Речь идет о супруге царевича Елене Шереметевой.

В действительности сыновей было больше, но Жак Маржерет мог знать лишь об Иване, Федоре и Дмитрие (родился в 1582 году), которые оставались в живых к последним годам правления Ивана Грозного.

«Императорами» Маржерет называет московских царей.

Так Поссевино именует царя и великого князя Московского и всея Руси Ивана Васильевича.

В. Манягин ссылается на данные, опубликованные специалистом по кремлевскому некрополю Т. Д. Пановой, заведующей археологическим отделом в объединении «Музеи Московского Кремля».

Относительно недавно появилось исследование И. Б. Михайловой, посвященное жизни Государева двора в XVI веке. Автор, знающий быт и этикет придворной жизни, уверенно говорит о том, что царевич Иван умер из-за горячки, приключившейся после удара, нанесенного отцом.

Выясняя суть спорных вопросов, относящихся к состоянию останков Ивана Грозного и царевича Ивана Ивановича, автор этих строк обратился за консультацией к известному специалисту в сфере физической антропологии Д. В. Пежемскому. Здесь главным образом пересказываются его соображения.

Позднее государь Федор Иванович склонности к католицизму не проявил.

Этот слух верен. Как минимум был еще сын Василий от царицы Марии Темрюковны, умерший в младенчестве. Да и Анастасия Романовна родила Ивану IV еще и царевича Дмитрия, также ушедшего из жизни в младенческих годах.

Дано в пересказе А. А. Зими́на.

Приблизительно через полгода после смерти Ивана Ивановича.

В пересказе А. А. Зими́на.

На худой конец, сведениями, полученными от тех, кто допрашивал пленников и перебежчиков.

Имеется в виду тот самый князь И. П. Шуйский, который сыграл решающую роль в защите Пскова.

Глава отряда, отправленного в качестве подкрепления псковскому гарнизону.

Имеется в виду царь и великий князь московский Иван IV.

Что касается «варваров» с запада, тут, без сомнений, имеются в виду поляки и шведы, с которыми Россия вела тогда войну; что же касается «варваров» с востока, тут, думается, речь идет о мятежах «черемисы» против русской власти на землях бывшего Казанского ханства.

Как замечает современный историк О. А. Туфанова, «инорог», то есть единорог, — важный, поистине царственный символ во «Временнике», и он имеет несколько значений: «Прежде всего, инорог — законный наследник царского престола, наделенный значимым именем, воин-защитник Русской земли. Его отличительные качества — храбрость, непобедимость, мудрость, внутренняя свобода, пламенность. Во-вторых, инорог — это православный благочестивый царь, святой охранитель Русской земли, получивший свою власть от Бога». Обобщая, верное единое понимание образа инорога — символ русской государственности и истинных московских государей.

В частности, от князя Ивана Воротынского — большого вельможи и при Иване IV, и при Федоре Ивановиче, и при Василии IV, и при Михаиле Федоровиче.

О смерти царевича написали многие летописцы, но там, где указана причина смерти, нет иных вариантов: только от руки отца; в иных случаях (Пискаревский летописец, Соловецкий летописец, Московский летописец) причина не указывается вовсе — царевич просто «преставился». Без комментариев.

Исследователи останков Ивана IV уверены, что в последние годы жизни царь страдал болями, вызванными отложением солей.

А не из главного его сочинения «Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тирании государя Ивана», где эта тенденциозность хлещет через край.

По правде говоря, источники не позволяют судить столь однозначно о том, чья популярность к исходу 1570-х была выше. Данное высказывание Р. Г. Скрынникова следует принимать за гипотезу, не более того.

То есть в воскресенье.

Собственно, боярину Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву и думному дьяку Андрею Яковлевичу Щелкалову.

Более полный, не адаптированный текст данного отрывка из письма: «...которого вы дня от нас поехали, и того дни Иван сын разнемогся и нынече конечно болен, и что есма с вами приговорили, что было нам ехать к Москве в середу заговевши и нынече нам для сы-новни Ивановы немочи ехать в середу нельзя... а Нам докудова Бог помилует Ивана сына ехать отсюда невозможно».

Скорее, все-таки 10, а не 11 дней.

На Синай милостыня отправлена в монастырь «к великомученице Екатерине».

Текст обращен к папе римскому.

Речь идет о конце 1582-го — 1583 года.

Речь идет о царевиче Иване.

Супруга Ивана IV в 1547–1560 годах, мать шестерых детей.

Супруга Ивана IV в 1561–1569 годах, родила царю сына Василия, умершего в младенчестве. Умерла молодой, и некоторые летописцы обвиняли царя в том, что он тайно уморил жену, что, в принципе, недоказуемо. Скорее, Иван Васильевич быстро охладел к ней и не уделял внимания.

Возможно, после расторжения брака с Анной Васильчиковой Иван IV на недолгое время приблизил к себе некую вдову Василису Мелентьеву. Однако в документах не обнаруживается доказательств того, что их альянс имел хотя бы то скудное официальное оформление, как отношения царя с Анной Васильчиковой. Сведения о Василисе Мелентьевой весьма кратки и смутны. Считать ее царской женой нет оснований.

В действительности трех, но один умер в младенчестве, поэтому Поссевино знал только двух — Ивана и Федора.

Как знать, не украсил ли Горсей свое повествование романтической выдумкой об астрологах с дикого Севера, желая отвести на второй план собственное, слишком тесное участие в событиях последнего дня Ивана IV.

Слово «цивилизация» используется здесь в том смысле, который предложил Н. Я. Данилевский для термина «культурно-исторический тип».

Выражение К. Н. Леонтьева.

Полагаю, участие в подобном бунте — грех, но грешна и власть, вводящая народ в соблазн бунтарства.

Симптоматично, что масштабное государственное летописание прервалось 1567 годом...

Часть исследователей приписывает авторство этого памятника князю С. И. Шаховскому.

Карамзина ругали то «слева» за «прелести кнута», то «справа» — за отсутствие восхищения этими прелестями, и вот — поистине, нет пророка в отечестве! — профессор Лондонского университета Исабель де Мадариага сказала то, что приличествовало сказать соотечественникам Николая Михайловича: «Изображения Иванова царствования были искаженными почти с самого начала, хотя это не относится к Карамзину, первому профессиональному русскому историку, который был интеллектуально честен, хотя в душе и оставался романтиком».

Публичное избиение с целью получить от избиваемого деньги.

То есть к царю Ивану Васильевичу.

Речь идет о Елисее Бомелии. Вестфальский лекарь, астролог, отравитель и маг Елисей (Элизиус) Бомелий был вывезен русскими дипломатами из Лондона, где сидел в тюрьме. Англичане считали его колдуном. Судя по английским источникам, Бомелий какое-то время был «придворным физиком» Елизаветы I и патентованным оккультистом.

То есть «наконец» или «в конце концов».

Иван IV действительно одно время вел с англичанами переговоры о предоставлении ему политического убежища в Англии, а также о женитьбе на королеве Елизавете I или на ее знатной родственнице.

Предан мучительной казни.

То есть законное приобретение права на высшую монархическую власть от родителя.